

СЛУГИ ВРЕМЕНИ

Елена Сапфрыгина

Елена Сапфрыгина

СЛУГИ ВРЕМЕНИ

Елена Сапрыгина

СЛУГИ ВРЕМЕНИ

КОСТРОМА
2012

ББК Р6
С19

Редакционная коллегия:
Н.В. Павличкова, И.С. Наградов, Г.В. Удовенко

С19 Сапрыгина Е.В.

Слуги времени / Е.В. Сапрыгина; ОГБУК «Костромской музей-заповедник». – Кострома: Костромаиздат, 2012. – 320 с.

Книга представляет собой сборник статей костромского краеведа и музейщика с большим стажем работы Елены Васильевны Сапрыгиной (1946 – 2009). Книга рассматривалась её автором «и как самостоятельное произведение и как вторая часть изданной в Костроме в 2005 году книги «Стражи времени». Статьи содержат исследования по истории дворянских фамилий, биографические описания жизни выдающихся костромичей. Отдельный раздел книги посвящен изучению жизни поэта первой половины XIX века П. А. Катенина и его окружения. Несколько статей, сгруппированных в отдельный раздел, являются результатом работы автора по атрибуции портретов, хранящихся в Костромском музее-заповеднике. Благодаря работе в качестве хранителя музейного фонда «Ценная редкая книга», автор смог изучить и представить читателю несколько уникальных печатных и рукописных раритетов.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

ББК Р6
С 19

© ОГБУК «Костромской музей-заповедник», 2012
© ООО «Костромаиздат», 2012

ОТ РЕДАКЦИИ

Перед Вами книга костромского краеведа и специалиста с большим стажем работы в музее Е. В. Сапрыгиной (1946 – 2009). Многие костромичи, интересующиеся историей края, знали Елену Васильевну как страстного исследователя и автора многочисленных статей по истории и культуре костромской земли.

Сегодня Елены Васильевны нет с нами, но её подвижническое служение музейному делу, искусству костромского края будут примером для последующих поколений.

Сапрыгина Елена Васильевна родилась в 1946 г. в г. Архангельске. Высшее образование по специальности «Преподаватель рисования, черчения и труда в средней школе» получила в Ленинградском государственном педагогическом институте им. А. И. Герцена в 1966–1971 гг. После окончания обучения стала преподавать рисование в училище г. Катайска. После, переехав в Кострому, начала работать художником-оформителем. С 1973 по 1976 г. Елена Васильевна – научный сотрудник Костромского музея изобразительных искусств. В 1976 – 1978 гг. она перешла на должность заведующей детской секцией в клубе льнокомбината им. И. Д. Зворыкина. Затем был период непродолжительной работы в Государственном архиве Костромской области и в клубе названного льнокомбината в качестве руководителя вокального коллектива. В 1980 г. Елена Васильевна стала научным сотрудником Костромского историко-архитектурного музея-заповедника, затем перешла на работу в Костромской музей изобразительных искусств.

В 1989 г. Елена Васильевна вновь вернулась в музей-заповедник в качестве хранителя фонда «Ценная и редкая книга», а с 1991 г. стала заведующей отделом книжных, рукописных фондов и архивных документов Костромского музея-заповедника. Работая в фонде, Е. В. Сапрыгина провела большую работу по выявлению особо ценных экземпляров, составлению картотеки, перемещению книжного фонда в новое помещение.

Коллеги характеризовали ее как «грамотного, эрудированного, с глубокими знаниями сотрудника», признанного в городе краеведа. Отличительной чертой Елены Васильевны была глубокая увлеченность, погруженность в тему научных исследований. По её инициативе и при живейшем участии была организована первая фондовая экспедиция по местам, связанным с жизнью П. А. Катенина – одного из главных героев её краеведческих работ. Общеизвестны были литературные вечера, организованные Еленой Васильевной и привлекавшие большое количество участников и слушателей.

Елена Васильевна выступала в качестве редактора-составителя книги Е. Ф. Дюбюка «Предвесенье» (1993) и сборника докладов «Памяти Селифонта» (2000). Она также являлась автором ряда книг: «Костромская вотчина Катениных» (1993), «Литературная Кострома» (1997), «Путь на Парнас...» (1999), а также многочисленных публикаций в журналах «Губернский дом», «Костромская старина», «Русь» и ряде прочих. В 2005 г. увидела свет книга

Елены Васильевны «Стражи времени», посвященная известным людям костромского края, атрибуции их изображений, новым архивным находкам и открытиям автора.

В 1999 г. Елена Васильевна была награждена за заслуги в развитии культуры и искусства областной премией администрации Костромской области «Признание».

По широте темы, по глубине изучения и эрудиции книга Елены Васильевны Сапрыгиной стоит в ряду лучших костромских краеведческих работ историко-биографического характера.

Однако стоит отметить и некоторые авторские особенности.

В статьях автор обращается к ранее изученным темам, поэтому встречаются повторы отдельных сюжетов.

Для работ Елены Васильевны характерно глубокое погружение в индивидуальный мир главного героя, что иногда способствует появлению авторского художественного текста, как, например, в статье «Лермонтов и Катенин», где разговор героев произвольно воссоздан Еленой Васильевной на основе текстов известных ей исторических источников.

Информированность и знание архивных дел, исторических источников давали возможность Елене Васильевне высказывать смелые гипотезы по атрибуции неизвестных портретов из собрания музея. Некоторые из них оспаривались другими исследователями уже после смерти автора (см. статью «Пяткин или Лопатин?»).

В ряде статей утрачен библиографический аппарат. В некоторых статьях он отсутствует. В связи с чем, редакционная коллегия проверила ссылки на архивные документы Государственного архива Костромской области и внесла соответствующие изменения. Проверка ссылок на опубликованные источники редакционной коллегией не проводилась.

ОТ АВТОРА

Предлагаемая читателю книга «Слуги времени» может рассматриваться и как самостоятельное произведение и как вторая часть изданной в Костроме в 2005 году книги «Стражи времени» того же автора. В совокупности это не что иное, как литературный диптих «Стражи и слуги времени», с аналогичным оформлением: одинаковой обложкой, включающей в себя репродукцию широко известной картины Сальвадора Дали «Постоянство памяти», с вечным символом проходящего времени — текущими часами, другими элементами художественного и технического оформления: одинаковым форматом книги и шрифта, размером иллюстраций и многим другим.

Остановимся на иллюстрациях картины Сальвадора Дали «Постоянство памяти», помещенных на обложках обеих книг. Несмотря на полную идентичность изображений, трактовка их в каждом случае различна. В «Слугах времени» суть ее заключена в эпиграфе, взятом из «Венка сонетов» Максимилиана Волошина: «Ах, не крещен в глубоких водах Леты наш горький дух и память нас томит...», очень созвучном с названием и содержанием картины Дали «Постоянство памяти». В обоих случаях речь идет о генетической памяти человечества. Космогония стихов Волошина пересекается с символикой Дали, доисторический пейзаж которого с изображенными на заднем плане акваториями вполне может символизировать реку забвения Лету, вопреки которой зарождающееся человечество, обозначенное эмбрионом, не утратит зарождающейся одновременно с ним генетической, постоянной памяти, несмотря на непрерывно текущее время.

Такой философский подтекст не противоречит главной идее книги: показать в рамках региона реконструкцию ряда былых событий, сохранных как в архивных и печатных источниках, так и в памяти уже ушедших и еще живущих людей.

Тематическая однородность материала обеих книг, посвященных культурному наследию Костромского края: помещичьим усадьбам, семейным галереям, архивам, библиотекам, а также судьбам их владельцев, обуславливает и аналогию структуры их разделов, идущих, однако, под разными, хотя и созвучными названиями. Если в первом томе первый раздел (исключая «Художественные опыты», которые даются лишь в первом томе диптиха) назывался «Литературные гнезда и их обитатели», то во втором томе ему соответствует раздел «Костромские дворянские и аристократические фамилии». Разница вызвана тем, что в первом случае упор делался на местожительство героя, причастного литературной среде, и влияние поместья на судьбу хозяина, как, например, в очерке «Усадьба Раменье в творчестве А. Ф. Писемского», а во втором случае, наоборот, в центре внимания автора — представитель или представители фамилий, связанные с Костромской землей и оставившие на ней плоды своей деятельности. К примеру, «Толстые в Меже» или «Майковы на Костромской земле». Тем не менее, некоторые усадьбы с особо интересной судьбой, также не обойдены вниманием автора.

В первой книге второй раздел назывался «Литературные персоналии», во второй — «Выдающиеся деятели края». Разница понятна из заголовков: рассказ во второй книге пойдет не только о писателях и поэтах, но и о людях других профессий: ученых, административных деятелях, фабрикантах, антрепренерах и проч.

Кострома не зря называется колыбелью Дома Романовых. Здесь находилась царская вотчина, монархи не раз посещали губернию и среди свиты и среди встречающих высоких гостей были дворяне и аристократы-костромичи, хорошо известные августейшим особам. Они были известны своими заслугами в различных сферах, но чаще всего проявляли себя на военном поприще. В книге «Слуги времени» в очерке «Праправнучка фельдмаршала Кутузова» приводится захватывающий рассказ О. И. Пауль о героическом подвиге ее предка Федора Тизенгаузена, который она поведала Великому князю Владимиру Кирилловичу Романову. Между ним и костромичкой завязалась переписка. Так, уже в наше время, осуществилась связь дворянских потомков с потомками династии Романовых.

Очень важен третий раздел книги, посвященный жизни и деятельности Павла Александровича Катенина — поэта, драматурга и переводчика Пушкинской поры, к сожалению до сих пор малоизученного как дореволюционными, так и советскими и постсоветскими историками литературы. Посвященный ему раздел из десяти статей «Стражей времени» назывался «П. А. Катенин и его окружение». Равновеликий раздел книги «Слуги времени» называется «По катенинской орбите», поскольку включает в себя очерки не только о родных и знакомых поэте, но и о памятных местах Петербурга и Костромы, связанных с его пребыванием там. Рассказ о Катенинских местах в Петербурге ведется двумя авторами. Еще в 1991 году автором и Ириной Борисовной Муравьевой, уроженкой и жительницей Петербурга, была проведена занимательная экспедиция по сбору сведений о пребывании поэта и драматурга П. А. Катенина в Северной столице. Ее итогом стал ряд статей, органично вписавшихся в структуру книги «Слуги времени».

Наверное ни один из русских писателей не мог похвастаться таким блестящим дружески-родственным окружением, состоящим из великих классиков отечественной литературы, как П. А. Катенин. Среди них Пушкин, Грибоедов, Лермонтов, Писемский и ряд других... Этот ряд имен, тяготеющих к поэту, позволяет представить масштаб личности Катенина, причем в этих тандемах он предстает ведущим лидером, благотворно влияющим на своих друзей, и заслуги его в этом направлении они охотно и публично признавали.

Каждому из перечисленных литераторов посвящена особая подробная статья, раскрывающая нюансы их взаимоотношений. Статья «Катенин и Пушкин» помещена в первом томе диптиха, остальные — во втором.

В диптих «Стражи и слуги времени» включено около тридцати очерков о поэте и драматурге П. А. Катенине. Эти статьи в совокупности могли бы составить прочный фундамент для книги о поэте под рабочим названием «Изгой», что, кстати сказать, входит в ближайшие планы автора, тем более, что в его распоряжении имеется составленная им и пока еще не опубликованная летопись жизни Катенина и большое количество архивного и печатного биографического материала о поэте.

Сквозной темой, объединяющей обе книги, является атрибуция художественных произведений, хранящихся в костромских музеях. В первом томе раздел озаглавлен как «Обретенные имена», аналогичный во втором — «Истина где-то рядом...». Причиной такого заголовка явилось то обстоятельство, что во вторую книгу, в отличие от первой, вошли не только завершённые исследования, но и версии, несущие любопытную информацию о предполагаемых моделях. Раздел предваряет очерк о московском историке, фалеристе и формоведе Александре Михайловиче Горшмане, на счету которого не один десяток атрибуций костромских портретов, а по стране и не одна сотня. Статья написана Еленой Витальевной Бабенко, при участии автора книги и представляет собой вторую, неопубликованную прежде, часть очерка «Обретенные имена», по ряду причин перенесённую из первой книги во вторую. Если в первой книге диптиха статья об атрибутисте в большей мере рассказывает о семье А. М. Горшмана и его окружении, то в «Слугах времени» акцент дается на личную биографию атрибютиста. Кроме ряда атрибуций А. М. Горшмана, входящих в состав раздела «Истина где-то рядом...», в него также включены атрибуции и искусствоведческие статьи автора книги, Е. Сапрыгиной.

Заключительный раздел, названный в первой книге как «Книжные и рукописные памятники Костромы», во второй озаглавлен «Печатные и рукописные раритеты Костромы». Он рассказывает о книгах и рукописях фонда ценной и редкой книги Костромского музея-заповедника¹ и некоторых документах Государственного архива Костромской области. Будучи в течение одиннадцати лет хранителем фонда ценной и редкой книги Костромского музея-заповедника, автор довольно основательно изучил его, в частности, уникальную библиотеку Н. Н. Селифонтова, которой посвятил один из очерков книги «Стражи времени». К сожалению, туда не вошел материал о той части библиотеки, которая касается предков Н. Н. Селифонтова — двух его дедах-библиофилах, заложивших основание будущего книжного собрания внука. В «Слугах времени» это упущение исправлено в статье «Основатели селифонтовской библиотеки», что дало полную картину формирования уникального книжного собрания, хотя и в обратном хронологическом порядке. Из других сюжетов данного раздела читатель узнает о судьбе сибирской библиотеки А. Н. Радищева, о неопубликованных письмах А. П. Ермолова и архитектора П. И. Фурсова и о многом другом...

Хочется верить, что новая книга «Слуги времени» значительно расширит границы ретроспективной истории не только Костромская края, но и России.

¹ Здесь и далее имеется в виду ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник», образованный из двух музеев: Костромского художественного музея и Костромского государственного историко-архитектурного музея-заповедника «Ипатьевский монастырь» — прим. ред.

Титулованные и нетитулованные костромские фамилии

КНЯЗЬЯ ШЕЛЕШПАНСКИЕ

На Костромской земле проросли ветви многих титулованных родов России, в том числе и княжеских. Вяземские, Одоевские, Репнины, Суворовы, Черкасские и ряд других. Представителями этих родов были видные деятели культуры, науки, известные военачальники и административные чиновники. Род князей Шелешпанских также был известен в России, но совсем по противоположной причине: из этой фамилии вышла одиозная личность — Анна Степановна княгиня Шелешпанская, урожденная Верховская, фанатичная садистка, убившая не один десяток крепостных, и прозванная за свои злодеяния «чухломской Салтычихой».

Ее муж капитан князь Александр и его брат секунд-майор князь Петр Шелешпанские в июле 1796 года завели в Чухломском уездном суде дело о выдаче грамоты на дворянское достоинство, в документах которого находился и письменный обзор истории их рода:

«О происхождении рода нашего фамилии князей Шелешпанских уверяет государственная коллегия иностранных дел с правом московского разрядного архива, что начало свое они ведут от российских белозерских князей за службу награжденных окладами. Видно из приложенных писем, доказательств в коих значится прапращур наш князь Дмитрий Шелешпанский служил на Угличе в царствие царя Иоанна Васильевича, о чем за подписанием Его Величества грамота явствует. А за сыном его князем Степаном и нашим прапращуром Семеном по грамоте царя Михаила Федоровича в 135 году и по писцовым книгам в Галицком уезде в Жоховской волости состояло поместье деревня Полтораново с пустошами.

А сын его князь Степан, а наш прапрадед князь Петр за службу в 194 году пожалован вотчиною, коему и грамота дана вышеписанная деревня Полтораново с деревнями, которое после дано его жене княгине Марфе с детьми князем Иваном, да князем Федором, а в 703 году за оных прадедов наших за родного Федора и двоюродного Ивана челобитием вышеописанного отца и князя Петра матери и за дедом же нашим князем Федором, а после того

и за отцом нашим князем Сергеем Ивановичем Шелешпанским вышестоящее именование справлено»².

Упомянутый последним князь Сергей Иванович Шелешпанский — отец просителя, был со своим родом внесен в пятую часть дворянской родословной книги Костромской губернии. Свои лучшие годы он провел на военной службе при царе Петре, состоя бомбардиром в Лейб-гвардии Преображенском полку. Вышедший офицером в отставку, он уже на склоне лет женился на Анне Григорьевне Бартеңевой, происходившей из старинного дворянского костромского рода, и имел от нее трех сыновей Василия, Петра и Александра. Семья Бартеңевых была высококультурной. Достаточно сказать, что три родных брата Анны Григорьевны: Григорий, Иван и Никита в свое время окончили московскую школу архитекторов князя Д. В. Ухтомского и стали профессиональными архитекторами, украсившими Москву многочисленными незаурядными постройками. Семья князей Шелешпанских обитала в усадьбе Тимошино, что находилась в 15 верстах от Чухломы. По военной стезе отца пошел лишь старший сын Александр Сергеевич, вступивший в Лейб-гвардии Преображенский полк, а два других сына Сергея Ивановича и Анны Григорьевны Шелешпанских Петр и Василий, родившийся в 1730 году, не пошли по военной стезе отца, а по примеру своих трех дядей — Григория, Ивана и Никиты поступили в архитектурную школу Д. В. Ухтомского в Москве, которая давала ученикам военные чины, не подвергая их опасностям действительной военной службы. Отсутствие же у них офицерских чинов показывает, что школу они не окончили, да и на уровне архитектуры не оставили заметных следов, в отличие от своих дядей — известных архитекторов. После смерти отца они поделили имение покойного между собой и матерью полюбовно.

В раздельной грамоте 1776 года за рукоприкладством Петра Сергеевича Шелешпанского, который дал сделочную запись брату его родному Лейб-гвардии Семеновского полка фурьеру князю Александру Сергееву сыну Шелешпанскому в том, что после отца их доставшееся недвижимое кому что надлежало полюбовно с ним братом и матерью разделили. Князю Александру досталась в Чухломском уезде усадьба Тимошино, деревни Парлево и Бурдуково, а матери полдеревни Пыхово и ряд пустошей. Ему, Петру, усадьба Полтораново и деревня Нелитково с дворовыми и крестьянами.³

По сводным документам более позднего времени братья князя Шелешпанские характеризуются следующим образом:

«Петр Сергеевич Шелешпанский, секунд-майор, родился в 1744 году. Женат с 1777 года на подполковника Михаила Даниловича Бычкова дочери девице Марфе Михайлове, детей имеет сына князя Николая Лейб-гвардии Преображенского полку капралом 8 лет, дочерей девицу княгиню Варвару 2 лет, Евдокию 1 году. За ним в Чухломской округе в деревнях Афонасово и Макарово мужска 30, женска пола 35 душ, за женою в Усольской округе в деревне Клятинове 30 мужска и 30 женска в селе Полторанове и деревне Желткове мужских 62 и женских 55, Кадынской округе, деревне Митиной 9 муж. и 6 жен. Итого

² Государственный архив Костромской области (далее — ГАКО). Ф. 121. Оп. 1. Д. 101. Л. 200. (Дело не сохранилось — прим. ред.)

³ ГАКО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 101. Л. 243. (Дело не сохранилось — прим. ред.)

173 мужского пола и 184 женского. Жительство имеет в Чухломской округе сельце Климовском. Чин секунд-майора в отставке». Петр Сергеевич из капитанов в секунд-майоры был произведен в 1775 году. От второго брака на Ольге Кондратьевне, урожденной Коптевой, имел одного сына Авраама Петровича, впоследствии надворного советника и предводителя чухломского дворянства, умершего в 1852 году. Авраам Петрович был женат на Наталье Алексеевне Островской, дочери владельца села Ванькино, и имел от нее двух дочерей: Любовь Абрамовну, родившуюся 29 октября 1843 года и Ольгу Абрамовну, родившуюся 10 июля 1845 года. Последняя вышла замуж за Спасо-Кукотского и имела землю в Солигаличском уезде в Тормановской волости в деревнях Кужевертово, Валино и других. Всего около 676 десятин земли.

Князь Александр Сергеевич Шелешпанский, капитан, 1751 года рождения, был женат на Анне дочери дворянина Степана Ларионова сына Верховского. Оставил восемь детей: четырех сыновей и столько же дочерей. Из сыновей его мы знаем по именам: князей Порфирия Александровича, Ивана Александровича, Георгия Александровича и Петра Александровича, родившегося 21 июня 1804 года, а 23 апреля 1834 года, в чине капитана женившегося в Вятке на дочери тамошнего вице-губернатора, статского советника, Александре Андреевне Падориной.

Князь Петр Александрович был городничим в г. Орлове Вятской губернии, и в 1845 году, 22 февраля у него родился сын Николай.

Дочерей князя Александра Сергеевича мы знаем по именам: Степанида, Мария, Надежда и Анна.

«За Александром Сергеевичем по 4-й ревизии числилось людей Усольской округи родовых в деревне 14 мужска пола душ, женска 19. Наследственных в сельце Астафьеве муж. пола 3, женска 4. В деревнях Гранолине и Показанове 11 муж. пола и 21 женск., в Тимошине муж. пола 13, женск. 11. Итого 97 мужск. и 125 женск. Жительство имеет в сельце Тимошине Чухломской округи капитаном в отставке. Произведен из поручиков в капитаны в 1770 году»⁴.

Отставка Александра Сергеевича из армии произошла, скорее всего, в связи со смертью отца, разделом наследства и переходом его на статскую службу, которую он исполнял в Петербурге вплоть до 1791 года, то есть до переселения семьи Шелешпанских в Чухломский уезд Костромской губернии в имение Тимошино.

За десять лет до этого, князь Александр Сергеевич женился на двадцатилетней девице Верховской.

Анна Степановна Верховская происходила из костромского дворянского рода. Ее отец Степан Ларионович Верховский (1726 – ?) был отставным подпоручиком Лейб-гвардии Преображенского полка и имел усадьбу Свайна близ села Дряблово, где и проживал с семьей: женой Степанидой Авраамовной, урожденной Чернавской, и детьми Степаном, Петром, Павлом, Акимом, Иваном, Анастасией, Анной, Надеждой и Ольгой.

Первые десять лет молодожены прожили в столице довольно счастливо, но, видимо, не по средствам, поскольку в 1791 году были вынуждены вопреки же-

⁴ История родов русского дворянства. Кн.1 // сост. П. Н. Петров. – М., 1991. – С. 212–213.

ланиям Анны Степановны, обожавшей Петербург, выехать в свое костромское имение. Александр Сергеевич занял должность чухломского уездного судьи.

В милой, красивой девушке, какой была Аннет Верховская до замужества, никто не заподозрил бы будущего монстра, тем не менее... Однако дадим лучше слово ее современнику и соседу писателю-лексикографу Н. П. Макарову:

«Княгиня Ш. принадлежала двум столетиям: XVIII-му, в котором она родилась и прожила 30 лет и XIX-му, не более 15 годов. Первая жизнь не ознаменовалась ничем особенным, но за последние 16 лет, зато каких лет!.. Едва ли в уголовной летописи всей России найдется что-либо подобное этим 16 годам. Как она прожила свое детство и девичество, а потом 10 лет замужества, проведенные в Петербурге, где муж ее служил, местная хроника об этом умалчивает. Но в начале XIX столетия муж оставляет петербургскую службу, поселяется в своем чухломском имении и тогда-то начинается вскрытие женской природы самой свирепой, отвратительной и позорной, какая когда-либо существовала. Она пристрастилась к крепким напиткам и, потеряв всякий женский стыд, всякий страх наказания в здешней и будущей жизни, предалась всем порывам своего бешеного нрава, неукротимого гнева и жестокости, злого сердца, находившего необъяснимое наслаждение в созерцании физического страдания, мук и боли себе подобных и в их отчаянных воплях и стогах. 18 человек до смерти засекла и замучила она. И прожила она 16 лет такой страшной и проклятой жизнью. И все сходило ей с рук, потому что служили тогда по выборам ее муж, брат и другие родственники, служили в должности исправника, судьи и предводителя, ну и было все «ништо да крыто». Много было подано жалоб на лютую фурию, и все напрасно. Наконец, несколько крепостных рабов бежали в Петербург и там подали жалобу императору. Было наряжено строжайшее следствие и мегеру упрятали в монастырь, где два года спустя ни с того, ни с сего у ней лопнул живот и вышли потрохи, фурия умерла в страшных мучениях. Божественное правосудие довершило кару правосудия земного.

Впоследствии свидетель в деле Ш., священник ее прихода, в очной ставке, во время допроса следователем сказал: «А помните ли, матушка, ваше сиятельство, как вы изволили зазвать к себе в гости мою дочь Аннушку и, разгневавшись на нее за что-то, изволили наказать ее самым, что ни на есть немилосердным образом, то есть приказали привязать ее к скамейке и сечь до полусмерти, а сами изволили ходить вокруг и тыкали в нее вилкою во что попало. Бедная моя Аннушка! Месяца 2 прохворала, а потом умерла. Помните матушка, ваше сиятельство, как я пришел на другой день усевещать вас? Вы изволили сидеть на галерее, перед вами стояла жаровня с горячими углями, а возле вас на скамейке стоял тазик с вареньем. Выслушав меня, вы изволили засмеяться и сказали мне: «Полно, батюшка, вздор молоть! А попробуй-ка лучше какое славное варенье сварила я сейчас.» Я сдуру-то и разинул рот, а ваше сиятельство изволили захватить из тазика полную ложку варенья, да и сунули мне в рот. Света божьего не взвидел я тогда! Варенье-то было с пылу, только что снятое с жаровни. И так обжег я себе весь рот, что целый месяц есть ничего не мог, питался одной жижицей, и то с трудом глотал»⁵.

⁵ Макаров Н.П. Мои семидесятилетние воспоминания и с тем вместе полная предсмертная исповедь. — Ч. 1-4. — СПб., 1881-1882.

Дело Шелешпанских было начато осенью 1807 года. Имение было взято в опеку. Заседателем и секретарем опеки была сделана опись имению, по которой «с 1795 года (5-я ревизия) и до 1807 года значилось из 196 человек крестьян обоего пола 1) умерших 45 человек, 2) бежавших 21 человек, 3) сослано в Сибирь — 3 человека, 4) сдано в рекруты 8 человек, 5) продано 7, итого 84 человека. Причем означенные 7 человек проданы не семьями, а из семей взяты отдельные члены и разлучены с своими близкими родными»⁶. В основном это были дворовые усадьбы Тимошино и деревни Бараново. Крестьяне из деревень работали в усадьбе Тимошино по 3 дня в неделю, несмотря на то, что некоторые деревни были в 50 верстах от нее. Комиссия по делу Шелешпанских окончила работу в апреле 1809 года.⁷

Позднее Тимошино с деревнями принадлежало одному из сыновей князя Александра Сергеевича — князю Ивану Александровичу Шелешпанскому. Об этом сообщается в документе, составленном в связи с предстоящей Великой реформой освобождения крестьян: «Ведомость об имении князя Ивана Александровича сына Шелешпанского, состоящем в Чухломском уезде 1858 года. «Сельцо Тимошино принадлежит одному владельцу, в нем господская усадьба с запашкою, рыболовная запрудня с мельницею и конный завод. Деревня Бараново от сельца Тимошина, где имеется помещичья усадьба, в расстоянии 2,5 верстах, в ней 2/3 земли князя Ивана Александровича Шелешпанского и 1/3 господина Федора Андреянова Макарова, положение соучастника отдельно, размежеваны к одним местам. Город Чухлома в 15 верстах от имения, город Галич в 50 верстах, торговые села Бушнево и Введенское что на Виге в 10 верстах.

Местная постройка крестьянских домов заключается в жилых одноэтажных и двухэтажных избах с двумя и тремя горницами, скотских дворах, хлебных амбарах, овинах с крытыми и некрытыми гумнами, санных сараях. Местная стоимость хорошего крестьянского дома не менее 400 рублей серебром. Среднего 300 рублей серебром. Постройка крестьянских домов вообще производится из материалов помещичьих, при пособии помещика»⁸.

Помимо сына Ивана, наследовавшего после родителей усадьбу Тимошино с деревнями у отца князя Александра Сергеевича и оставившего ее своим потомкам, были и другие дети: Порфирий, Георгий, Петр (1802 года рождения), Надежда, Мария и Анна. К ним отошла другая часть имения родителей: усадьба Астафьево и деревни Ерополино, Бузино, Показаново, Бараново, Шостино и Холм, последние две деревни куплены у господина Дятлова в 1801 году.

Уже в советские времена, точнее в 1940-е годы, в Чухломский музей поступил по закупке от жителя д. Тимошино А. И. Федотова портрет А. С. Шелешпанской. Копия со старого портрета, сделанного им самим (№ 637). Сам же старый портрет А. С. Шелешпанской так же находится в Чухломском музее, но он уже осыпался и не подлежит реставрации.

⁶ Казаринов Л. Крепостное право в Чухломском уезде // Труды Чухломского отд. Костромского научного общества. — Вып. III. Исторический сборник. — Чухлома, 1928. С. 15.

⁷ Казаринов Л. Указ. соч. С. 13-17.

⁸ ГАРО. Ф. 151. Оп.1. Д. 185. Л. 228.

А как же развивалась ветвь князей Шелешпанских, идущая от брата Александра Сергеевича, князя Петра Сергеевича Шелешпанского? Как уже говорилось от первого брака с Марфой Михайловной Бычковой, он имел сына Николая и дочерей Варвару и Евдокию, а от второго брака с Ольгой Кондратьевной Коптевой — сына Авраама, женившегося позднее на Наталье Алексеевне Островской. Князь Петр Сергеевич Шелешпанский владел в Чухломской округе деревнями Афонасово и Макарово, а также родовым селом Полтораново и селцом Климовское, где стоял господский дом и проживала семья. Климовское располагалось в 1 версте от Судая. Сохранились фотографии господского дома в Климовском и описание его в докладе члена Костромского научного общества В. В. Звездина, обследовавшего усадьбу осенью 1918 года.⁹

Он в частности писал: «Старый барский дом сгорел лет 40 назад, владельцев в усадьбе нет. Дочь последнего владельца из князей Шелешпанских Любовь Абрамовна, в замужестве Марушева, после смерти мужа уехала на Кавказ, где и живет теперь, вышедши замуж вторично. Усадьбой заведовал управляющий, который живет и теперь при усадьбе. В усадьбе два деревянных одноэтажных дома. В одном из них помещается теперь только что открытая школа II-й ступени. В этом доме с антресолями из прежнего имущества усадьбы осталось очень немного — мебель позднего происхождения — кресла, столы. Сохранилась кровать красного дерева, которая теперь находится на квартире учителя, и на которой прежде висело изображение герба князей Шелешпанских. Найти этот герб не удалось. На чердаке валяются остатки прежней барской мебелировки — части столов, кресел, рамок от портретов и проч. В этом доме, между прочим, сохранилась печь со старинными изразцами. В другом доме, занимаемом теперь товарищем председателя судайского исполкома А. Е. Цветковым, находятся уцелевшие от хищения картины, писанные масляными красками на полотне, которые мною взяты.

Одна изображает снятие с креста (104 x 127), на другой изображена Ироиада (82 x 66), сюжет третьей — из древней истории: перед царем стоит связанный пленник (54 x 48), четвертая картина — портрет княгини Шелешпанской (65 x 52) и, наконец, пятая (тоже взята мною), изображает человека, закусавающего селедкой (64 x 55). Эта картина взята мною из квартиры бывшего управляющего усадьбой, отсюда же взят мною альбом рисунков экипажей и несколько предметов бывшей барской посуды.

Из книг в квартире А. Е. Цветкова сохранились приложения к «Ниве» (беллетристика) и более ничего. Из архивных бумаг, ни одной бумажки.

Объясняется это тем, что большинство из них сгорело при пожаре барского дома 40 лет тому назад, часть же их, которая сохранилась, найдена мною в усадьбе Княжево дворян Нелидовых, которые были в родстве с князьями Шелешпанскими. Эта усадьба более всех пострадала от разгрома и расхищения».¹⁰

Грустно наблюдать, как бесстрастное и безжалостное время с попустительством беспечных и преступно-равнодушных людей стирает целые пласты, целые эпохи предыдущей жизни.

⁹ ГАКО. Р-864. Оп. 1. Д. 1950.

¹⁰ Извлечение из доклада уполномоченного научного общества Василия Васильевича Звездина о поездке в Чухломский уезд. Осень 1918 года. Копия сделана с экземпляра А. А. Григорова, полученного им от Ю. Б. Шмарова из Москвы — Е.С.

ГРАФЫ ТОЛСТЫЕ В МЕЖЕ

В конце 1960-х годов сотрудница Костромского историко-архитектурного музея-заповедника Нина Николаевна Яблокова привезла из экспедиции в Межевской район небольшую акварель кисти художника Муратова, датированную 1845 годом. Позднее портрет экспонировался в экспозиции дореволюционной истории края.

На акварели изображен сидящий в кресле мужчина, лет пятидесяти, во фраке и белой рубашке, с галстуком, в виде шейного платка, завязанного бантом. Это граф Януарий Иванович Толстой (род. в 1792 году) — один из владельцев села Никольское с деревнями, бывшего Кологривского уезда, а ныне Межевского района Костромской области. Он принадлежал к древнему графскому роду. Его пращур статский советник Петр Андреевич Толстой в 1722 году был возведен Петром I в графское достоинство, но в 1727 году по настоянию не терпевшего его Меншикова, был лишен графского титула, который был возвращен лишь его внукам в 1760 году¹¹. Вообще появление графов Толстых на Костромской земле восходит к восьмидесятым годам XVIII столетия. В результате женитьбы графа Ивана Андреевича Толстого (1747–1818), рязанского помещика, отца Януария Ивановича, на дочери костромского помещика Майкова, владельца села Георгиевское Егорьевское тож, Анне Федоровне Майковой (1771–1832). На свет появилось пятеро детей: Петр, Федор, известный по прозвищу «Американец», Януарий, Вера и Екатерина. Покойный их родитель граф Иван Андреевич Толстой оставил после себя у костромских помещиков добрую память, недаром, в середине 1790-х годов, они избрали его уездным предводителем Кологривского дворянства. Имущественный ценз позволял ему быть избранным и, хотя в то время большим имением деревней Кропачиха с другими деревнями и 560 душами мужского пола крестьян владела его жена (Никольское отошло к ним позже), этого было достаточно, для участия в выборах. Привлекало дворян и военное прошлое графа. Иван Андреевич Толстой служил в Лейб-гвардии Семеновском полку с 1761 по 1783 год и был отставлен от службы к статским делам в чине бригадира. По отставке Иван Андреевич женился на Анне Федоровне Майковой. На одном из званных вечеров у родных молодые люди познакомились, полюбили друг друга и поженились. Иван Андреевич переехал в Костромскую губернию и поселился в кологривском имении жены — селе Никольске с деревнями. Не все, однако, шло гладко. Непомерная строгость к крестьянам в 1790-х годах вызвала их неповиновение и, испугавшись бунта, граф Толстой был вынужден бежать в Кострому за помощью властей, причем оставил на попечение дворовых малолетнего сына Федора. Не от страха ли маленького барчука перед разъяренной толпой развился в нем бешеный нрав? После усмирения крестьян, Иван Андреевич стал осмотрительней и дела пошли в гору. Сыновья графа следовали военной стезе отца, дочери составили неплохие брачные партии. О кончине отставного бригадира повествует сохранившаяся в селе

¹¹ Мурашев Г. Титулы, чины, награды. — СПб.: Полигон, 2002. — С. 18.

Георгиевском перевезенная из Никольского надгробная плита следующего содержания: «Граф Иван Андреевич Толстой жил 70 лет 3 месяца и 13 дней, скончался 3 ноября 1818 года»¹².

Иван Андреевич Толстой был не единственным ребенком в семье. Его родители граф Андрей Иванович Толстой (1721—1803) и мать Александра Ивановна Шетинина (ум. в 1811 году) воспитали шестерых детей, трое из которых были запечатлены на портретах, дошедших до нас. Это граф Илья Андреевич Толстой — рязанский помещик и родной дед великого русского писателя Льва Николаевича Толстого, а также его сестра графиня Александра Андреевна Толстая, в первом браке Гурьева, а во втором Перфильева (родные дядя и тетя Януария Ивановича Толстого). Изображение отца Януария Ивановича, Ивана Андреевича Толстого, запечатлено на барельефе работы Ф. П. Толстого, хранящемся в Государственном Русском музее. Посещали ли братья и сестры Ивана Андреевича Толстого в его костромском поместье? Трудно сказать. Далеко живущий брат Илья может и поленился приехать в Никольское, но бывшая замужем за кологривским помещиком Перфильевым сестра Александра вряд ли пренебрегала визитами в соседнее имение родного брата. Изучавший родственные контакты Толстых, правда уже последующего поколения, костромской краевед В. Н. Бочков писал: «Лев Толстой хорошо знал своего двоюродного дядю.¹³ Яснополянская и Кологривская ветви рода Толстых вообще тесно переплелись между собою. Родной брат Федора Ивановича, Петр, был женат на Елизавете Александровне Ергольской, сестре воспитательницы великого писателя, а их сын Валериан стал мужем любимой сестры Льва Николаевича Марии Николаевны. Ей писатель и посвятил повесть «Два гусара», где вывел своего дядю Федора Ивановича Толстого под именем графа Турбина»¹⁴.

Вообще, брата Януария Ивановича — Федора Ивановича Толстого, родившегося и проведшего свое детство в селе Никола-Граф, и впоследствии часто гостившего в этом имении, за яркость личности и нестандартность поведения, не смотря на преступные деяния, достаточно сказать, что он убил на дуэлях одиннадцать человек, любили писатели и выводили его в своих произведениях: в «Горе от ума» А. С. Грибоедова, в «Былом и думах» А. И. Герцена, в «Войне и мире» Л. Н. Толстого.

Граф Януарий Иванович Толстой.
Акварель 1845 г.

¹² Бочков В. «Сказки, которая Татьяна?» — М., 1990. — С. 28.

¹³ Ф. И. Толстого «Американца» — брата Януария Ивановича — Е. С.

¹⁴ Бочков В. Из рода Толстых // Северная правда. — 19 сентября 1982.

Церковь села Никола-граф

Далеко не так был популярен Януарий Иванович Толстой, который был полной противоположностью одиозному брату. Только большая разница в возрасте – десять лет, помогла Януарию Ивановичу избежать пагубного влияния Федора Ивановича. Разница эта видна и на сохранившихся портретах братьев, один из которых – Януария Ивановича из села Никола-Граф, мы описали в начале статьи, другой портрет – Федора Ивановича с собакой, написанный на холсте маслом художником К.Х. Рейхелем в 1846 году, находится сейчас в Государственном историко-литературном музее-заповеднике А. С. Пушкина, он воспроизведен в альбоме «Знаменитые россияне», изданном Великим князем Николаем Михайловичем и переизданном в 1995 году.

Граф Януарий Иванович Толстой также как и брат, родился в селе Никола-Граф в 1792 году. Воспитывался в Первом кадетском корпусе, где слыл усердным учеником, основательно освоившим русский, немецкий и французский языки, геометрию, арифметику, алгебру, фортификацию, историю, географию и рисование. Из Первого кадетского корпуса Януарий Толстой вступил 19 декабря 1809 года в Первый карабинерный полк прапорщиком. В нем он по порядку был награждаем чинами: подпоручика – 21 декабря 1812 года, поручика – 8 мая 1813 года, штабс-капитана – 25 января 1814 года, капитана – 20 января 1818 года. А 28 октября 1820 года по прошению за ранами уволен от службы майором с мундиром и пенсионом полного жалования, который изъяснял получать в Костромской губернии из Кологривского уездного казначейства¹⁵.

Сохранившиеся архивные документы представляют графа Януария Толстого как активного участника Отечественной войны 1812 года и заграничных походов. Он участвовал «в походах 1812 года в российских пределах противу французских войск, августа 1 по 7 число в корпусе генерала графа Платова при наблюдении за действием французских войск в окрестности г. Смоленска, 10 при селении Михайловке, откуда был командирован к корпусному командиру генерал-лейтенанту графу Остерману-Толстому на бессменные ординарцы. 24 и 26 в генеральном сражении при селе Бородине, где и контужен в левую ногу пулею, и за оказанное в сем сражении отличие награжден орденом Святой Анны IV-й степени»¹⁶.

¹⁵ ГАКО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 1592. Л. 4.

¹⁶ Там же. Л. 4.

Здесь мы ненадолго прервемся, чтобы провести параллель между Януарием Толстым и его злополучным братом Федором, также принимавшем участие в войне. Как свидетельствовал Денис Давыдов: «В Бородинском сражении принимал участие и граф Федор Иванович Толстой, замечательный по своему необыкновенному уму и известный под именем «Американца». Находясь в отставке, в чине подполковника, он поступил рядовым в Московское ополчение. Находясь в этот день в числе стрелков при 26-й дивизии, он был сильно ранен в ногу. Ермолов, проезжая после сражения мимо раненых, коих везли в большом числе на подводах, услышал знакомый голос и свое имя. Обернувшись, он в гряде раненых с трудом мог узнать графа Толстого, который желая убедить его в полученной им ране, сорвал бинт с ноги, откуда струями потекла кровь. Ермолов исходатайствовал ему чин полковника»¹⁷.

Этот военный эпизод был использован Л. Н. Толстым в романе «Война и мир», и Толстой «Американец» стал прототипом Долохова.

Графу Януарию Ивановичу Толстому такой пафос был противен. Оправившись от раны, он спокойно продолжал службу: «...сентября 22 при селе Тарутине октября 3-го в ночной экспедиции и разбитии неприятельского авангарда при селе Тарутине же, потом при преследовании неприятеля через Малый Ярославец октября 22, при г. Вязьме 26 при г. Дорогобуже и за оказанное в сих сражениях отличие награжден золотой шпагою с надписью «За храбрость». 1813 года января с 1-го по переходе с полком через границу в сражениях при г. Дрездене и в ретирате от него до г. Бауцина, мая 8 и 9 при оном же, где и ранен в левый бок ружейною пулею навывлет и за оказанное отличие награжден чином поручика. Сентября 3-го при Дерпцуцау, декабря с 19 по 20 число при ночной переправе через реку Рейн во Франции и овладении городом Кобленцом и прогнании из онаго неприятеля, с 31 декабря 1814 февраля по 11 число при блокаде крепости Майнца, 28-го в Шампанской провинции при взятии штурмом г. Реймса, марта 1-го при защищении онаго и удержании им главной французской армии, и за отличие в оном объявлено Высочайшее благоволение, после чего 18-го при штурме Монмартра и взятии г. Парижа и за оказанное при оном отличие награжден орденом Святого равноапостольного князя Владимира IV-й степени с бантом»¹⁸.

Упоминание в послужном списке и воспоминаниях Д. Давыдова двух людей, принимавших участие в судьбах братьев Толстых, Платова и Ермолова, наводит на мысль, что они были знакомы с Толстыми и довольно близко, иначе раненый Федор Толстой не осмелился бы обратиться с личной просьбой к высокому начальнику. Скорее всего, будучи в конце XVIII века высланными в Кострому в ссылку по политическим мотивам, Ермолов, как и Платов, были радушно приняты в семействе Толстых и бывший ссыльный не преминул отплатить добром за это гостеприимство.

Несмотря на тяжелые ранения, Януарий Иванович не торопился оставлять службу и ушел в отставку лишь в 1820 году, приехав на жительство к матери Анне Федоровне Толстой в село Никольское. Там он женился на дворянке Екатерине Дмитриевне Ляпуновой, завел детей, сыновей Дмитрия и Валериана,

¹⁷ Давыдов Д. Сочинения. — М., 1962. — С. 530.

¹⁸ ГАРО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 1592. Л. 4—4 об.

и дочерей Веру, Марию и Александру. В их воспитании принимала большое участие и бабушка Анна Федоровна, с 1818 года вдова. Она почти на четверть века была моложе своего супруга Ивана Андреевича, и, естественно, надолго пережила его. В 1827 году ее стараниями в имении была возведена каменная Никольская церковь, причем не просто большая, а даже монументальная, подходящая скорее не для села, а для уездного, если не губернского города.

Графиня Анна Федоровна Толстая умерла в 1832 году. Ее дети, «отставные полковник и кавалер граф Федор, майор и кавалер граф Януарий, флота мичман граф Петр Ивановы дети Толстые и сестры их родные графини Толстые, вдова штаб-ротмистра Вера Иванова Хлюстина и гвардии капитанша Екатерина Ивановна Шупинская» полюбовно поделили оставшееся после нее недвижимое, состоявшее за их родителем графом Иваном Андреевичем Толстым Костромской губернии Кологривского уезда в деревне Зиновке, дворовых 6, крестьян 24 и починке Абрамове 10 и того 40 ревизских муж. пола душ, а также землями к ним принадлежащими и после родительницы их осталось недвижимое имение, состоящее в Кологривском уезде в селе Никольском дворовых людей 47, крестьян 17, в деревне Хвастове 19, Плоскове 94, Тетровке 25, Самойловке 64, Брякотиной 36, Кропачихе 45, Зиновке 29, Серьгеевой 27, Муравьевой 27, Хмелевице 24, Талице 13, Тюковой 29, Соколовой 29, починках Родине 16, Тихонове 35, Слободском 26, Нехорошем 35, Заречном 15, Пуппе 9. Итого 619 ревизских мужеска пола душ. Эти населенные пункты были поделены между пятью наследниками, в результате чего Януарию Ивановичу досталась Никольское с рядом деревень¹⁹.

Только после этого Януарий Иванович был причислен к костромскому дворянству и вписан в родословную книгу. Кроме того, он оформил грамоту на графское достоинство и в 1836 году получил ее, подписанную губернским предводителем Сергеем Федоровичем Купреяновым. Впрочем, все эти хлопоты были чистой формальностью, ибо, еще при жизни матери, юридической владелицы имения, Януарий Иванович являлся фактическим владельцем и рачительным хозяином Никольского и прилежащих деревень. Сюда к нему приезжали родные, друзья и соседи, в числе которых можно назвать и известного поэта, драматурга и переводчика Павла Александровича Катенина, который об одном из визитов в Никольское проговаривается в письме к другу Николаю Ивановичу Бахтину от 23 января 1823 года: «...о чем писать из Кологрива? О приезде ли в здешний край незнакомого с вами умного графа Толстого, у которого я провел приятную неделю, но после жестоко простудился?»²⁰

Исследователи склонны видеть в упомянутом графе Толстом Федора Ивановича «Американца», гостившего у младшего брата. Основания этому есть. Катенин, как и Ф. И. Толстой, служил в Лейб-гвардии Преображенском полку, и после оставления полка их отношения не прерывались, поскольку они имели общий круг приятелей и могли встречаться в свете, однако большая разница в возрасте (10 лет) и разница в мировоззрении не позволяли их приятельским отношениям перейти в дружеские. Другое дело Януарий Иванович, который был

¹⁹ ГАКО. Ф. 121. Оп.1. Д. 1592. Л. 12 (лист №12 на микропленке отсутствует – прим. ред.).

²⁰ Белоруков Д. Катенин в Меже // «Новая жизнь» – 23 января 1971.

одногодком Катенина и имел с ним одинаковое военное прошлое. Как участникам Отечественной войны и заграничных походов им было что вспомнить. Думается, что даже если в письме речь идет об «Американце», то он не поехал бы в пустую усадьбу брата и хозяин, редко куда выезжавший, также присутствовал при встречах. Просто Катенин помянул именно Федора Ивановича, поскольку он был редким гостем, а с Януарием Ивановичем, соседом по межевской деревне Половинница, он достаточно часто виделся²¹.

Точная дата смерти графа Януария Ивановича Толстого нам неизвестна. В документах последнее упоминание о нем относится к 1858 году. Однако надо думать, что ранее 1860-х годов он не покинул этот свет. Село Никольское наследовал его единственный сын Дмитрий (род. 22 марта 1827 года, его брак с баронессой Марией Михайловной Менгден фон Альтенвога совершен 8 ноября 1854 года), от которого были рождены его дети Иван и Георгий. В 1882 году граф Иван Дмитриевич Толстой обратился в Костромское дворянское собрание с прошением следующего содержания: «Для ходатайства об утверждении меня в правах наследства после бабки моей графини Екатерины Дмитриевны Толстой, мне необходимы метрики. Во-первых, о браке деда моего графа Януария Ивановича Толстого с Екатериною Дмитриевною Ляпуновою и, во-вторых, о рождении от этого брака отца моего графа же Дмитрия Януарьевича... Жительство мое в г. Туле на Киевской улице в доме Черносвитова»²².

Из этого документа видно, что последним до революции владельцем Никольского стал внук Януария Ивановича Толстого, граф Иван Дмитриевич Толстой, проживавший в Туле, где гнездились их родственники Толстые, и бароны Менгдены, и где, возможно, обитала его супруга. Дальнейшие события нетрудно предвосхитить. Скорее всего, это вступление графа в права наследства и переезд его в Никольское.

История межевской (кологривской) ветви графов Толстых не только интересная глава местной истории, но и общероссийской истории в целом.

²¹ Литературное наследство. Т.16. – С. 619.

²² ГАКО.Ф. 121. Оп. 1. Д. 1592. Л.36 (лист №36 на микроплёнке отсутствует – прим. ред.).

БАРОНЫ ФОН МЕНГДЕНЫ

Среди костромских дворян встречались и аристократы с титулами баронов: фон Визины, фон Менгдены и ряд других. Они обычно не засиживались в глухом, отдаленном краю, а появлялись в провинции как кометы и, спустя какое-то время, покрасовавшись перед местными жителями, удалялись в места, более соответствующие их положению, то есть связям, состояниям, титулам, а именно в столицы или крупные губернские города, а порой и за границу, часто предварительно продав свои вотчины подвернувшимся покупателям.

С баронами фон Менгденами случилось иначе: несколько поколений этой фамилии имели тесные связи с Костромской губернией и, в частности, с Кологривским уездом. Однако прежде чем перейти к костромским баронам фон Менгденам, стоит обозреть историю их рода в целом.

«Менгдены — графский и баронский род, происходящий из Вестфалии. Иоанн фон Менгден, прозванный Остгоф, был магистром тевтонского ордена в Ливонии (1450—1469). Лифляндский ландрат Оттон фон Менгден получил в 1653 году, в Швеции, баронский титул. Его правнучка, уже обрусевшая баронесса Юлиана Магнусовна фон Менгден была любимой фрейлиной Анны Леопольдовны, которая ничего почти не делала без ее совета. В то же время, она пользовалась расположением мужа правительницы и считалась невестой саксонского посланника графа Линара. При восшествии на престол Елизаветы Петровны, Менгден добровольно отправилась в ссылку с Анной Леопольдовной и ее мужем в Холмогоры и разделяла здесь с ними все невзгоды и лишения до 1762 года. <...>

Ее двоюродный брат, барон Карл-Людвиг фон Менгден (1706—1760), был президентом камер- и коммерц-коллегии, он играл значительную роль при Анне Леопольдовне, а при воцарении Елизаветы сослан в Кольский острог, где и умер. Его брат Иоганн-Генрих был председателем лифляндского гофгерихта.

Одна ветвь Менгденов получила в 1779 году графский титул Римской империи. В 1557 году при нашествии русских на Ливонию, Эрнст Менгден был взят в плен и увезен в Москву. Его внук Юрий Андреевич, умерший в 1696 году, был первым полковником Преображенского полка, а правнук Иван Алексеевич при Екатерине I был Астраханским губернатором. <...>Род графов и баронов фон Менгденов записан в дворянские матрикулы Лифляндской и Эстляндской губерний и в V-ю часть родословной книги Костромской и Петербургской губерний»²³.

О Костромской ветви баронов фон Менгден рассказывает краевед Д. Ф. Белоруков в своем монументальном труде «Деревни, села и города Костромского края»: «Рядом с деревней Самсонкой старинное село Ильинское (Кубань), центр бывшей Ильинской волости. <...>Две трети села Ильинского с деревнями в 1627 году принадлежало детям «иноземца» Семена Ариста (Ореста Фоменди-

²³ Энциклопедический словарь. Т. XIX. / изд. Брокгауза и Эфрона. СПб., 1896. — С. 77.

на, в крещении Семена), который при Иване Грозном был взят в плен в Лифляндии, перешел на русскую военную службу, получив в качестве жалования поместье Ильинское.

Вскоре Фомендин изменил не только имя, но и фамилию на Менден. В 1661 году в Костромском кремле стоял осадный двор Мендена, куда он с семьей мог укрыться в случае опасности. <...> В 1738 году один из Менденов, Иван Алексеевич, стал губернатором г. Костромы²⁴ и тогда же обзавелся недвижимостью в Галичском уезде, состоящей в сельце Ваганово с деревнями, которую, впрочем, в середине века продал помещице М. И. Циклер.²⁵

Его внук Александр Петрович фон Менден, служил в Лейб-гвардии Конном полку. Краткие сведения о его службе заключены в «Истории Лейб-гвардии Конного полка», написанной И. В. Анненковым и сообщены нам А. М. Горшманом. В них говорится: «Фон Менден Александр Петрович — 1771 года 1-го генваря из вахмистров Конной гвардии произведен в корнеты. 1777 года 1-го генваря из поручиков Конной гвардии уволен в отставку за болезнию с перечислением в подполковники армий»²⁶. По отставке женился на княжне Феодосье Николаевне Козловской и получил в приданое от ее отца, князя Н. И. Козловского, жившего в своей усадьбе Борщовка недалеко от Кинешмы недвижимое в Костромской губернии Кологривского уезда: деревни Никольское, Марьино (ныне Кадыйский район) и стал костромским помещиком и отцом трех сыновей. В Государственном архиве Костромской области сохранился документ, подтверждающий этот факт: «Подполковник Александр Петрович фон Менден с детьми Николаем, Александром и Михаилом внесен в дворянскую родословную книгу Костромской губернии в 4-ю часть по определению 1-го июля 1796 года...»²⁷

Из трех вышеперечисленных братьев фон Менденов нам наиболее интересен Михаил Александрович фон Менден, кологривский помещик, причастный к декабристскому движению, которому принадлежали деревни Курилово и Поздняково (ныне Нейского района). Он получил их по наследству от своей матери Феодосьи Николаевны фон Менден, урожденной княжны Козловской.

М.А. фон Менден

²⁴ Спорное утверждение, поскольку должности «губернатор г. Костромы» никогда не существовало. — прим. ред.

²⁵ Белоруков. Д.Ф. Деревни, села и города Костромского края : Материалы для истории. — Кострома: «Эврика-М», 2000. — С. 105, 155.

²⁶ Анненков И. В. История Лейб-гвардии Конного полка. ч. IV СПб., 1849. — С. 70,

²⁷ ГАРО. Ф. 121. Оп. 1. Т. 2. Д. 5144. Л. 3.

Михаил Александрович фон Менгден (1781–1855) дослужился до немалого чина генерал-майора. Его биографические сведения можно найти во многих справочниках, но наиболее подробный, а, следовательно, информативный послужной список декабриста за 1816 год нам любезно предоставил московский специалист по формоведению и фалеристике А. М. Горшман.

В то время Михаил Александрович фон Менгден имел почти тот же чин, что и его отец, но в отличие от родителя, не собирался останавливаться на достигнутом. Его формуляр гласил: «Полковник Михаила Александров сын Менгден кавалер ордена Св. Владимира IV-й степени с бантом, Св. Анны IV-й степени на шпаге и она же золотая с надписью «За храбрость» имеет медали, золотую Земского войска на Георгиевской ленте, серебряную за 1812 год на голубой ленте и таковую же бронзовую на Владимирской ленте и трижды удостоивался получить Высочайшее Благоволение за отличие по службе. На генваря 1-е 1816-го полных лет — 34. Из дворян Костромской губернии, где за родителями его крестьян мужеска полу 200 душ и недвижимое имение. В службе находился: действительным студентом в Коллегии иностранных дел — генваря 12 года 1801-го. Губернским секретарем — декабря 12-го того ж года. Юнкером Лейб-гвардии в Егерском полку — апреля 10-го 1802-го. Портупей-юнкером в сем же полку — декабря 25-го того же года. Прапорщиком в сем же полку — того же года — генваря 6-го года 1804-го. Подпоручиком в сем же полку — за отличие в сражении — марта 18-го года 1806-го. Прикомандирован к батальону Санкт-Петербургской земской милиции с повышением в чин поручика — декабря 14-го 1806-го года. Штабс-капитаном в сем же батальоне за отличие в сражении — ноября 12-го года 1807-го. Возвращен Лейб-гвардии в Егерский полк с тем же чином — декабря 12-го того ж года. Капитаном в сем полку за отличие — февраля 2-го года 1810-го. Переведен Лейб-гвардии в Финляндской полк тем же чином — октября 10-го года 1811-го. Всемиловнейше пожалован полковником и батальонным командиром в сем полку — ноября 18-го того ж 1811-го года.

В походах и сражениях находился: августа с 23-го 1805-го года на походе через Польшу, Богемию и Венгрию в Австрийские пределы до города Амштедгена куда и прибыли октября 20-го, а того ж месяца 24-го числа в сражении у сего ж города при удержании превосходных сил неприятельских. Октября 30-го при поражении корпуса неприятельского под командою маршала Мортье близ города Кремса. Ноября 20-го на генеральной баталии у города Аустерлица, где и ранен пулею в правое плечо навывлет и за отличие награжден чином подпоручика. Генваря с 25-го года 1807-го с батальоном Санкт-Петербургской милиции на переходе до города Мемеля в Королевстве Прусском, куда и прибыли марта 5-го дня и соединясь с отрядом стрелков курляндских на судах Балтийского флота перевезены в город Данцих, где вошли в гарнизон его обороняющийся от неприятеля и находился на перестрелках и вылазках противу неприятеля июня до 7 дня, когда по заключении перемирия приказано было от короля Прусского сдать крепость, а гарнизону выйти из оной с оружием, а за отличную храбрость награжден орденом Св. Анны III-го класса, что ныне IV-го. И дана золотая медаль Земского войска на Георгиевской ленте, а также повышен в чине штабс-капитана по возвращении батальона в Петербург. Февраля с 10-го года 1808-го

на походе в пределы Финские противу шведов и при обложении февраля с 15-го крепости Свартгольм и при осаде ее до сдачи на капитуляцию 6-го марта, а затем при блокаде крепости Свеаборг и марта 18-го находясь со стрелками в прикрытии осадных батарей, где и ранен черепками от пушенной из крепостной мортиры бомбы в правую ногу и правый же бок, а за отличие награжден орденом Св. Владимира IV-й степени с бантом. Возвратясь в строй июля 19-го того ж 1808 года находился с полком в корпусе генерал-лейтенанта Каменского и августа 29-го находился в действующем сражении со шведами при Куортане с главными шведскими силами под командою генерала Клингспора, а сентября 2-го при полном поражении сего корпуса у селения Оровайс и за отличие удостоен был Высочайшего благоволения 1809 года марта с 5-го в отряде генерал-лейтенанта Баркляя-де-Толли на переходе через Ботнический залив на шведский берег и при занятии города Умер марта 8-го, а того ж месяца 15-го числа на возвращении обратно на Финский берег и за отличие награжден третним жалованьем невзачет. Апреля с 28-го года 1809-го находясь с полком в подкреплении отряда генерал-лейтенанта Шувалова действовавшего в северной части королевства Швецаго у города Тарнео находился на переходе к сему городу и далее к городу Шеллефтео и быв на разных сшибках и перестрелках с неприятелем, августа 8-го был в действительном сражении с шведским отрядом генерала Сандельса соединенного с десантом от эскадры адмирала Вахтмейстера при полном поражении шведов под городом Ратаном и за отличие в сем сражении пожалован капитанским чином. В 1812 году марта с 7-го с полком на походе до города Вильно к Главной армии под командою генерала от инфантерии Баркляя-де-Толли, а при вторжении орд неприятельских под началом Бонапарта июня с 12-го того ж года находился при общей ретираде от превосходных сил неприятельских, а июля 13-го и 14-го в действительном сражении близ города Витебска, где и ранен в левую руку картечью с повреждением кости и для лечения увезен в Москву в главную гошпиталь, где и взят был в плен с прочими ранеными и увезен во Францию, где и находился в городе Мец при тамошней крепости, а освобожден из онаго плена генваря 28-го года 1814-го по занятии сей крепости и прогнании из оной неприятельского гарнизона и явсь в полк сочтен был в достоинстве и несмотря на болезненное состояние свое принял участие в боевых действиях. Февраля со 2-го находился при блокаде крепости Верден на реке Маас до сдачи гарнизона его устрашенного бомбардирами февраля 22-го а затем соединясь с главными силами находился в сражении 8-го и 9-го марта при Арсисюр-оби, 13-го марта при совершенном поражении сил неприятельских у селения Фершампенуаз и за отличие в сем объявлено Высочайшее благоволение при полугодовом жаловании невзачет. Марта 17-го и 18-го в сражении у города Парижа и занятия его атаками, а за сие дело пожалована золотая шпага с надписью «За храбрость». Майя с 31-го на обратном возвращении в Россию на кораблях Балтийского флота и в Петербург прибыли июня 28 дня.

1815 года апреля с 21-го на вторичном походе во Францию по причине возвращения Бонапарта и спешными маршами прибыли к городу Парижу июня 30-го. Августа 31-го при высочайшем смотре войск в пригороде парижском Вертю за найденное устройство и порядок во вверенном его командованию

батальоне пожалован драгоценный перстень с вензелем Императорского имени. Сентября же с 10-го на обратном возвращении в Россию, куда и прибыли ноября 20-го дня.

По российски, немецки и французски читать и писать умеет, часть математики, геометрию и тригонометрию знает и планы чертить и рисовать может. Под судом и на штрафах не бывал. Жена у него Амалия Егорьевна дочь барона Фелькерзама статского советника и камергера, а детей нет. В полку состоит в комплексе и налицо и повышения достоинств²⁸.

Этот архивный документ довольно подробно поведал нам о первой половине жизни барона Михаила Александровича фон Менгдена, о его военной карьере, казалось бы, легкой и скорой, но на самом деле заслуженной как тяжелыми страданиями плена, так и многочисленными ранениями в жестоких сражениях. Военная служба барона продолжалась и после окончания Отечественной войны и зарубежных походов 1813 – 1814 годов.

30 августа 1816 года он, в чине генерал-майора, был назначен состоять при начальнике 7-й пехотной дивизии, затем командиром 3-й бригады 25-й дивизии с 11 сентября 1816, и далее командиром 1-й сводной пионерной бригады с 16 декабря 1819 года. 3 июля 1820 года уволен со службы, видимо в связи с женитьбой. Его супругой стала баронесса Амалия Георгиевна Фелькерзам и в 1820 году у четы родился первенец Александр Михайлович фон Менгден.

По материальным, да и по престижным соображениям, Михаил Александрович фон Менгден весной 1823 года вновь восстанавливается на военной службе с назначением состоять при начальнике 2-й пехотной дивизии. Спустя два года произошло восстание декабристов, к которому оказался причастен и барон М. А. фон Менгден. Декабристы С. Г. Волконский и П. И. Пестель показали, что он был членом тайного общества, но позже Пестель от своего показания отказался. В конце концов следственный комитет оставил причастность барона фон Менгдена к тайному обществу без внимания²⁹.

Однако связи барона с декабристами легко проследить даже по их переписке. Вот один пример: декабрист И. И. Пущин по дороге на каторгу писал отцу и сестре: «Из Макарьева на Унже я послал поклон к фон Менгденам и Колошиним через смотрителя»³⁰. Братья Колошины прямо причастные к восстанию были родственниками фон Менгденов через князей Козловских. У матери Михаила Александровича фон Менгдена Феодосии Николаевны, урожденной Козловской, была родная сестра Мария Николаевна, в замужестве за отставным полковником Лейб-гвардии Измайловского полка Иваном Михайловичем Колошиним из родовитой московской семьи. Их сыновья Петр (1794–1841) и Павел (1799–1855) Ивановичи являлись видными членами «Союза Благоденствия». Так что у следственной комиссии по делу декабристов были основания подозревать барона в причастности к заговору. Как бы то ни было, но видимо, связи и титул спасли М. А. Менгдена от наказания. И на последующую службу

²⁸ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Т. 2. Д. 7233. «Формулярные списки офицеров и солдат Л.-гв. Финляндского полка по 1-е января 1816 года». Лл. 5 об. – 6 об.

²⁹ Алфавит декабристов / сост. Нечкина М. В. – Ленинград, 1925. – С. 111.

³⁰ Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма. – М., 1989. – С. 89.

этот инцидент не повлиял. В доме тоже все было в порядке: семья пополняется в 1825 году сыном Владимиром, а в 1828 году дочерью Марией³¹.

Портрета барона М. А. фон Менгдена, как считалось, до нас не дошло и лишь в конце 1980-х годов, благодаря тому же А. М. Горшману, он объявился в фондах Санкт-Петербургского музея А. С. Пушкина, в виде миниатюры неизвестного военного. Александру Михайловичу Горшману удалось атрибутировать модель как барона М. А. Менгдена. Вот как он сам рассказывает о своей атрибуции: «Определял я его простым путем, а именно: у генерала награды очень уж невелики, ну Владимир IV-й степени с бантом. Эта награда весьма распространена, но вот следующая после него золотая медаль Земского войска на Георгиевской ленточке — награда очень редкая, таких медалей было выдано менее 80-ти штук, ибо только три батальона этого Земского войска, как называли ополчение, собранное в конце 1806- начале 1807-го годов в Польше и Пруссии, ну и офицеров в этих трех батальонах, да еще в корпусе вольных курляндских стрелков, которые тоже воевали с французами, офицеров было человек 76-78. Отличившихся рядовых ополченцев и урядников награждали серебряными медалями такой же штамповки на Георгиевских лентах, а офицеров — золотыми медалями. Затем у него была видна серебряная медаль за 1812 год и бронзовая дворянская в память 1812 года. По форме эполет с удлиненными лопатообразными клапанами предположил я, что миниатюра выполнена между 1815-м и 1822-м годами, когда такие эполеты имели быть в обиходе. По спискам генералитета на 1818-1819 гг. выписал я всех генералов, которые на груди могли носить только лишь орден Св. Владимира с бантом и таких оказалось 8 человек и стал я искать в ЦГВИА их формулярные списки, чтобы узнать у кого из них была золотая медаль Земского войска на Георгиевской ленте, ибо в именных списках генералитета первой половины XIX века медали не показывали, а только ордена и наградное оружие. Ну и оказалось, что медаль такая была только у Менгдена Михаила Александровича.

Можно еще добавить, что по коронации Николая I-го, произошедшей 22 августа 1826 года, М. А. Менгден в числе многих других генералов, внесенных в наградные списки, получил орден Св. Анны II-й степени («Список кавалеров Российских орденов по всем наименованиям» в «Придворном календаре на 1826 год» ч. 2. С. 206. СПб. 1827 г.). Видимо этим награждением решили смягчить память о привлечении Менгдена к следствию о восстании 14 декабря. Вообще-то не шибко высокая награда — орден Св. Анны II-й степени, но носился он на шее, а генерал без шейного орденского знака смотрелся не ахти чтобы как «по-генеральски»³².

Судьбы детей Михаила Александровича сложились довольно благополучно: через Марию Михайловну фон Менгден, вышедшую впоследствии замуж за графа Дмитрия Януарьевича Толстого, семья фон Менгденов породнилась с великим русским писателем Львом Николаевичем Толстым. Все братья Марии Михайловны сделали завидную карьеру: старший брат Александр (1819—1903), закончивший сначала Морской корпус и получивший чин мичмана, а затем

³¹ Декабристы: Биографический словарь. — М., 1988. — С. 111.

³² Письмо А.М. Горшмана Е.В. Сапрыгиной из Москвы в Кострому от 28.05.2007 года.

Дерптский университет, стал впоследствии министром-резидентом в Дрездене. Он владел усадьбой Сотниково с деревнями в Кинешемском уезде Костромской губернии. Средний брат Николай (1822–1884), выпускник Императорского училища правоведения, стал известным юристом. Младший брат Владимир (1825 – после 1900) – членом Государственного Совета.

Владимир Михайлович фон Менгден унаследовал от своего отца деревни Курилово и Лесняково Кологривского уезда, то есть стал кологривским помещиком. В 1850-х годах он женился на дворянской дочери Елизавете Ивановне Бибиковой. И свадьба их произошла в имении Бибиковой в сельце Маклеце Богородицкого уезда Тульской губернии, где у нее было 36 душ крепостных. Барон надумал поселиться в имении жены и потому решил переписаться из костромских дворян в тульские, что нашло отражение в документах костромского областного архива: «По отношению Тульского дворянского депутатского собрания о доставлении документов о дворянстве г. фон Менгден. 6 февраля 1855 года. В Костромское дворянское депутатское собрание. В сем собрании по выслушании им прошения из дворян титулярного советника барона Владимира Михайлова сына фон Менгден, при котором представлены во первых, копия с документов о внесении рода их в 4-ю часть родословной книги Костромской губернии, данную от тамошнего губернского предводителя 6-го июня 1834 года, во вторых, копию с указа о службе и отставке родителя его генерал-майора Михаила Александровича фон Менгдена, в третьих, свидетельство о законном рождении его – метрики Консistorии и аттестат о службе и отставке его, данный от обер-прокурора 1-го отделения 6-го департамента. Он просит по состоящему за женою его Елизаветою Ивановою, урожденною Бибиковою, Тульской губернии Богородицкого уезда в сельце Маклеце недвижимого имения, заключающегося в количестве 36 душ, внести его в дворянскую родословную Тульской губернии книгу в следующую ее часть и об этом внесении выдать ему для беспрепятственного участия в дворянских выборах свидетельство»³³.

Со временем барон Владимир Михайлович фон Менгден перебрался на жительство в Петербург, оставив в имении жены престарелого отца, который и умер там в 1855 году и похоронен у храма села Шатово Одоевского уезда Тульской губернии. Сын же его все выше поднимался по служебной лестнице. В 1900 году он, уже в чине действительного тайного советника, является членом Государственного Совета. В. М. фон Менгден являлся кавалером многих орденов: Святого Станислава I-й степени, Святого Владимира II-й степени и ордена Белого Орла. В его владении находились большое недвижимое в Тульской губернии и майорат в Царстве Польском, всемплощивейше пожалованный ему государем³⁴. Все это досталось ему не даром, а упорным трудом, десятилетиями, отданными ревностной службе. Он превратился в крупного чиновника-бюрократа, недаром существует мнение, что Л. Н. Толстой писал образ Каренина со своего родственника В. М. фон Менгдена, а Анну Каренину с его жены Е. И. фон Менгден, урожденной Бибиковой³⁵.

³³ ГАРО. Ф. 121. Оп. 1. Т. 2. Д. 5144. Л. 1, 2.

³⁴ Список гражданским чинам первых трех классов. – СПб., 1900. – С. 89–90.

³⁵ Белоруков Д. Ф. Указ. соч. – С. 106.

Последние, известные нам бароны фон Менгден — это дети Владимира Михайловича, дочь Екатерина Владимировна, вышедшая замуж за губернского секретаря Лашкевича и сын Иван Владимирович фон Менгден, которому в середине столетия, точнее в 1858 году в Кологривском уезде принадлежали деревни Иевлево, Ларионово, Ильино, Паново и др. В 1870-х годах они продали свои земельные наделы бывшим своим крестьянам по деревням Горки и Обломихино³⁶.

---

³⁶ Костромские губернские ведомости. 1873. 7 апр. № 14. — С. 90.

МАЙКОВЫ НА КОСТРОМСКОЙ ЗЕМЛЕ

С о дня своего основания и до великой реформы освобождения крестьян село Георгиевское, первоначально Егорьевское, бывшего Кологривского уезда Костромской губернии, а ныне Межевского района Костромской области сменило не одного владельца. Бутурлины, Долгоруковы, Майковы... Последние дольше всех владели имением: с 1720 года – времени женитьбы Степана Степановича Майкова на дочери С. П. Долгорукова и до национализации имения в первые революционные годы.

Вообще-то древний дворянский род Майковых, восходящий к XV веку, имеет ярославское происхождение. Отличительная особенность его в том, что из его рядов вышла целая россыпь представителей, трудившихся на ниве культуры: театра, литературы и изобразительного искусства. Один из ранних и довольно известных представителей рода – Василий Иванович Майков (1728–1778), русский поэт и драматург. Его профессиональные интересы можно сказать наследственные, поскольку мать его Мария Афанасьевна, урожденная Алябьева, приходилась бабкой известному композитору Алябьеву, а его отец ярославский помещик Иван Степанович Майков, отставной секунд-майор Лейб-гвардии Семеновского полка, был любителем театра и покровителем труппы Ф. Г. Волкова. Эти дружеские связи были подкреплены и родственными. Так, племянник поэта, бригадир Николай Александрович Майков женился на родственнице основателя русского профессионального театра Ф. Г. Волкова Елизавете Николаевне Волковой (1779–1835).

Василий Иванович Майков стал достойным преемником культурных традиций своих родителей.

Поначалу, с 1747 по 1761 год он, как и отец, служил в Лейб-гвардии Семеновскому полку в Петербурге, где завел ряд полезных знакомств, в частности с драматургом А. П. Сумароковым. Но затем поселился в Москве, где сблизился с литературным кружком М. М. Хераскова и стал сотрудником его журналов «Полезное увеселение» и «Свободные часы». С 1766 года он исполнял должность товарища Московского губернатора и практиковался в литературном творчестве, сочинив ироническую поэму «Игрок ломбера» (1763) и издав два тома «Нравоучительных басен» (1766–1767). В 1767 году поэт был привлечен к работе в Комиссии по составлению «Нового уложения» и переехал в Петербург. Там по завершении работы над уложением, в 1770 году был назначен прокурором Военной коллегии. Тогда же он сочиняет лучшее свое произведение – комедию «Елисей, или Раздраженный Вакх». В начале 1770-х годов он вступает в масонскую ложу В. И. Лукина «Уrania». В 1777 году он в чине бригадира был принят в Московскую оружейную контору, но через год скоростийно скончался. Он был женат на Татьяне Васильевне Мельгуновой из рода, давшего известного масона, Мельгунова, но не был счастлив в потомстве: оба его сына умерли рано бездетными, а из четырех дочерей двое остались незамужними.

Иначе сложилась судьба его братьев – сержантов Лейб-гвардии Семеновского полка Федора и Александра Ивановичей Майковых, особенно послед-

него, нисходящая родословная линия которого изобилует видными деятелями культуры.

Большинство представителей рода Майковых становились военными, служба предпочтительно в Лейб-гвардии, и именно в Семеновском полку и только потом, если требовала душа, меняя профиль своей деятельности, как это сделал Василий Иванович. Его отец, как и дядя, служил в Семеновском полку. Дядя Степан Степанович имел чин капитана (1757). По отставке женился на княжне Долгорукой — дочери князя С. П. Долгорукого, который выделил молодым свое имение в Костромской губернии село Егорьевское Кологривского уезда, где они и поселились. В то время вотчина была огромной и включала в себя помимо деревень и починков Дядинского, Колодного, Казакова, Лобачева, Поддерживцы, Козлихи, Тетервихи, Колодезникова, Овершина, Губинского, Суховского, Савинского, Черемессина, Нехорошева и др., также село Никольское с деревнями. Отставной капитан с усердием занялся сельским хозяйством и строительством. В частности, он в 1724 году построил деревянную Георгиевскую церковь, замененную в 1820 году каменной. К сожалению, Степан Степанович был бездетен, и когда он умер в 1758 году, все недвижимое досталось племянникам: Василию, Александру и Федору Ивановичам — сыновьям его родного брата Ивана Степановича Майкова. Наследство дяди племянники поделили следующим образом: Федору Ивановичу досталось село Никольское с деревнями, которое он отдал дочери Анне Федоровне Майковой, вышедшей замуж за графа Ивана Андреевича Толстого — родного брата деда великого писателя Л. Н. Толстого. С тех пор графы Толстые стали владельцами костромских земель вплоть до революции.

В.И. Майков

Второй племянник покойного, Александр Иванович Майков, в 1780 году упоминается как владелец деревни Церковной рядом с погостом Покровским в Кологривской округе, помимо того он владел чухломскими землями дяди — селом Покровским с деревнями, деревней Козинской и рядом других.

Наследство поэта, доставшееся Василию Ивановичу Майкову, третьему племяннику, вскоре перешло его братьям, поскольку сыновья его рано умерли, и их доля досталась дядям. Таким образом, межевские земли — село Георгиевское с деревнями — оказались в руках Федора Ивановича и их наследовали его потомки. Во времена подготовки реформы 1861 года составлялись описания помещичьих земель, в том числе и села Георгиевского с деревнями, где приводились

следующие сведения: «Село Георгиевское с 24 деревнями. Кологривский уезд. Владельцы Влад. и Люб. Иван. Майковы. Крестьян 604. Число дворов 197. Земли усадебной 147 дес. Всего 1005,5 дес.»

Как видим, имение процветало. Мы располагаем родословием Майковых и, поднимаясь по родословному дереву вверх, можем проследить и предыдущих владельцев имения, от которых по законам наследования недвижимое переходило из рук в руки.

Владимир Иванович (род. в 1843 году) и Любовь Ивановна (род. в 1841 году) Майковы были детьми отставного штаб-ротмистра Ивана Ивановича Майкова (1805 — после 1858), который являлся сыном ярославского и костромского помещика Ивана Федоровича (1759 — после 1820). Последний же был сыном сержанта Лейб-гвардии Семеновского полка Федора Ивановича Майкова, одного из трех племянников и наследников их дяди Степана Степановича Майкова, о чем шла речь выше. Итак, мы вычислили всех Майковых владельцев села Георгиевского с прилегающими деревнями.

Последним упомянутым владельцам Владимиру и Любви Майковым в момент составления описания имения в 1858 году было совсем немного лет — пятнадцать и семнадцать, а потому время их владения могло продолжаться вплоть до национализации имения в революционные годы.

Другая ветвь рода Майковых, идущая от общего пращура Григория Ивановича Майкова, московского дворянина (1613—1636), получившего не только ярославскую, но и костромскую вотчину, имела свою долю костромских земель, состоящих в Чухломском уезде. Об этом пишет Д. Ф. Белоруков в упоминавшейся книге. «Село Лаврентьевское Чухломского уезда, ныне Повалихинского сельсовета, имело и другое название Гора. В 1622 году село с деревнями было дано в поместье Григорию Ивановичу Майкову, как записано в жалованной грамоте «за Московское осадное сидение в королевичев приход». Чухломский боярский сын Г. И. Майков, участвовал в обороне Москвы от поляков, когда поляки со своим королевичем Владиславом подступили к Москве. В роду Майковых Лаврентьевское находилось до конца XIX века. В усадьбе Лаврентьевское — двухэтажный барский дом, пруды с островками на них, парк. Каменная Рождественская церковь в селе построена в 1838 году. Троицкая церковь более ранней постройки»³⁷.

Видимо об этом имении упоминается в одном из документов Государственного архива Костромской области, где не только доказывается принадлежность некоторых чухломских земель поэту Майкову, точнее его вдове Т. В. Майковой, но и называются их ближайшие соседи по имению. Это акт межевания чухломских земель 1779 года. «1779 году мая 17 дня по указу Ея Величества государыни императрицы Екатерины Алексеевны Самодержицы Всероссийской učinена межа в Чухломском уезде в Окологородной волости деревни Рыстановой с ее пашенною землею санными покосы и прочими угодья, которая состоит в общем владении полковницы Матрены Васильевны Катениной, лейтенанта Федора Петрова сына Шипова от всех смежных земель как следует начало межи смежною землею того ж уезду и волости с селом Михайловским общего владения коллежского асессора Ивана Яковлева сына Черевина, майора

³⁷ Белоруков Д. Ф. Указ. соч. — С. 485.

Егорья Матвеева сына Лермонтова, майора Льва Иванова сына Горихвостова, полковницы Матрены Васильевны Катениной, бригадирши Татьяны Васильевны Майковой и т.д.»³⁸

Акт составлен через год после смерти Василия Ивановича, оставившего наследство жене и детям, однако, мы уже говорили о ранней смерти его бездетных сыновей, и поэтому недвижимое, в том числе и чухломское перешло к их дядям и в первую очередь к Александру Ивановичу Майкову.

Нельзя обойти вниманием ветвь Майковых, идущую от Александра Ивановича, владельца чухломскими имениями, поскольку именно его потомки пополнили ряды российских культурных деятелей. Его сыновья Михаил Александрович (вахмистр в 1768 году) и Аполлон Александрович (поручик в 1786 году) стали владельцами чухломских деревень и починков среди которых были: Казинская, Вырыпаево, Бухарино, Сосникино, Сальково, Зубарево, Осорьино, Починок Горошкин, Чашково, Бурминская, Ефимьевская, Зименниково, Постниково, Ожиганово, Бешеново, Синцово, Поджедово, Болмино, Крутица и усадьба Венгино. Все это братья Майковы продали в 1786 году Елизавете Михайловне Шиповой, урожденной Лермонтовой.

А потому утверждение Д. Ф. Белорукова о принадлежности имения Майковым еще в XIX веке весьма сомнительно, не подтверждается архивными документами и заявлением самого Белорукова, пишущего там же, что имение отошло И. Е. Кузьмину, женившемуся на одной из Майковых.

Распровавшись с Костромской губернией, эта ветвь Майковых вернулась на родину предков в ярославское имение, но мы погодим прощаться с нею, так как один более поздний представитель ее все же вернулся в Костромские края, но по порядку...

Сын одного из трех упомянутых братьев-наследников — Аполлон Александрович, подобно своему именитому дяде Василию Ивановичу, уволившись из военной службы, предался любимому делу — театру, став в 1810 году директором московских театров, а в 1822 году — всех российских театров. Он переселился из Москвы в Петербург и принялся за дело. О его жестком правлении ходило много слухов, запечатленных в ряде театральных мемуаров современников, в том числе и в великолепных «Записках» П. А. Каратыгина.

В них он вспоминает о том, как А. А. Майков ни за что преследовал семью актера Биркина, вынужденную спасаться от него переездом из Петербурга в Москву, а затем и в Ярославль. Вспоминал Каратыгин и о том, как директор Майков заставил играть на сцене в спектакле «Семирамида» тяжело больного актера Кондакова, который умер во время спектакля, свалившись под ноги примадонны Екатерины Семеновой. Да и брат автора «Записок» Василий Андреевич Каратыгин пострадал от этого человека. Разговаривая с братом Петром в репетиционном зале, он не заметил подошедшего директора, и не встал, чтоб приветствовать его. На замечание обиженного Майкова ответил резковато. Мстительный начальник пожаловался военному губернатору Милорадовичу и тот послал квартального надзирателя Кречетова арестовать Каратыгина и привезти его в Петропавловскую крепость. Репетитор и друг Василия Каратыгина Павел Александрович Катенин, в то время штабс-капитан Лейб-гвардии

³⁸ В тексте Е. В. Сапрыгиной отсутствует ссылка на фонды ГАРО — прим. ред.

Преображенского полка, составил от имени матери Каратыгина прекрасную просьбу в адрес Милорадовича и та доставила ее по назначению. Губернатор смилостивился и ответил ей словами: «Этот урок был нужен молодому либералу, который набрался вольного духу от своего учителя Катенина; впрочем, нынешний же день велю его освободить». Действительно, Каратыгин был освобожден после проведения в крепости 42-х часов.

Это не помешало автору «Записок», брату узника, П. А. Каратыгину влюбиться в дочь директора, о которой он писал: «Моя любовь была чисто платоническая... Любя ее года полтора, живя в одном доме, встречаясь ежедневно, я ни слова с ней не сказал, не смел подойти к ней на близкое расстояние. Да и к чему говорить?... О! Как она умела говорить глазами!

Это была воспитанница Надежда Аполлоновна Азаревичева, побочная дочь директора Майкова и одной старой фигурантки, которая уже тогда была на пенсии. Наружность моей Лауры была действительно прекрасной, несмотря на рыжеватые ее волосы и миниатюрный рост; черты лица ее были не совсем правильны, но карие глаза ее были полны огня, жизни и необыкновенно выразительны; их огненный блеск готов был испепелить, зажарить как телячью печенку, мое юное, неопытное сердце. Лет через пять, когда моя обманчивая Надежда была уже невестой другого, мы вместе с нею простодушно смеялись над нашей молчаливой любовью».

Кто же был тот счастливчик, отбивший дочь Майкова у Пети Каратыгина и ставший ее мужем? Это известный дипломат и писатель Павел Петрович Свинын. Их дочь Екатерина Павловна Свинына вышла замуж за другого известного писателя — Алексея Феофилактовича Писемского. Так еще одна представительница рода Майковых — Надежда Аполлоновна, по мужу Свинына, стала костромской, точнее галичской помещицей, поскольку усадьба ее мужа Богородское находилась в Галичском уезде. И еще одно примечание. Ее сестру, Марию Аполлоновну Азаревичеву по матери, и Майкову по отцу, ошкарал (освистал) П. А. Катенин во время ее дебюта в Большом театре в спектакле «Поликсена» 17 сентября 1822 года, сломав ее предстоящую актерскую карьеру, и заработав себе высылку из столицы в Костромскую губернию на два с половиной года. Впрочем, именно благодаря высылке в родные края, он не понес более тяжелого наказания за свое декабристское прошлое, то есть не был сослан на каторгу в Сибирь или на Кавказ под пули горцев.

М.А. Азаревичева (Майкова)

А. Ф. Писемский быстро сошелся со своими новыми родственниками Майковыми. Впрочем, с одним из них, поэтом Аполлоном Николаевичем, он уже давно был знаком как с одноклассником по Московскому университету. Не через него ли он встретился и с кузиной поэта — своей будущей женой Екатериной Павловной Свиныной, а также и с его тремя братьями — сыновьями единокровного брата Надежды Аполлоновны Азаревичевой, по отцу Майковой, — Николая Аполлоновича: Валерианом Николаевичем (1823–1847), критиком и публицистом, Владимиром Николаевичем (1826–1885), прозаиком, переводчиком и издателем, и Леонидом Николаевичем (1839–1900), историком литературы, библиографом и этнографом. Ближе всех и дороже всех Писемскому был друг поэт Аполлон Николаевич, в честь которого писатель даже назвал одного из сыновей, к сожалению, умершего в детстве. Впрочем, все Майковы относились к нему по родственному, и по мере сил содействовали в карьере сочинителя своими литературными связями и дружескими советами. Подробности отношений Писемского с Майковыми можно извлечь из сохранившейся переписки писателя с поэтом Аполлоном Николаевичем Майковым, частично опубликованной.

Как мы видим, жизнь и деятельность представителей уникального дворянского рода Майковых на Костромской земле значительно обогатила историю нашего края, еще требующую значительных усилий по дальнейшему изучению.

КРАСНОЕ-СУМАРОКОВО — ЦЕНТР ЛЬНОПРЯДЕНИЯ

Кустарное полотняное ткачество на территории Костромского края уходит в глубокую древность. Считается, что и само название города Кострома, как и губернии, а позднее области происходит от слова «костра» — то есть внешней оболочки стебля льна, не идущей в производство в отличие от сердцевины стебля и обычно выбрасываемой или сжигаемой на кострах в процессе подготовки сырья. Именно из нее делали кукол, используемых в языческих праздниках сжигания Костромы.

В мануфактуру кустарное ткацкое производство преобразовалось в середине XVIII столетия с момента основания купцом Угличаниновым в Костроме собственной мануфактуры в 1751 году. Из других владельцев ткацких фабрик, где вырабатывали равендуки, фландрские полотна и коломенки, нам известны Стригалева, Ашастины и Волковы, в основном, выходцы из купеческого сословия. Однако, среди полотняных фабрикантов того времени встречались и помещичьи фамилии: так граф Роман Илларионович Воронцов открыл свою мануфактуру в деревне Опалиха под Костромой в 1752 году. Автор первой книги о Костроме И. К. Васьков упоминает в своем труде «История Костромского наместничества» фабрикантов князя Борятинского и помещика Сумарокова. Последнему из упомянутых заводчиков, его семье и роду и посвящена наша статья.

По «Списку населенных мест...» село Красное Нерехтского уезда Костромской губернии (ныне Красносельского района) расположено в 35 верстах от уездного города при речке Сенкешке³⁹. Главная достопримечательность села, Троицкая церковь, построена в 1766 году⁴⁰ Иваном Семеновичем Шокуровым и при нем же расписана по всем стенам кондаками и икосами из Богородичного акафиста. Стенопись сделана два года спустя после возведения церкви костромскими художниками братьями Иваном и Лукою Носковыми на средства И. С. Шокурова. Здесь, за правым клиросом, находилась могила храмоздателя, приходившегося предком будущим владельцам имения — Сумароковым⁴¹.

Село называлось Васильевским, а когда его с соседними деревнями Поповка, Окулово, Нелидово, Мизгирево, Демидково, Ратушино, Заболотье и др. в 1622 г. получил в поместье за участие в обороне Москвы от поляков костромич П. И. Сумароков, он к названию села добавил свою фамилию, и село стало называться Васильевское-Сумароково. В 1622 году здесь стояла деревянная церковь Михаила Архангела. По красоте окружающего пейзажа, высокого взгорья,

³⁹ Костромская губерния. Список населенных мест по сведениям 1870–1872 годов. — СПб., 1877. — С. 276.

⁴⁰ Кудряшов Е. В. и Демидов С. В. предполагают, что 1766 год — дата не сооружения храма, а какого-либо крупного ремонта или переделки, так как сама церковь была построена намного ранее. — прим. ред.

⁴¹ Демидов С. В., Кудряшов Е. В. Нерехта. — М.: Отчий дом, 1996. — С. 92–96.

усыпанного ромашками, на котором вздымалась Троицкая церковь и блистала в низине среди изумрудных трав речка Сенкешка, первую часть названия имени Васильевское заменили Красным и стали называть этот населенный пункт Красное-Сумароково, в отличие от другого древнего села Красное, принадлежавшего князьям Вяземским и находившемся в том же уезде.

В середине XVIII столетия владельцами имения числились два брата бригадир Николай Андреевич Сумароков (1754–1810) и гвардии поручик Алексей Андреевич Сумароков (1768–1841), сыновья с 1762 года отставного гвардейского капитана Андрея Васильевича Сумарокова, женатого на Прасковье Ивановне Шокуровой, дочери храмостроителя Троицкой церкви в селе Красном. В юности, будучи гвардейским капитаном, А. В. Сумароков принимал участие в Екатерининском перевороте и состоял в свите императрицы при ее путешествии по Волге и посещении Костромы в 1767 году. Его семья состояла из двух сыновей, Николая и Алексея, и четырех дочерей, Анны, Елизаветы, Аграфены и Александры. Именно при них и наладилось ткацкое производство в имении, что подтверждено в труде И. К. Васькова «Описание Костромского наместничества», где в частности сообщалось: «Полотняная фабрика принадлежит г-ну бригадиру Николаю Андреевичу Сумарокову, заведена в селе его Красном, отстоящем от города Плеса в 24 верстах, на коей на 12 станах 20 человек вырабатывают полотно: тонких 20 и равендуку 60 кусков. Ценою около 3200 рублей; пряжу и золу покупают в городе Костроме, а выработанные вещи отвозят в Москву. Ему же принадлежит в том же селе его завод кожевенный, на коем 4 человека вырабатывают кож яловочных 150, белых 180, подошвенных 50. Материал покупают: сырые кожи в Нерехте, корве в Костроме, ворвань, сало, квасцы, купорос и сандал в Москве, деготь в Галиче. Выделанные кожи отвозят в Москву. Цена их примерно получается 2000 рублей⁴².

Алексей Андреевич (1768–1841) пошел по военной тропе отца, поступив на службу в Лейб-гвардии Семеновский полк, точнее перейдя в него в 1775 году из армии, в которой отслужил два года. В 1780 году числился сержантом Лейб-гвардии Семеновского полка, затем поручиком, в 1763⁴³ году уволился от службы по болезни в чине капитана. Тогда и женился на девице Фекле Никифоровне, вероятно крепостной, имел детей: сыновей Андрея и Леонтия и дочь Пелагею. Умер Алексей Андреевич 6 марта 1841 года и похоронен в своем имении в селе Блазново Нерехтского уезда, при Успенской церкви, полученном при разделе с братом после смерти отца.

Его брат, владелец села Красное-Сумароково, бригадир Николай Андреевич Сумароков, права был буйного, характер имел авантюрный, недаром в Государственном архиве Костромской области до пожара 1982 года хранились документы под названием: «О насильственном присвоении бригадиром Сумароковым сенных покосов», а также «Прошение поручика Карцева о фальшивой закладной, данной бригадиром Сумароковым, якобы умершим отцом его» или «Дело о насильственном завладении бригадиром Николаем Сумароковым сенных покосов вотчины статского советника и кавалера Алексея Михайловича

⁴² Рукопись хранится в Этнографическом музее Санкт-Петербурга. Цитируется по ксерокопии, хранящейся в Костромском музее-заповеднике – Е. С.

⁴³ Опечатка автора – прим. ред.

Черевина»⁴⁴. Впрочем, он славился в округе деловой хваткой, свидетельством чего были два упомянутых завода.

Николаю Андреевичу Сумарокову непросто было бы одному управлять столь большим хозяйством, ибо от брата Алексея Андреевича, занятого после отставки от военной службы, хозяйством в своем имении, помощь не поступала, к счастью, заводчика поддерживали три его сестры Анна, Елизавета и Аграфена Андреевны, незамужние, благочестивые, добрые и сострадательные, ярко описанные в воспоминаниях графа М. В. Толстого, внука Николая Андреевича Сумарокова. Приведем небольшой фрагмент из этих воспоминаний, касающийся сестер Сумароковых: «Все они получили от матери своей Прасковьи Ивановны, рожденной Шокуровой, не знавшей грамоте и ходившей в платочке, простое, старинное воспитание, были выучены грамоте по Часослову и Псалтири, чтению по гражданской печати и письму. Больше ничему их не учили в детстве и в молодости, ни музыке, ни танцам. Зато они были приучены с детства усердно посещать храм Божий, соблюдать уставы Церкви и принимать искреннее участие в страданиях и нуждах ближних. Две из них, Анна Андреевна и Аграфена Андреевна, провели всю жизнь свою в доме брата, Николая Андреевича, а по смерти его — в доме его сына, а их племянника Петра Николаевича. Все три сестры дожили до глубокой старости. Тела их погребены у Троицкой каменной церкви села Красного Нерехтского уезда Костромской губернии»⁴⁵.

Надо сказать, что и поныне в селе Красном-Сумарокове сохранились в полуразрушенном храме их металлические надгробия.

Сестры надолго пережили своего брата Николая Андреевича Сумарокова, умершего 4 мая 1810 года в Москве, пятидесяти шести лет от роду и оставившего усадьбу своему сыну Петру Николаевичу.

Петр Николаевич Сумароков (1795—?) вступил в службу юнкером в 1804 году в Государственную коллегию иностранных дел, награжден чином титулярного советника в 1811 году, а спустя десять лет за слабостию здоровья от службы уволен с награждением чином коллежского асессора, женился на Прасковье Дмитриевне из рода князей Черкасских и имел сыновей Николая и Сергея и дочерей Варвару и Александру.

Каково имение было при нем, мы можем узнать из статистического описания дворянских усадеб, где речь идет и об усадьбе Красное-Сумароково с деревнями Алферково, Пирогово, Толоконцево, Софьино, Старково, Лютиково и др. (всего 10 деревень) и с сельцом Бартьевым: «В имении 121 двор, в которых живут 415 крестьян мужского пола и почти столько же женского. Усадьбу обслуживают 53 дворовых человека. Сенокосной земли 401 десятина, крестьянской земли 1579. Крестьяне платят оброк 16 рублей с тягла или исполняют барщину на пашне и сенокосе»⁴⁶.

Господский дом Сумароковых был небольшим, деревянным, находился в восточной стороне тенистого парка, окруженного рвом с множеством аллей и беседок, имелся также и довольно большой пруд. А за домом был разбит сад

⁴⁴ ГАРО.Ф. 133. Оп. 1. Т. 1. Д. 797. Л. 12.

⁴⁵ Граф М. В. Толстой. Хранилище моей памяти.

⁴⁶ Приложение к материалам редакционных комиссий. — СПб., 1858.

с большим ассортиментом фруктовых деревьев. Упомянутая Троицкая церковь стояла перед усадебным парком, возвышаясь над всем селением.

Петр Николаевич Сумароков не ограничивал свою деятельность сельским хозяйством. Много лет он служил Почетным смотрителем нерехтских училищ.

Большого, при смерти, Петра Николаевича перевезла из Москвы в село Красное-Сумароково его тетя Елизавета Андреевна, средняя из трех незамужних сестер.

Старшая сестра, Аграфена Андреевна, после смерти брата принялась с большим успехом за домашнее хозяйство. Распустила по паспортам много людей из огромной красносельской дворни, уничтожила псовую охоту, продала лишних лошадей. Видимо, тогда же остановилось производство на обеих фабриках в селе Красном, и без того уже пришедшее в упадок, и уже больше не возобновлялось.

После Петра Николаевича Сумарокова сменилось несколько поколений наследников имения: его сына Сергея Петровича, затем Петра Алексеевича и Абрама Петровича, далее Федора Абрамовича и т.д. Однако, дальнейшая история села Красного-Сумарокова, как и судьбы его владельцев остается за рамками нашей темы, предполагающей временной период истории имения как центра костромского льнопрядения.

ИСТОРИЯ СЕЛА ДУБЯНЫ

Село Дубяны, бывшего Галичского уезда, а ныне Островского района Костромской области, тесно связано с биографией генерал-майора и героя Отечественной войны Александра Александровича Алалыкина (1769 – после 1818), его предками и потомками. Он происходил из древнего дворянского рода, восходящего к XVI столетию, родоначальником которого «следует считать Темира Алалыкина, суздальского сына боярского, прославившегося в 1572 году в битве под Молодями, где знаменитый боярин князь Михаил Иванович Воротынский разбил наголову и прогнал крымского хана Девлет-Гирея, стремившегося к Москве с многочисленным войском. В этой битве, по древним сказаниям, Алалыкин убил зятя ханского Иль-Мурзу и взял в плен храброго Нагайского мурзу Дивия»⁴⁷.

«Список населенных мест Костромской губернии» уточняет местоположение родового гнезда костромской ветви Алалыкиных села Дубян: Галичский уезд, на торговом тракте из города Галича в город Кинешму, в 32 верстах от уездного города, при пруде. К 1877 году в селе было две православных церкви и ярмарка. Число жителей к тому же времени насчитывалось 108 мужского пола душ и 132 женского.⁴⁸ Дубяны и ныне существуют. Только из-за подвижности границ районов переместились из Галичского в Островский район бывшего Ивашевского сельсовета, от которого отстоят в пяти километрах и в тридцати пяти километрах от районного центра села Островского⁴⁹.

В истории села, в связи с разными владельцами, четко прослеживаются три этапа развития: Бартенеvский, Алалыкинский и Кольчевский.

О возникновении этого населенного места и периодах его развития поведал нам Дмитрий Федорович Белоруков: «Село Дубяны расположено на территории древнего Чудского стана, называвшегося так по имени реки Чудцы. В 1622 году Дубяны с соседними деревнями были пожалованы боярскому сыну И. И. Бартеvеву, по прозвищу «Чулук» за его участие в обороне Москвы от поляков. Предок И. И. Бартеvева – дьяк Алферий Бартеvев – был казнен по приказу Ивана Грозного»⁵⁰.

В числе владельцев усадьбы Дубяны можно назвать и Клеопатру Григорьевну Бартеvеву (младшую), вышедшую впоследствии замуж за Михаила Васильевича Шипова отставного прапорщика и костромского помещика. Среди их детей можно назвать губернского предводителя дворянства в 1875–1876 годах Василия Михайловича Шипова и Надежду Михайловну Шипову, ставшую женой Ивана Николаевича Катенина.

⁴⁷ Энциклопедический словарь. Т. I. / изд. Брокгауза и Эфрона. – СПб., 1891. – С. 349.

⁴⁸ Список населенных мест по сведениям 1870–72 годов. – СПб., 1877. – С. 158.

⁴⁹ Костромская область. Административно-территориальное деление на 1 янв. 1981 года. – Ярославль, 1983. – С. 121.

⁵⁰ Белоруков Д. Ф. Указ. соч. – С. 281.

«В роду Бартевых Дубяны были до 1780 года, когда Прасковья Александровна Бартева вышла замуж за костромского вице-губернатора А. И. Алалыкина (1 ноября 1726 — 10 декабря 1782). Дубяны, как приданое перешли к нему. После смерти Алалыкина вдова вышла замуж за Колычева и Дубяны перешли к новому мужу»⁵¹.

В Государственном архиве Костромской области сохранились документы XVIII столетия по усадьбе Дубяны, в частности ревизская сказка 1782 года, значительно расширяющая информацию о владениях помещиков Алалыкиных по их имению: «1782 года... дня вотчины Костромского наместничества вице-губернатора и бригадира Александра Ильича Алалыкина супруги его Прасковьи Александровны Галицкой округи села Дубяны и деревни Плюскова староста Артемий Григорьев... дал сию скаску. Галицкого уезду стану Чутцы Ишеславля в селе Дубянах 18 мужского пола душ и 18 женска полу. В деревне Староселье, в деревне Ешкове, в деревне Гольгине, в деревне Мялино, в деревне Судиновец, в деревне Сергееве итого 256 мужского пола и 316 женскаго»⁵².

Каменная Успенская церковь в селе построена в 1811 году П. А. Колычевой, урожденной Бартевой, в 1-м браке Алалыкиной. Здесь же на кладбище она и похоронена⁵³. Вторая церковь в селе построена сыном А. И. Алалыкина — Николаем Александровичем Алалыкиным (13 февраля 1778 — 12 октября 1858)⁵⁴.

О составе семьи Алалыкиных подробно рассказывает в своих мемуарах Елизавета Петровна Янькова. Она перечисляет детей четы Алалыкиных в связи со своими родственниками Постниковыми: «От второй жены у Постникова был только один сын Василий Васильевич, отец моего зятя. Он был женат на Елене Александровне Алалыкиной; старший из ее братьев, Александр Александрович, был при императоре Александре Павловиче гофринтендантом и, кажется, последним, до самого упразднения этой должности. Женат он был на Анне Ивановне Лавровой, и оба они доживали свою жизнь у себя в деревне, в селе Дубяны в Галиче. Меньшой брат, Николай Александрович, женился потом на Федосье Епафродитовне Станкевич, и тоже безвыездно жили в деревне там же. Было у них еще две сестры: Елизавета Александровна за князем Вадбольским и Наталья Александровна за генералом Корфом, но жили они в столице и к Дубянам отношения почти не имели. Мать Алалыкиных звали Прасковьей, урожденная Бартева, в первом браке за Алалыкиным, а когда овдовела, будучи еще молода и очень хороша собою, вышла вторично замуж за Николая Петровича Колычева и было у них три сына, но до совершеннолетия дожил только средний Петр Николаевич Колычев (отец Анны Петровны Боды)»⁵⁵.

Зная дату рождения старшего сына Алалыкина, Александра Александровича, 1769 год и дату брака его отца с П. А. Бартевой 1780, убеждаемся, что

⁵¹ Белоруков Д. Ф. Указ. соч. — С. 281.

⁵² ГАКО. Ф. 77. Оп. 4. Д. 21. Л. 69–69 об. (приведенный текст не является дословной цитатой, т. к. в документе он представлен в табличной форме с указанием количества душ в каждой деревне — прим. ред.).

⁵³ Белоруков Д. Ф. Указ. соч. — С. 281.

⁵⁴ Рассказы бабушки: Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. — Л., 1989. — С. 281.

⁵⁵ ГАКО. Ф. 77. Оп. 4. Д. 21. Л. 64. (Эта сноска не соответствует действительности. Должна быть сноска на мемуары Е. П. Яньковой. — прим. ред.)

он, как и его сестры и брат, не могут быть детьми П. А. Бартеневой. А скорее всего они ее пасынки, ибо в год заключения брака старшему из детей Александра Ильича Алаалькина было уже 11 лет. Его отцу уже было под пятьдесят, а жена, как поминала в своих мемуарах Е. Янькова, была намного младше мужа. Впрочем, молодость мачехи нисколько не помешала, а даже наоборот помогла ей сдружиться с детьми мужа.

Об Алаалькиных можно сказать словами Е. Яньковой, хотя они адресованы роду Постниковых: «Гнездо их было покоен века в Костроме, в Галиче, где они родились, плодились и умирали, и были все люди очень достаточные и уважаемые в той местности, но никто из них не бывал ни в высоких чинах, ни в особом случае».

Однако если к роду Постниковых это утверждение можно применить безоговорочно, то в роду Алаалькиных было все же одно исключение. Старший брат упомянутой Елены Александровны Постниковой, урожденной Алаалькиной, Александр Александрович Алаалькин, дослужился до немалого чина генерал-майора и прославился в войну с Наполеоном. Его имя до сих пор можно встретить в некоторых современных справочных военно-исторических изданиях.

Вот один из примеров: «Алаалькин Александр Александрович, генерал-майор. Родился в 1769 году, умер после 1818 года. Награды: ордена Св. Анны II-й ст., Св. Владимира IV-й ст. с бантом; золотая шпага «За храбрость». Из дворян Костромской губернии. Отец — полковник. В 1781 году записан в Л.-гв. Преображенский полк, а в 1793 году произведен в чин прапорщика. Боевое крещение получил в сражении под Гейльсбергом в 1807 году. В 1809 уволен за болезнью полковником и определен к статским делам, переименован коллежским советником и служил в гофинтендантской конторе. В 1812 году при сформировании Петербургского ополчения назначен начальником 10-й дружины, затем 4-й бригады. Отличился при штурме Полоцка, был комендантом в Кейданах. В 1813—1814 годах находился при осаде Данцига и за отличие произведен в генерал-майоры. После войны поступил в статскую службу»⁵⁶.

Совсем другая судьба выпала младшему брату А. А. Алаалькина, Николаю Александровичу Алаалькину (1778—1853). Его жизнь замкнулась в пределах усадьбы Дубяны, где он занимался сельским хозяйством, проживая в лоне дружной любящей семьи. Его женой стала дочь смоленских помещиков польского происхождения Епафродита Ивановича и Марфы Ивановны Станкевич — Федосья Епафродитовна Станкевич. После окончания Смольного института девушка жила с матерью в имении, но при посещении Москвы познакомилась с Николаем Александровичем Алаалькиным, сыном костромского вице-губернатора, очень понравившегося ей и ее родителям. Партия была удачной и вскоре молодые люди поженились и уехали в галичское поместье Алаалькиных Дубяны. Старший брат Николая Александровича, Александр Александрович был погружен в военную службу и редко посещал имение, которое целиком легло на плечи младшего брата. Он целиком ушел в работу. Следил за крестьянами, строил церковь в селе Дубяны вместе с матерью Прасковьей Александровной, а также в селе Кокорюкино, принадлежавшем родственникам, крестил у них детей. Е. Янькова вспоминала: «В 1829 году родился у меня внук Василий, третий сын

⁵⁶ Российский архив / Вып. VII. — М., 1996. — С. 294.

у дочери Постниковой 6 июля в их деревне. Крестил его Николай Александрович Аалыкин и, кажется, Елена Александровна Постникова).

Впрочем, принимая огромное участие в управлении хозяйством Дубян, Николай Александрович не был формальным хозяином имения. Оно принадлежало его старшему брату Александру Александровичу, а после смерти последнего — его вдове Анне Ивановне, урожденной Лавровой, это зафиксировано в документах ревизионной комиссии, составленных в 1858 году в преддверии Великой реформы по освобождению крестьян.

Еще несколько слов о Елене Александровне Постниковой, урожденной Аалыкиной, сестре двух вышеперечисленных братьев Аалыкиных. Опять обратимся к мемуарам Янковой, давшей ей справедливую характеристику: «Свою сватью Елену Александровну я никогда не видывала. Она в Москву не ездила, а я в Галиче не бывала. Слыхала я про нее, что она очень умная женщина, но пренастойчивая и пресамонравная. Она постоянно жила в своей деревне, в Курилове и имела большое семейство; сыновей было только двое Николай Васильевич, мой зять, да брат Дмитрий Васильевич, неженатый, да пять дочерей Варвара (за Турчаниновым), Софья (сперва за Петром Николаевичем Сумароковым, а потом за Сергеем Александровичем Янковым), Прасковья умерла в девицах, Любовь (за Доливо-Добровольским) и Надежда за Вальмус. Ей не хотелось, чтобы сыновья женились, да и дочерей бы оставили девушками, ежели бы они были не так бойки; второй сын Дмитрий так и не женился в угодность матери, и дочь Прасковья — хуже всех лицом — пережила мать и дожила девицей уже немолодою.

Деревенское житье-бытье Постниковой-старухи и ее дочерей было вполне барское, не в роскоши, но в простоте и довольстве. По старине был в доме дурачок Макарушка, который старуху смешил и забавлял. К ней съезжались соседи, подолгу гостили, но особенным расположением она не пользовалась по своему непокладистому пресамонравному и кострючистому характеру».

Отец вышеперечисленных детей и муж строгой Елены Александровны Василий Васильевич Постников (1771—1820) был чиновником VII класса московского департамента Провиантского штаба, премьер-майором, участником войн 1805—1807 и 1812—1814 годов, имел ранения. В 1800 году владел ус. Заторское.

Утверждение краеведа Д. Ф. Белорукова о переходе имения Дубяны в руки нового мужа вдовы А. И. Аалыкина Николая Петровича Кольчева не нашло своего документального подтверждения. По крайней мере, до реформы 1861 года владелицей имения значилась вдова Николая Александровича Аалыкина — Анна Ивановна, урожденная Лаврова. Но вполне возможно, что в виду отсутствия потомства у Аалыкиных в третьем поколении от Александра Ильича, усадьба могла перейти сыну его вдовы от ее второго брака Петру Николаевичу Кольчеву, а после него его дочери, но это уже и не так важно, поскольку недалеко было то время, когда все помещичьи владения были конфискованы у помещиков в пользу государства. Но и по сей день погост села Дубяны хранит прах своих владельцев бригадира Александра Ильича Аалыкина, его жены Прасковьи Александровны и ее 2-го мужа Н. П. Кольчева, майора и кавалера Николая Александровича Аалыкина и некоторых других близких родственников⁵⁷.

⁵⁷ Русский провинциальный некрополь. — СПб., 1914. — С. 14—15.

БОРЕЕВО – УСАДЬБА КАТЕНИНЫХ

Роду Катениных за все время его существования в Костромском крае в двух уездах — Чухломском и Кологривском, принадлежат Гремя из них, Шаевым, Колотиловым и Бореевым, в разные годы владел поэт и драматург Павел Александрович Катенин. Бореево наименее изученное поместье Катениных и в данной статье мы попытаемся восполнить этот пробел.

Из двух древнейших катенинских вотчин Бореево занимало второе место после Клусеева. Оно было отказано далекому пращуру поэта — Кириллу Лазаревичу Катенину за его участие в обороне Москвы от поляков в 1624 году. В состав надела входили деревни Ларионовское, Терентьево, Якушево и другие. В то время в Борееве стоял двор вотчинника, 2 людских двора и 5 крестьянских. Деревянная Богоявленская церковь в Борееве построена в 1677 году при парфеньевском воеводе Никите Елизаровиче Катенине. Через полтора века она крайне обветшала и ее пришлось заменить. На полях семейной катенинской псалтыри, хранившейся в господском доме села Клусеева есть следующая запись: «Октября 22 1767 года было освящение храма в с. Борееве Богоявленского собора и Петропавловского придела, а освещал оные престолы Городецкого Авраамиева монастыря игумен Антоний и того же монастыря игумен Варлаам»⁵⁸. Но и он простоял недолго из-за пожара 26 декабря 1775 года. Новую Богоявленскую церковь построил в 1776 году дед поэта Федор Иванович Катенин. 1 августа 1776 года новая церковь Богоматери Казанской была освящена.

1 августа 1783 года напротив алтаря новой каменной церкви села Бореева был погребен Василий Иванович Катенин, брат Федора Ивановича, строителя церкви — один из владельцев села.

Ф. И. Катенин владел Бореевым не единолично, а совместно с братом Василием Ивановичем Катениным, губернским прокурором. После их смерти (Василий Иванович умер в 1783, а Федор Иванович в 1787 году) имение наследовали сыновья последнего — Александр Федорович, отец поэта, и Николай Федорович, дядя поэта.

Сохранилось несколько документов того времени, касающихся владельцев Бореева и один из них мы приведем полностью: «1788 году февраля дня в Чухломском уездном суде чухломские помещики гвардии Преображенского полку капитан Александр да секунд-майор Николай Федоровы сыны Катенины сказали, что они верящее письмо Чухломской округи церкви Богоявления господня, что в селе Бариеве священнику Ивану Парфенову о продаже дворовых людей Руфа Никитина и Павлина Петрова да крестьянской девки Акиньи Васильевой подлинно дали. А к письму своеручно подписались и оное впредь опровергать не будут. Лейб-гвардии Преображенского полку капитан Александр Федоров сын Катенин. Секунд-майор Николай Федоров сын Катенин»⁵⁹.

⁵⁸ Белоруков Д. Указ. соч. — С. 470.

⁵⁹ ГАКО. Ф. 133. Оп. 1. Д. 3864. Л. 503 (листа с таким номером в деле нет — прим. ред.).

Комментарий к письму тот, что лишившись родителя, а, следовательно, и материальной поддержки, братья Катенины были вынуждены продавать крепостных. Впрочем, в этом же 1788 году произошел раздел, и по нему Николаю Федоровичу перешло село Занино с деревнями, его брату Андрею Федоровичу Клусеево с деревнями, а Александру Федоровичу Бореево с деревнями, все поместья в Чухломском уезде Костромской губернии.

Далее имения наследовали дети перечисленных владельцев. Хозяин Бореева Александр Федорович Катенин (1757–1808) в трехлетнем возрасте был записан в Лейб-гвардии Семеновский полк, однако, позднее служил в Лейб-гвардии Преображенском полку. Участник войны со шведами. Дослужился до чина полковника. В 1799 г. командовал 3-м Гренадерским полком. За финансовые злоупотребления и грубое обращение с подчиненными был предан суду. Позднее был комендантом в городе Одессе. Жена Дарья (Дарья) Андреевна Пурпур, гречанка по национальности (1762–1819), дочь черниговского дворянина генерал-поручика артиллерии А. Я. Пурпур. Она вместе с тремя сыновьями Григорием, Петром и Павлом после смерти супруга наследовала Бореево с деревнями, а после ее смерти в 1819 году Петр и Павел (Григорий погиб в Отечественную войну), поделили общие поместья и Павлу досталось село Шаево с деревнями, что в Кологривском уезде, а Петру чухломское Бореево. Петр Александрович Катенин родился в 1787 году, то есть был на пять лет старше брата. В 1804 году он поступил коллегии юнкером в Министерство внутренних дел и дослужился до чина статского советника. 17 января 1811 года стал кавалером ордена Св. Владимира IV-й степени.

Оба брата служили в Петербурге, с поместьями справлялись управляющие.

Мы располагаем довольно подробным описанием Бореева 1839 года, составленным по случаю неплатежа долга Петром Александровичем Катениным, составленным его управляющим и дворовым человеком Ефимом Алексеевым. Оно довольно интересно и передает ранее неизвестную информацию об имении.

«Означенные селения от почтовой столбовой дороги состоят от 12 до 8 верст, от торгового уездного города Чухломы от 16 до 10 верст. Крестьяне состоят на оброке и на заделье. При селе Борееве занимаются хлебопашеством и разными работами. Сбыт пшеничного хлеба производится на месте и в городе Чухломе, посредством издельных людей на лошадях. Дом деревянный, из елового леса, на каменном фундаменте, крыт тесом же, крашен охрою, мерою в длину на десяти, в ширину на пятнадцати сажених. При входе на парадное крыльцо имеет

Могила П. А. Катенина в Чухломе.
1954–1992 гг.

антресоль, в коем доме имеется комнат: внизу одиннадцать и вверху антресолей три, всего четырнадцать комнат. По бокам два входа, равно и в сад парадное крыльцо, особых украшений не находится, полы во всем доме не крашенные соснового леса из досок. Дом находится в ветхом виде. К оному господскому дому принадлежат следующие отдельные строения: на красном дворе четыре флигеля из елового лесу, первый мерою длиною семи, поперечины трех сажень, в коем три комнаты, крыт двоетесом в прочном виде. Второй такой же меры и лесу. В нем две комнаты, крыт двоетесом в прочном виде. Третий длиною шести, шириною трех сажень, в нем комнат две, крыт двоетесом, в ветхом виде. Четвертый погреб при нем два отделения флигелей в таком же виде ветхие, в коих проживают дворовые люди.

Конский двор, для размножения и продажи домашнего скота, как-то: лошадей на двадцати пяти сажнях в квадрате величины, крыт тесом по сколе, в середине онаго имеется для жилья конюхов изба; мерою в квадрате трех сажень, крытая двоетесом. Все сии строения из елового леса находятся в самом ветхом виде.

При селе находится шатровая ветряная мельница о двух поставах в квадрате на четырех сажнях, о шести деревянных крыльях, из елового леса, крытая и обитая тесом в посредственном виде.

При доме господском имеется сад. Из берез, лип, акаций, сирени, рябины, черемуховых деревьев, и в оном саду находятся два пруда, в них имеется рыба караси.

Близь онаго саду церковь приходская каменная трехпрестольная, во имя Богоявления Господня, при оной состоит причту: священник, дьячок и пономарь. Жительство они имеют на собственной, отведенной им земле.

За палисадом красного двора находятся разные службы, как-то: три флигеля из елового леса. <...> Скотный двор из елового леса длиною тридцати, шириною девяти сажень. Крыт двоетесом. Прочного строения. Сарай для экипажей из елового леса, длиною восьми, шириною трех сажень. Крыт тесом по сколе. Строение прочное. Кузница из елового леса трех сажень в квадрате, крытая тесом в посредственном виде, с имеющимися инструментами. Три овина с крытою ладною из елового леса длиною все три сажень в квадрате, крытые тесом. Ладонь длиною двадцать сажень крытая соломой. Сарай из елового леса для соломы, длиною 20, шириною 3 сажень, крытый соломой. Все сии строения находятся в посредственном виде.

Людская баня из елового леса, длиною четырех, шириною трех сажень, крытая двоетесом, находится в посредственном виде. Хлебные амбары из елового леса, длиною четырнадцати, шириною трех сажень, крытые тесом по скале в ветхом виде. На красном дворе во флигеле имеются два стана, на коих выткываются ткацкие полотна, единственно для помещика, а не на продажу и оные станы из елового лесу с должным прибором.

О скоте: лошадей стоялых жеребцов четыре, меринов не езжалых пять, кобыл маток двадцать одна, жеребят разных лет пятнадцать. Коров дойных двадцать, телиц разных годов пятнадцать, быков, что называются племенных три, бычков разных годов тринадцать. Овец племенных десять, баранов два, ягнят вновь родившихся десять. Свиной одна двух годов. Птиц домашних: уток две, селезень один, кур русских десять, петухов два.

Описание о хлебе и фураже. Ржи 46 четвертей, которых хлеб должен употребиться для посева к будущему 1840-му году для продовольствия дворовых людей и скота. Овса 30 четвертей, который нынешнею весною должен употребиться для продовольствия скота. Ячмени 10 четвертей, который тож ныне должен употребиться для людей и частию для скота. Пшеницы две четверти, которая ныне часть должна храниться до будущего года, а последняя для продовольствия людей. Льняного семя две четверти. Которое должно храниться часть до будущего года на посев, а последняя на битье масла для дому. Сена налицо вновь накопленного находится пятьдесят девять стогов.

Льну находилось 10 пудов из которого вырабатываются ткачами полотна для домашнего обиходу до 250 аршин, который и выдан для пряжи дворовым.

В селе Борееве дворовых людей мужского пола душ: 17. В деревне Савкине крестьян 9, тягол 4, дворов 4, лошадей 5, рогатого скота 10. В деревне Авдовине 25 мужского пола душ, тягол 6, дворов 5, лошадей 8, рогатого скота 12. В деревне Рыстанове крестьян 29 мужска пола душ, тягол 12, дворов 12, лошадей 18, рогатого скота 29. В деревне Салыкове 6 мужска пола душ, 2 тягла, 2 двора, 4 лошади и 6 голов рогатого скота. В деревне Некрасове 16 мужска пола душ, 6 тягол, 6 дворов 11 лошадей и 12 голов рогатого скота. В починке Давыдове 5 мужского пола душ, 2 тягла, 3 двора, 4 лошади и 8 голов рогатого скота. В селе Михайловском 4 мужского пола души, 2 тягла, 3 двора, 4 лошади и 6 голов рогатого скота. Итого во всех селениях и деревнях 103 мужского пола души, 35 тягол, 36 дворов, 56 лошадей, 86 голов рогатого скота. На обroke состоит 15 тягол, на издельи господском 20 тягол.

О земле и угодьях по селу Борееву. Под селением, садом, огородами, гумнами и конопляниками 19 десятин, 1012 сажен. Пахотной земли 97 десятин 307 сажен. Сенного покосу 174 десятины 973 сажени. Лесу дровяного 43 десятины 550 сажен. Неудобной земли 14 десятин 334 сажени.

В отхожей пустоши Швецовой состоящей по селу Борееву находящейся в общем владении с г-ном Павлом Катениным, на часть г-ну Петру Катенину состоит сенного покосу 57 десятин 200 сажен.

Опись чинил дворянский заседатель Филипп Потехин <...> 16 февраля 1840».

Опись Бореевского имения дает нам довольно полную и яркую картину давно уже несуществующего поместья, почти не затронутого исследователями-краеведами. Да и мемуарная литература не пестрит упоминаниями о нем. Впрочем, несколько строк, посвященных Борееву и его хозяину, мы находим в воспоминаниях писателя-лексикографа Н. П. Макарова — крестного сына Петра Александровича Катенина: «В 1835 году, — писал он, — во время моей первой отставки, я навещил этого эксцентрического папашу крестного в его Борееве — прекрасной усадьбе в 12 верстах от Чухломы. Показал он мне тогда свой конный завод: выводили и проводили много мной разных жеребцов и маток. Несколько лет спустя эксцентрик этот весьма трагически окончил свою жизнь: его убили дворовые люди баронессы фон Кампенгаузен, с которой давно имел он интимные отношения»⁶⁰.

Надо уточнить степень родства автора воспоминаний с его героем. Дед братьев Катениных, Федор Иванович, имел родного брата Василия Ивановича —

⁶⁰ Макаров Н. П. Указ соч. — С. 26

губернского прокурора. Дочь последнего Аграфена Васильевна Катенина (1728–1776) была замужем за Макаром Степановичем Мичуриным, родственником известного архитектора И. Ф. Мичурина и родственником чухломского писателя Н. П. Макарова. В своих записках Н. П. Макаров дал уничижительную характеристику братьев Катениных. О хозяине Бореева он писал: «Петр Александрович Катенин, мой крестный отец, был тоже замечателен, но не умом, не талантами, в которых он и до колена не доходил до своего брата, а своею эксцентричностью. Он был подвержен периодическим запоям, затем очень любил причты, и городские, и деревенские, и любил их особенно во время своих запоев. Компания их становилась тогда для него необходимостью, как воздух. Поэтому где бы он ни находился во время этих запоев, у него всегда была подобрана такая компания из причетников. Но что же он и проделывал с ними! Сначала накормит их на убой и напоит до бесчувствия, до одеревенелости. Избежать этого блаженного состояния не мог ни один из его собеседников. А потом и пошла потеха. Например: одного из причетников, полуупоенного заставил взлечь на печь и пропеть оттуда эктению. Наконец, собрав их однажды у себя в доме, усадил их за круглый стол и употчевал так, что все они заснули сидя и опустив головы на стол. Тогда взял он сургуч и печать, и припечатал к столу все восемь бород. Вслед за тем, несколько из его прислужников вбежали в комнату, где сидели упоенные, усыпленные и припечатанные бородатые гости, и закричали во все горло: «Пожар! Дом горит! Спасайтесь! Пожар!» Можно себе представить какая произошла сцена, когда причетники проснулись в испуге и принялись спасаться бегством от пожара... Бедные бороды!»⁶¹.

Так препроводил свои летние досуги в Борееве хозяин имения. Но еще более жестокими и, можно сказать, преступными были его деяния в Петербурге, где он служил в Министерстве внутренних дел под началом графа В. П. Кочубея, с семнадцатилетнего возраста. Был, как уже говорилось, «невенчанным мужем» баронессы Прасковьи Петровны Кампенгаузен. Отличался жестокостью и жадностью. Известно, например, что он пытался опротестовать действия своей матери Дарьи Андреевны Катениной, рожд. Пурпур, отпустившей на волю 17 девушек из своего имения Шаево, указывая на то, что будучи ее наследником, лишается через такие ее действия законного дохода. В Государственном архиве Костромской области обнаружен документ «О предании баронессы Кампенгаузен и статского советника Катенина за задавление мальчишка церковному покаянию...» В данной бумаге говорится об уклонении самих лиц под предлогом болезни. Так что печальный конец Петра Александровича Катенина, проживавшего в последние годы в имении баронессы фон Кампенгаузен Быстреево Гдовского уезда Петербургской губернии и убитого там ее дворовыми людьми в 1841 году, был не так уж непредсказуем⁶².

Имение застреленного брата перешло к Павлу Александровичу Катенину.

Впрочем, поэт не нуждался в дополнительном недвижимом имении, поскольку в его владении была полученная в дележе с братьями кологривская

⁶¹ Там же. С. 28.

⁶² Муравьева И. Б. Кто был отцом Прасковьи Михайловны – дочери баронессы Прасковьи Кампенгаузен? // Известия русского генеалогического общества / Вып. 17. – СПб., 2005. – С. 56.

усадьба Шаево — его творческая резиденция и благоприобретенная, то есть купленная у помещика Лермонтова чухломская усадьба Колотилово. Однако, долг перед родными, упокоившимися на местном погосте, не позволил П. А. Катенину пренебречь родовой усадьбой, и она стала его третьим поместьем.

«Три усадьбы у него прехлебороднейшие, — говорил о нем священник в биографическом романе А. Ф. Писемского «Люди сороковых годов», — а ни в одной из них ни зерна ни хлеба нет, только на семена велит оставить, а остальное все бедным раздает!»⁶³

Несмотря на то, что пятидесятилетний поэт, в силу лет уже почти не занимался творчеством, а если и писал, то по привычке предпочитал это делать в Шаеве, и, несмотря на то, что мало времени у него оставалось на обиход его нового имения, его биография, вернее конец ее, тесно связан с Бореевым.

Поэт погиб 23 мая 1853 года и был похоронен в Борееве на погосте местной Богоявленской церкви. Известно, что он умер от ушибов, полученных в результате падения из коляски, которую понесли лошади. Это произошло недалеко от его кологривской усадьбы Шаево 5-го мая. Почти две недели поэт медленно умирал на руках своего крестного сына Вячеслава Федоровича Пяткина. В проsvетах памяти он вспоминал прожитую жизнь и подводил ее итог. Сочиненная перед смертью, эпитафия самому себе и есть итог его жизни: «Павел сын Александров, из роду Катениных. Честно отжил свой век, служил Отечеству верой и правдой, в Кульме бился насмерть, но судьба его пощадила. Зла не творил никому и менее добра, чем хотелось».

Текст эпитафии был послан двоюродному брату Александру Андреевичу Катенину, в то время оренбургскому губернатору, и он отлил ее на металлической пластине, которую по приезде в Бореево водрузил на могиле поэта. Казалось, что усопший навсегда обрел покой. Судьба распорядилась иначе.

Когда Бореево перестало существовать, по инициативе Чухломского райисполкома прах поэта в 1955 году перевезли на городское кладбище Чухломы. Над могилой был поставлен памятник, представляющий собой выполненный из кирпича и штукатурки прямоугольник, поставленный на ребро. На лицевой стороне памятника в лавровом венке помещен барельефный профиль П. А. Катенина со следующей надписью: «Катенин Павел Александрович. 1792—1853 гг. Русский поэт, драматург, критик, один из ранних приверженцев демократических идей, активный деятель тайного общества «Союз спасения»».

К двухсотлетию юбилею П. А. Катенина в 1992 году в Чухломе было восстановлено надгробие с эпитафией над его могилой, копирующее первоначальную могилу в Борееве. Восстановительный проект разработал в 1992 году архитектор А. П. Чернов.

⁶³ Писемский А. Ф. Собрание сочинений. Т. 4. — М., 1959. — С. 214.

ИЗ РОДА ПУРПУРОВ

Мало кто знает, что поэт пушкинской поры Павел Александрович Катенин помимо русской крови своего отца носил в себе и греческую кровь матери Доротей (Дарьи) Андреевны Пурпур, то есть являлся полукровкой. Факт немаловажный, поскольку, как известно, смешение кровей в одном человеке повышает творческий потенциал носителя, достаточно вспомнить А. С. Пушкина с его африканской примесью, М. Ю. Лермонтова с шотландской, В. А. Жуковского с турецкой и т. д.

«Коктейль кровей» влияет не только на творчество, но и на мировоззрение и менталитет полукровок. В связи с ранней потерей отца, влияние матери Катенина на него было вдвойне сильным и во многом определяющим.

Доротей (Дарья) Андреевна Пурпур (1762–1819) дочь черниговского дворянина, генерал-поручика и директора Санкт-Петербургского шляхетского сухопутного корпуса Андрея Яковлевича Пурпура, грека по национальности (?–1804). Мы располагаем его послужным списком, рассказывающем о ступенях его достаточно успешной военной карьеры.

В «Списке генералов и офицеров с указанием, в каких сражениях каждый участвовал», говорится: Андрей Пурпур. Графа «В службе»: «1737 июля 26 из волонтеров в кондукторы; 1740 — в прапорщики; 1741 в флигель адъютанты; 1743 в подпоручики; 1748 в поручики; 1751 25 апреля в капитан-поручики; 1755 25 декабря в капитаны; 1768 1 января в премьер-майоры; 1759 1 января в подполковники; 1763 марта в полковники; 1770 1 января в генерал-майоры.

Графа «где именно в походах и на батальях находился» 1759 году в Пруссии где будучи июля 12 при Рущуке и августа 1 числа в сражениях с неприятелем находился в разных командированиях был»⁶⁴.

Хотя вышеприведенный формуляр обрывается на 1770 году, из других источников нам удалось проследить остальную часть биографии Андрея Яковлевича Пурпура. С 1766 года он инженер-полковник и член канцелярии главной артиллерии и фортификации. А с 1773 по 1784 год он исполняет должность генерал-директора Сухопутного шляхетского кадетского корпуса. Мы знаем лишь о трех детях генерала Пурпура, и сведения эти крайне скупы. У него было два сына — полковник Тверского гарнизонного батальона, имя которого неизвестно и генерал К. А. Пурпур, шеф Владимирского мушкетерского полка, а третьим ребенком Андрея Яковлевича Пурпура была его дочь Доротей Андреевна Пурпур, вышедшая замуж за Александра Федоровича Катенина, отца поэта.

Отец жениха, Федор Иванович Катенин (около 1725–1787), в 1743 году был пожалован в капралы, в 1746 в подпрапорщики, в 1746 в сержанты, в 1755 в полковые секретари в ранге поручика, в 1761 капитан-поручиком и, наконец, в 1762 отставлен полковником от армии. После чего, скорее всего, вернулся в свое имение село Клусеево Чухломского уезда Костромской губернии, где

⁶⁴ РГАДА. Ф. 286 (Герольдмейстерская контора). Оп. 1. Д. 890. Л. 212.

П.А. Катенин

около 1755 года женился на Матрене Васильевне Толбузиной, дочери солигаличского помещика. У четы Катениных было, за вычетом умерших в детстве, дочь и три сына, старшим из которых и являлся Александр — жених Доротеи Пурпур. И хотя полковник Федор Иванович Катенин не дослужился до чина генерала, как Андрей Яковлевич Пурпур, зато у него было преимущество материального свойства. Он владел тремя имениями в Чухломском уезде Костромской губернии: Клусевым, Бореевым и Заниным, 1000 душ крепостных и около 10000 десятин земли.

Отцам обоих чад нетрудно было пересечься на военной дороге, а при знакомстве их детей и вспыхнувшем взаимном тяготении, вопрос об их дальнейшей судьбе решился как бы сам собой.

11 ноября 1780 года молодые обвенчались в церкви Первого кадетского корпуса, директором которого являлся отец новобрачной Андрей Яковлевич Пурпур. Жениху, сержанту Лейб-

гвардии Семеновского полка, в тот момент было всего 23 года, а брачующейся 18. Всех привлекла необыкновенная красота невесты, через много лет запечатленная в стихотворении ее младшего сына Павла как «лепая Дорида». Лепая — то есть красивая, а имя Дорида вымышленное, производное от Доротеи. Костромской краевед А. А. Григоров писал по этому поводу: «...в святцах имени Дарья нет, Дарья есть только один раз в году, 19 марта. Но 6 февраля церковь отмечает память мученицы Доротеи или Доротеи, и, очевидно, что дочь Андрея Яковлевича была названа Доротеей, но как это имя было непривычно для семьи Катениных, то она и звалась обычным именем Дарья»⁶⁵.

После венчания молодое семейство Катениных ежегодно пополнялось числом. Всего детей было девять, восемь из которых нам известны по именам: Александр Александрович Катенин (родился 11 октября 1781 года), Сергей Александрович Катенин (родился 29 сентября 1782 года), Мария Александровна Катенина (родилась 5 октября 1783 года), Федор Александрович Катенин (родился 1 февраля 1786 года), Петр Александрович Катенин (родился 30 мая 1787 года), Григорий Александрович (родился 20 марта 1789 года), Павел Александрович Катенин (родился 11 декабря 1792 года), София Александровна Катенина (родилась 11 февраля 1794 года).

Из всех сестер и братьев до совершеннолетия дожили лишь трое сыновей Александра Федоровича и Дарьи Андреевны: Петр, Григорий и Павел. Долгое время семья проживала в Петербурге, где проходила служба Александра Федоровича, в собственном доме, принадлежавшем главе семейства.

Взглядевшись в список детей Александра Федоровича и Дарьи Андреевны, а также в даты их рождения, замечаем, что почти ежегодные приращения семейства, прерываются пару раз, пока совсем не обрываются в 1794 году.

⁶⁵ Сапрыгина Е. Костромская вотчина Катениных. — Кострома, 1992. — С. 93.

Видимо эти паузы объясняются неблагоприятными периодами жизни клана Катениных-Пурпуров или напряженным положением в стране, например войнами, в которых представители данных родов, как военные люди, должны были деятельно участвовать. Проверка этого предположения подтвердила его верность. Первая значительная пауза в деторождении пришлась на 1783–1786 годы. В 1783 году тяжело заболела и умерла мать Александра Федоровича Матрена Васильевна Катенина, а следующий год доставил много неприятностей членам семьи Пурпуров. Указом Екатерины II по представлению Г. А. Потемкина отец Дарьи Андреевны, А. Я. Пурпур, был уволен не по своей воле с должности директора Шляхетского корпуса. Это событие не только повлияло на престиж и финансовое положение семейства, но и повлекло за собой еще более тяжкие последствия. Столь громкое дело потрясло свекра А. Я. Пурпура — Федора Ивановича Катенина и свело его в могилу в 1787 году. Он похоронен в Клушееве на местном погосте.

Смерть Ф. И. Катенина повлекла за собою в 1788 году раздел наследства между тремя его сыновьями, образовавшими три самостоятельные ветви рода, Александром, Николаем и Андреем Федоровичами. По разделу старшему сыну Александру отошло чухломское село Бореево с прилежащими деревнями и более чем 300 душами крепостных крестьян. Так, в 31 год А. Ф. Катенин становится самостоятельным владельцем добротного имения.

Раздел имения требовал присутствия всех его участников и поэтому приезд Александра Федоровича Катенина в Костромскую губернию и встреча его с братьями Николаем и Андреем весьма вероятны. Дарья же Андреевна, естественно, осталась в Петербурге с детьми, наблюдая за их занятиями с наемными учителями и занимаясь домашним хозяйством. Число детей четы Катениных к тому времени значительно сократилось ввиду их ранней кончины.

Возвращаясь к первоначальному их списку, находим вторую паузу в деторождении, приходящуюся на период с 1789 по 1792 год. Как известно, в 1789 году шла война России со Швецией, начавшаяся годом ранее, и капитан Лейб-гвардии Семеновского полка А. Ф. Катенин 31 мая вместе с полком выступил в поход против шведов. Он участвовал в двух сражениях при переправе через реку Кимень, что в Большом канале, и в сражении под Ути. Обратившись цел и здоров 15 октября того же года. Мирный же договор со Швецией был подписан 3 августа 1790 года в деревне Вереле, в Финляндии, что и означало конец войны.

Но одновременно со шведами, Россия воевала и с турками. А. Ф. Катенин в 1790 году был направлен на новый фронт и принял участие во взятии турецкой крепости Измаил. Эти события благотворно повлияли на военную карьеру Александра Федоровича: В 1785 году он получает чин полковника, в 1797 — генерал-майора, в 1799 году — генерал-лейтенанта.

За заслуги на военном поприще, он в 1797 году назначается генерал-губернатором Одессы, а в 1799 году, в виду начавшейся войны с Францией, вместе с мушкетерским полком своего имени, отзывается из Одессы и принимает участие в Итальянском походе под командованием А. В. Суворова.

Одесский период очень важен не только для самого губернатора, но и для его семьи, в частности сына Павла, будущего поэта, поскольку выявляет фрагмент

его ранней детской биографии. С 1797 года, т. е. с пятилетнего возраста, он жил с отцом в Одессе до 1799 года, т. е. до семи лет, а может и позже, и, не исключено, что какое-то время обучался в местном лицее, позднее названном Ришельевским училищем⁶⁶.

А его отец в то время продолжал воевать. Он командовал на Волыни гренадерскими полками (Сибирским, Херсонским и Киевским), был шефом мушкетерского своего имени полка. В походах он очень возмужал, огрубел физически и душевно, укрепляя дисциплину в полках, порой не знал меры в наказаниях как физических, так и финансовых (штрафах). За финансовые злоупотребления и грубое отношение к подчиненным он был отстранен от командования и отдан под суд. При следствии на его поместья был наложен секвестр, то есть запрет власти на пользование имуществом какого-либо владельца, в том числе находящегося под следствием до приговора суда. А следствие тогда тянулось годами. Семья Александра Федоровича оказалась в чрезвычайно тяжелом материальном положении. Дарья Андреевну и ее детей спасло кологриовское имение Шаево, купленное Александром Федоровичем Катениным у своих дальних родственников Олсуфьевых в 1794 году и подаренное жене, а потому и не подвергшееся секвестру. Еще в начале XIX столетия Александр Федорович основал в Шаеве винный завод и поставлял вино и водку по всей губернии. Солигаличский откупщик Иван Верховский, получая от владельца завода вино в больших бочках, тару порой забывал или не хотел возвращать, что породило жалобу А. Ф. Катенина, поданную в ноябре 1803 года в адрес костромского губернатора Н. И. Кочетова. Губернатор повелел городничему принять меры, что тот и сделал. Между прочим, из документов следует, что накануне описываемых событий, Андрей⁶⁷ Федорович посещал Кострому, где был тепло принят у губернатора⁶⁸.

Чтобы прокормить семью, Дарье Андреевне пришлось самой взяться за винный бизнес в Шаеве, а точнее в усадьбе Дорофеевской, названной по ее имени, и дело пошло. Следствие затянулось на годы. В 1804 году умер Андрей Яковлевич Пурпур — отец Дарьи Андреевны, в 1805 году скончался ее брат К. А. Пурпур, который также был причастен к следствию над А. Ф. Катениным. Ему вменялось в вину нераспорядительность и злоупотребления в полку. С ними прекратилась и финансовая поддержка катенинского семейства. Дарья Андреевна была вынуждена отдать своих сыновей на гражданскую службу. Петр Александрович еще в 1804 году определился в Министерство внутренних дел и 31 марта ему был пожалован чин коллегии юнкера в Департаменте графа Кочубея, а 3 октября 1805 года шестнадцатилетний Григорий и в 1806 году четырнадцатилетний Павел стали чиновниками Министерства просвещения, где служили в то время Гнедич, Батюшков, зародившие в младшем Катенине любовь к поэзии. Жалование сыновей пополняло домашнюю казну. Заводик в Шаеве также стабильно давал доход, так что семье не только хватало на пропитание, но и достало средств на поездку на Кавказ для лечения сильно сдавшего главы семьи.

⁶⁶ М. Погодин утверждал, что П. А. Катенин обучался в Царскосельском лицее вместе с А. С. Пушкиным, вероятно спутав Царскосельский лицей с Одесским Ришельевским и не приняв во внимание семилетнюю разницу в возрасте двух поэтов. — Е. С.

⁶⁷ Вероятно имеется в виду Александр Федорович — прим. ред.

⁶⁸ ГАКО. Ф. 133. Оп. 6. Т. 2. Д. 2161. Л. 1. (Дела под таким номером в оп. 6 не существует — прим. ред.)

Там, на минеральных водах в крепости Константиногорск (позднее Владикавказ) 27 августа 1808 года Александр Федорович и скончался.

Смерть А. Ф. Катенина закрыла следствие по его делу и освободила от секвестра его имения. Правда, возвращение имений требовало больших бюрократических хлопот. Вот один из примеров, документ ГАКО 1820 года: «Его превосходительству господину Костромскому Гражданскому губернатору и кавалеру Николаю Федоровичу. Генерал-лейтенантши Дарьи Андреевой дочери жены Катениной. Покорнейшее прошение. Назад тому пять лет как покойный муж мой Александр Федорович поданным прошением в Чухломской уездный суд просил о выделе ему следуемой по планам и писцовым книгам, здешней округи по селу Михайловскому части земли, дошедшей ему по наследству от дяди его, майора Василья и родителя его полковника Федора Ивановичей и матери его, Матрены Васильевны Катениных, но уездным судом по тому прошению и по сие время никакого исполнения не учинено. Через каковое промедление уездного суда, доставшиеся после смерти мужа моего мне с детьми моими крестьяне лишены пользования тем, что точно нам принадлежит, и претерпевают в жизненных припасах большую нужду. Ваше превосходительство, благоволите начальническою вашею властию приказать Чухломскому уездному суду по данному от покойного мужа моего прошению о выделе принадлежащей нам части сделать исполнение, а чтоб в вытребования для вымежевания принадлежащего нам участка уездного землемера не могло последовать дальнейшей проволочки, по нахождению онаго в здешнем городе, снабдить своим предложением, дабы крестьяне наши могли иметь время для будущего года. К сему прошению Дарья Андреева дочь вдова генерал-лейтенанта Катенина руку приложила. Июля _ дня 1810 года»⁶⁹.

Осиротевшая семья вновь стала обеспеченной и братья Катенины смогли в 1810 году перевестись с гражданской службы в военную, а именно в престижный Лейб-гвардии Преображенский полк. Сначала такое желание проявил решительный по характеру Григорий, вслед за ним «духом незлобный» Павел. 3 марта 1810 года братья были уволены из Министерства просвещения и определены сходно с желанием их, в Лейб-гвардии Преображенский полк портупей-прапорщиками. Когда Дарья Андреевна, выросшая в семье военных Пурпуров и породнившаяся с военной семьей Катениных, услышала решение младшего сына, от которого никто ничего подобного не ожидал, она, вознеся к небу руки, воскликнула: «Благодарю тебя, Боже, я узнаю в нем сына своего!»⁷⁰

В составе полка, братья Катенины участвовали в Отечественной войне 1812 года. Из похода домой вернулся один Павел и то с тяжелым ранением. Его старший брат Григорий скончался от раны, полученной при Бородино, и был похоронен под городом Копысом на Могилевщине. Эти события описаны в стихотворении П. А. Катенина «Элегия», время действия которого перенесено во времена Александра Македонского:

«Сетуя, так вещал Евдор благородный,
Сын Полимаха-вождя и лепой Дориды,
Дщери Порфирия, славного честностью старца.

⁶⁹ ГАКО. Ф. 133. Оп. 1. Д. 3864. Л. 1–1 об.

⁷⁰ Писемский А. Ф. Собрание сочинений. Т. 4. – М., 1959. – С. 210.

Предки Евдора издревле в дальнем Епире
Жили между Додонского вешего леса,
Града Вуффрота, и мертвых вод Ахерузы:
Двое, братья родные, под Трою ходили:
Старший умер от язвы в брани суровой,
С Неоптолемом младший домой возвратился.⁷¹

Под Неоптолемом поэт подразумевал своего двоюродного брата Ивана Николаевича Катенина (1783 – 1854), который во время войны был штабс-капитаном Лейб-гвардии Измайловского полка. Домой гвардия возвращалась из Шербурга в Петербург на кораблях русской эскадры и, плывущий на одном из них, П. А. Катенин написал стихотворение «Грусть на корабле», в котором передал нервное напряжение от ожидания предстоящего возвращения на родину после трехлетнего отсутствия. Он закончил его словами:

... Что ж! Может счастливей буду, чем прежде,
С матерью свидясь, обнявши друзей.
Полно же, сердце, вернися к надежде;
Чур, ретивое, себя не убей.⁷²

Для встречи армии-победительницы, возвращавшейся домой из похода, в составе которой был и Павел Катенин, Дарья Андреевна приехала из Костромской губернии в Петербург, а между тем, в Костроме ее дожидалось жизненно важное известие, которое она узнала лишь спустя несколько месяцев по возвращении в августе 1814 года.

Костромской губернатор Пасынков получил деловое письмо из Твери следующего содержания: «Господину действительному статскому советнику Костромскому гражданскому губернатору и кавалеру Пасынкову Тверского коменданта и командира гарнизонного батальона полковника Нагаткина. Вверенного мне Тверского гарнизонного батальона подполковник Пурпур сего года генваря 6 числа волею божию помре после коего оставшееся имение следует по наследству родной его сестре госпоже статской советнице Катениной, проживающей в Костромской губернии, о чем я двоекратно делал уведомление через почту письмом на имя ее, но оно по неявлению к получению на почте корреспондента, доставляется ко мне обратно, почему в рассуждении неизвестности совершенного ее местопребывания, Ваше превосходительство, покорнейше прошу по жительству означенной госпожи статской советницы во вверенной вам губернии прилагаемое у сего на имя ее письмо, через коего следует ей доставить, с тем, чтоб она благоволила кого-либо с узаконенною доверенностью для получения оставшегося после брата ее имения послать ко мне доверительно последующим не оставить меня своим уведомлением. Полковник Нагаткин. Тверь. Июля 10 дня 1814 года.»

Для семейства Катениных, сократившегося до трех человек, матери с двумя сыновьями, утратившими отца, семерых братьев и сестер, большой дом в Петербурге стал пустым и обременительным. Мать большую часть времени

⁷¹ Катенин П. А. Избранные произведения. – М.-Л., 1965. – С. 187.

⁷² Там же. С. 76.

проводила в Шаеве, благотворно влияющем на ее здоровье, сильно пошатнувшееся в последние годы, да и перешедшее к ней имение мужа Бореево требовало неусыпного внимания. Ее сыновья проживали по месту службы, а потому, в 1814 году дом Катениных в северной столице был продан Олсуфьевым, у которых в свое время было куплено Шаево.

Осенью 1816 года Дарья Андреевна давала отчет Чухломскому правлению о своих доходах, поступающих из ее имений: «Во исполнение Высочайшего манифеста, последовавшего в 11 день февраля 1812 года, известить честь имею, что состоящих за мною по Чухломскому уезду в деревне Савкине с другими деревнями 40; в Солигаличском в деревне Жарском 2 и Кологривском уезде в деревне Шаеве и прочими 155 душ. За исключением платежной ссуды императорского восьмилетнего банка процентов и капитала дохода на будущий год надеюсь получить 1000 рублей. Октября 19 дня 1816 года. Дарья Андреевна вдова генерал-лейтенанта Катенина»⁷³.

Средства с имений, в основном, шли на содержание сыновей в столице. Петр и Павел регулярно писали матери, отчитываясь о своих делах. Порой происходили курьезные моменты, об одном из которых сам поэт рассказывал Писемскому: «Вон у меня брат родной подписывался в письмах к матушке: «Примите мое глубочайшее высокопочитание!» — так что я, наконец, говорю ему: «Мой милый, то что глубоко, не может быть высоко!»⁷⁴

Так ли предупредителен был Петр Александрович Катенин к своей матушке в жизни, как на бумаге? Известно, что его мать Дарья Андреевна, жившая в своей усадьбе Шаево, много своих крепостных отпустила на волю. Узнав об этом Петр Александрович Катенин пришел в негодование и пробовал опротестовать действия своей матери, указывая, что отпущенные его матерью на волю 17 девок стоят каждая, по меньшей мере, по 200 рублей и что мать его не имеет права распоряжаться так, ибо он тоже является наследником ее и через такие действия матери лишается законного дохода. Недолго Петру Александровичу Катенину пришлось ждать, когда его права наследника осуществляются. Смерть застигла ее в Борееве, где она и похоронена на погосте Бояявленской церкви. Ей исполнилось всего 43 года, но бесконечные роды истощили организм, а многочисленные потери близких — душу. Приехавшие из Петербурга сыновья, отдав родительнице последние почести, разделили полюбовно оставшееся им наследство, причем, Петру досталась чухломская часть недвижимого, т.е. усадьба Бореево с россыпью деревень, а Павлу — кологривская с эпицентром в Шаеве с винным заводом, сыгравшем впоследствии роковую роль в его судьбе⁷⁵. В следующем 1820 году, Павел Александрович получил в Петербурге письмо от своего приятеля А. С. Грибоедова из Тавриза, в котором тот в частности писал: «Любезный Павел Александрович. Мне дали известие о смерти Дарьи Андреевны. Кому не жаль матери! Но может статься, ты уже утешен. До меня известия из России доходят как лучи от Сириуса, через шесть лет, а потому не

⁷³ ГАКО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 242. (В фонде дела под таким номером не существует. — прим. ред.)

⁷⁴ Писемский А. Ф. Собрание сочинений. Т. 4. — М., 1959. — С. 11.

⁷⁵ Частые пробы водки и вина Шаевского винзавода постепенно превратили поэта в хронического алкоголика — Е. С.

сообщи тебе своих размышлений, как бы я на твоём месте расположился в качестве Помещика. Ты, вероятно, давно уже зажил по-своему»⁷⁶.

В 1820 году у П. А. Катенина, действительно, произошел перелом в судьбе. Оставив, и не по своей воле, военную службу, он отдался литературному творчеству, а спустя пару лет стал помещиком своего Шаевского имения. Несколько лет провёл на Кавказе, восстановясь на военной службе. Затем опять вернулся в Костромскую губернию, пережил гибель брата, унаследовав его имения, и в 1853 году погиб сам, разбившись на лошадях. На нём пресеклась некогда многочисленная и шумная ветвь катенинского рода, идущая от генерал-лейтенанта Александра Федоровича Катенина и его жены Доротеи Андреевны Пурпур, являвшейся эпицентром этой ветви рода и греческой матерью Павла Александровича Катенина — поэта, драматурга, переводчика, театрального педагога и незаурядного человека, сумевшего сделать свою фамилию поистине бессмертной.

---

⁷⁶ Грибоедов А. С. Сочинения в двух томах. Т. 2. — М., 1971. — С. 200–201.

ИСТОРИЯ СЕЛА КОКОРЮКИНА

Имение Кокорюкино располагалось в шести с половиной верстах от Галича по левую сторону почтового тракта, идущего в город Кологрив от Чухломского тракта, на реке Шокше⁷⁷.

О первых владельцах мы имеем следующие сведения. «В переписи 1635 года о нем записано: «За Иваном Бартеневым село Кокорюкино на речке Шокше, а в нем храм во имя чудотворца Николая стоит пуст. <...> Этот Бартенева приходился внуком Алферия Бартенева, казненного по приказу Ивана Грозного»⁷⁸.

К усадьбе примыкали деревни Кокорюкино, Мельниково, Меркурово, Дыхлово, из которых в настоящее время сохранилась лишь одна деревня Кокорюкино, расположенная в двадцати километрах от Галича⁷⁹.

Последними дореволюционными владельцами имения были костромские помещики Лермонтовы. Один из них, надворный советник Василий Николаевич Лермонтов (1801–1862), получил часть имения в 1837 году «от девицы Островских». Вторую часть имения купила за два года до этого, его жена Вера Васильевна Лермонтова у Марии Сергеевны Соковниной, урожденной Островской. Позже имение наследовал их сын Геннадий Васильевич Лермонтов 1830 года рождения.

Факт приобретения имения Лермонтовыми от Островских подтверждается документом, хранящимся в ГАРО, а именно ревизской сказкой 1834 года по сельцу Кокорюкину с деревнями Меркулово, Дыхалово и Мельниково покойной помещицы из дворян девицы Елизаветы Петровны дочери Островской, владевшей 95 мужского и 113 женского пола душами. Главная же информация о причастности к этому имению Лермонтовых содержится в помете под документом: «В 1837 году отказано Лермонтову. СПб. Гражд. Палата 19 февраля 1837 г.»⁸⁰

Любопытно, что передача имения была оформлена в Санкт-Петербурге, впрочем, известно, что Лермонтовы долгое время жили в Северной столице и оба похоронены там. Имения же, как родовое, Ивановское, так и благоприобретенное Кокорюкино с деревнями служили лишь местом летнего отдыха и финансово-продолжительной базой для семьи.

Василий Николаевич Лермонтов (родился 5 мая 1801 года) был костромским помещиком и владел усадьбой Ивановское. Служил сначала в Лейб-гвардии Егерском полку, ушел в отставку 28 февраля 1828 года в чине штабс-капитана. Был женат на Вере Васильевне Слащовой (ум. в 1884 году), племяннице известного генерала Н. М. Сипягина, адъютанта генерала П. И. Багра-ти-

⁷⁷ Крживоблоцкий Я. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Главного штаба, Костромская губерния. — СПб., 1861.

⁷⁸ Белоруков Д. Ф. Указ. соч. — С. 100

⁷⁹ Костромская область. Административно-территориальное деление на 1 янв. 1981 год. — Ярославль, 1983.

⁸⁰ ГАРО. Ф. 200. Оп. 3. Д. 473. Л. 1047 об.

она. Вслед за мужем она приобрела в 1837 году село Кокорюкино с деревней Меркуровой «у девиц Островских». Ее муж умер в Санкт-Петербурге 8 октября 1862 года.⁸¹ Более точные сведения о продаже части имения, купленного Лермонтовыми у Островских, содержатся в документе, хранящемся в ГАКО. Это ревизская сказка за 1850 год. В ней говорится: «1850 года сентября 14 дня Костромской губернии Галичского уезда деревень Дыхлово, Мельниково и Меркурово помещика надворного советника Василия Николаевича Лермонтова о состоящих за ним мужеска и женска пола кестьян, доставшихся ему по купчей от коллежской асессорши Марии Сергеевны Соковниной в 1835 году <...>»⁸²

Кто же такая коллежская асессорша Мария Сергеевна Соковнина? Начнем с того, что она урожденная Островская, следовательно, ее отец был Сергей Островский. Через Н. М. Алексеева нам удалось получить копию послужного списка С. Б. Островского, отца Марии Сергеевны: «Родился около 1780 года, из дворян, православный. За отцом его в 1816 году состояло в Московской и Ярославской губерниях 900 душ крепостных. В службу вступил 8 марта 1793 года подпрапорщиком в Лейб-гвардии Преображенский полк, в том же полку дослужился до полковника (вернее капитана – 29 июня 1810 года, следующий чин получил при переводе в армию), в 1801–1807 годах был батальонным адъютантом, затем строевым офицером. Высочайшим повелением 15 октября 1811 года переведен полковником в армейскую пехоту и назначен шефом Копорского пехотного полка – 21 января 1813 года. Участник французской кампании 1807 года. Участвовал в кампаниях 1812–1814 годов. За отличие при Бородине (сражался на главе гренадерской команды полка во 2-й Сводно-гренадерской дивизии 4-го пехотного корпуса) награжден орденом Св. Владимира IV-й степени с бантом. За отличие под Вязмой (27 октября 1812 г.) награжден орденом Св. Анны II-го класса. За отличие при Бауцине и при осаде Данцига, во время которой получил контузию ядром в голову и ранение пулей в ногу, получил высочайшее благоволение от Александра I.

После возвращения в 1815 году в Россию командовал Копорским пехотным полком (6-я пехотная дивизия 1-го пехотного корпуса), который затем был переименован в Любавский.

14 декабря 1816 года отдан под суд по делу смотрителя Себежского провиантского магазина Гаврилова. Определение было вынесено 1 апреля 1817 года. Исключен из списков полка умершим 22 октября 1819 года. Был женат на дочери действительного статского советника Надежде Федоровне Ахлестышевой, у них дочь Мария»⁸³. Речь идет о Марии Сергеевне Соковниной, урожденной Островской. Ее брак с Николаем Дмитриевичем Соковниным состоялся в Москве 2 июля 1830 года.⁸⁴

Надо сразу оговориться, что, несмотря на то, что Мария Сергеевна продала часть имения Кокорюкино, а именно село Кокорюкино и деревню Меркулово, в 1837 году В.Н. Лермонтову, вторая часть имения – деревни Дыхлово

⁸¹ Сведения о Лермонтовых извлечены из картотеки А. А. Григорова – Е. С.

⁸² ГАКО. Ф. 200. Оп. 14 Д. 48. Л. 452.

⁸³ Информация получена от заведующего музеем Мологского края Н. М. Алексеева в его письме к Е. В. Сапрыгиной от 15 апреля 2004 года. – Е. С.

⁸⁴ См. там же.

и Мельниково ей не принадлежали, и были куплены женой Василия Николаевича Лермонтова, Верой Васильевной, урожденной Слащевой, еще за два года до того. Имение было родовым, оно перешло ей в обход ее отца, по известным обстоятельствам, от родной сестры ее деда Бориса Петровича Островского — Елизаветы Петровны Островской, незамужней девицы, получившей в свою очередь имение от матери бригадириши Анны Егоровны Островской, жены бригадира Петра Яковлевича Островского.

Девичья фамилия Анны Егоровны Островской нам, к сожалению, неизвестна, а потому мы не знаем, откуда она получила несколько костромских имений, например, указанные в документах ГАКО пустоши в Галичском уезде — Данилково, Лобанову и Алексину, а также уже упомянутое имение Кокорюкино. Возможно, Анна Егоровна происходила из Костромского рода Бартеневых, тогда переход в ее владение имения Кокорюкино, некогда принадлежавшего их роду, стало бы вполне обоснованным. Впрочем, переход имения мог осуществиться и через покупку, без родственных связей, однако, так или иначе, Кокорюкино перешло в руки Анны Егоровны, ставшей женой бригадира и могологского помещика Петра Яковлевича Островского. В документе ГАКО за 1786 год читаем: «За бригадиршей Анной Островской в селце Кокорюкине 28 мужска пола и 25 женскаго пола крестьян, в деревнях Меркурове 29 мужска и 13 женска, Дыхалове 27 мужска и 33 женска, Мелникове 19 мужска и 8 женска»⁸⁵.

Супруги Островские основным местом пребывания имели могологскую усадьбу Нескучное-Глебово, позднее просто Нескучное, недалеко от села Кузьма-Демян или Козьмодемьянское, где в 1801 году отмечалось окончание строительства и освящение новой церкви, в котором Островские принимали участие как благотворители. В Государственном архиве Ярославской области хранится дело «О пожертвовании Могологским помещиком Островским денег в сумме 150000 рублей, данных на строительство в с. Козьмодемьянском церкви Могологского уезда 1805—1806 гг.» Нам не удалось узнать имя мецената, но, в любом случае, это если не Петр Яковлевич, то кто-то из его близких родственников.

У этой семьи было несколько детей, из которых мы по документам знаем сына Бориса Петровича Островского и дочерей Катерину, Татьяну и Елизавету. Последняя и наследовала от матери Кокорюкино, что подтверждается рядом документов ГАКО, в частности, ревизскими сказками по имению на 1816 и 1834 год. В заголовке последней говорится: «Ревизская сказка тысяща восемьсот тридцать четвертаго года генваря второго дня Костромской губернии Галичского уезда селца Кокорюкина с деревнями Меркулова, Дыхалова и Мелникова покойной помещицы из дворян девицы Елизаветы Петровой дочери Островской о состоящих мужска и женска пола крестьянах»⁸⁶. В конце сказки, где поименно перечисляются крестьяне по имению, дается итог: 95 мужского пола душ и 113 женского.

Вообще, документ дает нам немалую информацию. Если в аналогичной сказке за 1816 год Елизавета Петровна Островская числится еще живой, то в 1834 году она уже покойная. Следовательно, мы имеем приблизительную дату ее смерти. Далее она называется в документе девицей, следовательно, это неза-

⁸⁵ ГАКО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 21. Л. 59.

⁸⁶ ГАКО. Ф. 200. Б/ш. Д. 231. Л. 452 (сноска не соответствует действительности — прим. ред.).

мужняя женщина, и, не имея прямых наследников, продает его Лермонтовым. Отсюда на этом же документе внизу текста помета: «Отказано Лермантову СПб. Граждан. Палата 19 февр. 1837» и упоминание, что имение получено от девиц «Островских», очевидно, имеется в виду как Елизавета Петровна, так и ее незамужние сестры или одна из них. Костромское имение Кокорюкино не перешло и к брату Елизаветы Петровны — Борису Петровичу Островскому, очевидно, уже умершему к тому времени. Впрочем Б. П. Островского с Костромским краем связывали другие узы. Он был первым костромским губернатором. А, как известно, первый блин всегда комом. О его правлении шла скандальная слава.

Как известно, в 1797 году Костромское наместничество было преобразовано в губернию и управлять ею довелось первому губернатору Борису Петровичу Островскому. О его злополучном правлении писал в 1913 году костромской краевед Скворцов: «В 1798 году для встречи государя в Нерехту, проездом в Ярославль, выехали преосвященный Костромской Павел и гражданский губернатор Островский с чиновниками губернии. За несколько часов до приезда государя прибыл в Нерехту из императорской свиты князь Нелединский, родственник Костромского губернатора и вместе тайный его недоброжелатель, дал коварный совет губернатору, чтобы он приказал городничему встретить государя у городской заставы с отрядом гусар с обнаженными саблями. Неизвестно по этой или по другой причине император отдал высочайший приказ о немедленном удалении губернатора из Нерехты, позже последовало и снятие Островского с должности губернатора»⁸⁷.

О том, что бывший Костромской губернатор Островский не оставил свои амбиции и позже норовил восстановиться в должности, правда уже не Костромского, а Ярославского губернатора красноречиво говорит его письмо неизвестному благодетелю, посланное из Мологи в Петербург и датированное 17 апреля 1801 года. «Ваше Высокопревосходительство Милостивый государь! Всегдашние ваши ко мне милости, позволяют мне ныне беспокоить вашего Высокопревосходительства письмом моим. Сотвори милость! Испроси у милосердного государя, чтобы я паки определен был в губернаторы; дабы враги мои не радовались моему безвременью, ибо их я стараньем был отправлен в 1798 году июня 28 дня из губернаторов Костромских. Великую милость, милостивый государь, оказать изволите, есть ли буду я определен в Ярославль в губернаторы на место господина Слудина. Но во всем предаю себя в высокое вашего Высокопревосходительства покровительство; ведал колико вы человеколюбивы и сострадательны. Состояние мое по ненависти ко мне графа Якова Александровича Брюса совершенно расстроено, так что никак не могу зделать излишнего расходу, а от таво в Питербурих приехать без покровительства твоего не могу. Семью же имею большую, которая требует содержания то и паче. Итак милостивый государь, допусти меня прославлять милости и добродетели твои во все мое служение, а я служил 37 лет беспорочно, хоть оставлен без всякого награжденья. С истинным моим высокопочитанием и совершеннейшей преданностию имею честь именовать себя вашего Высокопревосходительства милостивого государя всепокорнейшим слугою Борис Островский. Апреля 9 дня 1801 года. Город Молога»⁸⁸.

⁸⁷ Скворцов Л. Материалы для истории г. Костромы. Ч.1. — Кострома, 1913.

⁸⁸ ГАРО. Ф. 179. Оп. 1. Д. 373. Л. 1 об.

Итак, соответственно вышеприведенному документу, костромской губернатор Б. П. Островский происходил из Ярославских или точнее Мологских дворян. Он родился в семье бригадира Петра Яковлевича Островского и его жены Анны Егоровны Островской. Службу начал в 1761 году. Эту дату получаем, вычитая из года отставки 37 лет службы. И если он начал служить лет в 20, то время его рождения приходится на начало 1740-х годов.

Кому же мог адресовать свое письмо оставленный Костромской губернатор? Возможно, своему предшественнику Ивану Варфоломеевичу Ламбу, костромскому наместнику, занимавшему эту должность в течении десяти лет, а после отставки переехавшему в Петербург и ставшему членом Военного Совета?

И. В. Ламб (1741 – 1801) стал Костромским наместником в 1786 году, 45-ти лет от роду. Он уже проявил себя как опытный администратор, исполняя аналогичную работу в Пермском (с 1780 г.) и Иркутском (с 1782 г.) наместничествах и потому на целое десятилетие задержался на должности Костромского наместника. Не он ли спротезировал Островского на свое место. Как масон, Ламб имел возможность влиять на выдвижение своих людей на административные посты. Кроме того, его смерть в год получения письма Островского не позволила ему принять необходимые меры и мы видим позднее Б. П. Островского на месте Московского полицмейстера.

На Костромской земле, однако, остались следы его пребывания. За годы службы он приобрел недвижимость, купив у статской советницы княгини Натальи Ивановны Путятиной село Петрилово с деревнями Сухоногово, Пасынково и Шемякино с 235 душами крестьян. От брака с Марией Ивановной Лачиновой он произвел на свет и воспитал детей: сына Петра, сержанта Лейб-гвардии Преображенского полка и дочерей Анну Ивановну, бывшую замужем за Иваном Кузьмичем Васьковым, автором первого печатного труда о Костроме, и Марию Ивановну, вышедшую замуж за Александра Петровича Голохвастова. Обе дочери стали костромскими помещицами.

Бывший Костромской губернатор Б. П. Островский последние годы жизни провел в Москве. Точной даты смерти его мы не знаем, но в документах он числится покойным уже в 1810 году.

Мать Костромского губернатора умерла до 1810 года, в это же время ее сына тоже не было в живых, поскольку его жена по документу этого же времени числилась вдовой.

Будучи еще живой, мать губернатора Анна Егоровна Островская владела имением Кокорюкино в 80-х годах XVIII столетия совместно с Прасковьей Александровной Алаалькиной, урожденной Бартенеовой. В 1780 году последняя вышла замуж за костромского вице-губернатора Александра Ильича Алаалькина, получившего от Бартеневых в приданое село Дубяны с деревнями и от жены часть имения Кокорюкино. В документе 1786 года мы читаем: «Бригадира Александра Алаалькина Галичского уезда в селе Кокорюкине 1 мужского пола душа и 4 женска <...>»⁸⁹

Каменная Николаевская церковь в селе Кокорюкине построена в 1788 году на средства Парасковьи Александровны Кольчевой, Алаалькиной по 1-му

⁸⁹ ГАРО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 21. Л. 32 об. (Дело выбыло из архива – прим. ред.)

мужу, и ее сына Николая Александровича Алалыкина. В 1811 году ею же была построена Успенская церковь в селе Дубяны, принадлежавшем ее мужу Александру Ильичу Алалыкину⁹⁰.

Другой сын А. И. Алалыкина и П. А. Алалыкиной, урожденной Бартеновой, Александр Александрович Алалыкин стал известным военачальником. Родился он в 1769 году. В 1781 записан в Лейб-гвардии Преображенский полк, в 1793 произведен в чин прапорщика. Боевое крещение получил в сражении под Геймсбергом в 1807 году. В 1809 уволен за болезнью полковником и определен к статским делам, переименован коллежским советником и служил в гофинтендантской конторе. В 1812 году при сформировании Петербургского ополчения назначен начальником 10-й дружины, затем 4-й бригады. Отличился при штурме Полоцка, был комендантом в Кейданах. В 1813-14 годах находился при осаде Данцига и за отличие произведен в генерал-майоры. Имел награды: ордена Св. Анны II-й степени, Св. Владимира IV-й степени с бантом, золотую шпагу «За храбрость». После войны поступил в статскую службу. Умер после 1818 года⁹¹.

Итак, нами прослежен весь дореволюционный путь села Кокорюкина с деревнями, от его первых владельцев Бартеновых до последних Лермонтовых, хотя и в обратном порядке.

Какова же была цель проделанной работы? Признаемся прямо. Ее вызвала фраза, содержащаяся в одном из писем старейшего и, увы, давно покойного костромского краеведа Александра Александровича Григорова галичскому краеведу П. А. Смирнову: «О Лермонтовых собрано более 200 имен родственников поэта. Селения Дыхомово, Кокорюкино, Мельниково и Меркурово куплены в 1837 году у Григория Островского – родственника Григория Островского, портреты которого найдены в Солигаличе <...> Усадьба Кокорюкино была уничтожена еще при Островских, Лермонтовы ее не возобновляли»⁹².

Согласитесь, что не имея возможности спросить краеведа об источниках такого заявления, и зная его абсолютную научную добросовестность, нам не оставалось ничего другого, как заняться историей села и его владельцев, что мы и сделали, представляя читателю результаты своего поиска. Но, как видим, несмотря на причастность к имени Кокорюкино представителей дворянского рода Островских, Григория Островского (художника) мы там не наблюдаем. Это, тем не менее, еще ни о чем не говорит, ведь этот род разветвлен и наши материалы не совсем полны.

Хотим, однако, предупредить, что сердцевина имений и представителей рода Островских тяготеет к Ярославской губернии, точнее, к Мологскому уезду, а костромские, точнее галичские Островские лишь отпочковавшая веточка мологских Островских, что можно подтвердить еще одним примером. Имя Кокорюкино, оставшееся после умершей девицы Елизаветы Петровны Островской, опекала некая Анна Захаровна Островская. Как правило, в опекуны выбирались близкие родственники покойных. И, действительно, Анна Захаровна,

⁹⁰ Белоруков Д. Ф. Указ. соч. – С. 281.

⁹¹ Российский архив /Вып. VII. – М., 1996. – С. 294.

⁹² Копия письма А. А. Григорова П. А. Смирнову хранится в личном архиве автора. – Е. С.

урожденная Тютчева, двоюродная тетка известного русского поэта, была женой Дмитрия Борисовича Островского — младшего сына Костромского губернатора, а ее родная сестра Мария Захаровна Тютчева вышла замуж за Якова Алексеевича Шипова, родного брата Евдокии Алексеевны Шиповой — матери известного русского писателя Алексея Феофилактовича Писемского. Вот какой букет знаменитых имен и фамилий соприкасается с историей внешне ничем не примечательного галичского села Кокорюкино. И где-то на его фоне маячит загадочный фантом художника 2-й половины XVIII столетия Григория Островского, тайну которого нам еще предстоит разгадать.

МОГИЛА ГРИГОРИЯ ОСТРОВСКОГО В ПОНИЗЬЕ

Прежде всего, стоит уточнить местоположение обозначенного в заголовке статьи села Понизье, поскольку в Костромской губернии их насчитывалось два в Галичском и Солигаличском уездах. Игнорируя первое, заострим свое внимание на втором.

«Село Понизье Солигаличского уезда Костромской губернии было центром древней Понизовской волости. Волость эта располагалась в нижней части Солигаличской осады и этим обязана своему названию»⁹³. Расположено оно на торговом тракте из Галича через Чухлому, Солигалич в Тотьму при реке Вексе и речке Ичесте в 34 верстах от Солигалича. Во второй половине XIX столетия оно насчитывало всего 5 дворов и до нашего времени не сохранилось.

Долговременными владельцами этого имения были помещики Лермонтовы. Одним из них являлся Сергей Михайлович Лермонтов – владелец и Понизья и близлежащей усадьбы Суровцево, в которой стоял его деревянный господский дом, окруженный парком и хозяйственными постройками. На речке Соне стояла мукомольная мельница Лермонтова. В селе же Понизье в 1797 году была выстроена каменная Никольская церковь, точнее она была перестроена из бывшей до нее деревянной церкви. При церкви находился погост, где, кстати сказать, были захоронены супруги Черевины: Иван Григорьевич в 1766 году и Наталья Стефановна в 1776 году⁹⁴. Понизье был ближайший от черевинской усадьбы Нероново, погост, находившийся от нее всего в двух верстах. На этом же погосте, по некоторым дошедшим до нас сведениям, похоронен художник-портретист XVIII столетия Григорий Островский, создатель портретной галереи в усадьбе помещиков Черевиных в Нероново.

О месте захоронения художника мы располагаем изустным свидетельством сороколетней давности некоего Алферова Александра Михайловича, в то время восьмидесятилетнего москвича костромского происхождения. Этот А. М. Алферов родом был из деревни Дураково Солигаличского уезда, которая находилась в двух верстах от Неронова. Позднее он жил в деревне Часовново, что в восьми верстах от усадьбы Черевиных. Его дед гонял ямщину у этих помещиков. По словам его внука, в Понизье с правой стороны возле самой церкви была могила с деревянным крестом и металлической дощечкой: «Здесь покоится тело Григория Островского». Александр Михайлович посетил погост вместе с отцом, который ему рассказывал, что Островский был живописцем у Черевиных и в то же время, что-то вроде денщика хозяина⁹⁵.

Изустные свидетельства почему-то считаются менее достоверными, чем свидетельства документальные, видимо, по причине субъективности их хранителей,

⁹³ Белоруков Д. Ф. Указ. соч. – С. 407.

⁹⁴ Комментарий А. А. Григорова к выставке «Солигаличские портреты». Машинописанная копия с авторского текста, снята Е. Сапрыгиной в 1970-х годах. – Е. С.

⁹⁵ Рассказ Алферова зафиксирован автором статьи летом 1974 года. – Е. С.

но в нашем случае А. М. Алферов по своему складу, как объективный свидетель, не вызывает сомнений, а его рассказ при проверке географической панорамы, на которой разворачивались события, совпадают до малейших деталей. В любом случае, отмахиваться от этой информации мы не можем. К тому же мы просто обязаны собрать дополнительные сведения о селе Понизье, способные подтвердить, или опровергнуть рассказ Алферова.

В фамильной галерее Неронова помимо портретов хозяев имения Черевинных, находился и портрет Анны Сергеевны Лермонтовой, дочери Сергея Михайловича Лермонтова — владельца Понизья. Как правило, в фамильных галереях не допускались изображения посторонних людей, а потому, мы имеем основание предположить родственную связь Черевинных с Лермонтовыми. И, действительно, эту родственную связь обнаружил «патриарх костромского краеведения» А. А. Григоров:

«Черевини также были и в родстве с Лермонтовыми. Наталья Матвеевна Лермонтова была замужем за Иваном Яковлевичем Черевинным, родственником нероновских Черевинных. Сама она была родом из усадьбы Колотилово, а усадьба И. Я. Черевина называлась Нестерово. Все это в Чухломском уезде»⁹⁶. И. Я. Черевин имел чин коллежского асессора.

Нероновский сосед Сергей Михайлович Лермонтов происходил из Острожниковской линии Лермонтовых. Он был сыном отставного прапорщика Лейб-гвардии Измайловского полка Михаила Михайловича Лермонтова (1716—1769) и его жены Анастасии Федоровны Брянчаниновой (ум. в 1799 г.). Они владели в Чухломской округе усадьбой Острожниково, что на речке Пенке, в 10 верстах от Чухломы. Видимо, именно там, в 1744 году и родился их сын Сергей Лермонтов, который, в 1763 году был записан солдатом в Лейб-гвардии Семеновский полк. Отставлен поручиком в 1769 году. Скорее всего, в это время он женился на Елене Васильевне Куломзиной и получил за ней поместье Понизье, в котором позднее построил каменную церковь. Спустя еще год, в 1771 году поступает на службу на должность частного смотрителя от заразных болезней и скотского падежа в Чухломской округе и остается на этой должности до 1776 года. В 1771 году рождается дочь Анна, портрет которой в пятилетнем возрасте пишет маслом художник Григорий Островский. Возможно, существовал портрет и самого С. М. Лермонтова, но он до нас не дошел, или попал в число неизвестных, потеряв свое имя. В то время Сергей Михайлович Лермонтов состоял уже на другой службе в коллегии экономии, куда определен в 1776 году и служил до 1781 года. Что касается портрета его дочери, то неизвестно, где он создан: то ли в их усадьбе Суровцево, то ли в Нероново, где отец с дочерью могли гостить, а заодно и позировать. Как бы то ни было, но портрет «осел» в Нероново, что является подтверждением добрососедских и родственных связей Лермонтовых и Черевинных. Любопытно отметить, что отцы хозяев Неронова и Суровцева Иван Григорьевич Черевин и Михаил Михайлович Лермонтов не только неприязненно относились друг к другу, но и затеяли судебную тяжбу⁹⁷. Их сыновья, однако, сумели преодолеть конфликт и наладили добрые семейные отношения. С. М. Лермонтов пользовался уважением соседей-дворян, ко-

⁹⁶ Григоров А. А. Из истории костромского дворянства. — Кострома, 1993. — С. 249.

⁹⁷ См. Григоров А. А. Из истории ... — С. 251. — прим. ред.

торые в 1785 году избрали его в свои предводители. Однако он не забывал и своего имения, и в 1797 году в Понизье перестроил каменную церковь. Он вкладывал большие суммы в Чухломский Авраамиев монастырь, где и был по смерти похоронен рядом с супругой. На их могиле находилась плита с надписью: «Здесь покоится прах добродетельнейших из людей — Сергея Михайловича и Елены Васильевны Лермонтовых. Сей памятник воздвигнут их воспитанником и родным внуком Сергеем Телепневым»⁹⁸.

А как же сложилась судьба единственной дочери супругов Лермонтовых? Исследованиями А. А. Григорова установлено, что Анна Сергеевна Лермонтова родилась в Суворовце в 1772 году. Она состояла в замужестве за генерал-лейтенантом Стахеем Телепневым и жила в Петербурге, где и скончалась 6 июля 1832 года. Дети А. С. Телепновой: 1. Елизавета Стахеевна 2. Елизавета Стахеевна (5 сентября 1796 года — 25 декабря 1837 года). 3. Алексей Стахеевич, титулярный советник, наследовал костромские имения своей матери. Был женат на Марии Гавриловне Вишневской, родной сестре декабриста Федора Гавриловича Вишневого.

Любопытно, что в числе детей Анны Сергеевны Лермонтовой, в замужестве Телепновой, не отмечен Сергей Телепнев, поставивший памятник на могиле деда и бабки.

Говоря о родителях Сергея Михайловича Лермонтова, мы можем привести слова его отца Михаила Михайловича Лермонтова о его служебной деятельности из судебного дела Чухломского суда, в котором он судился с Иваном Григорьевичем Черевиным, за оскорбление личности, и которое он проиграл: «<...> начал свою службу барабанщиком Лейб-гвардии Измайловского полка в 1731 году и служил Блаженныя и вечнодостойные памяти государыням-императрицам Анне Иоанновне и Елизавете Петровне и, проходя службу, был произведен в капитанармусы, а в 1747 году за имеющимися у него болезнями, был отставлен вовсе от воинской и статекской службы с награждением чином прапорщика, на свое пропитание в свой дом»⁹⁹.

*Г. Островский
Портрет Анны Сергеевны Лермонтовой
(1771/1772 — 1831). 1776
холст, масло. 44х34. КМЗ*

⁹⁸ Там же. С. 249.

⁹⁹ Там же. С. 252.

Известно, что его мать, Анастасия Федоровна, происходила из вологодского рода дворян Брянчаниновых, из которого, кстати сказать, происходил и известный писатель-священнослужитель епископ Игнатий (Брянчанинов). Это имеет важное значение, если вспомнить, что ярославский род дворян Островских, близких родственников Червиных, из которых, вполне возможно, произошел и сам художник Островский, также имел родственные связи с Брянчаниновыми, а это означает, что и Лермонтовы и Островские состояли в свойстве — бескровном дальнем родстве. И знакомство их с художником не было чисто деловым, а скорее родственно-дружеским, что, между прочим, в какой-то степени объясняет и нахождение портрета девочки Лермонтовой в фамильной галерее Неронова¹⁰⁰.

В любом случае, поместье Лермонтовых Понижье сохраняет следы пребывания художника на своей земле и, более того, хранит в себе его прах, делая эту землю памятным местом отечественной культуры и истории.

---

¹⁰⁰ О родственных связях Червиных и Островских, а также Островских и Брянчаниновых см.: Фантом Григория Островского // Сапрыгина Е. Стражи времени. — С. 295–296.

Деятели Костромского края

А. И. ШИПОВ – ГУБЕРНСКИЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ

Отличительной особенностью этого человека было необыкновенное обаяние, под магию которого подпадал любой контактирующий с ним человек. Ум, интеллигентность, мягкость, гармония движений, голоса, одежды классического стиля, все выделяло его из массы других людей. Даже ближайшее родственное окружение, состоящее только из жены и дочери, казалось бы, соответствовало его нежной натуре. Не в этом ли всеобщая популярность Авдия Ивановича Шипова среди костромских и мOLOGских дворян, неоднократно избиравших его своим предводителем?

А. И. Шипов родился в 1831 году в семье костромского дворянина Ивана Павловича Шипова (1793–1845), владельца села Ново-Никольское Ильинской волости Нерехтского уезда и его жены Ольги Авдиевны, урожденной Супоной. Он был наречен в честь деда по материнской линии редким именем Авдий. Кроме него в семье насчитывалось еще четверо детей: Павел, Михаил, Марья и Елизавета. В четырнадцать лет мальчик лишился горячо любимого отца, романтический образ которого он пронес через всю свою жизнь. Он поступил в ярославский Демидовский лицей и, пройдя курс наук, закончил его в 1859 году. Затем началась его служебная деятельность, длившаяся почти половину столетия.

Деятельность лет службы прошли в Ярославской губернии, поначалу в должности чиновника при губернаторе, позднее мOLOGского уездного предводителя. Занимал он также должности мирового посредника МOLOGского 1-го участка и члена мировых судей Ярославской губернии.

Во 2-й половине 1860-х годов в жизни А. И. Шипова произошло знаменательное событие. Как гласит метрическая книга Ярославского Духовного училища: «Коллежский ассессор Авдий Иванов Шипов с дочерью капитан-лейтенанта Александра Сергеева Рыкачева девицей Софьей Александровной значатся венчанными 8 ноября 1867 года»¹⁰¹.

То, что семья ярославских помещиков Рыкачевых была не только состоятельной, но и просвещенной, говорит тот факт, что жена Авдия Ивановича Шипова приходилась родной сестрой Михаилу Александровичу Рыкачеву (1840–1919), известному русскому метеорологу, многолетнему директору

¹⁰¹ ГАРО. Ф.121. Оп. 1. Д. 7138. Л. 3.

главной физической обсерватории. Он был женат на Еввении Андреевне Достоевской, племяннице великого русского писателя, родная дочь которой, в 1910 году гостила в имении А. И. Шипова Фрянькове, так стало называться вышеупомянутое имение Шиповых Ново-Никольское Ильинской волости Нерехтского уезда Костромской губернии. Ныне оно отошло к Фурмановскому району Ивановской области.

Дом Шиповых во Фрянькове

Здесь же в имении А. И. Шипова у молодой четы появилось потомство. В метрической книге Николаевской церкви, находившейся в селе Фряньково, за 1871 год в первой части о родившихся записано: «18 июля родилась Ольга, крещена в 26 число. Родитель ее с. Фряньково потомственный дворянин, коллежский ассессор Авдий Иванович Шипов и законная жена его Софья Александровна Шипова. Оба православные»¹⁰².

Усадьба Фряньково стала постоянным местом жительства семьи А. И. Шипова и местом погребения ее хозяев. Центром ее была каменная с колокольней Никольская церковь, построенная в 1757 году иждивением Авдия Ивановича Супонева.

Господский дом во Фрянькове представлял собой каменное трехэтажное здание. Сохранились фотографии его экстерьера и интерьера¹⁰³. Большая гостиная зала на втором этаже имела фамильную галерею и великолепный рояль, который

Интерьер дома Шиповых во Фрянькове

употреблялся не только для музыкальных экзерциций дочери Ольги, но и музыкальных вечеров с приглашенными музыкантами, в частности, костромской певицей А. Ф. Ивановой. Кроме зала, внимание гостей привлекала богатая библиотека и мемориальная комната отца Авдия Ивановича — Ивана Павловича Шипова (1793—1845).

И. П. Шипов родился в 1793 году в селе Бельково Солигаличского уезда Костромской губернии в семье губернского пред-

¹⁰² ГАКО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 7138. Л. 2 об.

¹⁰³ Хранятся в фонде фотографий Костромского музея-заповедника. КМЗ КОК 8853 и КОК 8855. — Е. С.

А. И. Шипов

водителя Павла Антоновича Шипова и его супруги Елизаветы Сергеевны урожденной Шулепниковой. Он воспитывался в Лейб-гвардии Преображенском полку, дослужился до чина полковника, участвовал в Отечественной войне 1812–1814 годов, имел отношение и к декабристскому движению, однако, избежал наказания. Командир Лейб-гвардии Сводного полка, отправленного на Кавказ в 1826 году. Участник Русско-персидской войны 1826–1827 годов. Командир Лейб-гвардии Гренадерского полка с 1828 года. Дослужился до чина генерал-майора. Умер в Ярославле, похоронен в Толгском монастыре¹⁰⁴.

Его многочисленные награды хранились у сына Авдия Ивановича Шипова во Фряньковском особняке в мемориальной комнате отца. Среди наград были золотая шпага с алмаза-

ми и с надписью «За храбрость», генеральский мундир и военные регалии участника Отечественной войны и заграничных походов. В комнате висели гравюры, запечатлевшие его участие в Русско-персидской войне 1826–1827 годов.

Старший брат Ивана Павловича, Сергей Павлович Шипов, также пошел по военной стезе. Он дослужился до чина генерал-майора. Командовал Лейб-гвардии Семеновским полком. Лишь третий дядя Авдия Ивановича, Дмитрий Павлович, отказался от военной карьеры. Будучи наделен деловой хваткой, он построил в Костроме механический завод, давший городу около тысячи рабочих мест. Завод вырабатывал даже пароходы. Кроме того, в Ростовском уезде Ярославской губернии Шипов построил льнопрядильную фабрику, а в губернском городе Ярославле открыл училище для девиц духовного звания, которое в течение сорока лет возглавляла его родная сестра Елизавета Павловна Шипова. Так что, фамилия Шиповых была известна и уважаема как в Ярославской, так и в Костромской губерниях.

Поколение Авдия Ивановича Шипова не казалось таким ярким, как предыдущее. Его родной брат, титулярный советник Павел Иванович Шипов (1835–1877), по слабости здоровья жил в имении своей жены Анны, дочери полковника Александра Петровича Бизеева, — селе Марыинском, находившемся в том же уезде и губернии, что и Фряньково. После смерти брата, Марыинское перешло его сыну, тайному советнику Ивану Павловичу Шипову (1866–1920), составившему блистательную административную карьеру. Он стал министром торговли и промышленности. Был управляющим Государственным банком до 1917 года. Служба не отпускала его из столицы в провинцию, и потому,

¹⁰⁴ Декабристы: Биографический справочник. — М., 1988. — С. 200–201.

делами имения Марьинское пришлось заниматься его дяде Авдию Ивановичу, ставшему, по существу, хозяином Марьинского.

Как крупный костромской помещик, не занятый на службе, и положительный человек А. И. Шипов в начале 1880-х годов был выдвинут костромскими дворянами на пост губернского предводителя. Новый предводитель, имея опыт могологского уездного предводителя дворянства, так легко и изящно управлялся со своими обязанностями, что его переизбрания на следующие сроки длились непрерывно в течение девяти трехлетий, то есть с 1881 по 1902 год. Это уникальный случай в истории Костромской губернии. Да и не только в Костромской...

Помимо типичных функций губернского предводителя, т.е. доведения циркуляров и постановлений МВД до губернского правления, организации и контроля дворянских опеки, продаже дворянских имений за долги, проведении дворянских выборов и дворянских собраний и прочих официальных мероприятий, Авдий Иванович Шипов стал учредителем нового начинания, положившего фундамент созданию ряда культурных учреждений Костромской губернии, существующих и в наше время. А. И. Шипов в составе группы чиновников В. В. и Н. В. Калачовых, Н. Н. Селифонтова, П. В. Исакова и др. 6 июля 1885 года открыл в Костроме Костромскую губернскую ученую архивную комиссию. В течение всей оставшейся жизни А. И. Шипов не только был усерднейшим из членов ее, но и не ослаблял над ней опеки как губернский предводитель. Поселив комиссию в доме дворянского собрания, А. И. Шипов заботился и о создании портретной галереи местных дворян, оставивших свой след в истории родного края. О его хлопотах по сбору произведений для будущей галереи рассказывается в дошедшем до нас письме губернского предводителя Н. Н. Селифонтову — будущему председателю КГУАК от 14 декабря 1884 года:

«Тороплюсь благодарить Вас за Ваши любезные строки, многоуважаемый Николай Николаевич, только очень неприятно знать, что Вы опять были нездоровы <...> Очень признателен Вам также за отрадное известие о моем миллом племяннике, а удачу его нельзя не приписывать Вашему доброму на него влиянию <...>

У меня с вчерашнего дня еще накопилась к Вам небольшая просьба, которую позволю себе изложить здесь; одиннадцатого вечером было здесь открыто чрезвычайное дворянское собрание для обсуждения способов чествования предстоящего юбилея дворянской грамоты 21 апреля будущего 1885 года. На собрании этом мне, между прочим, поручили приобрести к этому дню для залы нашего Костромского дворянского собрания портрет Екатерины II, и на расход этот назначили примерно 500 рублей. Между тем, буйский предводитель Виктор Всеволодович Сипягин мне сообщил, что один товарищ его Норд, живущий в Петербурге, желает продать такой портрет работы художника Лампи, а вчера я уже получил от этого Норда телеграмму, что он согласен продать за 500 рублей. Тогда, я тотчас же в моей мудрости, решил прежде всего просить в этом деле Вашего совета и помощи. Данный мне Сипягиным адрес продавца: флиг.-адъют. Полковник Лев Егорович Норд — на Фонтанке у Чернышева моста, дом Лустана. Хотелось бы иметь верные сведения: действительно ли хорош портрет и стоит ли он этих денег?

Если не годится, то нельзя ли в Петербурге приобрести другой? Не решаюсь Вас беспокоить лично обозревать портрет, но у Вас, конечно, много знакомых знатоков живописи, которые, вероятно, не откажут это исполнить. Обращаюсь в этом случае к Вам как к дворянину нашей губернии.

Здесь у А. К. Бошняк есть тоже портрет поясной Екатерины II, тоже работы Лампи, но он не желает его продавать, и портрет несколько попорчен, потому на него рассчитывать нельзя. Рассчитываю и в этом случае на Вашу снисходительность, которую Вы меня избаловали. Прошу Вас и Зою Дмитриевну принять уверение в моем совершенном к Вам уважении и преданности. Жена моя очень кланяется Вам обоим.

Ваш покорный слуга Авдий Шипов»¹⁰⁵.

Портрет Екатерины II до революции украшал зал дома костромского дворянского собрания, однако, его автор был не Лампи, а Левицкий, значит ни портрет Норда, ни Бошняка не подошли и, видимо, Н. Н. Селифонтов разыскал другое произведение по просьбе А. И. Шипова. Кстати сказать, разросшаяся галерея дворянского собрания включила в себя и портрет своего предводителя, разумеется, уже после его смерти. О ней сообщили «Костромские Епархиальные ведомости» за 1908 год: «Сего 1908 года 25 апреля скончался в с. Фрянькове Нерехтского уезда на семьдесят восьмом году жизни потомственный дворянин, тайный советник Авдий Иванович Шипов. Смерть его для семейства, состоящего из жены и единственной дочери, не была неожиданностью. Уже почти два года последние от паралича он не мог обходиться без посторонней помощи и, особенно, после повторного с кровоизлиянием в мозги. И вот, 25 апреля, в 10 часов вечера был последний, без страдания, его тихий вздох <...>» Далее сообщалась его краткая биографическая справка, и заканчивался некролог словами: «Благодаря продолжительной, частью безмездной его службе, и неподкупной его честности, он в последние годы жизни был приближен к государю, назначением в члены Совета Министерства внутренних дел. Но, находясь на такой высоте положения, он доступен был совершенно всем, гуманен с подчиненными ему и чрезвычайно прост с простым народом. День погребения его 29 апреля»¹⁰⁶.

За свою ревностную службу Авдий Иванович Шипов получил ряд наград: орден Св. Станислава I-й степени (1886), Св. Анны I-й степени (1889), Св. Владимира II-й степени (1895), Белого Орла (1896) и ряд медалей «В память войны 1853–1856 гг.», коронационные 1883 и 1896 гг., и в память царствования императоров Николая I и Александра III¹⁰⁷.

¹⁰⁵ Российская национальная библиотека (далее РНБ) ОР. Ф. 682. Д. 271. Л. 1–2.

¹⁰⁶ Костромские Епархиальные ведомости. 1908. № 21. – С. 573–575.

¹⁰⁷ Список гражданским чинам первых трех классов. – СПб., 1900. – С. 403.

УЧЕНЫЙ-ИСТОРИК С. В. ЕШЕВСКИЙ

В ревизских сказках середины XIX века по Кологривскому уезду Костромской губернии встречаются фамилии помещиков Ешевских, и сразу на ум приходит известный дореволюционный историк Степан Васильевич Ешевский (Ежевский, 1829–1865), преподаватель древней и средней истории в Казанском и Московском университетах, автор ряда научных исторических трудов. Не из кологривского ли он дворянского рода? Однофамильцы они или родственники? Попробуем разобраться в этом вопросе.

В ревизской сказке от 24 октября 1850 года говорится, что коллежский ассессор Василий Иванович Ешевский владел в Костромской губернии Кологривского уезда селцом Шоргутово с 6 мужского и 5 женского пола душами дворовых и крестьян¹⁰⁸.

По «Списку населенных мест Костромской губернии 1877 года» деревня Шоргутово располагается при речке Черной, в десяти верстах от уездного города Кологрива. Ныне входит в состав Ильинской администрации Кологривского района.

Владелец Шоргутова Василий Иванович Ешевский происходил из приказных Московской губернии. Дворянство получил благодаря военной службе, в которой состоял с 1814 по 1826 год. С 1815 года он служил в Татарском уланском полку, последовательно получая чины и должности: в 1818 — поручика, в 1823 — старшего адъютанта первой драгунской дивизии, в 1826 году — капитана. Еще, будучи адъютантом, он женился на дворянке Александре Васильевне Перфильевой, кологривской помещице, и получил в приданое за нею селцо Шоргутово¹⁰⁹. В 1823 году у Ешевских рождается первый ребенок дочь Наталья, но Василий Иванович не бросает службу, и, лишь спустя три года, когда жена ждала уже второго ребенка, вышел в отставку в чине капитана, решив посвятить себя семье. Жена его к тому времени получила от своих родителей деревню Мальшино того же уезда с 9 мужского пола и 5 женского пола душами. Оба имения требовали заботливой хозяйской руки, да и семья понемногу разрасталась. 6-го февраля 1829 года рождается долгожданный мальчик — сын Степан. Полное совпадение с именем, отчеством и фамилией ученого-историка, а также абсолютно одинаковая дата рождения, дают право утверждать, что речь идет об одном человеке. Кстати сказать, крестным отцом младенца Степана Ешевского становится знаменитый исследователь Амура Г. И. Невельской¹¹⁰.

Шли годы... Ешевский-отец расширял свой круг знакомств и окружающие его кологривские дворяне, оценив трудолюбие и честность Василия Ивановича, в 1832 году избрали его уездным судьей.

Эта должность была очень ответственна, ведь часто от судьбы зависело не только решение дворянских проблем, но и сама жизнь. Много времени отнимала и

¹⁰⁸ ГАРО. Ф. 200. Оп. 14. Д. 77. Л. 89.

¹⁰⁹ ГАРО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 1126. Л. 56 об.

¹¹⁰ ГАРО. Ф. 200. Оп. 3. Д. 645. Л. 96 (дело не сохранилось. — прим. ред.).

постоянно растущая семья. В 1837 году родился сын Василий, в 1842-м дочь Варвара, в 1846-м сын Сергей. Мать Александра Васильевна Ешевская усердно занималась их воспитанием. Старшие дети уже заметно подросли. Степан после окончания Кологривского уездного училища поступает в Костромскую мужскую гимназию, но, успешно проучившись в ней два года, переводится в Нижегородскую гимназию. Он приехал в Нижний Новгород, где жили родственники отца, в тринадцать лет, оставя костромской период позади. Позднее молодой человек учился в Казанском и Московском университетах, где слушал лучших профессоров своего времени Кудрявцева, Грановского и Соловьева. А позднее и сам начал преподавать в них древнюю и среднюю историю.

С. В. Ешевский

В 1858 году Министерство образования утвердило его профессором Московского университета. А в следующем году состоялась его трехлетняя поездка по Европе. Ешевский посетил Германию, Италию, Швейцарию, Францию; слушал лекции зарубежных профессоров, повышая уровень своего образования.

Однако, здоровье молодого профессора серьезно беспокоило его самого и его близких. Летом 1862 года Ешевского постиг первый удар паралича. Едва оправившись, он снова едет за границу, уже с целью поправить здоровье, однако, срочно возвращается и 25 мая 1865 года умирает на тридцать шестом году жизни.

Сочинения его изданы посмертно в 1870 году с включением его биографии, опирающейся, в основном, на научную деятельность ученого. В ней, в частности, перечислялись его труды: «Работать он начал под руководством Кудрявцева и ревностно занялся началом средневековья, изучал Григория Турского. В 1851 году напечатал в «Московских ведомостях» рецензию на «Судьбы Италии» Кудрявцева. В 1853–1854 годах читал русскую историю и статистику в Одесском Ришельевском лицее. В 1855 году защитил свою магистерскую диссертацию на тему «Аполлинарий Сидоний», вслед затем был избран Казанским университетом на кафедру русской истории. После смерти Грановского Московский университет выбрал Ешевского в его преемники, но Казань не отпустила молодого ученого, и, лишь спустя несколько лет, Министерство, наконец, утвердило его профессором Московского университета. Первый его курс в Москве назывался «Центр Римского мира и его провинции», последующего года «Очерк язычества и христианства». В тяжелые годы болезни он прочел один полный курс «Эпоха переселения народов. Меровинги и Каролинги». Получив случайно богатое

собрание масонских рукописей, он написал статью о масонах в «Русском вестнике». Большинство его трудов изданы посмертно в 1870 году¹¹¹.

В таком духе составлены все биографические справки об ученом, к которым мы теперь можем присовокупить существенное дополнение о его происхождении и месте рождения.

Кологривская земля должна гордиться своим уроженцем, оставившем заметный след в Отечественной истории.

---

¹¹¹ Энциклопедический словарь. Биографии. Т. 5. — М.: изд. Брокгауз и Эфрон. 1994. — С. 95.

ГИМНАЗИСТ С. В. МАКСИМОВ

Костромская губернская мужская гимназия стала третьей, но, отнюдь, не последней ступенью в образовании Сергея Васильевича Максимова, будущего писателя-этнографа. По сравнению с Парфеньевским приходским и Кологривским уездным училищами, где мальчик заложил фундамент своего образования, гимназия отличалась более высоким уровнем и несоизмеримо более долгим сроком преподавания, а потому, оказывала на своих воспитанников сильное и благотворное воздействие.

23 сентября 1842 года десятилетний Сережа Максимов, мальчик из Парфеньева, был зачислен в благородный пансион при Костромской гимназии пансионером. Это означало, что он, в числе 30 других сверстников из беднейшего дворянства, на время обучения в гимназии получит полное содержание за казенный счет. В ноябре месяце того же года он, одетый в новенький с иголки форменный темно-зеленый мундирчик, с замиранием сердца приступил к занятиям в I-м классе Костромской классической гимназии.

Однокашник Сергея Максимова Нил Колупанов живо описал это учебное заведение в своих мемуарах: «Костромская гимназия была далеко не из последних. Оттуда в течение менее десяти лет вышли А. Ф. Писемский, Н. А. Чаев, А. А. Потехин, известный профессор математики М. Ф. Окатов и А. П. Смирнов, заявивший себя в качестве педагога и в деятельности по освобождению крестьян. Инспектором гимназии, а потом и директором был Г. К. Виноградов, отец известного профессора П. Г. Виноградова, воспитанник главного педагогического института, человек замечательно любознательный, серьезно и разносторонне образованный, относившийся к ученикам с большим достоинством и сочувствием»¹¹².

При Максимова Гавриил Киприянович Виноградов инспектировал гимназию, а возглавлял ее директор Порфирий Иванович Величковский. Из довольно большого штата преподавателей гимназии выделялась колоритная фигура Никиты Павловича Самойловича, старшего учителя математики, мастерски описанного А. Ф. Писемским в автобиографическом романе «Люди сороковых годов». С большой симпатией отзывался о нем и Н. П. Колупанов: «Ни один из учителей не способствовал настолько развитию самостоятельного и строгой логики в ученике. Самойловича нельзя было подкупить никакой усердной зубрежкой, и он гораздо более ценил ответ не совсем удачный, но обличавший работу головы, нежели беглый и верный, но усвоенный одною памятью. Самойлович еще в то время был убежденный и яркий демократ, он снисходительно и покровительственно относился к воспитанникам из разночинцев, а всю свою строгость и придирчивость, иногда даже до несправедливости, обрушивал на сыновей местной аристократии. Бывало, вызовет кого-либо из последних, после не совсем его удовлетворительного ответа и обращается к лучшему из воспитанников-разночинцев. «Вот, ваше превосходительство, или ваше сиятельство, как

¹¹² Колупанов Н. Воспоминания // Русское обозрение. Т. 32. – М., 1895. – С. 489.

1-я Костромская гимназия

вас там величают, — говорил он аристократу, — вы ведь в карете приехали, а он пешком пришел, а куда вам до него! Вы-с попросите, чтоб он вас поучил-с, ведь урок-то выучить, это не то, что конфеты кушать, или ножкой шаркнуть»¹¹³.

С Н. П. Самойловичем гимназисту Максиму пришлось встретиться лишь в пятом классе гимназии, до того математику у них вел преподаватель Шумаровский. Этому предмету отводилось по три урока в неделю во всех классах. Первые два года проходили арифметику, в третьем классе алгебру,

в четвертом геометрию и стереометрию, в пятом стереометрию же. В шестом и седьмом тригонометрию. После четырех младших классов гимназист переходил в старшие классы и попадал в руки других педагогов. По словам А. Ф. Писемского, который в романе «Люди сороковых годов» под видом учителя математики Дрозденко описал Н. П. Самойловича: «Переход этот для всех гимназистов был тяжким испытанием. Дрозденко обыкновенно недели две щупал новичков, а затем, отделив овец от козлищ, с первыми занимался, а последних или держал на коленях, или совсем выгонял из класса <...>»

Судя по хорошей выпускной оценке по математике, Сергей Максимов принадлежал к привилегированному классу «овец», хотя, как прирожденный гуманитарий, не имел особого расположения к точным наукам, и не удостоился, как, например, Алексей Писемский, быть выбранным в толмачи.

«У Николая Сильча¹¹⁴, рассказывал Писемский, — в каждом почти классе было по одному такому, как он называл, толмачу его. Они обыкновенно могли говорить с ним, что им было угодно — признаваться ему прямо, чего они не знали, разговаривать, есть в классе, уходить без спросу, тогда как козлищ, стоявшие по углам и на коленях, пошевелиться не смели, чтобы не стяжать нового и более строгого наказания. Он очень уж уважал ум и ненавидел глупость и лень, коими, по его выражению, переизбыточествует народ русский»¹¹⁵.

При Максимове латинский язык, один из сложнейших предметов в гимназии, преподавал молодой учитель Семен Александрович Шереметьевский. «Сенечка — золотое семечко». Так мы его называли с детски-наивной привязанностью» — признается Н. Колопанов. «Нравственно чистый, скромный до застенчивости, для всех равнодоступный, приветливый, беззаветно преданный своему делу, С. А. Шереметьевский из аудитории известного профессора Крюкова вынес основательное и живое знание не только римского языка, но и всего строя римской жизни...»

¹¹³ Колопанов Н. Указ. соч. — С. 490.

¹¹⁴ Т.е. Никиты Павловича — Е. С.

¹¹⁵ Писемский А. Ф. Собрание сочинений в 9 томах. Т. 4. — М., 1959. — С. 74.

Латинский язык в Костромской гимназии преподавался в объеме четырех уроков в неделю во всех классах, кроме седьмого, где нагрузка была сокращена до трех уроков. В конце полного курса учащиеся могли свободно читать в подлинниках Ливия, Цицерона, Вергилия...

Должность учителя русской словесности исполнял А. Ф. Окатов кандидат словесного факультета, поступивший в Московский университет в 1833 году, вместе с К. С. Аксаковым, Бодянским, Строевым и пр. В «Ученых записках» университета того времени напечатано рассуждение на золотую медаль Окатова «О синтетическом и аналитическом методе познания», очевидно написанное по лекциям И. И. Давыдова. Окатов учил в гимназии по этому руководству. Он же познакомил нас с только что вышедшей «Историей поэзии» Шевырева. К чести Окатова должно сказать, что когда появился Белинский, Окатов с восторгом предался его изучению и первым указал на него гимназистам»¹¹⁶.

Усердно постигая азы наук, гимназист Максимов редкие часы досуга проводил в общении с товарищами, с которыми делился воспоминаниями о родном посаде Парфеньеве, о деревенских сценках и обрядах, свидетелем которых был в раннем детстве. Забравшись на самый верх русской печи, они с ребятами наблюдали ход деревенской свадьбы в широкой крестьянской горнице, заставленной столами, обильно украшенными нехитрой деревенской снедью. Дружка — молодой разбитной парень, опоясанный полотенцем, выступая на середину избы со стаканом в руках, вызывал сваху:

Свахонька любезная, повыйди повыступи
По полу тесовому, ко мне дружке веселому...

Рассказывая друзьям о народных обычаях и обрядах в провинции, мальчик еще не знал, что подступает к главной теме своих будущих многочисленных этнографических произведений, за которые ему присвоят следующее определение: «Бытописатель земли русской». И первые шаги в этом направлении ему помог сделать новый учитель.

Наибольшее впечатление на юного Максимова произвел появившийся на втором году его обучения младший учитель русского языка и географии Павел Иванович Пермяков. Этот, еще очень молодой человек, был уроженцем Костромы и недавним воспитанником Костромской гимназии. В его формуляре значится: «Состоящий в X классе Павел Иванович Пермяков, младший учитель русского языка Костромской гимназии. 24 лет. По окончании курса в Московском университете по 1-му отделению философского факультета, на казенном содержании в июне 1834 года был удостоен звания действительного студента. Предложением попечителя Московского учебного округа определен младшим учителем русского языка и географии в Костромскую гимназию в 1843 году»¹¹⁷.

Об отношениях учителя со своими подопечными, в частности, с Максимовым, свидетельствует П. В. Быков, биограф последнего: «Он всегда с благодарностью вспоминал о преподавателе русской истории, словесности и географии

¹¹⁶ Колопанов Н. Указ. соч. — С. 491.

¹¹⁷ ГАРО. Ф. 665. Оп. 2. Д. 79. Л. 28. Материалы для истории Костромской гимназии с 1786 по 1849 годы, собранные бывшим преподавателем гимназии Н. И. Коробициным. Ч. III.

Пермякове. Большой энтузиаст в деле воспитания, эстетик, пламенный поклонник Белинского и прочих светил литературы 40-х годов, среди которых имя Герцена было не из последних, Пермяков имел огромное влияние на развитие, на образование вкусов своих воспитанников, с которыми, по признанию Максимова «изрядно нянчился»¹¹⁸.

Русская словесность и логика, наряду с Законом Божиим и математикой, была ведущим предметом гимназии. И, хотя, в первых двух классах ей отводилось лишь по три урока в неделю, но это с лихвой компенсировалось в прочих пяти классах, где норма часов возрастала до пятнадцати уроков в неделю. Таким образом, кроме фундаментального изучения языка орфографии, морфологии, синтаксиса, славянской грамматики, риторики, логики, поэзии, истории литературы, ученики в конце курса овладевали приемами сочинительства и ораторского искусства. Яркий пример этого — речь Сергея Максимова, произнесенная на торжественном выпускном акте гимназии.

«Речь вышла дельная, красивая, написана была на тему о Ломоносове, как о сыне народа и своею искренностью и теплотой произвела, между прочим, сильное впечатление на местного архиерея»¹¹⁹.

Дальнейшая дорога юноши, твердо решившего продолжать свое образование, пролегла через стены Московского университета и Петербургской medico-хирургической академии. Оба эти почтенные учебные учреждения Максимов не закончил, предпочтя изучение настоящей жизни народа и ее обычаев сухой науке, совершив ряд этнографических экспедиций по стране, давших ему уникальный материал для будущих книг. В конечном итоге, его творческое наследие составило двадцать томов. Полное собрание его произведений вышло в Санкт-Петербурге, в издательстве «Просвещение» (1908—1913). Оно дало автору широкую известность и звание академика и поставило его имя в ряд первых авторов Отечественной литературы.

---

¹¹⁸ Быков П. В. Сергей Васильевич Максимов // В кн. С. В. Максимов. Полн. собр. соч. Т. I. — М., 1909. — С. IX.

¹¹⁹ Рукопись «Ломоносов как первый русский ученый» находится в Институте русской литературы и искусства (Пушкинский дом) ОР. Ф. 565. Оп. 1. Д. 1. Л. 1. (Далее ИРЛИ.)

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ВЕХИ Н. Ф. ГРАММАТИНА

Николай Федорович Грамматин (1786—1827), поэт, переводчик и ученый-филолог, за свою недолгую сорокалетнюю жизнь достиг в каждой из этих литературных сфер весьма заметных результатов. К сожалению, его труды более полутора столетий не переиздавались и потому исследователи мало занимались биографией автора, несмотря на то, что она показательна и поучительна.

Поэт принадлежал к древнему дворянскому роду Грамматиных, восходящему к XVI столетию и записанному в VI часть родословной книги, так называемую «Бархатную книгу» знатных русских боярских и дворянских фамилий.

Прапрадед поэта Савин Грамотин по отставке от службы помимо полученных от царя Алексея Михайловича деревень, в результате женитьбы стал также владельцем нерехтского села Светочева Гора, Лукояново тож, которое со временем стало родовым имением Грамматиных. Это село получило название по легенде, посвященной знаменитому атаману Светочу, хранившему награбленное добро на горе, окруженной непроходимыми лесами...

Сыновья Савина Грамматина построили в селе деревянную церковь Николая Чудотворца. Один из них, Антон Савинов, получил в приданое за женой Авдотьей Гурьевой село Матвеевское Кинешемского уезда Костромской губернии, которое стало будущей родиной его правнука поэта Грамматина. Дед поэта, Никифор Антонович Грамматин, отставной капитан, имел двух сыновей Ивана и Федора — дядю и отца поэта.

Отец поэта Федор Никифорович Грамматин, как и его родной брат Иван, осиротели еще в подростковом возрасте, но сумели встать на ноги, и оба поступили в военную службу, хотя служили недолго: Иван вышел в отставку подпоручиком, Федор поручиком. Родовое имение в селе Матвеевском они разделили пополам и даже сам дом поделили по комнатам, что впоследствии привело к неудовольствию и даже вражде, отразившейся не только на их судьбах, но и на судьбах детей.

Вскоре по отставке, оба брата женились. Иван на Марью Перфильевне из рода Казимировых, а Федор, отец поэта, на Марии Федоровне из рода Тухачевских, из которого, кстати сказать, впоследствии произошел и советский маршал М. Н. Тухачевский.

От второй пары в селе Матвеевском 13 (24) ноября 1786 года родился сын Николай — будущий поэт. Он не был единственным ребенком в семье. Всего у Федора Никифоровича и Марьи Федоровны родилось девять детей, но в живых осталось только двое — Николай и его младший брат Алексей. Глава семьи по отставке занимался сельским хозяйством, разводил холмогорских коров и породистых лошадей. В свободное время собирал библиотечку и очень любил читать. Дети с удовольствием слушали отцово чтение. Мать была хорошей, домовитой хозяйкой. Дети много времени проводили на природе. Их детство было безмятежно счастливым. Позднее поэт часто вспоминал родину:

Места священные рожденья,
Где я впервые свет узрел,
Где дни восторга, восхищенья,
Дни юности своей провел.
Здесь в думу погружен мечтами,
Бродил при бледной я луне,
А там, под теми деревьями
В тени прохладной отдыхал
Иль Нодоги родной струями
Палящу жажду утолял.

Места вокруг села Матвеевского действительно были восхитительными, несмотря даже на постройку винного завода, произведенную дядей поэта. Об этом писал в своих воспоминаниях брат Николая Федоровича, Алексей Федорович Грамматин. «Усадьба Матвеевская имеет местоположение для винных заводов преудобное. Все выгоды, кои природа и люди могут доставить таким заведениям; вот картина завода, построенного Иваном Никифоровичем под горою, на которой находился его дом. Из этой горы били чистой студеной воды обильные ключи. А в сажених в трех мимо одного текла Нодога, на которой устроены были мельницы, впадающие близь в реку Илноть и в двух с половиной верстах от завода вливаются обе в Волгу. По тем рекам весною из Волги вводили небольшие суда с хлебом прямо к заводским амбарам, а от верховья оных рек, покрытых по обеим сторонам лесами, гнали бесчисленные плоты лесу для дров, нужных для винокурения».

Завод давал хозяину богатую прибыль. В то время дворянам не пристало быть заводчиками, и Иван Никифорович вынужден был взять фамилию купца Шамякина. Он все более богател, причем, несправедливым способом. Продавал подпольно, под видом можжевелового кваса вино, не обложенное налогами. А его брат, Федор Никифорович, ловил эти бочки и выливал в песок. В конце концов эти стычки переросли в настоящую войну. Отряды крестьян дяди и отца поэта, вооруженные вилами и косами, столкнулись между собой, и произошло кровопролитие, пострадали десятки людей, и сам отец поэта был вынужден бежать с семьей во Владимирскую губернию, где оставил у родственников детей, а сам с женою уехал в Петербург хлопотать по делу. Однако ничего у него не вышло. Его брат, до этого подкупивший губернатора, имел «руку» и в столице. Семья Федора Никифоровича осталась ни с чем. Однако Божий суд наказал обоих враждующих братьев. Иван Федорович вскоре умер, опившись, а его брат, засекший в сердцах нерадивого крестьянина, умер по дороге в ссылку, недалеко от Казани.

Все эти события очень повлияли на детей, большинство из которых умерло, не выдержав тягот изгнания, а выживший Николай превратился в тихого, медлительного, боязливого подростка. Их мать, лишившись кормильца, уехала с оставшимися детьми в Москву к брату Кириллу Федоровичу Тухачевскому, который и приютил их у себя. Он же подготовил и определил племянников Николая и Алексея Грамматиных на учебу в благородный пансион Московского университета.

Это произошло в 1802 году. Уже само название этого учебного заведения говорило о том, что оно предназначено было только для дворянских детей. В разные годы в нем обучались А. С. Грибоедов, В. А. Жуковский, П. П. Свиньин и другие литераторы, ведь именно изящные искусства, в том числе и поэзия, были в чести в благородном пансионе при Московском университете. Он считался закрытым, поскольку воспитанники почти безвыходно проживали там. Должность инспектора пансиона исполнял А. А. Антонский, а его помощником был де Вилье, француз-эмигрант. Из педагогов воспитанники выделяли Алексея Федоровича Мерзлякова учителя словесности и автора слов известных песен, дошедших до наших времен «Чернобровый, черноокий», «Среди долины ровныя» и ряда других. Мерзляков организовал литературные собрания при пансионе, где помимо воспитанников присутствовало много гостей: братья Тургеневы, Воейков, Каченовский, изредка являлись и литературные корифеи И. И. Дмитриев и Н. М. Карамзин. На собраниях воспитанники зачитывали свои сочинения, а присутствующие гости и однокашники обсуждали их. Алексей Федорович Мерзляков выбирал и редактировал стихи и статьи для опубликования их в пансионерских изданиях «И отдых в пользу», а также в альманахе «Утренняя заря».

После смерти секретаря общества Зиновия Буринского, его место занял Николай Грамматин, став правой рукой Мерзлякова. Грамматин и сам неоднократно публиковал в альманахе свои стихи, в том числе стихотворение «Истина»:

О ты, которая дерзаешь
Пред троном правду говорить.
Неронов память проклинаешь,
Велишь потомству Титов чтить,
О истина! К тебе стремлюся
Сквозь тьму гремящих, мрачных туч,
К тебе я духом вознесуся
Пролей, пролей, чистейший луч!

Но не только гуманитарные предметы давались Николаю Грамматину, он также легко усваивал математические, языковые и естественные науки и учился с наслаждением в стенах пансиона, давшего ему после долгих скитаний с родителями и неизживаемого страха и неопределенности, чувство защищенности и возможность развивать свои творческие способности, так долго остававшиеся втуне. В 1807 году он получил звание кандидата и окончил пансион с золотой медалью. Еще пару лет Николай Грамматин оставался в университете, где в 1809 году защитил магистерскую диссертацию «О древней русской словесности». Затем уехал в Петербург, где девять месяцев служил в экспедиции государственных доходов. Однако уже в апреле 1810 года Грамматин увольняется со службы и едет на родину в костромские края для литературных и хозяйственных трудов. Но и там он пребывал недолго, поскольку в 1811 году получил из Петербурга от поэта и нового министра юстиции И. И. Дмитриева, знакомого ему по литературному собранию пансиона, приглашение на службу. Узнав, что два его друга Д. Н. Дашков и М. В. Милонов получили аналогичные предложения, Грамматин не колеблясь, соглашается и приезжает в Петербург.

Он служит в Министерстве юстиции и одновременно публикует свой первый стихотворный сборник «Досуги Грамматина», посвящая его своему наставнику и покровителю И. И. Дмитриеву. Издание книги стихов сделало его имя весьма известным в столице. Его узнавали, приглашали на званые вечера. Но развлечения поэта не интересовали, служба не увлекала, более того, он был глубоко убежден, что она делает людей пустыми и бессмысленными. К тому же Николай Федорович отчаянно скучал по родным, по родине:

Не кручинься ты, сердце вешее,
Пособить могу я тоске твоей.
Уж недолго жить на чужой стране
Без товарища твоей младости:
Распрострима мы с градом Питером,
Полетим туда мы на родину,
Где слились река Елноть с Нодогой,
И впадает где в Волгу-матушку.
Обойдем скорей брата милого.

Вполне понятно, что, когда после смерти господина Шурмана открылась вакансия директора Костромской гимназии, поэт упорно добивался этой должности и, вскоре, по положительном решении вопроса, двинулся из Петербурга в Кострому. Война 1812 года застала его в дороге. Он попал в занятую неприятелем Москву, где в панике и дыме пожарищ потерял свое университетское свидетельство и, чудом отыскавшийся, профессор Гейм выправлял ему новое.

Прибыв в Кострому, Грамматин с энтузиазмом взялся за работу, но напуганные военными невзгодами родители считали воспитание своих чад несвоевременным, что привело к резкому падению числа учащихся. Но время шло, и Отечественная война окончилась победой. Попечитель Кутузов прислал Грамматину свою оду на покорение Франции, прозвучавшую на празднике в университете и пожелал, чтоб и в Костромской гимназии было мероприятие, подобное тому. Публичный акт по поводу победы над Францией состоялся в Костроме 1 июля 1814 года. На нем прозвучала сочиненная Н. Ф. Грамматиным ода Александру I-му:

Торжествуй, славянов племя!
Славься, славься, россов царь!
Сокрушить бессильно время
Воздвигаемый алтарь
Похвалы, благодаренья
От сынов твоих тебе!

Но праздники редки, а будни тяжелы и безрадостны. Николай Федорович семь лет тянул служебную лямку и тонул в рутине чиновничьей службы, омраченной вздорными ссорами преподавателей и мелкими придирками столичного начальства. Последней точкой его терпения стало событие, происшедшее весной 1819 года. Какой-то подросток из окружения учителя Грацианского —

непримиримого врага учителя Святогорского, которому покровительствовал директор, вышиб камнем окно в кабинете директора. Потрясенный таким вандализмом, поэт тотчас же подал в отставку и, не дождавшись преемника в лице Юрия Никитича Бартенева, выехал в деревню.

К братьям Грамматиным нерехтское село Светочева Гора с деревнями перешло от умерших родственников в 1808 году и почти целиком принадлежала Алексею Федоровичу. Однако одну из деревень Гуленево получил и поэт. Ее-то и сделал он своей будущей творческой резиденцией. Он жил в Гуленеве в совершенном уединении. Книжки были его единственными, кроме брата, товарищами и собеседниками. Жалея потерянного на педагогическом поприще времени, из которого он выделял лишь время на создание гимназической библиотеки, коей он небезосновательно считал себя создателем, он каждую минуту пытался наверстать упущенное и трудился над завершением своего перевода поэмы «Слово о полку Игореве», изучению которой он в общей сложности отдал 15 лет. Свой перевод поэмы, ставший четвертым по счету в ряду других авторов-переводчиков, он издал в 1823 году и предварил посвящением императрице Елизавете Алексеевне, за что та одарила его бриллиантовым перстнем.

Несмотря на начавшуюся и прогрессирующую болезнь, приведшую его к роковому концу, Николай Федорович не оставлял свою работу над полным сборником своих стихотворений. Лечась у инспектора врачебной управы Петра Романовича Логинова, с которым он состоял в дружеских отношениях, Грамматин просил его взять на себя труды по изданию его рукописи и даже оставил ему достаточную сумму денег. Стараниями Логинова двухтомник стихотворений Грамматина вышел в 1829 году, через два года после его кончины. Она была трудной. По свидетельству его брата, лечившись долгое время и не видя себе облегчения, он не стал принимать лекарств и на советы друзей своих отвечал: «Оставьте, я лучше знаю, я уже не земной, а небесный», и занялся единственным христианским долгом: исповедался, приобщился Святых тайн и соборовался маслом». Он скончался на руках брата.

Скончался он 17 января 1827 года в Костроме, но погребен по его просьбе в селе Светочева Гора на сельском кладбище возле построенной в 1817 году каменной церкви. На памятнике поместили эпитафию, написанную им самим:

Друзья и сродники не сетуйте о мне:
Мы здесь изгнанники, а там в родной стране.

КТО ОН, ИЛЬЯ ОГАРЕВ?

18 сентября 1818 года Александр Сергеевич Грибоедов по дороге из России в Грузию, и далее в Персию, остановился в Воронеже, откуда послал своему другу С. Н. Бегичеву письмо, в котором есть следующие строки: «Еще моя к тебе просьба: справься через Аксинью, Амлихову любовницу, о моей Дидоне. Илья Огарев пришлет ей из Костромы деньги на твоё имя, а если уедешь в отпуск, препоручи это Жандру»¹²⁰.

Видимо, речь идет об отдаче денежного долга женщине под прозвищем Дидона (не актриса Семенова ли, игравшая одноименную роль?). Но почему деньги должны поступить из Костромы в Петербург через Илью Огарева и кто такой сам Илья Огарев?

Личность Огарева не может не вызывать пристального внимания исследователей, тем более, что по мнению профессора А. Н. Веселовского, Огарев был прототипом одного из героев бессмертной трагедии.

В статье «Очерк первоначальной истории «Горе от ума» А. Н. Веселовский пишет: «В лице добродушного и неповоротливого честного малого Платона Михайловича Горича, Грибоедов не задумался изобразить своего старого приятеля и родственника Илью Ивановича Огарева, и, по старым рассказам, сам же приехал к другу и признался, что вставил его в свою комедию»¹²¹.

Образ Платона Михайловича Горича нарисован поэтом так: офицер-кавалерист в отставке, по годам несколько старше автора, музыкант-любитель. Активный по натуре, он лишен поля деятельности, а высший свет, куда он выезжает по настоянию жены, не удовлетворяет его.

А. С. Грибоедов представляет нам чету Горич на званом вечере в доме Фамусова. Слуга предупреждает появление Горичей:

Скажите барышне скорее, Лизавета;
Наталя Дмитриевна, и с мужем, и к крыльцу
Еще подъехала карета.

Далее описывается встреча с ними Чацкого:

Наталя Дмитриевна
Не ошибаюсь ли!.. он точно, по лицу...
Ах! Александр Андреич, вы ли?

Чацкий

С сомненьем смотрите от ног до головы,
Неужто так меня три года изменили?

Наталя Дмитриевна
Я полагаю вас далеко от Москвы.
Давно ли?

¹²⁰ Грибоедов А. С. Сочинения. — М.-Л., 1959. — С.399.

¹²¹ Веселовский А. Н. А. С. Грибоедов: Биография. — М., 1918.

Чацкий

Нынче лишь...

Наталья Дмитриевна

Надолго?

Чацкий

Как случится.

Однако, кто, смотря на вас, не подивится?

Полнее прежнего, похорошели страх;

Моложе вы, свежее стали;

Огонь, румянец, смех, игра во всех чертах.

Наталья Дмитриевна

Я замужем.

Чацкий

Давно бы вы сказали!

Наталья Дмитриевна

Мой муж — прелестный муж, вот он сейчас войдет,

Я познакомлю вас, хотите?

Чацкий

Прошу.

Наталья Дмитриевна

И знаю наперед,

Что вам понравится. Взгляните и судите.

Вот мой Платон Михайлыч.

Чацкий

Ба!

Друг старый, мы давно знакомы, вот судьба!

Платон Михайлович

Здорово, Чацкий, брат!

Чацкий

Платон любезный, славно.

Похвальный лист тебе: ведешь себя исправно.

Платон Михайлович

Как видишь, брат:

Московский житель и женат.

Чацкий

Забывает шум лагерный, товарищи и братья?

Спокоен и ленив?

Платон Михайлович

Нет, есть-таки занятия:

На флейте я твержу дуэт

А-мольный

Чацкий

Что твердил назад тому пять лет?
Ну, постоянный вкус в мужьях всего дороже!

Платон Михайлович

Брат, женишься, тогда меня вспомянь!
От скуки будешь ты свистеть одно и то же.

Чацкий

От скуки! Как? Уж ты ей платишь дань?
А кто, любезный друг, велит тебе быть праздным?
В полк, эскадрон дадут. Ты обер или штаб?

Наталья Дмитриевна

Платон Михайлыч мой здоровьем очень слаб.

Чацкий

Движенья более. В деревню, в теплый край.
Будь чаще на коне. Деревня летом — рай.

Наталья Дмитриевна

Платон Михайлыч город любит, Москву
За что в глуши он дни свои погубит!

Чацкий

Москву и город... Ты чужак!
А помнишь прежнее?

Д. Кардовский. «Вечер у Фамусова»

Платон Михайлович

Да, брат, теперь не так...

Чацкий

Ну. Бог тебя суди;

Уж, точно, стал не тот в короткое ты время;

Не в прошлом ли году, в конце,

В полку тебя я знал? Лишь утро: ногу в стремя

И носишься на борзom жеребце;

Осенний ветер дуй, хоть спереди, хоть с тыла.

Платон Михайлович

Эх! Братец, славное тогда житье-то было¹²².

На протяжении всей комедии мы, помимо небольших реплик, встречаемся с Горичами лишь дважды, в последний раз при их выезде из дома Фамусова после закончившегося вечера. Ожидая карету, Наталья Дмитриевна говорит скачущему мужу:

Мой ангел, жизнь моя,

Бесценный душечка, Попощь, что так уныло?

Признайся, весело у Фамусовых было?

Платон Михайлович

Наташа-матушка, дремлю на балах я,

До них смертельный неохотник,

А не противлюсь, твой работник,

Дежурю за полночь подчас

Тебе в удобность, как ни грустно,

Пускаюсь по команде виляс.

Наталья Дмитриевна

Ты притворяешься, и очень неискусно;

Охота смертная прослыть за старика.

Платон Михайлович

Бал вещь хорошая, неволя-то горька;

И кто жениться нас неволит!

Ведь сказано ж, иному на роду...

Лакей

В карете барыня-с, и гневаться изволит.

Платон Михайлович

Иду, иду¹²³.

¹²² Грибоедов А. С. Горе от ума. Комедии. Драматические сцены. 1814–1827. – Л., 1987. – С. 96–100.

¹²³ Грибоедов А. С. Горе от ума. Комедии. Драматические сцены. 1814–1827. – Л., 1987. – С. 123.

Несмотря на мягкий юмор, с которым автор описал нам супругов Горич, он, несомненно, осуждает мужа-подкаблучника и любящую домашнюю тиранку, и включает их в ряд персонажей, которых так зло, но метко характеризует вучка графини: «Какие-то уроды с того света и не с кем говорить, и не с кем танцевать». И сам Грибоедов держит позиции Чацкого, осуждающего женское лидерство в семье, приводящего «главу семьи» в состояние апатии и депрессии, недавно еще здорового как физически, так и духовно.

Насколько этот образ соответствует прототипу — Илье Ивановичу Огареву?

Получение родословной росписи Огаревых от дальневосточного генеалога В. П. Хохлова позволило найти несколько скупых сведений биографии И. И. Огарева: «Илья Иванович Огарев родился в 1790, умер в 1854 году. С 1837 по 1854 год являлся Пермским губернатором. Жена Мария Владимировна Акинфова». Именно она стала прототипом Натальи Дмитриевны Горич. Родословная И. И. Огарева позволяет нам сделать ряд немаловажных выводов.

Прежде всего, Илья Иванович Огарев был двоюродным братом отца Николая Платоновича Огарева — Платона Богдановича. Видимо редкое имя Платон для персонажа комедии «Горе от ума» выбрано автором не случайно, а по ассоциации.

Друг А. И. Герцена поэт и публицист Н. П. Огарев приходился Илье Ивановичу Огареву двоюродным племянником. Однако по росписи Огаревых не удалось проследить родство И. И. Огарева с Грибоедовым, которое упоминал профессор А. Н. Веселовский. Проследить это родство удалось по родословной Акинфовых из того же источника — собрания генеалога В. П. Хохлова.

Оказалось, что родная тетка автора «Горя от ума» Елизавета Федоровна Грибоедова (1762—1839) была замужем за Владимиром Алексеевичем Акинфовым (1744—1809), а их дочь Мария Владимировна Акинфова, кузина поэта и жена Ильи Ивановича Огарева, и являлась прототипом Натальи Дмитриевны Горич. Для нас важно, когда состоялся брак И. И. Огарева с М. В. Акинфовой. Но найти точную дату не удалось. Однако исходя из года рождения старшего сына Константина, их брак был совершен в 1818 году. Так что описываемые в комедии события, где свадьба Натальи Дмитриевны и Платона Михайловича произошла в отсутствие Чацкого, аналогичны жизненным обстоятельствам, когда в отсутствие Грибоедова, состоялся брак его кузины и друга, и лишь по возвращении из своего многолетнего путешествия, он застаёт их в новом качестве.

Получение из Государственного архива Пермской области копии послужного списка Ильи Ивановича Огарева во многом дополнило наше представление о грибоедовском родственнике. Во-первых, уточнилась дата его рождения, не 1790, а 1781-й год, так как по списку 1837 года ему было 56 лет. Затем, он был выходцем из саратовских дворян. Служил в Вольнском уланском полку. Был участником войны 1812 года. Уволен в отставку в чине полковника, видимо в связи с женитьбой на М. В. Акинфовой.

В этом же году, как свидетельствует письмо А. С. Грибоедова, Огарев прибывает в Костроме. В причинах этой поездки первым разобрался Н. К. Пиксанов, который считал, что «Илья Огарев пересылал Грибоедову деньги из Костромы... из оброчных денег костромской вотчины матери поэта. Вдова майорша Настасья Федоровна Грибоедова купила имение у княжны Екатерины Васильевны

Мещерской по купчей, датированной 1 ноября 1816 года. В документе речь шла о селе Троицком-Салтанове с 20 деревнями в Кологривском уезде Костромской губернии. В нем числилось 777 крестьян мужского пола; в имении было 17143 десятины земли. Заплаченная цена 235000 рублей была довольно высокой. Чтобы собрать ее, матери поэта потребовалось продать свое рязанское имение, влезть в большие долги и заложить новоприобретенную вотчину в Опекунский совет. Чтобы выбраться из этого положения, она обложила крестьян непомерно большим налогом. С каждой ревизской души по 100 рублей, да сверх сего по два аршина черного сукна, с каждого тягла по 10 аршин тонкого полотна, по 4 фунта коровьего масла, по 4 фунта белых грибов, по одному барану, по 10 яиц, по 2 пары рябчиков, такое же количество тетеревей, уток и куриц. Узнав об этом отяготительном оброке, крестьяне неоднократно просили госпожу убавить его, но получали категорический отказ. Ходок от крестьян Петр Никифоров весной 1817 года подал прошение царице, а в июне ему удалось передать жалобу самому Александру I-му. Просьба о выкупе была признана «невместной», Никифорова судили и сослали в Сибирь. Но Александр I-й установил опекуновское управление имением. Но это случилось позже. Сначала в имение были введены войска, поскольку доведенные до отчаяния крестьяне открыто взбунтовались и оказали открытое неповиновение и поголовное возмущение. Введенная же туда воинская команда не могла подавить выступление в течение нескольких лет¹²⁴.

Илья Иванович Огарев, несомненно, приехал в костромское имение Грибодовой, чтоб оказать ей посильную помощь в сложившейся ситуации, впрочем, его действия были скорее символическими, рассчитанными на психологический эффект, и ни на что иное. Он, лишь, пытался запугать крестьян. О его действиях крестьяне писали в жалобе к полковнику Вязьмитинову: «...Огарев, называющийся родственником нашей госпоже, не токмо нас, но и дома наши обещал разрушить, чего ежеминутно ожидаем, и от сих несносных случаев имели великое мучение»¹²⁵.

Не знаем, удалось ли И. И. Огареву привезти из Костромы деньги для поэта, думается, что при сложившейся напряженной ситуации, вряд ли. В 1824 году поэт приехал в Петербург, встретился с четой Огаревых и описал их в своей комедии. После чего И. И. Огарев вышел из длительной отставки и вновь поступил на службу, правда, уже в другое ведомство. Служебная карьера его складывалась довольно успешно. В 1832 году он становится архангельским гражданским губернатором, а спустя пять лет гражданским губернатором в Перми. Умер Илья Иванович в 1854 году и похоронен в имении жены селе Новобусино Юрьев-Польского уезда Владимирской губернии.

¹²⁴ ГАКО. Ф. 179. Оп. 1. Д. 1211. Л. 1–6.

¹²⁵ ГАКО. Ф. 179. Оп. 1. Д. 1211. Л. 3. (Номер листа не соответствует приведенному тексту – прим. ред.)

УЧЕНЫЙ-АРХЕОГРАФ Н. Н. СЕЛИФОНТОВ

3 января 1901 года в шесть часов вечера к первой платформе перехтского вокзала прибыл особо важный вагон, встречаемый группой высоких особ во главе с костромским губернатором И. М. Леонтьевым и губернским предводителем А. И. Шишовым. В церемонии также участвовали уездный предводитель К. П. Васьков, председатель уездной управы Н. И. Линев, депутация от Костромской архивной комиссии и множество перехтчан, обсуждавших печальную новость, что вот-де привезли тело перехтского помещика Селифонтова из Петербурга, где он служил до смерти в Государственном Совете, чтоб по желанию покойного похоронить его в собственной усадьбе Семеновское, что в пятнадцать верстах от уездного города. Среди массы венков, покрывавших стены траурного вагона, выделялся серебряный, массивный, приланный Великим князем Сергеем Александровичем.

В станционном зале, куда перенесли останки покойного, перехтским духовенством была совершена лития, пел хор местных певчих. Затем траурная процессия переместилась к катафалку из белого парчового глазета, в который и был помещен гроб. В окружении толпы провожающих, катафалк тронулся в путь. Только в одиннадцатом часу вечера замелькали огни Семеновского. В местном храме снова была совершена лития, погребение же состоялось утром 4 января

в 9 часов утра. Во время отпевания настоятелем храма было сказано прочувствованное слово, после чего высказались многие из присутствовавших. Они вспоминали яркую биографию ушедшего.

Будучи уроженцем Ярославля, Николай Николаевич детство свое провел там, навещая, однако, по летам костромскую усадьбу Семеновское, полученную его предками в наследство от бездетных родственников Даудовых. В 1860-х годах имение достается самому Н. Н. Селифонтову. Благодаря дяде-сенатору Н. И. Бахтину, юный Селифонтов был устроен в престижное Императорское училище правопедения в Санкт-Петербурге, где, в основном, и прошла его жизнь. Обладая недюжинными способностями, он, после успешного окончания училища, служил в Министерстве юстиции, и в тридцать три года стал

*Автопортрет Н. Н. Селифонтова
(карандашный набросок)*

Усадьба Н. Н. Селифонтова – Семеновское

помощником управляющего делами Комитета министров, а в тридцать шесть – товарищем министра путей сообщения и сенатором.

Занимая с 1872 года пост товарища министра путей сообщения, Селифонтов стал до 1880 года ближайшим помощником К. Н. Посыета в проведении тех реформ, которые были направлены к развитию судоходства и железнодорожной сети. Через восемь лет, уволившись по нездоровью от должности, он принял деятельное участие в работе Сената, будучи причислен к Межевому департаменту. В 1896 году Селифонтов был назначен членом Государственного Совета, а 1 января 1900 – председателем Департамента гражданских и духовных дел.

Однако, не своей блестящей административной карьерой Селифонтов интересен потомкам. Гораздо важнее его вклад в науку как историка-археографа и генеалога. Около полусотни научных трудов он оставил после себя, в число которых входят и монографии: «Очерк служебной деятельности и домашней жизни стольника и воеводы XVII столетия Василия Александровича Даудова» (СПб., 1871), «Родословная Селифонтовых и Румянцевых» (СПб., 1890), «Сборник материалов по истории предков царя Михаила Федоровича Романова» (СПб., 1898) и др.

Деятельная личность ученого не ограничивалась службою и научной деятельностью. Кроме того он был и общественным деятелем. Много лет Николай Николаевич Селифонтов являлся гласным нерехтского земского собрания и почетным мировым судьей. Он состоял также во многих научных и религиозных обществах: Историческом, Географическом, Генеалогическом, Любителей древней письменности, Палестинском и ряде других. Он являлся почетным членом археологического института, разработавшего проект создания археографических комиссий в губерниях России. Н. Н. Селифонтов стал учредителем

Костромской губернской ученой архивной комиссии, а с 1891 года ее официальным председателем. Под его началом Костромская архивная комиссия превратилась в одну из лучших в стране. При ней был основан Музей древностей, регулярно издавался журнал заседаний и научные сборники «Костромская старина», редактируемые председателем комиссии. В них он неоднократно публиковал и собственные материалы, написанные большей частью в Семеновском, во время летних отпусков.

Н. Н. Селифонтов являлся также одним из крупнейших российских библиофилов. Свою многотысячную библиотеку он завещал Костромской архивной комиссии. Ныне она хранится в Костромском музее-заповеднике.

Главная заслуга ученого состоит в том, что он сумел сплотить краеведов-одиночек в мощную общественную организацию, сумевшую сохранить и преумножить культурное наследие края, на котором до сих пор зиждется фундамент культурных учреждений региона. Недаром над гробом покойного звучали благодарные слова неперменного члена КГУАК Н. М. Бекаревича: «Многим из нас — сочленов архивной ученой комиссии отлично известна та изумительная энергия, та неустанная и неуспянная работа, та любовь к делу во все часы отдыха, которую проявлял покойный наш председатель... Это был сеятель, бросивший семя в добрую землю. Оно взшло, а его, дорогого, уже нет. Мир праху твоему!»

НЕРЕХТСКИЙ ПОМЕЩИК А. К. БОШНЯК

Старший сын костромского губернского предводителя дворянства Константина Карловича Бошняка и его супруги Екатерины Дмитриевны, урожденной Черневой, младенец Александр родился в усадьбе Ушаково Нерехтского уезда Костромской губернии 19 сентября 1828 года. Пятнадцатилетним подростком он выдержал приемные испытания в Санкт-Петербургский Институт инженеров путей сообщения, который успешно закончил в 1848 году. Последующая служба в Департаменте путей сообщения была прервана лишь однажды, когда во время Русско-турецкой войны 1853—1856 годов создавалось Костромское ополчение, в ряды которого вступил и молодой инженер-путеец. После расформирования ополчения, Александр Константинович решил оставить службу, и жить как помещик в своем новом имении, доставшемся ему от отца, скончавшегося в 1851 году, селе Есипове с деревнями.

Сельцо Есипово, отстоявшее от Нерехты в девяти верстах, в свое время перешло отцу Александра — Константину Карловичу от деда Александра — Карла Ивановича Бошняка, получившего имение в приданое за женой Надеждой Александровной урожденной Аже.

По воспоминаниям современника, огромная усадебная площадь Бошняков в селе Есипове, в основном, была занята фруктовым садом. Сортовым яблоням и ягодным насаждениям не было счета. В центре сада был сооружен жилой семейный дом-особняк, одноэтажный, на кирпичном фундаменте, с множеством оштукатуренных комнат и несколькими залами, украшенными широкими окнами. В стороне от дороги стояли службы: сарай, амбары и два дома для прислуги. Очень украшала село и православная каменная церковь Пресвятой Троицы с двумя приделами Божьей матери, построенная в 1820 году.

В этом земном раю и жил Александр Константинович Бошняк с женой Зинаидой Михайловной, также урожденной Бошняк, из белорусской ветви рода, и восемь детьми, половина из которых принадлежала к сильному полу, а вторая — к слабому.

Соседи-помещики охотно приезжали в усадьбу Бошняка и тот ласково встречал гостей, однако, наиболее желанным для него был ближайший сосед поименно, находившемся всего в трех верстах от Есипова, владелец села Семеновского — Николай Николаевич Селифонтов, бывший его начальник по Департаменту путей сообщения и председатель губернской архивной комиссии, куда они входили оба.

По рекомендации местных помещиков, Бошняк стал служить по выборам сначала мировым посредником, а выслужив срок, перешел на должность земского начальника пятого участка Нерехтского уезда. Служба не только расширяла круг общения бывшего затворника, но и финансово поддерживала Бошняка, обремененного большой семьей.

Административная служба, причем в довольно высоких должностях, была присуща многим представителям рода Бошняков, имеющих греческие и боснийские корни. Нерехтский краевед, священник М. Я. Диев писал: «Фамилия Бошняков бескорыстностью и честностью ныне составляет красоту дворянства Нерехтского уезда. Село Есипово в девяти верстах от Нерехты долго украшалось богатою усадьбою Карла Ивановича Бошняка, переселившегося из Елисаветграда в Нерехту по случаю супружества с Надеждою Александровною дочерью Аже... Его сын Александр Карлович Бошняк в последние годы царствования Александра I-го оказал важные услуги престолу и Отечеству. Константин Карлович Бошняк, нынешний более пяти трехлетий предводитель нерехтского дворянства, благодетель Нерехты, есть сын Карла Ивановича».

Упомянутая заслуга Александра Карловича Бошняка, дяди нашего персонажа, перед престолом заключалась в предупреждении императора о существовании тайного общества, что в то время многими российскими дворянами оценивалось как истинно патриотический поступок.

М. Я. Диев упомянул и о другом героическом поступке А. К. Бошняка, когда описывал сильный пожар в Нерехте 1815-го года: «Потушению пожара много содействовал нерехтский помещик Александр Карлович Бошняк из села Есипова, прибывший с пожарною трубою и с самоотвержением оною сам действовавший. Именно Бошняку спасением одолжена Воскресенская церковь, к коей огонь приближался противу ветра по домам, оставленным без всякой защиты, потому что народ отставил более дома под ветром и близь мосту, чтобы отстоять соборную сторону».

Возможно, благодаря этому поступку, дворяне в следующем 1816 году избирают смельчака нерехтским уездным предводителем.

Уездным, а позднее и губернским предводителем служил и брат Александра Карловича — Константин Карлович Бошняк, отец нашего персонажа. С трехлетнего возраста числился он в конном полку вице-вахмистром, но в десятилетнем возрасте становится пажом. Он даже дежурил за ужином накануне кончины Павла I-го. Продолжил службу Константин Павлович в Польском Уланском полку, где служила и небезызвестная кавалерист-девица Надежда Дурова.

После военной отставки майор Бошняк был избран в нерехтские уездные предводители, причем на несколько сроков с 1832 по 1848 год, после чего удостоился быть избранным губернским предводителем. А. Ф. Писемский описал К. К. Бошняка в своем романе «Люди сороковых годов».

Один из сыновей Константина Карловича — Николай Константинович Бошняк, капитан-лейтенант (1830—1899) был исследователем Сахалина, сподвижником адмирала Г. И. Невельского.

Старший сын Константина Карловича, наш герой Александр Константинович Бошняк не отличался ни честолюбием, ни особыми талантами, служил вынужденно и на скромных должностях. Будучи правдоискателем, человеком принципиальным и гордым, часто вступал в конфликты с начальством и менял места службы.

В письме к своему соседу по имени, сенатору Н. Н. Селифонтову, отправленному из Есипова в Петербург 9 сентября 1879 года, он сетовал: «...знаю

только одно, что мировым судьей я более не буду, так как на шестом десятке моей жизни, мне надоела зависимость от целовальников, шутов всякого рода и интриганов, от которых зависит судьба наших выборов и достоинство суда». Тем не менее, Бошняк отработал необходимый срок службы мирового судьи.

Н. Н. Селифонтов обещал помочь прискакать приятелю более соответствующее место службы, за что Бошняк в письме от 15 февраля 1882 года горячо благодарил благодетеля: «Ваше превосходительство, Милостивый государь Николай Николаевич. Прошу принять мою глубочайшую благодарность за обращаемое Вами внимание на мою покорнейшую просьбу, исполнение которой для меня не предмет тщеславия, а насущная необходимость в случае прискакания какого-нибудь хорошего местечка, которое как бы ни скудно оно не оплачивалось и в какую бы зависимость поставлено не было — все же лучше и независимее наших выборных должностей».

Результатом ходатайства сенатора стало получение Бошняком в 1882 году чина надворного советника и должности городского судьи 1-го участка города Костромы.

У Селифонтова и Бошняка имелись общие интересы в области истории и краеведения, а также местной генеалогии. В 1879 году Н. Н. Селифонтов поместил в журнале «Русская старина», с которым тесно сотрудничал, свой новый труд «Иван Константинович Бошняк, комендант г. Саратова в 1774 году», написанный им по материалам семейного архива Бошняков. От Александра Константиновича он получил рукопись «Воспоминания ополченца», которую препроводил М. И. Семевскому в «Русскую старину», на что редактор журнала в письме от 20 февраля 1880 года отвечал: «Статью г. А. Бошняка я, получив сегодня, еще не прочел, но для меня довольно Вашего о ней отзыва, чтобы дать ей место на страницах «Русской старины». И он сдержал слово. И это не конец.

Написанные Александром Константиновичем Бошняком воспоминания об учебе в Институте путей сообщения, Селифонтов через Семевского поместил в 28-м томе журнала «Русская старина» за 1880 год. Растроганный автор отреагировал письмом от 27 февраля 1880 года: «Позвольте принести Вам глубочайшую благодарность за принятое Вами участие в моем первом и слабом литературном труде, гонорара за который я никак не рассчитывал получить. Может редакция «Русской старины» вместо книжек за прежние годы (1876—1879), содержание которых мне известно, пошлет какое-нибудь историческое сочинение, преимущественно Вебера или Гервинуса? Прибавлю, впрочем к этому, что даровому коню в зубы не смотрят».

Спустя два года, А. К. Бошняк опубликовал в журнале М. И. Семевского еще один свой труд «Рассказы старого пажка» — записанные им истории из биографии отца (Русская старина. Том 33. №1. 1882).

По образованию же в Костроме в 1885 году губернской архивной комиссии оба любителя старины вошли в нее. Бошняк как рядовой член, Селифонтов как председатель и оба активно принимали в ней участие, тем более что Александру Константиновичу не надо было приезжать из Нерехтского уезда, поскольку он жил в Костроме в собственном доме в Гимназическом переулке (ныне ул. Лермонтова), где и умер 2 декабря 1897 года, однако, похоронен в своей усадьбе Есипово.

КОСТРОМСКОЙ НАМЕСТНИК ГОЛОСТЕНОВ

Как известно, наместничеством в последней четверти XVIII столетия в России называлась административно-территориальная единица, состоящая из двух-трех губерний, которой правил глава наместничества — наместник. За период с 1778 и по 1796 год в Костромском наместничестве насчитывалось девять наместников, сменившихся затем губернаторами. В ноябре 1778 года ярославский наместник Алексей Петрович Мельгунов открыл Костромское наместничество и сам же возглавил его.

Алексей Давыдович Голостенев стал седьмым по счету костромским наместником, сменив на этом посту своего предшественника Ивана Варфоломеевича Ламба. Его правление было недолгим, оно пришлось на начало девяностых годов XVIII столетия, до 1792 года — даты его смерти. Седьмой костромской наместник происходил из старинного дворянского рода, проистекающего от Кондратия Никитича Голостенова, исполненного в Курском уезде в 1628—1630-х годах. Потомство его записано было в 6-ю часть родословной книги Костромской, Тульской и Псковской губерний, но Герольдией не было утверждено в древнем дворянстве, а признано лишь с внесением во 2-ю часть родословной книги.

Биография А. Д. Голостенова, как и других костромских наместников, до сих пор почти не исследовалась и, скорее всего, и данная попытка могла не состояться, если бы не было у наместника родственных связей с костромскими помещиками Катениными. Чухломские помещики Катенины, владельцы усадьбы Клусеево, вели на полях старопечатной книги «Псалтырь» своеобразный дневник, где фиксировались важнейшие даты жизни и деятельности представителей рода и их ближайших родственников. К счастью, «Катенинская псалтырь» дошла до нас, и сообщила массу полезной информации, в том числе, некоторые сведения из жизни наместника Голостенова.

Оказывается, что Алексей Давыдович Голостенев родился в 1740 году. Служил в Лейб-гвардии и был любимцем будущего императора Павла I. В отставку вышел в чине генерал-майора. 19 января 1774 года в 34-летнем возрасте венчался с Анной Федоровной Катениной в церкви Андрея Первозванного на Васильевском острове в Санкт-Петербурге, где и проживал в связи со службой в гвардии¹²⁶.

Анна Федоровна Катенина, родившаяся в 1756 году, из древнего дворянского рода Катениных, вписанного в 6-ю часть дворянской «Бархатной» родословной книги, являлась дочерью полковника Лейб-гвардии Семеновского полка Федора Ивановича Катенина, деда поэта и драматурга П. А. Катенина. Таким образом, она являлась родной теткой поэта, и сестрой его отца Александра Федоровича Катенина.

¹²⁶ Катенинская псалтырь // Е. В. Сапрыгина. Костромская вотчина Катениных. Кострома, 1992. — С. 92.

Брак Анны Федоровны Катениной с Алексеем Давыдовичем Голостеновым можно было бы назвать удачным, если бы не ранняя смерть их детей. В «Катенинской псалтыри» перечисляются их имена: Петр, родившийся 20 декабря 1776 года, Мария, родившаяся 2 апреля 1778 года и Александра, родившаяся 5 марта 1780 года. Все они умерли одновременно в 1781 году, что заставляет подозревать причину их кончины в эпидемии, пожаре или другом несчастном случае.

Впрочем, в какой-то мере судьба компенсировала эту утрату, подарив 28 января 1885 году им еще одну дочь Александру меньшую, судьба которой была поистине незаурядной.

Ее отец костромской наместник А. Д. Голостенов умер 1 марта 1792 года, уступив место наместника Ивану Варфоломеевичу Ламбу, который занял этот пост вторично, после недолгого перерыва, что породило ошибку у исследователей, будто наместник Ламб бесперывно исполнял должность костромского наместника в течение десяти лет. Голостенов покинул осиротелую дочь в семилетнем возрасте. Ее растила мать, которая в 1800 году выдала Александру Алексеевну замуж за Ивана Антоновича Шипова, сына отставного полковника и уездного судьи Антона Васильевича Шипова.

Иван Антонович Шипов был капитанармусом Лейб-гвардии Преображенского полка, а в войну 1812 года – подпоручиком 1-го пешего полка Костромского ополчения. Уволился со службы в чине подпоручика.

Уничжительную характеристику И. А. Шипову дал в своих воспоминаниях его родственник лексикограф и гитарист Н. П. Макаров: «Иван Антонович Шипов был глуп и пьяница. За него выдали Александру Алексеевну насильно, так как он имел хорошее родовое имение в 1000 душ. Выпивал через каждые два часа, был неряха и заядлый охотник, а жена управляла хозяйством, у нее был сын Алеша, которого потом определили в школу гвардейских прапорщиков, в Петербург»¹²⁷.

Дальнейшая судьба Александры Алексеевны Шиповой прослеживается из «Сведений о Горлицком монастыре», где автор, архимандрит Пимен, пишет: «В заключение моего рассказа упомяну еще об одной подвижнице... о матери Агнии, бывшей в миру Александре Алексеевне Шиповой. Александра Алексеевна вышла замуж за Ивана Антоновича Шипова, когда ей исполнилось едва 15 лет, следовательно, около 1800 года, и прошло около шести лет, а детей у них не было. Шипов имел великую веру к преподобному Феодосию Тотемскому, которому усердно молился, чтобы он испросил у Господа чадородие его жены. По прошествии некоторого времени, они были обрадованы рождением сына Алексея. Мальчик подрос и оказывал в учении необыкновенные свои дарования. Родители им утешались, но радость скоро омрачилась печалью. Шипова заболела ногами. Она не могла ходить, страдала от нестерпимой боли; врачи истощили все свое искусство и не принесли ей ни малейшей пользы, так что слишком два года носили ее на простынях. Однажды, она в изнеможении заснула и видит во сне, что к ней пришел преподобный Феодосий Тотемский, обещающая ей исцеление. Она рассказывает сон мужу и некоторым из близких, которые стали ее уговаривать съездить к мощам преподобного. Она согласилась и,

¹²⁷ Макаров Н. П. Указ. соч. – С. 7.

А. И. Шипов

именем Александра. Она вела строгую подвижническую жизнь, занимала должность письмоводителя и, проживши 20 лет в обители, с миром почла в Господе в 1854 году¹²⁹. Смерть ее пришлось на 23 сентября 1854 года на 5 часов утра. Похоронена в Воскресенском Горницком женском монастыре Кирилловского уезда Новгородской губернии.

Ну а как же сложилась жизнь Алексея Ивановича Шипова, единственного внука костромского наместника Алексея Давыдовича Голостеннова, названного в память деда Алексеем? Он родился в 1807 году, а его дед умер в 1792 году, задолго до рождения внука. После окончания школы гвардейских прапорщиков он попал в свиту Великого князя Михаила Павловича, что обещало быстрый карьерный рост. До нас дошел его акварельный портрет в молодых годах, где он изображен как генеральский адъютант в чине поручика¹³⁰. Бросается в глаза его хрупко-болезненная конституция, полученная, вероятно, по причине пристрастия к алкоголю его родителя. Портрет принадлежит музею изобразительных искусств города Ярославля.

По отставке Алексей Иванович Шипов женился на Елене Михайловне Васильчиковой, которая, овдовев, вышла замуж вторично за барона Сердобина. У четы Сердобиных было две дочери Наталья и Александра.

А. И. Шипов скончался в 1847 году, сорока лет от роду. На нем прервалась данная ветвь рода Шиповых, ибо наследников Алексей Иванович не оставил.

¹²⁸ 12 июля 1834 года – Е. С.

¹²⁹ Из воспоминаний Архимандрита Пимена (Мясникова) «Горницкие старицы» // Памятники Отечества. 1993. № 3–4.

¹³⁰ На обороте портрета имеется надпись: «Алексей Иванович Шипов – двоюродный брат отца А. Д. Антиповой». А. М. Горшман уточнил, что изображен гвардейский генеральский адъютант в чине поручика. – Е. С.

действительно, получила у мощей преподобного мгновенное исцеление в церковь ее вели с трудом, а из церкви она возвращалась одна, никем не поддерживаемая и совершенно здоровая. По смерти своего мужа она дала себе обещание, что как скоро сыну ее минет 25 лет, она непременно вступит в монастырь. Наступил 1834 год: ее сыну, находившемуся в то время адъютантом при Великом князе Михаиле Павловиче, исполнилось уже 27 лет, но она все еще не была в монастыре. Однажды на молитве она услышала слова апостола: «Се ныне время – благоприятно, се ныне день спасения». И она решилась. Вскоре после вступления в Горницкую обитель¹²⁸ Шипову постригли в рясофор, а в 1844 году в мантию с именем Агния, а в 1847 году в схиму с прежним

Его мать, Александра Алексеевна Шипова, урожденная Голостенена, пережила сына на семь лет и, поскольку род их пресекался, то имение, состоящее в Кологривском уезде Костромской губернии перешло в род их родственников Катениных, сначала Александру Андреевичу, кузену поэта с братьями, за которым закрепились деревня Михалево с другими деревнями: Савачево, Мокруши, Худышино, Калинино, Горшково и др. А после его смерти в 1860 году его имение наследовал Михаил Иванович Катенин, племянник поэта.

Документ 1853 года «О вводе во владение имением Катениных» Кологривского уездного суда рассказывает о первом этапе раздела: «Просит отставной инженер-капитан Николай Иванов сын Катенин о нижеследующем. После смерти дяди моего, генерал-майора Павла Александровича Катенина, осталось движимое и недвижимое имение, состоящее Кологривского уезда по усадьбе Шаеву и деревнями и оставшегося после бездетно умершего сына тетки моей Александры Алексеевны Шиповой, находящейся ныне Новгородской губернии Кирилловского уезда в Горшском монастыре схимонахиней, недвижимое с крестьянами имение, состоящее Костромской губернии Кологривского уезда в разных деревнях. Ко всему вышеписанному имению состояли единственными их наследниками родитель мой отставной гвардии полковник и кавалер Иван Николаевич, генерал-адъютант Александр Андреевич и отставной гвардии полковник Михаил Андреевич Катенины, которые уполномочили меня доверенностию, дабы повелено было о вводе в вышеписанное движимое и недвижимое»¹³¹.

Наследство Шиповых тогда пришлось на долю А. А. Катенина, после смерти которого в 1860 году, в 1863 году состоялся перераздел.

В полюбовном разделе общего наследства с братом Николаем Ивановичем Катениным его племянник М. И. Катенин писал: «Я, Михаил Катенин беру себе на часть кологривское имение, в полном его составе со всеми землями, какие остались после матери полковника Шипова, подпоручицы Александры Алексеевны Шиповой...»

Таким образом, земли, полученные в приданое Анной Федоровной Катениной при ее замужестве за костромским наместником Алексеем Давыдовичем Голостененовым, после трех поколений владения Голостененовыми-Шиповыми вернулись назад в род Катениных, представители которого бессознательно способствовали памяти исчезнувшей фамилии родственников Голостененовых, заносая даты значимых событий их жизни на поля «Катенинской псалтыри».

¹³¹ ГАРО. Ф. 89. Оп. 1 Д. 658. Л. 1–1 об.

ПРАПРАВНУЧКА ФЕЛЬДМАРШАЛА КУТУЗОВА¹³²

4-го мая 1992 года на 82-м году жизни в селе Палкино Антроповского района скончалась Ольга Ивановна Пауль, дочь заместителя председателя Костромского научного общества, заведующего библиотекой и музеем Ивана Петровича Пауля, реабилитированного «врага народа».

Родилась она в 1910 году в Костроме, где и выросла. Отец ее учитель, коренной эстонец, будучи сыном безземельного батрака из Прибалтики, сумел, однако, получить приличное образование, окончив с отличием Санкт-Петербургскую духовную академию, а затем и Археологический институт по историко-этнографическому факультету. Службу начал в духовном училище города Костромы, где преподавал историю религии, латынь и старославянский язык. В Кострому И. П. Пауль приехал по своему желанию, поскольку его жена Екатерина Федоровна, рожденная Тизенгаузен, жила и воспитывалась под Галичем, у своей тетки, владевшей имением, доставшемся ей по наследству от родственников Хитрово — прямых потомков фельдмаршала М. И. Кутузова.

С 1919 года Иван Петрович Пауль работал в музее местного края, при Костромском научном обществе, в котором исполнял обязанности заместителя председателя В. И. Смирнова. Ночью 30 декабря 1929 года был арестован. Осужден по статье 58 пункт 19, как враг народа, и получил 5 лет. Просидел в лагере в Тюменской области до июня 1936 года. Затем вернулся домой, работал истопником в котельной. В 1948 году в Костромском исполкоме был открыт новый отдел архитектуры и И. П. Пауля пригласили туда работать архитектором по охране памятников. Он реставрировал каланчу, бывшую гауптвахту, торговые ряды, церковь Воскресения на Дебре, освобождал с помощью облисполкома Ипатий от жильцов, готовя его к предстоящей реставрации, но вскоре ушел на пенсию и в 1960 году скончался.

Во время ареста отца Ольга была девятнадцатилетней девушкой. Еще до революции она начала учиться в частной школе, затем продолжила учебу во втором, третьем и четвертом классах в советской школе 1-й ступени, а далее, с пятого по девятый класс в четвертой школе-десятилетке 2-й ступени. Пыталась поступить в Московский медицинский институт, но не приняли, ибо туда брали лишь детей рабочих, пришлось пойти в Костромское медицинское училище на отделение медсестер. Замуж вышла за художника-костромича Бориса Кирилловича Смирнова, с которым осенью 1929 года она уехала в Дагестан, в город Махачкалу по приглашению писателя Н. Вирты, где молодой художник работал декоратором в театре рабочей молодежи при махачкалинском обкоме ВЛКСМ. Позднее стал художником-станковистом, писал портреты.

¹³² В основу статьи легли письма Ольги Ивановны Пауль, написанные ею весной 1992 года директору Костромского музея-заповедника Мазериной А. Н. — Е. С.

После войны семья переехала в Свердловск. Борис Кириллович интенсивно работал, за что был избран делегатом съезда художников РСФСР. И в правление Союза художников РСФСР. Поселился в Москве. Работал в собственной мастерской. Был в командировке в Италии. Последнее место его работы — Художественный фонд СССР, где он состоял председателем. Умер 24 ноября 1987 года.

У Бориса Кирилловича и Ольги Ивановны есть дети: сын Сергей 1938 года рождения и дочь Елена (по мужу Клементьева), родилась в 1947 году, у которой часто и подолгу жила Ольга Ивановна Пауль. И сын и дочь ее — инженеры, и в то же время потомки великого человека, о чем они, конечно, слышаны от матери. В своем последнем письме, адресованном генеральному директору музея-заповедника Антонине Николаевне Мазериной, Ольга Ивановна писала: «Простите меня, но я тоже благородная дворянка, да еще какая! Я праправнучка фельдмаршала Михаила Кутузова, князя Смоленского. Его дочь Елизавета вышла замуж за любимого офицера графа Фердинанда Тизенгаузена — техника артиллерии. Тизенгаузен перед браком принял православную веру и стал Федором Ивановичем. Было у Елизаветы и Федора две дочери Екатерина и Дарья. В войну 1812 года в Австрии наша армия гнала Наполеона. Федор Тизенгаузен был ранен, солдаты подхватили его и понесли к палатке, но французы догнали, кололи раненого штыками в живот, пинали ногами, сломав ребра, ноги, руки. Наши войска отбили натиск врага. Это было у австрийской деревушки. Крестьяне плакали, глядя на умирающего. Разрезали кровавый мундир, сапоги, брюки, положили в домике на чистый холст. К вечеру он скончался. Приехал Кутузов, долго плакал и сказал мертвому зятю: «Я не мог раньше приехать, я вел бой и был командующим, а сейчас я отец и плачу над любимым зятем, и если б был у меня сын, то лучше, чем Федор, я не желал бы сына». Дочь Кутузова осталась вдовой в 22 года и жила в Ревеле, где и похоронила своего мужа. Второй раз она вышла замуж за генерала Хитрово, который увез семью в Италию, сначала во Флоренцию, затем в Венецию. Девочки Тизенгаузен получили блестящее образование. Они говорили и писали на 4-х языках русском, итальянском, французском и немецком. Они изучали историю, философию, читали греческих философов на их языке, любили и знали поэзию и литературу. В Италии Елизавета Хитрово выдала младшую дочь Дарью Федоровну за австрийского дипломата графа Фикельмона. Перед свадьбой Дарья Тизенгаузен приняла католичество и стала Доротеей. Вскоре у Фикельмонов родилась дочь Елизавета-Александра. Названа двойным именем, первая часть которого в честь поэта Пушкина, своего человека среди людей этого клана, а вторая часть в честь бабушки — Елизаветы Михайловны Хитрово. Вскоре Фикельмона отправили послом в Россию, и в его доме, где жила и его теща, открылось два знаменитых салона — Е. М. Хитрово и Д. Ф. Фикельмон. Там, между прочим, А. С. Пушкин впервые увидел Наталью Гончарову и был представлен ей.

Старшая дочь покойного Тизенгаузена графиня Екатерина Федоровна была придворной камер-фрейлиной императрицы и жила во дворце. Замужем она так и не была, но из одной из поездок к сестре в Австрию, привезла с собою мальчика 12 лет, графа Эльстона, которого все считали ее внебрачным сыном. Граф Эльстон вырос и женился на молодой и красивой племяннице Николая

И княгине Юсуповой, фамилию которой он взял себе. Екатерина Федоровна Тизенгаузен умерла в Петербурге в 1848 году. Моей матери тоже звали Екатерина Федоровна Тизенгаузен, она родилась в 1881 году. Отец ее окончил Академию Генерального штаба, был генералом. Звали его Федор Густавич Тизенгаузен. Инженер по строительству стратегических мостов железной дороги от Петербурга до Брест-Литовска и дальше в Польшу до Варшавы. Умер от ревматизма в Петербурге в апреле 1912 года. Были дети Екатерина, Александра, Федор. А сестра моего деда звалась Елизаветой, опять в память о предках...»

Казалось бы, что человек с такой родословной должен бы тяготеть к монархическому режиму, но ничуть не бывало! Ольга Ивановна искренне считала, что России не нужен царь. Своими соображениями по этому поводу она поделилась и с Великим князем Владимиром Кирилловичем Романовым. Писала вежливо и убежденно, что ее «предками, Тизенгаузен и Кутузовым гордилась царская Россия, Советский Союз. И сейчас демократическая Россия их в пример ставит за честность и воинскую доблесть, любовь к Отечеству. А у него нет предков, которыми можно гордиться. На письмо О. И. Пауль от 26 декабря 1991 года в начале января 1992 года, как раз к Рождеству пришел ответ от Романовых. Письмо было написано на шикарной гербовой бумаге с гербом царской России. Сердечно благодарил за письмо Владимир Кириллович, он писал: «Я хочу напомнить Вам слова Александра III-го. Он сказал: «Мы должны помнить, у России друзей нет». Ну а я хочу Вам сказать, что те, кто оказывают гуманитарную помощь России, они не делают это бескорыстно. И нам всем надо понять, что для спасения нашей Родины, нам надо исключить 73 года смуты и восстановить прерванную смуту историческую нить России, вернуть Отечество к началу 1914 года, когда Россия спокойно жила и благополучно развивалась при монархии. Для этого сейчас особенно важен голос каждого из нас в России, а я молитвенно и мысленно всегда с Вами. Владимир».

Леонида, супруга Великого князя Владимира Кирилловича, писала, что у князя в настоящее время много переписки и сам он не смог отправить письмо, поэтому посылает она и в конце добавляет: «Мы поздравляем Вас с Рождеством Христовым и шлем Вам наилучшие пожелания на 1992 год. Леонида».

В своем последнем письме в адрес директора Костромского музея-заповедника Мазериной А. Н. Ольга Ивановна сообщила, что склоняется к мысли передать свою переписку с Романовыми в музей, находящийся в бывшем Ипатьевском монастыре, являющемся колыбелью Романовского Дома.

ТЕАТР ОБРЕСКОВА И ЕГО ОПЕКУНЫ

По общему Гербовнику (ч. III № 43) – предок Обресковых шляхтич Обрыцкий выехал из Польши в Россию и стал в конце XVI столетия Михаилом Обресковым и основателем рода Обресковых. Его сын, Яков Михайлович, состоял в Ярославле городovým дворянином. Все его многочисленное потомство обосновалось на Ярославской земле.

Из рода Обресковых вышел известный дипломат Алексей Михайлович Обресков (1719 – 1787). Связь с Костромской землей прослеживается с 1737 года, когда пост Галичского воеводы занимал майор Обресков, а с Чухломским уездом Костромской губернии прослеживается с Андреем Ивановичем Обресковым, подпоручиком в 1766 году, владельцем усадьбы Понежское, в которой он проживал с семьей женой Маремьяной Алексеевной и сыном Евграфом Андреевичем.

Евграф Андреевич Обресков по примеру отца выбравший военную службу, служил сначала в армии, а с 1772 года в Лейб-гвардии Семеновском полку, в пятой роте. С 1778 года сержант, а по отставке от службы – капитан. Имел единственного сына Василия Евграфовича, родившегося 12 апреля 1787 года. Он-то и является главным персонажем нашего очерка.

Его отец умер в конце XVIII века, и мать вышла замуж вторично за Николая Авраамовича Бартенева, представителя древнего костромского дворянского рода Бартеневых, из которого вышло много моряков. Видимо, под влиянием этого, пасынок Н. А. Бартенева – Василий Обресков был зачислен в Морской кадетский корпус, который закончил в 1805 году. Однако он прослужил недолго. Уже в следующем, 1806 году, пребывание на море убедило мичмана Обрескова, что он неправильно выбрал место службы, может, подвело здоровье... Бог весть. Последующий чин коллежского советника указывает уже на статскую службу Обрескова, но по имеющимся документам мы не можем проследить ее. Может потому, что наши документы костромского происхождения, а Обресков мог служить по Ярославлю. Имена покойного отца находились в разных губерниях (Костромской и Ярославской) и после смерти его, отошли к жене,

В. Е. Обресков

матери Василия, а, следовательно, и ее второму мужу Н. А. Бартеневу, в том числе и чухломское село Понежское, однако, Василий Обресков не был обделен. Еще в подростковом возрасте, в 1803 году, его мать отсудила для него спорное имение, состоящее в деревне Евсякове Чухломской округи Костромской губернии, подав апелляционную жалобу на предшествующее несправильное решение костромского суда. Дело начинается вступлением, дающим четкую картину структуры семейства в 1803 году: «Приносит жалобу определенная над имением малолетнего Морского кадетского корпуса гардемарина Василия Евграфовича сына Обрескова опекунша мать его родная коллежская асессорша Надежда Васильева дочь по второму муже Николаева жена Авраамова Бартенева на Костромскую палату гражданского суда, а о чем моя просьба, тому следуют пункты <...>»¹³³

Мать Обрескова дело выиграла и деревня Евсяково отошла во владение ее сыну. А по смерти матери, к нему отошло и Понежское, в котором он долгое время проживал с нею и где, потакая своей давней страсти, организовал театр из крепостных, не только своих собственных, но и скупаемых у других помещиков, если замечал в них искру таланта. В описании господского дома в Понежском, составленном после смерти хозяина опекуном П. А. Катениным, говорится о расположении помещений. «Господский деревянный дом на каменном фундаменте двухэтажный мерою в длину 12 саж., в ширину 5 саж., в вышину до карниза 4 саж. 2 подъезда <...>».

Означенный господский дом крыт кумпалом по скале тесом. Два фронтона против верхнего этажа с обеих сторон. Красного двора террасы на колоннаде оперены столбиками; с правой и левой рук в два крыльца, в верхний этаж прямые, обитые тесом. В верхнем этаже находятся 13 комнат <...>¹³⁴.

В нижнем этаже было восемь комнат. Среди них гардеробная, столовая, девичья, спальня и другие. Театр размещался на первом этаже, в зале.

Труппа насчитывала 28 человек. Их имена, к счастью, дошли до нас. 1. Климент Антонов Соловьев. 2. Степан Антонов Соловьев. 3. Владимир Антонов Соловьев. 4. Александр Антонов Соловьев. 5. Фавиан Артемьев. 6. Увар Михайлов. 7. Петр Тиханов. 8. Фаддей Аверьянов. 9. Павла Антонова. 10. Александра Антонова. 11. Клеопатра Артемьева. 12. Анна Фловиянова. 13. Вдова Павла Лукианова. 14. Ее дочь Варвара. 15. Ее дочь Алимпиада. 16. Вдова Дарья Григорьева. 17. Ее сын Александр. 18. Вдова Аграфена Максимова. 19. Алена Малофеева. 20. Василиса Нестерова. 21. Вдова Катерина Васильева. 22. Варнавий Иванов. 23. Жена его. 24. Его сын. 25. Девка Алена Григорьева. 26. Девка Марья Тимофеева. 27. Девка Агафья Артамонова. 28. Девка Настасья¹³⁵.

Как видим, в труппу входили не только актеры-одиночки, но и целые крестьянские семьи. Эту труппу обучал сам хозяин и посылал ее на гастроли в разные города: в Костромус с 1819 года, в Ярославль с 1827 года и в Рыбинск с 1829 года. Во время смерти, пришедшей на 6 ноября 1830 года, он вместе с труппой находился в Ярославле, где три месяца назад 7 августа 1830 года заключил с поручицей Барсуковой контракт об аренде каменного дома для театра сроком на два года. Василия Евграфовича похоронили на Леонтьевском кладбище Ярос-

¹³³ ГАКО. Ф. 179. Оп. 1. Д. 506. Л. 2.

¹³⁴ ГАКО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 305. Л. 20 об.

¹³⁵ Чухломский музей. ЧКМ КП 906, инв. №1457.

лавля, а трупшу вернули в Понезжское. Покойный хозяин трупши оставил непомерно высокие долги, общей суммой свыше 40000 рублей, их надо было покрывать, поэтому содержатели театра – опекуны имения – продолжали давать спектакли. Об одной такой гастрولي в солигалическую усадьбу князя Леонтия Васильевича Шелешпанского Карцово оставил записи в своем дневнике немец-управляющий Карл Иванович Майер: «Именины князя справляли 16 августа, после Успенева дня. Праздновали пышно. Театральное представление, музыка, пестельники, катание на лодках, а в завершение праздника – фейерверк. Конечно же, угощение, как для гостей, так и для крестьян... Комедиантов обрескинских пригласили, с ними столковаться нетрудно, особливо за наши деньги. Комедианты народ все пустой, ледящий, а от людской кухни носы воротят, не привыкли, дескать».

Управляющий довольно подробно описал пышное празднество:

«Картина являла некий город у подножья горы Вулкан. Боги даровали жителям хлеботородные нивы, плодоносные сады и виноградники. Филька¹³⁶ весьма искусно все изобразил на двух филенках, даже овечек на лугах нарисовал. Жители сего благодатного края (актеры обрескинские и наши волонтеры) более были расположены к праздности и беспричинному веселью, коему и предавались без всякой умеренности. Возлияния и пляски с козлоногими сатирами шли чередой. Сатиры все обрескинские, скакали аж на два аршина вверх, нашим так нипочем не скакнуть... По знаку всех комедиантов с подмостков сдуло, и явилось бушующее море, в волнах коего боролось с непогодой судно, и так все это натурально проделано было, что и в самом деле казалось, на берегу моря сидишь. Как корабль в волнах исчез, тут и началось. Вулкан неожиданным образом из-

вергся, да так громко, что многое гости в оторопь впали, и в совершенное изумление пришли. Шутихи, фейерверковые бураки искры рассыпают, а из горы лава прет, натуральная такая, и когда лава доски укрыла, вновь явился Осип, встал в позу.

Кентавр

Свирепый огонь зверем по-
жрал все живое

Пепел унылый укрыл все,
что когда-то цвело.

Даже доселе бесстрастные
боги стали не рады,

Явив слабым людям мощь
такую свою.

Ажитация была велика. Уго-
щались без меры¹³⁷.

¹³⁶ Крепостной художник князя Шелешпанского Филофей Сорокин – Е. С.

¹³⁷ Наше наследие. 2006. № 79–80. – С. 198–199.

Мы имеем также возможность вместе с героями автобиографического романа А. Ф. Писемского «Люди сороковых годов», побывать на одном из спектаклей обрешковской труппы. Два товарища-гимназиста Вихров (читай Писемский) и Плавин посещают театр Обрешкова, гастролирующий в Костроме: «Пойдемте сегодня в театр?» — обратился Плавин к Павлу. — «Пойдемте, — отвечал тот; при этом у него как-то екнуло сердце. — Я никогда еще в театре не бывал, — сказал Павел слегка дрожащим голосом.

«Что сегодня играют?» — спросил Плавин Симонова.

«Не знаю, не спросил... Да я сейчас сбегаю и узнаю», — вызвался с полной готовностью Симонов, и, действительно сбежал.

«Сегодня отличное представление!» — сказал он, развертывая и подавая закорюзлой рукой афишу, — «Днепровская русалка», — добавил он, тыкая пальцем на заглавие.

Гимназисты мои после того остались в очень беспокойном состоянии. Время казалось им идущим весьма медленно... Часу в седьмом молодые люди, наконец, отправились.

Надобно сказать, что театр помещался не так, как все в мире театры — на поверхности земли, а под землею. Он переделан был из кожевенного завода, и до сих пор еще сохранял запах дубильного начала, которым пропитаны были его стены. Посетителям нашим, чтобы попасть в партер, надобно было спуститься вниз по крайней мере сажени две. Когда они, наконец, уселись на деревянные скамейки, заиграла музыка. Занавес поднялся. С какою жадностью взор нашего юноши ушел в эту таинственную глубь какой-то очень красивой рощи, взади которой виднелся занавес с уходящей далью, а перед ним что-то серое шевелилось на полу — это была река Днепр!

Вышел Видостан в бархатном кафтане, обшитом позументами, в шапочке набекрень. После него выбежали Тарабар и Кифар. Все эти лица мало занимали Павла. Может быть, врожденное эстетическое чувство говорило в нем, что самые роли были чепуха великая, а исполнители их — еще и хуже того.

Занавес опустился. Плавин шепнул Павлу, что можно будет пробраться на сцену... Вошли, и, боже мой, что представилось глазам Павла! Точно чудовища какие высились огромные кулисы, задвинутые одна за другую, и за ними горели тусклые лампы, мелькали набеленные и не совсем красивые лица актеров и их пестрые костюмы. Посредине сцены стоял огромный куст, подпертый сзади палками; а сверху даже и понять было невозможно всех сцеплений. Река оказалась не что иное, как качающиеся рамки, между которыми было большое отверстие в полу. Павел заглянул туда и увидел внизу привешенную доску, уставленную по краям лампами, а на ней сидела качаясь и смеясь какая-то вся в белом и необыкновенной красоты женщина. Открытие всех этих тайн не только не уменьшило для нашего юноши очарования, но, кажется, еще усилило его.

«Господа публика, прошу со сцены!» — раздался голос содержателя.

Павел почти бегом бросился на свою скамейку. В самом начале действия волны реки сильно заколыхались, и из-под них выплыла Леста, в фольговой короне, в пышной юбке и в трико. Павел тотчас же догадался, что это была та самая женщина, которую он видел на доске. Она появлялась еще несколько раз на сцене; унесена была, наконец, другими русалками в свое подземное

царство; затем перемена декорации, водяной дворец, бенгальский огонь, и занавес опустился. Надо было идти домой. Павел был как бы в тумане: весь этот театр, со всей обстановкой, и все испытанные там удовольствия показались ему какими-то необыкновенными, не воздушными, не на земле (а, как и было на самом деле — под землею) существующими — каким-то пиром гномов, обурляющим, не дающим свободно дышать, но тем не менее, очаровательным и обольстительным!»¹³⁸

Описанный спектакль «Днепровская русалка» не мог состояться ранее 1834 года, хотя труппа гастролировала в губернском городе с 1819 года, поскольку именно в 1834 году Писемский поступил в костромскую гимназию. К этому времени Обресков уже четыре года считался покойным. Он умер 6 ноября 1830 года, и поскольку не оставил семьи, а следовательно, и прямых наследников, то его движимое и недвижимое, в том числе и театр, отошло к его двоюродному брату Николаю Петровичу Шевелеву, который долго не мог войти во владение имением, поскольку за дурное поведение был сослан в Варнавин, а над имением установили опеку.

Поручик Николай Петрович Шевелев родился в 1783 году, воспитывался в артиллерийском кадетском корпусе, из которого в 1799 году был выпущен корнетом в Кирасирский полк, что позднее именовался Харьковским драгунским полком. В 1800 году был отставлен от службы подпоручиком, но в том же году восстановился, будучи принят в Павлоградский гусарский полк. Был донатом ордена Иоанна Иерусалимского. Окончательная отставка произошла в 1815 году. Позднее отставной капитан Николай Петрович Шевелев исправлял должность чухломского земского исправника. Он был женат на Настасье Ивановне Борноволокковой и имел двух сыновей, поручика гвардии Финляндского полка Дмитрия Николаевича и подпоручика Петра Николаевича Шевелевых. Семья имела недвижимое в Костромской губернии Галичской округи сельцо Пнино (мужского пола 2 души), в деревне Михалево 25 мужска пола душ и Воробьеве 4 мужска пола душ. Им же принадлежала и усадьба Янино и деревня Саватово. Всего 117 душ крепостных¹³⁹.

Первым опекуном имения покойного Е. В. Обрескова был назначен Петр Александрович Катенин, родной брат поэта Павла Александровича Катенина. В конце 1831 года он письменно жаловался губернатору на поведение своего подопечного: «Его Превосходительству Господину Действительному Статскому Советнику Костромскому гражданскому Губернатору и разных орденов кавалеру Сергею Степановичу Ланскому. Статского советника и кавалера Петра Александрова сына Катенина прошение. Указом Чухломской дворянской опеки определен я опекуном и попечителем по имени умершего коллежского секретаря Василия Обрескова, следующему в принадлежность по наследству поручику Николаю Шевелеву, которому выдан был его превосходительством билет для устройства дел его по означенному наследству июня 27 дня сего года, а так как срок его уже истек, и он, господин Шевелев, не окончив еще свои дела из-за простудной болезни, препятствующей ему возвратиться в город Кострому, то дабы не подвергнуться мне какой-либо ответственности, насчет проживания

¹³⁸ Писемский А. Ф. Указ. соч. Т. 4. — С. 54–57.

¹³⁹ ГАРО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 801. Л. 3–4

его в наследственном имении без надлежащего вида, приемлю решимость довести о сем до сведения вашего превосходительства и присовокупить покорнейшую просьбу, на предмет сего учинить по благоусмотрению Вашему кому следует предписание прошения. Сие писал со слов просителя вольноотпущенный дворовый человек Александр Иванов.

К сему прошению статский советник и кавалер Петр Александров сын Катенин руку приложил. Жительство имею Чухломского уезда в селе моем Бореяеве. Декабря 20-го дня 1831 года¹⁴⁰.

Прошло несколько лет, пока наследник Н. П. Шевелев смог войти во владение имением из-за своего подневольного положения. За это время сменилось несколько опекунов, взятого под опеку имения покойного В. Е. Обрескова: после уехавшего в Петербург Петра Александровича Катенина, опекуном стал господин Лермонтов, а вслед за ним Мануйло Федорович Сальков. Видимо, именно он был содержанием крепостной труппы Обрескова, дававшей гастрольные спектакли в Костроме и других городах, в том числе и описанного Писемским спектакля «Днепровская русалка».

В 1836 году умер Николай Петрович Шевелев и имение Василия Евграфовича Обрескова, коему он был наследник, перешло сыновьям покойного. Поскольку им отошло и имение отца из рода Шевелевых, они постарались избавиться от обресковского имения, к тому же обремененного долгами. В местной прессе появилось следующее объявление: «О продаже имения. От Костромского губернского правления объявляется, что в оном по определению Чухломского уездного суда будет продаваться с публичного торга принадлежащее наследникам коллежского секретаря Василия Обрескова подпоручикам Дмитрию и Петру Шевелевым состоящие в Чухломском уезде пустоши Бекреница, Матвейкова и Глебова и пожни Звезлица, Избищева и Голенищева, в коих земли разных угодий всего 1,435 десятин с саженьями оценки годового дохода в 100 рублей на удовлетворение состоящих на г. Обрескове взысканий. День торга назначен 29 числа будущего декабря»¹⁴¹.

На погашение долга также работали крестьяне Понежского и крепостные актеры труппы Обрескова. Это и сберегло от продажи саму усадьбу. Как же сложилась дальнейшая судьба крепостных актеров? Кто-то вернулся к своему начальному статусу крестьянина и занялся сельским хозяйством, а кто-то ушел в профессиональные актеры, благо грядущая реформа освободила всех от крепостной зависимости. Досконально известно, что из обресковской труппы стали профессиональными артистами Немчинова (Леста из «Днепровской русалки») и некто Роминский, но идентифицировать их с именами в списке труппы мы не можем.

¹⁴⁰ ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Т. V. Д. 7092. Л. 16–16 об.

¹⁴¹ Костромские губернские ведомости. 1838. Ноябрь.

По катенинской орбите

ПРЕОБРАЖЕНСКИЕ КАЗАРМЫ

Преображенский полк, первый в русской гвардии, сыграл видную роль в истории России, являясь участником войн и главной силой в многочисленных дворцовых заговорах и переворотах. Он считался старейшим регулярным полком России. Петр I основал его в 1687 году из потешных села Преображенского, откуда и пошло его название. В 1700 году он стал Лейб-гвардейским. Состоял полк из четырех батальонов, бомбардирской и гренадерской рот. В 1800 году Павел I повелел ему стать Лейб-гвардии Его Императорского Величества полком, но при Александре I в 1801 году возвращено ему прежнее наименование.

Казармы Преображенского полка, построенные в 1802–1803 годах по проекту архитектора Ф. И. Волкова, располагались на Кирочной улице, близ Таврического сада (ныне ул. Салтыкова-Щедрина, д. № 31-39). Но 1-й батальон полка, охранявший Зимний дворец, в котором служил П. А. Катенин, размещался в доме, стоявшем на углу Миллионной улицы и Зимней канавки (ныне дом № 33 по ул. Халтурина). Еще полвека назад этот корпус составляли хозяйственные постройки, примыкавшие к первому и второму Зимним дворцам Петра I, располагавшиеся на месте Эрмитажного театра. Елизавета Петровна разместила здесь гренадерскую роту Преображенского полка, сыгравшую решающую роль во время переворота 1741 года, возведшего ее на престол. Эта воинская часть из 364 человек стала именоваться лейб-компанией, а дом получил название лейб-компанского. После царствования Елизаветы Петровны здесь были различные придворные заведения, в том числе, и Пажеский корпус. В августе 1797 года Павел I разместил в отреставрированном доме первый батальон Преображенского полка, который и находился там до 1917 года. Офицеры полка занимали верхний этаж здания¹⁴².

В марте 1810 года восемнадцатилетний Павел Катенин оставил штатскую службу в Министерстве народного просвещения и перешел по примеру многих предков в военную, поступив портупей-прапорщиком в первую роту Лейб-гвардии Преображенского полка. Когда мать услышала о его решении, она, перекрестившись, сказала: «Благодарю тебя, Боже, я узнаю в нем сына моего!» В начале 1811 года П. А. Катенин получил чин прапорщика, а в декабре — подпоручика. Но молодой офицер недолго жил в казармах. Весной 1811 года он в составе полка выступил на место дислокации в город Вильно, откуда годом

¹⁴² Статья Преображенский Лейб-гвардии полк // Энциклопедический словарь. Т. XXV. СПб.: изд. Брокгауза и Эфрона. 1898.

*Санкт-Петербург. Здание бывших
Преображенских казарм*

1818-х годов: пламенного П. А. Катенина и И. А. Титова. Это были истинно чтецы первой степени. Во главе литераторов поэтов Преображенского полка стоит бессмертный Гавриил Романович Державин. За ним идет целый ряд имен наших отличных стихотворцев Ивана Ивановича Дмитриева, князя А. А. Шаховского заслуженного драматического писателя и образователя многих артистов, Сергея Никифоровича Маршала, переводчика «Меропы», который также ловко писал песни под лад народный «Чем тебя я огорчила?», «Пожалуйте, сударыня» и другие, графа Сергея Павловича Потемкина, переводчика трагедии «Гофлия», переведенной совместно с Шапошниковым, даровитым писателем, убитым в Бородинском сражении и Павла Александровича Катенина. Имена их останутся навсегда несокрушимыми в истории русской словесности и драматической литературы.

Умный, пылкий, в высшей степени образованный и восторженный в своих произведениях воин-поэт Катенин, когда речь касалась до славы русского театра, отдал на сцену несколько прекрасных переводов лучших трагедий Расина и Корнеля «Эсфирь», «Сид», «Андромаха». В 1815 году, когда при вторичном движении гвардии из Санкт-Петербурга, она была остановлена Высочайшим повелением на походе под Вильною, и благословенный Александр I предводительствующему ею доблестному полководцу герою графу М. А. Милорадовичу изъявил свою волю, чтоб всегда готовая отражать врага любезная его гвардия следовала в обратный путь, лира полкового баяна Катенина на празднестве,

спустя отправился защищать Родину от нашествия Наполеона. Он храбро сражался на Бородинском поле, при Люцине, Кульме, Лейпциге. Кстати сказать, за сражение при Кульме Преображенский полк получил почетное Георгиевское полковое знамя, а Катенин — Кульмский крест. В 1814 году Преображенский полк после заграничных походов возвратился в Петербург, а вместе с ним и поручик Павел Катенин. После краткого отпуска с поездкой на малую родину, преображенцы вернулись в казармы и потекли дни и месяцы рутинной службы. В свободное время офицеры занимались самообразованием.

«Общество офицеров Преображенского полка с давних времен отличалось любовью к изящным искусствам, преимущественно к словесности, — вспоминал офицер-преображенец А. П. Арапов, — чтение тогда почиталось искусством. Я помню своих сослуживцев по Преображенскому полку 1815 и

совершившимся в одном из зал Преображенского полка, смежных с библиотекою и арсеналом, звучала:

Среди торжеств и славы ратной
Еще печется Царь царей,
Устроить в дома путь возвратный
Любезной гвардии своей¹⁴³.

В 1817 году царский двор решил на год переехать в Москву, в связи с закладкой на Воробьевых горах храма в честь войны 1812 года. Это был первоначальный проект храма Христа Спасителя А. Л. Витберга. Гвардия, сопровождавшая царя, двинулась в древнюю столицу осенью 1817 года. Там, в Москве, была образована промежуточная между «Союзом спасения» и «Союзом благоденствия» тайная организация «Военное общество», возглавляемая Н. М. Муравьевым и штабс-капитаном П. А. Катениным. Члены этого общества вырезали на клинках своих шпаг девиз: «За правду». Вернувшись после годичной отлучки обратно в Петербург, П. А. Катенин, уже в чине капитана, который он получил 1 сентября 1818 года, живет все в тех же казармах. Он пишет стихи, в том числе и крамольное «Отечество наше страдает Под игом твоим, о злодей!», переводит для театра, занимается декламацией с Каратыгиным, будущим выдающимся актером и с А. М. Колосовой. И вообще, по выражению Ф. Вигеля, кипит, словно «кофейник на конфорке»¹⁴⁴.

В казармах на Миллионной, в комнате Катенина собиралась вольнолюбивая молодежь. Близким другом Павла Александровича был Дмитрий Зыков, офицер-преображенец, причастный декабристскому движению, автор критической статьи о «Руслане и Людмиле» А. С. Пушкина, опубликованной в «Сыне Отечества» (1820, №38), живший в тех же казармах.

Сюда же в казармы на Миллионной улице приходил к Катенину Александр Сергеевич Пушкин. О его первом визите Катенин вспоминал в своих поздних мемуарах: «Гость встретил меня в дверях, подавая в руки толстым концом свою трость-палку и говоря: «Я пришел к вам как Диоген к Антисфену: побей, но выучи». — «Ученого учить — портить, — отвечал я, взяв его за руку, и повел в комнаты; через четверть часа все церемонии кончились, разговор оживился, время неприметно прошло, я пригласил его остаться пообедать; пришли еще кой-кто, так что новый знакомец ушел уже поздним вечером»¹⁴⁵.

После этого Александр Сергеевич «очень часто запросто» посещал квартиру Катенина в Преображенских казармах.

5 июля 1820 года П. А. Катенин был произведен в полковники, а 19 сентября того же года последовала отставка. Причины ее не совсем ясны. Во время смотра первого батальона Преображенского полка Великий князь Михаил Павлович заметил заплатку на рукаве одного из солдат. Подозвав П. А. Катенина, он возмущенно спросил: «Это что? Дыра?» На что Катенин ответил

¹⁴³ Арапов П. Н. Любовь к русской словесности и благородные спектакли в Лейб-гв. Преображенском полку. — СПб., 1857.

¹⁴⁴ Вигель Ф. Ф. Записки. — М., 2000. — С. 421

¹⁴⁵ Катенин П. А. Размышления и разборы. — М., 1981. — С. 207.

не без язвительности: «Никак нет, Ваше высочество, это заплатка; именно затем, чтобы не было дыры, которую Ваше высочество заметить изволили». Этот спор, по версии П. А. Каратыгина, и стоил Катенину мундира. Впрочем, до своей высылки из Петербурга в 1822 году он пробыл в столице еще два года, но казармы Преображенского полка, очевидно, должен был покинуть.¹⁴⁶

Видимо, именно тогда в библиотеку Преображенского полка влилось личное собрание книг Павла Александровича, отраженное в каталогах этой библиотеки.

Батальон же преображенцев, расположенный вблизи дворца, оказался 14 декабря 1825 года первой воинской частью, показавшей свою верность Николаю I. Во главе этого батальона царь отправился с Дворцовой на Сенатскую площадь против восставших.

---

¹⁴⁶ Каратыгин П. Записки. – Л., 1970. – С. 101.

ТРИУМФАЛЬНАЯ АРКА

Грандиозная эпопея Наполеоновских войн шла к своему завершению. 19 марта 1814 года пал Париж. Армия-победительница, ожидавшая заключения мирного договора, отдыхала после бранных трудов во французской столице. После двухмесячного ожидания пришел, наконец, приказ о возвращении на родину. Гвардии предстояло прибыть в Россию на кораблях русской эскадры, армия же должна была вернуться маршем через Францию, Германию, Польшу. Лейб-гвардии Преображенский полк, в котором служил штабс-капитан П. А. Катенин, выступил через Нормандию в портовый город Шербург, где произошла посадка гвардейских полков на четыре фрегата — «Смелый», «Храбрый», «Победоносец» и «Мироносец». На исходе изнурительного полуторамесячного плавания русская эскадра приблизилась к северным границам России и высадилась в Ораниенбауме, где был отслужен благодарственный молебен.

Торжественное вступление гвардии в Петербург было намечено на 30 июля 1814 года. По словам И. Д. Якушкина «для ознаменования великого этого дня были выстроены на скорую руку у Петергофского въезда ворота и на них поставлены шесть алебастровых лошадей, знаменующих шесть гвардейских полков первой дивизии»¹⁴⁷.

Эти ворота были сооружены по проекту знаменитого архитектора Джакомо Кваренги за один месяц¹⁴⁸. Однопролетную арку из дерева и алебастра завершала колесница, управляемая крылатой богиней Славой, державшей в руке лавровый венок. Колесницу и рельефы исполнил скульптор И. И. Тербенев. На пилонах ворот были перечислены названия гвардейских полков, а посредине аттика красовалась надпись по-русски и на латыни: «Победоносной Российской Императорской гвардии жители столичного города святого Петра, от имени признательного Отечества. В день 30 июля 1814 года».

«Отечественные записки» писали в 1826 году: «Архитектура сих ворот самого благородного, высокого стиля». Недалеко от арки по обеим ее сторонам стояли деревянные трибуны для зрителей, амфитеатры для музыкантов, певцов и военных оркестров. Особые галереи были для императорской семьи, вельмож и именитого купечества.

В означенный день 30 июля 1814 года, предводительствуемые императором Александром I-м, Лейб-гвардии полки Преображенский, Семеновский, Измайловский, Егерский, Гвардейский морской экипаж, две роты Гвардейской артиллерии вступили в Петербург через Триумфальные ворота. Народ высыпал на улицы, зрители заняли все окна в домах, гремела музыка, каски и кирасы

¹⁴⁷ Якушкин И. Д. Записки // Декабристы. Т. 2. — М., 1987. — С. 381.

¹⁴⁸ Предполагалось, что русская гвардия прибудет морем из Франции через г. Нарву. Там для встречи русских войск архитектором В. П. Стасовым была возведена Триумфальная арка, но когда выяснилось, что маршрут изменен, то срочно стали сооружать Триумфальные ворота у петергофского въезда в Петербург. — Е. С.

блестели на солнце. Перед каждым полком шли барабанщики, флейтчики, плясуны и запевалы.

И на Родину с венками,
С песнями, с бубнами, с трубами,
Рать, под звон колоколов,
Шла почтить от всех трудов.

И везде толпа народа;
Старый, малый — все бегут
Посмотреть, как из похода
Победители идут¹⁴⁹.

— вспоминал позже «полковой баян» — П. А. Катенин.

Что же чувствовали марширующие гвардейцы в этой атмосфере всеобщего ликования? Может, вспоминали они тяготы трехлетнего похода и его невосполнимые утраты? На примере двадцатидвухлетнего преображенского поручика Павла Катенина можно представить, что пришлось вынести этим молодым, и не только молодым, героям. Тяжелораненый, но не оставивший полк старший брат Павла Катенина, Григорий, умер от ран и похоронен на Могилевщине под городом Копысом, лучшему другу поэта капитану Шапошникову под Бородиным ядром оторвало голову, да и сам он, тяжело раненый под Лейпцигом, чудом остался жив. Предвкушение возвращения домой и встречи с родными, отражено в его стихотворении, сочиненном на палубе корабля, везшего гвардейцев из Франции в Россию:

С жизненной бурей борюсь я три года,
Три года милых не видел в глаза.
Рано с утра поднялась непогода:
Смолкни хоть к полдню, лихая гроза

Что ж! Может счастливей буду, чем прежде,
С матерью свидясь, обнявши друзей.
Полно же, сердце, вернися к надежде,
Чур, ретивое, себя не убей.

В октябре 1825 года был образован комитет под председательством генерал-губернатора Петербурга М. А. Милорадовича для сооружения новых ворот из долговечных материалов, взамен обветшавших. В состав комитета входил и А. Н. Оленин, президент Академии художеств, директор Публичной библиотеки. Для создания новой Триумфальной арки был приглашен архитектор В. П. Стасов. Скульптурные работы выполняли П. К. Клодт, В. И. Демут-Малиновский, С. С. Пименов и И. Леппе, а также М. Г. Крылов и Н. А. Токарев.

Новые ворота были несколько расширены по сравнению со старыми, также были внесены некоторые изменения в барельефы, а фигуры античных воинов по совету А. Н. Оленина, заменены русскими витязями. Облицовка ворот медными листами являлась новшеством того времени.

¹⁴⁹ Катенин П. А. Избранные произведения. — М.-Л., 1965. — С. 91.

Арка была установлена на нынешнем месте на пл. Стачек, за двадцать метров от моста через реку Таракановку¹⁵⁰, тогда как прежняя арка, работы Дж. Кваренги, стояла недалеко от городских ворот, возведенных еще во второй половине XVIII века, примерно на половине расстояния между нынешней пл. Стачек и Обводным каналом. Новые триумфальные ворота, получившие от Нарвской заставы название Нарвских, были открыты 18 августа 1834 года в день 21-й годовщины Кульмской битвы, в которой, кстати сказать, принимал непосредственное участие и Павел Александрович Катенин, показавший в бою чудеса храбрости, за что был награжден Кульмским крестом. Он считал Кульм апогеем своей боевой биографии, подарком в сочиненной им самим эпитафии имеется следующая строка: «В Кульме бился насмерть, но судьба его пощадила»¹⁵¹.

Нарвские триумфальные ворота. 1834 г.

Возвращение победоносной русской армии из Франции в Россию — явление историческое и незабываемое. К нему неоднократно обращались в своем творчестве русские художники и писатели, в том числе и А. С. Пушкин:

Была прекрасная пора:
Россия в лаврах, под венками,
Неся с победными полками
В душе покой, в устах «Ура!»
Пришла домой и отдохнула.
Минута чудная мелькнула
Тогда для города Петра.

¹⁵⁰ Река Таракановка была засыпана в 1929 году. Ленинград: путеводитель / Сост. В. А. Витязева, Б. М. Кириков. — Л., 1986. — С. 296.

¹⁵¹ Катенин П. А. Размышления и разборы. — Л., 1981. — С.12.

«ЧЕРДАК» КНЯЗЯ А. А. ШАХОВСКОГО

Князь Александр Александрович Шаховской (24.04.1777 — 22.01.1846) был известным театральным режиссером и педагогом, воспитавшим многих хороших актеров. Он занимал должность начальника репертуарной части Петербургских Императорских театров (1802—1818), кроме того, был поэтом, членом «Беседы любителей русского слова» и Российской академии и «лучшим того времени писателем для сцены». В 1820-е годы он жил в Петербурге, на Средней Подьяческой улице в доме статского советника Клеопина, 3-я Адмиралтейская часть № 282 (ныне Малая Подьяченская, 12). Дом сохранился в перестроенном виде. А. А. Шаховской занимал верхний этаж особняка, в шутку именуемый «чердаком».

По окончании театральных спектаклей и до 2-х и 3-х часов утра на «чердаке» у Шаховского собирались «разнообразные и разнохарактерные лица. Тут можно было увидеть и литератора, и артиста, и даровитого актера, и хорошенькую актрису, и шалуна-офицера, а иногда ученого-академика, — вспоминал один из посетителей салона. — Хозяин был очень любезен, всегда весел и разговор его обо всех предметах был занимателен и разнообразен, но более любил он говорить о литературе». Хозяйкой же гостиной была подруга Шаховского Екатерина Ивановна Ежова, актриса, игравшая в театре комических старух.

В доме Шаховского бывали А. С. Грибоедов, А. А. Жандр, С. Н. Бегичев, Я. Н. Толстой и многие другие. Завсегдатаем «чердака» считался и П. А. Катенин. «Когда, бывало, — рассказывал современник, — у князя Шаховского соберутся литераторы, то в беседах и прениях главенствовал всегда Катенин (автор «Андромахи»). Трудно представить себе такой дар слова, как был у Катенина... Он был всегдашний противник в спорах Грибоедова, который держался романтизма, а Катенин был страстный фанатик французского классицизма».

Благодаря Катенину, «чердак» Шаховского стал посещать и Пушкин. Об этом рассказывает сам драматург в своих воспоминаниях о поэте: «В ту же зиму 1818 года просил Пушкин познакомиться его с князем А. А. Шаховским, у которого по вечерам съезжалось много хороших людей, напаче молодежи, и время весело шло. Кто-то из их общих знакомых уже прочитал Шаховскому несколько отрывков

Князь А.А.Шаховской

из поэмы Пушкина, и князь, страстный любитель святой Руси, пришел от них в восторг, и также просил меня привезти к нему молодого поэта. Радужный прием на первый раз тем приятнее был для гостя, что он за собою знал против Шаховского маленький грешок. Ясно, что милому А. С. совестно стало, хотя, конечно, он невольно погрешил против старика». Катенин намекал на пушкинскую эпиграмму «Угрюмых тройка есть певцов...», высмеивавшую поэтов-славянофилов Шишкова, Шихматова и Шаховского.

После первого удачного визита молодого поэта в дом известного драматурга, последовали и другие. Пушкин сделался завсегдатаем «чердака». Спустя семь лет, впечатления от них ностальгически отзвучат в одном из писем Пушкина к Катенину: «Прочел в Булгарине твое третье действие, прелестное в величавой простоте своей. Оно мне живо напомнило один из лучших вечеров моей жизни; помнишь? На "чердаке" князя Шаховского».

Пушкин имел в виду третье действие катенинской трагедии «Андромаха», опубликованной в альманахе Ф. Булгарина «Русская талия» за 1825 год. Над этим произведением автор работал много лет и, видимо, знакомил с фрагментами гостей Шаховского.

В настоящее время дом сохранился в перестроенном виде.

ЭРМИТАЖНЫЙ ТЕАТР

Из всех театральных зданий Санкт-Петербурга это самое древнее. Построено оно в 1785 году. Предыстория его такова. В 1711 году по повелению Петра I-го началось возведение в столице 2-го Зимнего дворца на месте 1-го, перенесенного на Петровский остров. Однако, спустя семь лет, вдоль вырытой Зимней канавки, стал строиться 3-й Зимний дворец по проекту архитектора Маттарнови, называемый также «набережными палатами». И, наконец, в 1723 году появляется 4-й дворец, в котором спустя два года умер Петр I-й.

Все эти постройки назывались старым Зимним дворцом, и включали в себя разные дворцовые мастерские. С 1749 года здесь проживают ветераны Гренадерского полка, участники переворота 1741 года, приведшего к власти императрицу Елизавету. В 1762 году Екатерина II отдает здание итальянской компании музыкантов, а в 1766 году лейб-кампанский дом становится дирекцией Императорских театров и называется Театральным корпусом.

Отделанное по проекту архитектора Кваренги, здание становится Эрмитажным театром в августе 1784 года, но официально он был открыт в 1785 году.

Первый сезон открылся 16 ноября 1785 года комической оперой А. Аблесимова «Мельник, колдун, обманщик и сват» (с музыкой М. Соколовского).

*Санкт-Петербург. Зимний дворец.
Здание Эрмитажного театра*

Зрительный зал Эрмитажного театра

Спектакли шли по 2–3 раза в неделю. Весь русский репертуар XVIII века прошел при Екатерине II-й через эту сцену. Правда, зрителей было очень мало, и состояли они из 20-30 человек, приглашенных на обед, и царствующих особ¹⁵².

После смерти Екатерины II-й, театр стал терять свое значение, поскольку появились профессиональные театры, составившие ему конкуренцию.

В эпоху Александра I-го в историю Эрмитажного театра была вплетена страница, тесно связанная с поэтом, драматургом и переводчиком Павлом Александровичем Катениным. 3 мая 1816 года на сцене Эрмитажного театра в присутствии Александра I-го была представлена трагедия Расина «Эсфирь» в стихотворном переводе П. А. Катенина, тогда еще штабс-капитана Лейб-гвардии Преображенского полка. В главных ролях были заняты актеры: Екатерина Семенова – Эсфирь и Яковлев – Артаксеркс.

Аллегорическое воспроизведение этого события присутствует в стихотворении П. А. Катенина «Элегия», где под древнегреческим царем Александром подразумевается Александр I-й, а под Евдором – поэт Катенин.

Сам Александр в Дамаске на шире вечернем
 Слушал его и почтил нелестной хвалою;
 Верно бы царь наградил его даром богатым,
 Если б Евдор попросил; но просьб он чуждался¹⁵³.

¹⁵² Авраменко С. И. Эрмитажный театр. – Л., 1989. – С. 1–4.

¹⁵³ Катенин П. А. Избранные произведения. – М.-Л., 1965. – С. 187.

После повторения спектакля 14 декабря 1817 года уже на сцене Большого театра, в «Северном наблюдателе» появилась рецензия, в которой в частности говорилось: «Перевод сей трагедии вообще очень хорош. Жаль только, что Г-ну переводчику захотелось трудиться именно над оным, потому что если и подлинник держался на сцене одною только красотою поэзии, то перевод, разумеется, далеко уступая в превосходстве версификации Расина, должен был непременно потерять. Впрочем, большая часть стихов блистают истинным дарованием, и делают честь переводчику. Великолепный спектакль, богатые костюмы, прекрасные декорации и хорошая игра актеров восхищала слушателей»¹⁵⁴.

Однако не все так думали, и в оценках недоброжелателей присутствовали не только справедливые мотивы. Н. А. Бестужев, декабрист и литератор, вспоминал, как однажды из театра пришел очень разгневанный брат его Александр, и возмущался поведением П. Катенина: «Мочи нет слушать, как он судит и рядит, хоть из театра прочь беги! Надо его постегать на досуге!». И, действительно, в 1819 году в «Сыне Отечества» появилась анонимная статья с критическим разбором катенинского перевода «Эсфири». В ней А. Бестужев, а это он был автором, заявлял, что кроме редких исключений катенинский перевод — «сцепление непростительных ошибок против вкуса, смысла и языка, не говоря уже о требованиях поэзии и гармонии»¹⁵⁵.

По Петербургу ходили слухи, что Катенин послал секундентов к Бестужеву. Однако, предполагаемая дуэль не состоялась из-за смерти матери Катенина, гречанки Доротеи (Дарьи) Андреевны, урожденной Пурпур, и срочного отъезда Павла Александровича в Костромскую губернию. Впрочем, нападка Бестужева на катенинский перевод «Эсфири» все равно опоздала. Ведь прошло уже три года с первой постановки спектакля, и повредить ему он был не в силах, к тому же и сам переводчик далеко ушел от первых ученических опытов, став довольно известным в столице поэтом и переводчиком.

¹⁵⁴ Северный наблюдатель. 1817. № 25. Ч. II. — С. 355

¹⁵⁵ Сын Отечества. 1819. №3. — С. 6.

КРАСНОЕ СЕЛО

Говоря о памятных местах Санкт-Петербурга, связанных с биографией Павла Александровича Катенина, нельзя не остановиться на бывшем пригороде северной столицы Красном селе, расположенном на Петергофской дороге (что ныне проспект Стачек, у реки Красненькой) и располагавшихся в нем военном лагере и гостинице-трактире «Красный кабачок», неоднократно посещаемых поэтом. Ныне здание трактира не сохранилось.

В 1802 году император Александр I повелел устроить лагерь для военных упражнений гвардии на Волковском поле близ Петербурга на территории, прилегающей к Красному селу. Части гвардии в составе одного батальона, чередуясь, проводили там сборы по шесть недель каждая. Целью сборов стала нивелировка караулов, разводов, а также проведение маневров, проходящих, как правило, около Петергофа. Государь и члены императорской семьи регулярно посещали лагерь.

П. А. Катенин с Лейб-гвардии Преображенским полком, куда вступил вместе с братом Григорием в 1810 году, до начала войны с Наполеоном лишь дважды, летом 1810 и 1811 года, находился на лагерных сборах, и был очень благодарен им, поскольку экстремальные условия лагерной жизни подготовили его к тяжелому военному походу 1812 года.

В то время лагерь имел холодный и неудобный вид, и представлял собой море белых палаток, раскинутых на открытой, голой местности. Вокруг ни дерева, ни кустика. Разрешалось держать лишь цветы в горшках по краям деревянных скамеек у офицерских палаток. Палатки были двухспальные, с земляными полами, вернее, с отсутствием их. Павел Александрович делил свое полотняное жилище с братом. Быт их был мало обустроен. Провизию привозили на полковых лошадях из Петербурга в самых минимальных количествах, между тем, нагрузка на офицеров и нижних чинов спускалась значительная. День начинался рано. От пяти до семи часов проводились строевые учения с порохами, днем офицерские двенадцатизарядные учения или рытье укреплений, вечером, после восьми, — занятия с рекрутами. В редкие часы досуга гвардейцы предавались отдыху. Читали, пели под гитару, играли в интеллектуальные игры. П. А. Катенин упражнялся в литературных опытах. Сочинял стихи и переводил с французского.

После победоносного окончания войны с Наполеоном, унесшей десятки тысяч жизней русских бойцов, в том числе и Григория Катенина, русская гвардия лишь в 1819 году возобновила лагерные сборы под Красным селом. Передвижение в лагерь совершалось пешком, показным порядком. Привалом обыкновенно служил «Красный кабачок», знаменитый тем, что в 1764 году во время похода в Петергоф, в нем ночевала Екатерина II, сопровождаемая графиней Дашковой.

Этот «Красный кабачок» существовал очень долгое время, но расцвет его произошел позднее, с проведением железной дороги. В «Красном кабачке»

Трактир «Красный кабачок» в Красном селе

происходили настоящие оргии. На катерах с музыкою и песенниками, на тройках, на лихих рысаках туда съезжалась публика. Заехав же в трактир, спрашивали шампанское не бутылками, а целыми ящиками. Вместо чаю пили пунш. Цыгане, крик, шум и мертвая чаша! В старину все это считалось молодецкой забавою.

Во времена же Александра I все, однако, было скромнее. Запертые в лагере гвардейцы не имели права посещать кабачок, кроме, разве что, самых важных событий, отмечая полковые праздники, и то не рядовые, а, скажем, юбилейные. Впрочем, дополнительный провиант для офицеров порой дозволялось приобретать в этом заведении.

Великий князь Михаил Павлович в бытность свою командиром гвардейского корпуса, нередко приезжал к разводу или к заре и строго следил за точным исполнением всех правил¹⁵⁶.

П. А. Катенин после 1815 года лишь дважды, в 1819 и 1820 годах, посещал лагерные сборы, с удовольствием занимаясь со своими солдатами, уважавшими своего командира за человеческое обхождение, но непредвиденный случай несчастным образом оборвал его карьеру.

В сентябре 1820 года Великий князь неожиданно произвел смотр батальону, в котором находился Катенин. Со свойственным ему вниманием осматривая мундиры на солдатах, его высочество был неприятно поражен небольшою заплатою на рукаве у одного из рядовых. Подозвав Катенина, Великий князь, показав ему на этот изъян на мундире солдата, сурово произнес:

¹⁵⁶ Каменский Е. С. Красное село // Исторический вестник, 1913. Август. — С. 648.

— Это что? Дыра?

— Никак нет, Ваше Высочество, — почтительно ответил Катенин, — это заплатка; и именно затем, чтобы не было дыры, которую Ваше Высочество заметить изволили.

— А я вам говорю, что это дыра! — повторил Его Высочество повышая голос.

— А я имею честь докладывать Вашему Высочеству, — повторил Катенин, — что именно затем и заплатка на рукаве, чтобы не было дыры, которую ваше высочество заметить изволили.

За этот ответ Катенину было предложено подать в отставку. В сентябре 1820 года он был уволен из Лейб-гвардии Преображенского полка с чином полковника, без обычного для увольняющегося повышения в звании и без мундира¹⁵⁷.

А еще спустя два года, уже будучи полковником в отставке, и занимаясь частным репетиторством актеров, подготовив, в частности, к театру будущего великого трагика В. А. Каратыгина, Катенин за скандал в театре, состоящий в шиканье дебиутантке Марии Азаревичевой, был выслан из Петербурга в свое костромское имение.

Об этих событиях пишет в своих «Записках» брат катенинского ученика Петр Андреевич Каратыгин: «Он¹⁵⁸ по высылке из Петербурга, остановился в одном из трактиров на Петергофской дороге, известном под названием «Красного кабачка», устроить свои дела, и распорядиться домашним хозяйством. Надо было сдать городскую квартиру, продать экипажи, лошадей, перевезти свое имущество, мебель и огромную библиотеку в свое родовое имение, куда он должен был переселиться <...> Все эти комиссии принял на себя наш отец; мало этого, он, желая чем-нибудь отблагодарить учителя своего сына, вызвался сопровождать Катенина в его деревню и разделить с ним на первое время скучное его одиночество и изгнание из столицы. Мы с братьями и с отцом нашим, а также многие полковые товарищи Катенина, друзья и знакомые несколько раз навещали его в «Красном кабачке»¹⁵⁹.

Здесь мы прервемся, чтобы процитировать один документ — записку Катенина своему другу Н. И. Бахтину, отправленную в Петербург из «Красного кабачка», хорошо передающий царившую тогда атмосферу: «Середа (ноябрь 1822 г.) Петров цел и весь

Трактир «Красный кабачок»

¹⁵⁷ Катенин П. А. Избранные произведения. — М.-Л., 1965. — С. 12.

¹⁵⁸ П. А. Катенин — Е. С.

¹⁵⁹ Каратыгин П. Указ. соч. — С. 104.

у меня: Белизера получите Вы от Жандра, Гольдони у моей сестры, Саша его возвратит. Но что Вас не видать, почтенный мой, Николай Иванович? Я живу так близко от города, что всякой день меня добрые люди навещают; одного только любезного человека жду и не дождусь, ищу и не обрящу, прошу, и не дается мне. Вторник. Срок отъезда мне еще не известный. Отъезд мой зависит от разных побочных причин, денег, экипажа, дороги и проч., но когда бы он ни был, неужели я не увижу Вас до него или увижу только однажды? Когда хотите, лошади мои к вашим услугам. До свидания, прощайте. Павел Катенин»¹⁶⁰.

Как видим из письма, Катенин озабочен возвратом книг, взятых у друга для прочтения и затянувшимся и, видимо, обещанным приездом Бахтина в «Красный кабачок», в котором поэт пробыл в общей сложности около месяца. Но вернемся к запискам Петра Андреевича Каратыгина: «Наконец был назначен день отъезда, — тяжело было нашей матушке и нам расставаться с отцом нашим! В «Красном кабачке» был заказан прощальный обед. Нас было человек двадцать, в числе которых был Андрей Андреевич Жандр, Николай Иванович Бахтин и много преображенских офицеров: Хвоцинский, Хрущев, Яков Болховской и двоюродный брат Павла Александровича, Александр Андреевич Катенин. После обеда усадили мы горемычных наших путешественников в дорожный возок, пожелали им счастливого пути и грустные воротились домой»¹⁶¹.

Источники более ничего не говорят нам о посещении поэтом Красного села, хотя, несомненно, он проезжал мимо него, путешествуя по Петергофской дороге. Как пример, можем привести его визит в 1832 году на дачу графа Василия Валентиновича Мусина-Пушкина-Брюса, что на Петергофской дороге, неподалеку от городской заставы (ныне участок домов 48-50 по пр. Газа; дача не сохранилась). В этот дом П. А. Катенин приехал 18 июля 1832 года очень больным и долго лечился. Здесь навестили его многие из знакомых, и одним из первых А. С. Пушкин¹⁶². Здесь, в числе долгих и разнообразных разговоров, могла возникнуть и тема Красного села, военного лагеря и «Красного кабачка». Свежая информация об истории села гласила, что «первые деревянные постройки в лагере появились в 1827 году, когда на каждый батальон было выстроено по два солдатских балагана для хранения съестных припасов и по пяти офицерских кухонь, для лошадей были сделаны навесы. В лагере был устроен водопровод, конечно, самого первобытного типа. Александр I приезжал в лагерь на несколько дней, причем, останавливался поначалу в лагерях Лейб-гвардии Семеновского полка, где для него была построена «шефская палатка». Но, с приобретением имени Полторацкого, император, во время своих пребываний в Красном селе, останавливался в каменном двухэтажном доме, именовавшемся дворцом императора».

В последний год царствования Александр I повелел перестроить Красное село, освободив место для новых дворцовых зданий переселением крестьянских домов. Работы продолжались пять лет¹⁶³.

¹⁶⁰ Русская старина. Т. 146. Ч. 2. — 1911. — С. 155.

¹⁶¹ Каратыгин П. Указ. соч. — С. 104.

¹⁶² Павел Александрович Катенин // Катенинские чтения: Тезисы докладов. — Кострома, 1992. — С. 32.

¹⁶³ Каменский Е. С. Красное село // Исторический вестник. 1913. Август. — С. 650.

А. А. КАТЕНИН – КУЗЕН ПОЭТА

Из всего родственного, довольно многочисленного окружения, поэт и драматург П. А. Катенин выделял и предпочитал своего двоюродного брата Александра Андреевича Катенина.

Во многие узловые моменты их непростых биографий, судьба сводила братьев, казалось бы, с определенной целью, оказать необходимую поддержку друг другу и это длилось на протяжении всей жизни. Эта родственно-дружеская связь, как и все на свете, имеет свою предысторию. У Александра и Павла Катениных был общий дед, Федор Иванович Катенин (около 1725–1787) и бабушка Матрена Васильевна, урожденная Толбузина, два сына которых, родные братья Александр и Андрей, являлись отцами кузенов Павла и Александра.

Александр Федорович Катенин (1757–1808), отец поэта, генерал-лейтенант, был женат с 1780 года на дочери директора 1-го кадетского корпуса в Санкт-Петербурге инженер-полковника Андрея Яковлевича Пурпур, грека по национальности, Дарье (Доротее) Андреевне. В число их детей входили сыновья Петр, Григорий, Павел и дочь Софья. Семья владела усадьбами Шаево Кологривского уезда Костромской губернии и Бореєво Чухломского уезда той же губернии.

Андрей же Федорович Катенин (1768–1835), отец Александра Андреевича, отставной капитан, стал супругом Ирины Юрьевны Лермонтовой, отец которой, секунд-майор Юрий Матвеевич Лермонтов, был двоюродным братом прадеда поэта М. Ю. Лермонтова. Среди детей четы Катениных были сыновья Федор, Михаил и Александр и дочь Мария. Семье принадлежала усадьба Клусеєво Чухломского уезда Костромской губернии.

Ранняя смерть в 1808 году отца поэта в крепости Константиногорск на Кавказе, сблизила 14-летнего подростка-сироту Павла Катенина с дядей Андреем Федоровичем, заменившим ему отца.

Незадолго до войны с Наполеоном, в 1810 году семнадцатилетний Павел Катенин перешел со штатской службы в Министерстве просвещения в Лейб-гвардии Преображенский полк подпоручиком. Тогда же, в семилетнем возрасте, в Петербург из костромской усадьбы привезли его кузена, Александра Катенина, для поступления в Горный кадетский корпус. Сына сопровождал Андрей Федорович Катенин. В Петербурге он остановился в доме покойного брата, хозяйкой которого в то время являлась вдова Дарья Андреевна Катенина. Она вызвалась опекать племянника, принятого в учебное заведение. По воскресеньям мальчика привозили в дом, часто в сопровождении старшего кузена Поля. Маленький Саша, голубоглазый, курчавый и светловолосый, комично выглядывавший в мундирчике, треугольной шляпе и с тяжелым тесаком у пояса, доверчиво вкладывал свою маленькую теплую ладошку в крепкую ладонь брата, так эффектно выглядывавшего в мундире преображенского офицера, и гордо шел под завистливыми взглядами однокашников к ожидавшей их невдалеке коляске, запряженной парой гнедых лошадей. Именно тогда, идя рука в руку с братом, ощущая полнейшую защиту и нежную привязанность, он впервые почувствовал безмерную преданность к брату-другу, которой никогда не изменял.

Одновременно с А. А. Катениным в Горном кадетском корпусе обучались и братья Каратыгины, Александр и Василий, которые в 1814 году перешли в гимназию, а через некоторое время определились на службу, Александр — в Коммерческий банк, а Василий — в Департамент внешней торговли. Впрочем, дружбу с А. А. Катениным, сложившуюся в стенах корпуса, они не прерывали.

Карьера же самого Александра Катенина прослеживается по записи его отца на полях семейной псалтыри, где сказано следующее: «В 1814 году 17 июля записан Александр Андреевич в подпрапорщики Преображенского полка и вступил в службу налицо»¹⁶⁴. Впрочем, эти сведения противоречат другим, уже печатным источникам: «...воспитание получил в Горном кадетском корпусе, на службу вступил подпрапорщиком Лейб-гв. Преображенского полка в 1818 году»¹⁶⁵. Так или иначе, но в 1818 году братья Катенины уже оба служили в Лейб-гвардии Преображенском полку, славившемся своей любовью к изящным искусствам и театру. Да и сам, тогда уж штабс-капитан, П. А. Катенин, прошедший всю войну 1812—1814 годов со многими наградами, вырос в известного переводчика и талантливого декламатора, известного в театральных кругах.

С переходом в полк А. А. Катенина в 1818 году, не без его участия произошло знаменательное событие, благотворно повлиявшее на ход отечественного театрального искусства. Его правдиво обрисовала в своих мемуарах Александра Михайловна Колосова, известная актриса и будущая жена знаменитого трагика Василия Андреевича Каратыгина: «В. А. Каратыгин воспитывался в Горном корпусе, где сдружился с другим воспитанником Александром Андреевичем Катениным. По выходе из корпуса, последний поступил подпрапорщиком в Лейб-гвардии Преображенский полк, которым впоследствии и командовал в звании генерал-адъютанта, а Каратыгин определился на службу в Департамент внешней торговли. Получив чин XIV класса, он оставил гражданскую службу и решил поступить на сцену»¹⁶⁶. Тогда бывший его товарищ по корпусу, Александр Андреевич, познакомил его со своим двоюродным братом штабс-капитаном П. А. Катениным, человеком необыкновенного ума и энциклопедических познаний, литератором, поэтом и переводчиком Расина и Корнеля.

А.А. Катенин

¹⁶⁴ Сапрыгина Е. Костромская вотчина Катениных. — Кострома, 1992. — С. 100.

¹⁶⁵ «Ибак-Ключарев» // Русский биографический словарь. — СПб., 1897. — С. 547.

¹⁶⁶ По примеру родителей — профессиональных актеров — Е. С.

Наслушавшись здравых суждений Катенина о драматическом искусстве, а также и его мастерского чтения, Каратыгин обратился к нему, недовольный рутинным преподаванием князя Шаховского. Муж мой неоднократно признавался впоследствии, что одному Катенину, его поучительным беседам и советам, он был обязан, как правильным развитием своего сценического таланта, так и вообще окончанием и дополнением своего образования¹⁶⁷.

А. М. Колосовой вторит брат ее мужа Петр Андреевич Каратыгин, автор известных «Записок»: «В конце 1818 года брат начал заниматься с Катениным. Князь Шаховской был разгневан этой дерзостью и никогда не мог простить ему этого оскорбления <...> Катенин, критику которого всегда так уважали Пушкин и Грибоедов, был человек необыкновенного ума и образования, тонкий критик и знаток театра. Французский, немецкий, итальянский и латинский языки он знал в совершенстве, понимал хорошо английский. Память его была изумительна. Положительно, можно сказать, что не было всемирно исторического факта, который бы он не мог цитировать со всеми подробностями; в хронологии он никогда не затруднялся; одним словом, это была живая энциклопедия. В 1814 году, будучи в Париже вместе с полком, он имел случай видеть все сценические знаменитости того времени: Тальму, Дюшенуа, Марс, Потье, Брюне, Моле и проч. С этим-то высокообразованным человеком брат мой начал приготовляться к театру. В продолжение двух лет почти ежедневно он бывал у него. После обычных уроков Катенин читывал ему в подстрочном переводе латинских и греческих классиков, проходил с ним драматическую литературу французских, немецких и английских авторов. Можно утвердительно сказать, что окончательным своим образованием брат мой был много обязан Катенину; занятия их были исполнены классической строгости и постоянного честного и неутомимого труда»¹⁶⁸.

Тогда, для поступления в штат театра дебютант должен был выступить не менее, чем в трех постановках, причем, выступить успешно. Василию Каратыгину пришлось подтвердить свой талант четырежды. О первом дебюте брата подробно рассказал в своих мемуарах Петр Андреевич Каратыгин. «В 1820 году, 3 мая, брат мой Василий дебютировал (в бенефис нашего отца, на Большом театре) ролью Фингала в трагедии того же названия, сочинения Озерова. Помню я, как в этот вечер, за час до начала спектакля, матушка сама одевала брата, прилаживала костюм, причесывала, белила и румянила его, а на самой не было лица, руки ее дрожали, и вся она была в сильном волнении. Этот час решал судьбу ее сына! Тут пришел и Катенин осмотреть своего ученика. Храбрый капитан тоже побаивался, хотя и старался словами ободрять робкого дебютанта <...> Через несколько минут раздалась громкая увертюра Козловского, и невольная дрожь пробежала по жилам дебютанта и его единокровных. Брат в полном вооружении, в шлеме на голове вышел из уборной, и мы все со страхом и трепетом пошли за ним <...>

Еще минута — и Фингал является на сцену. Единодушный гром рукоплесканий зрителей также раздался в воздухе, и дебютант, а за ним и мы вздохнули свободнее. Наконец, все умолкло, и он начал свой монолог. Голос его дрожал.

¹⁶⁷ Пушкин в воспоминаниях современников. — М., 1950. — С. 572.

¹⁶⁸ Каратыгин П. Указ. соч. — С. 72.

Слышно было, что он не может с ним совладать, не может пересилить свою робость. Но когда он произнес окончательные стихи первого монолога: «И страх врагам! Сей меч главы их должен стереть», громкие рукоплескания на этот раз были уже не знаком одобрения дебютанту, но наградой и одобрением!

Первый акт прошел с успехом <...> Второй акт сделал аффекту больше первого <...> Взрывы аплодисментов и крики «браво» были лестною наградой счастливому дебютанту. По окончании трагедии, разумеется, его вызвали несколько раз. И дебют брата, по справедливости, должен быть внесен в театральную хронику как самый удачейший на русской сцене <...>

По окончании спектакля я отпросился домой ради нашего семейного праздника. И точно, это был самый веселый праздник в нашем семействе. Из театра к нам собралось несколько наших коротких знакомых поздравить брата с успехом. Первый почетный гость был, разумеется, Катенин.

С ним пришел также его двоюродный брат Александр Андреевич Катенин, товарищ моего брата по гимназии, бывший тогда еще юнкером Преображенского полка. Но так как юнкерам в то время не дозволялось ходить в театр, то он, переодевшись в статское платье, забрался куда-то в верхнюю галерею <...> Весело, шумно сели мы за ужин, выпили здоровье учителя и ученика, которому желали дальнейших успехов. Майская ночь в Петербурге и так коротка, но для нас она промелькнула незаметно. Давно уже взошло солнце, но никто из нас не думал о сне! Мы еще не могли наговориться, нарадоваться»¹⁶⁹.

Военная карьера П. А. Катенина также развивалась весьма успешно. 5 июля 1820 года он получил чин полковника Лейб-гвардии Преображенского полка, и мог в перспективе надеяться на генеральские эполеты. Однако, одно несчастное обстоятельство разбило эти мечты. Катенин не умел ладить с начальством, особенно, когда претензии того были необоснованны. Как воспитанный человек, он не хамил, однако, возражал хоть вежливо и мягко, но с такой иронией, что это оскорбляло больше, нежели открытая дерзость.

Великий князь Михаил Павлович произвел внезапный смотр батальону, которым командовал Катенин. Осматривая мундиры солдат, он был неприятно поражен небольшой заплатой на рукаве одного из рядовых. Великий князь

Э. Г. Боссе.
Портрет Александра Андреевича
Катенина. 1840 г. КМЗ

¹⁶⁹ Каратыгин П. Указ. соч. — С. 86.

обратясь к Катенину спросил: «Это что, дыра?» На что тот ответил: «Никак нет, Ваше Высочество, это заплатка; и именно затем, чтобы не было дыры, которую Ваше Высочество заметить изволили»¹⁷⁰. За этот ответ Катенину было предложено подать в отставку. 18 сентября 1820 года он был уволен со службы и даже без мундира. Ему пришлось снять квартиру, выехав из казарм Преображенского полка, так как их дом к тому времени был продан, и всецело отдаться театру и литературному творчеству. Он следил за развитием своего театрального ученика В. Каратыгина и всячески содействовал его росту, а потому 18 сентября 1822 года не пропустил спектакля трагедии Озерова «Поликсена», где главную роль играла известная трагическая актриса Екатерина Семенова, которая около двух лет отказывалась играть с Каратыгиным. Лучше бы Катенин пропустил это представление!

По окончании пьесы Семенова вывела вместе с собой молодую актрису Азаревичеву, которая была крайне слаба в игре, хотя и взялась за главную роль Поликсены, и такое закулисное протезирование показалось многим неприемлемым. Раздалось шиканье, и Катенин, сидевший в 1-м ряду, закричал: «Семенову одну!» Семенова, оскорбившись за этот демарш, пожаловалась губернатору Милорадовичу, и Катенин, сначала получивший запрет на посещение театра, вскоре, по приезде государя из-за границы, вообще был выслан из Петербурга. Перед отъездом в костромское имение, поэт остановился в одном из трактиров на Петергофской дороге под названием «Красный кабачок» и дал прощальный обед своим друзьям, среди которых присутствовали офицеры-преображенцы Боголовский, Хрущов, Хвоцинский, и, кроме того, Николай Иванович Бахтин, вся семья Каратыгиных (отец семейства даже поехал со съезным до места, чтоб разделить его первые тяготы изгнания) и, конечно же, двоюродный брат поэта Александр Андреевич Катенин, активно помогавший брату со сборами.

Свыше двух с половиной лет провел П. А. Катенин в Костромской губернии, преимущественно в своей кологривской усадьбе Шаево, где занимался сельским хозяйством и литературой. Он навещал знакомых и друзей в соседних уездах, ездил по делам в губернский город Кострому и вел обширную переписку с петербургскими приятелями Н. И. Бахтиным, А. А. Жандром, семейством Каратыгиных. Его двоюродный брат Александр Андреевич, к тому времени поручик Лейб-гвардии Преображенского полка, не был исправен в переписке, о чем поэт неоднократно жаловался в письмах к Н. И. Бахтину. Однако осенью 1824 года Александр Андреевич с лихвой компенсировал свою небрежность, привезя брату пакет от приехавшего с востока А. С. Грибоедова, в котором находилась рукопись комедии «Горе от ума» и письмо автора, которое гласило: «Любезный друг. Положим, что я уже извинился, как следует, и ты мне простил пятилетнее молчание. А. А. доскажет тебе остальное. Жаль, что не могу попасть к тебе в Кострому, а так давно собираюсь! Но мне есть утешение, коли не с тобою, так о тебе беседую часто и с теми даже, с кем ты незнаком, и кто тебя не стоит <...> А. А. везет к тебе мои рифмы, прочти, рассмейся, заметь, что не по тебе, орфографию от себя дополни, переписывал кто-то в Преображенском полку <...> Кабы А. А. не завтра отправлялся, я бы не так торопился, и многое бы придумал, чтобы разбить твои мысли. Еще раз прощай, и полюби меня по-старому. Обнимаю тебя

¹⁷⁰ Катенин П. А. Избранные произведения. — М.-Л., 1965. — С. 12.

от души. Ей-богу! Готов бы сейчас в ссылку, лишь бы этим купить тебе облегчение жестокой и незаслуженной судьбы. Верный твой А. Грибоедов»¹⁷¹.

Письмо написано в Петербурге 17 октября 1824 года. А. А. Катенин возил его чуть не по всей стране: сначала на Урал, где Государь, в свите которого состоял А. А. Катенин, проводил ревизию металлургических заводов. Затем на пути обратно в Петербург, через Костромскую губернию, через Кологрив, где находилось поместье П. А. Катенина, но самого поэта там не оказалось. Он гостил в Ростове у Голицыных, а потому получил рукопись лишь по возвращении домой. Он огорчился, что не увидел брата, оставившего ему пакет, и обрадовался подарку друга, которому послал подробную рецензию на его пьесу, и на которую, в свою очередь, А. С. Грибоедов отвечал подробным письмом с анализом своей комедии. Любопытную историю этого письма описывает П. А. Каратыгин в своих «Записках»: «Письмо, в котором Грибоедов сам критически анализирует «Горе от ума», было мною напечатано в малораспространенном журнале «Всемирный труд» на 1865 г. и на это письмо, драгоценный материал для истории отечественной литературы, никто не обратил внимания. Гораздо обиднее то, что подлинник письма, подаренный мне покойным Александром Андреевичем Катениным, неведомо кем и когда был у меня украден. Пусть это заявление примет во внимание то лицо, в чьих руках ныне находится этот автограф»¹⁷².

Лицо, похитившее письмо, видимо, прониклось укором, поскольку ныне оригинал грибоедовского послания хранится в Государственном театральном музее имени А. А. Бахрушина. Есть в переписке Катенина и Бахтина еще одно упоминание об услуге А. А. Катенина брату. Автор письма от 26 апреля 1825 года П. А. Катенин сообщает Николаю Ивановичу: «Брат Саша прислал мне... "Полярную звезду" и Рылеева поэму "Войнаровский"»¹⁷³.

В середине августа 1825 года прощенный императором П. А. Катенин приезжает в Петербург, где проводит два года, готовя постановку своей трагедии «Андромаха» на сцене Большого театра. Он вновь сходитя со своими друзьями Каратыгинными, Бахтиным, Жандром и, конечно же, кузеном Александром.

В то же время в Петербурге разворачивается трагедия 14 декабря восстания декабристов, но отсутствующий в столице почти три предыдущих года П. А. Катенин не пострадал, хотя и был вызываем в следственную комиссию, Александр же Андреевич в составе Преображенского полка был на стороне государя.

Спустя три года, 15 апреля 1828 года во время Русско-турецкой войны Александр Андреевич Катенин в составе полка в чине поручика выступил в поход против турок¹⁷⁴.

Одновременно друг поэта Н. И. Бахтин, участвуя в войне, находился на борту корабля «Париж». Николай Иванович успокоил друга, беспокоившегося о судьбе брата, за что тот благодарил его письмом не дошедшим до нас, но в котором, скорее всего, сообщил, что Александр Андреевич участвовал в блокаде и покорении крепости Варна и что он жив и здоров. В письме от 4 ноября 1828

¹⁷¹ Грибоедов А. С. Сочинения в двух томах. Т. 2. — М., 1971. — С. 233–234.

¹⁷² Каратыгин П. Указ. соч. — С. 169.

¹⁷³ Русская старина. 1911. № 6. — С. 593.

¹⁷⁴ Катенинская псалтырь // Е. Сапрыгина. Костромская вотчина Катениных. — Кострома, 1992. — С. 97.

года Катенин благодарил друга: «Благодарю Вас за известие о брате Александре: дай Бог ему возвратиться живу и здорову из войны, довольно кровопролитной. Кажется, дела его точно расстроены, но он сам виновен <...> Впрочем, это еще не совершенно беда, ибо, хотя бы все его имение пошло на заплату долгов, у него остается мое <...> Из родни он всех милее и мне даже хотелось бы иметь его при себе»¹⁷⁵.

В 1831 году А. А. Катенину в составе полка пришлось принять участие в Польской кампании. Как гласила «Катенинская псалтырь»: «1831 года августа 25 и 26 за взятие приступом г. Варшавы, передовых укреплений и городского вала, награждены Александр Андреевич и Михаил Андреевич Катенины. Александр Андреевич крестом Святого Владимира IV-й степени с бантом, а Михаил золотую саблю с надписью «За храбрость» и медалями за штурм Варшавы и за кампанию против польских мятежников, оба золотыми крестами «За воинские достоинства»¹⁷⁶.

Оба родных брата тогда служили в Лейб-гвардии Преображенском полку, Александр штабс-капитаном, а Михаил прапорщиком, и оба находились в бессменных ординарцах Его Императорского высочества Великого князя Михаила Павловича.

Отличие в кампании принесло Александру Андреевичу еще одно достижение по службе: «1 июля 1832 года, по «Катенинской псалтыри», сын Александр Андреевич произведен в капитаны Лейб-гвардии Преображенского полка, командиром 9-й гренадерской роты. К этому же времени относятся воспоминания его однополчанина, дающего любопытную характеристику А. А. Катенину: «Командиром главной роты нашего Преображенского полка, именно роты Его Величества, я при поступлении моем в полк, застал полного тогда капитана Александра Андреевича Катенина <...>. Капитан Катенин <...> имел за собой много лет службы и солидное число годов от рождения, ибо волосы его головы серебрились.

Катенин поступил на службу в Преображенский полк юнкером во времена чуть ли не 1818 или 1819 годов, когда его родной дядя служил у нас в полку полковником, Павел Александрович Катенин, известный тогда писатель, о котором наш незабвенный поэт Пушкин всегда, в своих сочинениях, относился с особнным уважением.

Итак, наш командир государевой роты, капитан Катенин, был человек серьезный, весьма замечательного ума, способностей и познаний. Я застал его в полку, как одного из числа старших наших офицеров, как казалось, более всех имевшего влияния в полку.

Капитан А. А. Катенин служил у нас в полку строевым офицером. Он получил в командование роту еще в поручичьем чине, а государеву роту получил в команду уже при полковом командире генерале Микулине.

Часть нашей гвардии в 1839 году ходила в Калиш на маневры и наша государева рота под начальством Катенина в полном составе офицеров и нижних чинов находилась тоже. С этого времени началось быстрое повышение капитана

¹⁷⁵ Русская старина. 1911. № 7. — С. 156.

¹⁷⁶ Катенинская псалтырь // Е. Сапрыгина. Костромская вотчина Катениных. — Кострома, 1992. — С. 101.

Катенина по службе, ибо до того он служил действительно несчастливо; вакансии по полку шли как-то туго, и он при серебристых уже волосах получил лишь чин полного капитана <...>.

Государь Николай Павлович, от пронизательности которого не ускользнулась никакая способность, по возвращении с Кавказских маневров, возвел капитана Катенина в свои флигель-адъютанты¹⁷⁷. Затем, вскоре, он был произведен в полковники и взят в свиту государя.

Находясь в свите, он сопровождал Его Величество во многих путешествиях по осмотру войск и на Кавказе был оставлен государем по очень важному тогда поручению¹⁷⁸.

Здесь мы вынуждены прерваться, поскольку последний эпизод требует тщательного рассмотрения.

В середине 1830-х годов кузен Александра Андреевича, Павел Александрович Катенин вновь определился на службу, на Кавказ в Эриванский карабинерный полк, откуда по распоряжению генерала Вельяминова был вызван в Ставрополь, где ему было поручено вести дело о хищениях в армии. Оно дало повод для ревизии и его полка, которую поручили А. А. Катенину, его кузену. 11 октября 1837 года А. А. Катенин получил предписание начальника военно-походной канцелярии Адлерберга о проведении расследования злоупотреблений князя Дадиани, и выехал на Кавказ. Мы не имеем подробных сведений о встрече братьев Катениных, однако, в числе их разговоров не могло не быть тем смерти А. С. Пушкина и посещения крепости Кизляр, комендантом которой был в то время П. А. Катенин, их дальним родственником поэтом М. Ю. Лермонтовым, сосланным за стихотворение «Смерть поэта». Упоминался, скорее всего, и визит Льва Сергеевича Пушкина, брата поэта Пушкина, в Кизляр и его рассказы о покойном. Впрочем, о смерти поэта мог многое поведать и сам Александр Андреевич, присутствовавший на церемонии похорон.

В результате ревизии А. А. Катенина, вскрывшей ряд преступлений, князь Дадиани был лишен чинов, наград и титула, и отправлен на жительство в Вятку.

По мере карьерного роста А. А. Катенина, в 1839 году исполнявшего должность коменданта императорской квартиры в чине полковника, менялось и его окружение. Тогда же он предстает перед нами на страницах «Записок» П. А. Каратыгина: «Вот что происходило в Гатчине в 1840, по рассказам тех лиц, которые были тогда там. Государю было угодно устроить домашний спектакль. И он для этого выбрал мою «Ложку 1-го яруса»; сам роздал роли и присутствовал на всех репетициях. Чукотского играл камергер Всеволожский, жену его — фрейлина Варвара Аркадьевна Нелидова, дочь ее — фрейлина Над. Бартенева, купца генерал-адъютант Катенин. По словам участвовавших в этой пьесе, репетиции эти были самым веселым препровождением времени, на каждой новой репетиции придумывали новую шутку или остроту; государь многих поправлял, учил и вообще принял на себя роль режиссера. Спектакль, говорят, прошел на славу, хохот был бесконечный»¹⁷⁹.

¹⁷⁷ Видимо в этой связи А. А. Катениным был в 1840 году заказан портрет кисти придворного художника Эрста Готтильда Боссе — Е. С.

¹⁷⁸ Из записок старого преображенца // Русская старина. 1900. № 11. — С. 617.

¹⁷⁹ Каратыгин П. Указ. соч. — С. 230.

Впрочем, нельзя считать, что жизнь А. А. Катенина была сплошным праздником. В предыдущем 1839 году он, будучи в чине полковника, участвовал в боевых действиях против горцев в Дагестане под командованием генерала Граббе. 24 мая 1839 года их отряд разгромил скопище Шамиля у аула Буртыса, а через неделю провел бой с отрядами Шамиля у аула Аргуани. Затем, с боями взял аулы Ахами, Амелъту и, наконец, с 16 по 21 июня командовал отрядом войск, блокировавшим аул Ахульго, в котором находился замок Шамиля, осадил аул и взял его, за что был награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость»¹⁸⁰.

Поднявшись по социальной лестнице, А. А. Катенин смог составить и личную супружескую партию. В сентябре 1842 года он вступил в брак с фрейлиной Варварой Ивановной Вадковской, дочерью орловского помещика полковника Ивана Федоровича Вадковского. Она приходилась родной племянницей декабристу Ф. Ф. Вадковскому. Пошли дети, и появилась потребность раздела имения, которое после смерти Андрея Федоровича Катенина в 1835 году, находилось в совместном владении братьев Александра и Михаила Катенина. Их родной брат Федор к тому времени уже умер.

После раздела во владении Александра Андреевича Катенина в Чухломском уезде Костромской губернии находилось 2112 десятин, 329 сажень земли, на которой помещались село Клусеево, деревни Пустошное, Починок, Одно, Пятницкая, Полушкино и Романцово. Всего 135 душ мужского пола. В имении хозяйничал управляющий, а по дому справлялась Мария Юрьевна Лермонтова, сестра матери Александра Андреевича, которая наблюдала и за управляющим. В один из очередных приездов на родину в 1851 году, А. А. Катенин, заехав по дороге к брату Ивану Николаевичу в Занино, узнал о ее смерти и ее завещании, составленном в его пользу, и о том, что его родственник А. Я. Купреянов принял на себя временный надзор за завещанным ему имением. Он добирается до Клусеева, откуда пишет Купреянову письмо: «Почтеннейший братец Александр Яковлевич! Я выехал из С-Петербурга, не подозревая, что здесь ожидает меня горестное известие о кончине тетушки Марии Юрьевны. Только в Занине, где случайно нашел я брата Ивана Николаевича, узнал я о невозвратной потере <...> Между тем, как главная причина моей поездки сюда было желание свидания с покойной тетушкой <...> Вместе с сим, я известился, почтеннейший братец, о ваших родственных хлопотах, которые вы приняли на себя по сему горестному случаю и желая лично поблагодарить Вас за все Вами сделанное, я завтра прибуду в Пагино, ибо холодная бумага не может выразить того, что я чувствую, и горю желанием Вам высказать <...> С совершенным почтением и истинной преданностью, честь имею быть вашим покорнейшим слугою. А. Катенин»¹⁸¹.

Получив в 1851 году наследство от тетушки М. Ю. Лермонтовой, состоящее в сельце Богоявленском с деревнями, А. А. Катенин, спустя пару лет, стал наследником еще одного значительного имения, полученного от его двоюродного брата Павла Александровича Катенина, разбившегося на лошадях в своем имении Шаево в мае 1853 года.

¹⁸⁰ Русский биографический словарь. — СПб., 1897. — С. 547.

¹⁸¹ ГАРО. Ф. 632. Оп. 1. Д. 138. Л. 87–88.

В предшествующем этому событию десятилетии, Александр Андреевич Катенин сделал несколько стремительных скачков в своей карьере. В 1843 году он был произведен в генерал-майоры, в 1848 назначен командиром Лейб-гвардии Преображенского полка, в 1849 — генерал-адъютантом, в 1852 — дежурным генералом Главного штаба Его Императорского Величества, и к этому времени, точнее к 1850 году относится небольшая текстовая зарисовка его современника и однополчанина: «В июне 1850 года произошла проверка командиром гвардейской пехоты генерал-лейтенантом Сергеем Павловичем Сумароковым Преображенского полка, и командиру полка А. А. Катенину поставили на вид <...> Но Катенин подобного замечания нисколько не боялся. Он искал доверия и расположения одних высочайших начальников, и одних их только и боялся; со всеми же другими, он держал себя довольно гордо и независимо. Впрочем, в 1850 году мысли генерала не могли сосредоточиваться на контроле ротной пищи, и вообще, на полковых делах. В полку начинали поговаривать о том, что назначение Катенина дежурным генералом Главного штаба есть только вопрос времени, да и сам он едва скрывал, что хлопоты командования полком ему тягостны. Здоровье все плохо служило. При выступлении полка из Вильно, генерал уехал в отпуск на три недели, а в мае месяце удалился в Царское село, также по болезни, и возвратился к полку в лагерь 28 июня 1850 года»¹⁸².

В 1853 году он получает чин генерал-лейтенанта, превзойдя, наконец, своего, уже покойного, кузена генерал-майора Павла Александровича Катенина, образовавшего его и передавшего ему большую часть своих петербургских друзей и знакомых. О вечерах в доме А. А. Катенина, где они регулярно собирались, рассказал Петр Андреевич Каратыгин в своем очерке «Вечер у Александра Андреевича Катенина».

«Это было в январе 1853 года. Как-то вечером собрались у покойного А. А. Катенина, бывшего тогда командиром Лейб-гвардии Преображенского полка, человек двадцать коротких его знакомых, к числу которых имел честь принадлежать и я. Военных и статских было половина на половину; между последними находились Николай Иванович Бахтин и Андрей Андреевич Жандр <...> К концу вечера разговор перешел на тогдашнюю моду «столоверчения». Между гостями зашел спор «за и против», особенно горячился молодой офицер Военной академии, ярый «столоверт». <...> Н. И. Бахтин заметил, что вместо споров лучше сделать опыт. Стол вертелся. Очевидно, от нажима рук, делавших эксперимент. «И теперь не верите?» — спросил меня защитник спиритизма. «Вы можете сказать мне как Галилей: а земля (стол) все-таки вертится, но я человек настойчивый, и движения стола не могу приписывать духам». «И не верите тому, что стол может писать?» «И того менее». «А я — верю» — флегматично заметил Н. И. Бахтин, — «в Департаментах, и вообще, в присутственных местах, «столь» пишут отношения, донесения, отзывы и т. д. Иного способа писания столами не допускаю. Класть бумагу на стол, чтоб писать, это понятно, но ставить для этого стол на бумагу, может быть и ново, но нелогично». Однако же, защитник пишущих столов принес заранее им припасенный игрушечный столик с воткнутым в верхнюю доску карандашом и пошел писать! Гордясь успехом, спирит предложил нам вызвать посредством столика дух какого-либо великого

¹⁸² Из записок старого преображенца // Русская старина. 1900. №11. — С. 20.

человека. <...> Общий голос гостей был подан за Пушкина и вопрос, предложенный его тени, резюмировался словами: «Где пребывает его душа?». Столик писал, — наконец, на листе бумаги явились следующие стихи:

Входя в небесные селенья,
Душа печалилась моя,
Что средь земного треволненья
Вас оставлял надолго я.
По-прежнему вы сердцу милы,
Но не земное я люблю —
И у престола Вышней силы
О вас, друзья мои, молю!¹⁸³

Этот 1853 год, начавшийся так весело, обманул многие надежды. В мае месяце в своем кологривском имении Шаево умирает разбившийся на лошадях П. А. Катенин и лишь на два месяца пережил его В. А. Каратыгин, драматический актер, ученик поэта, и родственник, и друг многих присутствовавших на вечере у А. А. Катенина.

В 1857 году А. А. Катенин вступил в свою последнюю административную должность оренбургского и самарского генерал-губернатора. Как сообщают источники, «на этом посту Катенин зарекомендовал себя гуманным и просвещенным администратором. Назначение его в Оренбургский край, совпало с крайним развитием дерзких набегов киргизов на селения и форпосты Оренбургской линии и грабежей караванов. Крутые меры его предшественника, графа Перовского, не смогли обуздать хищников, и лишь озлобили их. Катенин тотчас же циркулярно оповестил киргизов, что если они смирятся, то будут прощены. Первым отозвался на призыв главный организатор разбойных набегов Истека Кутебаров, который писал «справедливейшему генерал-губернатору Катенину», что причиной недовольствия киргизов были суровые меры его предшественника и обещал смириться. Катенин вызвал его к себе не как к грозному начальнику, а как к доброму отцу, который радуется, когда может простить заблудших детей своих» и ласково принял Кутебарова, склонил его быть верным слугой государя¹⁸⁴.

За эти и другие заслуги А. А. Катенина, жители Оренбурга и губернии называли один из поселков Катенинским.

По рассказам потомков, во время службы в Оренбургском крае А. А. Катенин неоднократно, во время отпусков, путешествовал на лошадях на родину, в Костромскую губернию, и навещал Кдусеево. В один из таких приездов, он привез с собою медную плиту, отлитую на одном из оренбургских заводов, на которой была отлита эпитафия, сочиненная его покойным кузеном поэтом П. А. Катениным, адресованная самому автору: «Павел Александров сын из роду Катениных, честно отжил свой век, служил Отечеству верой и правдой. В Кдльме бился насмерть, но судьба его пощадила. Зла не творил никому, но и добра менее чем хотелось»¹⁸⁵. Так А. А. Катенин отдал последние почести близкому человеку.

¹⁸³ Русская старина. Т. XXIX. — 1880. — С. 753.

¹⁸⁴ Русская старина. 1900. №1. — С. 33.

¹⁸⁵ Сапрыгина Е. Костромская вотчина Катениных. — Кострома, 1992. — С. 33.

А. А. Катенин скончался в 1860 году в должности оренбургского генерал-губернатора и начальника края.

Костромские губернские ведомости № 41 за 1860 год сообщали: «4 числа текущего октября месяца, в 10 часов вечера, на пароходе «Олег» общества «Дружины», привезено в Кострому тело умершего в Оренбурге оренбургского и самарского генерал-губернатора Александра Андреевича Катенина и по снятии с парохода, тот час отправлено в родовое его имение — Чухломского уезда в село Клушеево для предания земле в одном из приделов церкви во имя Св. Николая, которого покойный был строителем»¹⁸⁶.

---

¹⁸⁶ Костромские губернские ведомости. Часть 1. Местные известия. 1860. 15 октября. № 41.

Н. И. ГРЕЧ И П. А. КАТЕНИН

Журналист, филолог, критик, прозаик и переводчик Николай Иванович Греч (1787–1867), потомок обрусевшего чеха в третьем поколении, являлся основателем российского журнала «Сын Отечества», вышедшего в свет в 1812 году с названием, взятом из письма родного брата издателя — Александра Ивановича Греча, погибшего под Бородиным, и писавшим перед своею гибелью: «Умру, но умру как истинный сын Отечества!» Основанный как военно-патриотический журнал, он со временем превратился в лучшее литературное периодическое издание России.

В 1815 году, в здании редакции журнала «Сын Отечества» (ныне Невский проспект, 15) состоялось знакомство П. А. Катенина с Н. И. Гречем, положившее начало их многолетнему сотрудничеству. Скорее всего, поначалу, поэт понравился издателю, перед которым предстал молодой, энергичный офицер Лейб-гвардии Преображенского полка, участник Отечественной войны и зарубежных походов, отмеченный рядом наград, имеющий в чем-то сходную с ним судьбу, поскольку, он так же, как и издатель, потерял родного брата Григория, погибшего на полях сражений, да и сам был тяжело ранен... Кроме того, стихи Катенина, особенно «Наташа», были самобытны и легко ложились на текущие события, подкупая читателя своим патриотизмом. Греч не только незамедлительно опубликовал их в своем журнале, но и предварил балладу «Наташа» редакционным примечанием: «Издатели благодарят, именем читателей своих, за доставление им сей пьесы»¹⁸⁷. За «Наташей» последовали баллады «Убийца» и «Леший». Все они были написаны за год до публикации в Берлине, где поэт находился для излечения от раны, полученной в «битве народов» — грандиозном сражении под Лейпцигом. Тогда он, будучи обездвижен, скрашивая вынужденный досуг, совершенствовался в немецком языке, читая в подлинниках немецких поэтов, проникаясь сумрачным духом немецкой баллады, и делая опыты подражания им, подбирая сюжеты из русской действительности.

Публикации молодого поэта получили звучный отклик, положив начало его известности, не только поэтической, но, некоторое время спустя, и полемической, благодаря журнальным сражениям, развернувшимся на полях «Сына Отечества» в последующие годы.

В 1816 году на страницах журнала появляется баллада «Ольга» — вольный перевод П. А. Катенина Бюргеровой баллады «Ленора». Все знали, что в 1808 году она уже была переведена В. А. Жуковским в духе сентиментализма, поэтому резкий романтический перевод Катенина был принят поклонниками Жуковского, в том числе и Н. И. Гречем, как вызов и соперничество. Известный поэт и переводчик Н. И. Гнедич поместил в «Сыне Отечества» резкую критическую статью против произведения Катенина, предварив ее следующим эпиграфом: «Что вы воете не к месту, песнь нескладна и дика!» и завершил

¹⁸⁷ Сын Отечества. 1815. № 13. — С. 15.

статью псевдонимом «Житель Тентелевой деревни»¹⁸⁸. Следом, в том же «Сыне Отечества» появляется ответная статья друга Катенина, А. С. Грибоедова, которая с таким блеском и остроумием парировала выпады Гнедича, что недруги Катенина остались посрамленными и жаждущими реванша. Много лет спустя А. С. Пушкин подвел итог полемики, назвав катенинскую «Ольгу» замечательным произведением, а «Людмилу» Жуковского неверным, хотя и прелестным подражанием.

В то время П. А. Катенин был ослеплен своими успехами, как на военной службе, так и на литературном поприще. 3 мая 1816 года трагедия Расина «Эсфирь», переведенная им, была показана петербургскому зрителю, а 10 мая того же года представлена в Эрмитажном театре Зимнего дворца в присутствии императора Александра I и августейшей семьи, после чего Катенин был приглашен к высочайшему столу на ужин.

Н. И. Греч

Вопреки обычаю помещать отзывы на театральные и литературные новинки, журнал «Сын Отечества» и его издатель Н. И. Греч упорно молчали до конца года по поводу новоявленной «Эсфири». Может потому, что считали этот перевод слабым, но опробованная на самом высшем государственном уровне вещь, не могла подвергнуться критике?

В конце того же года «Сын Отечества» вынужден был написать в отделе «Современная библиография», что «господин издатель отлагал до сего времени суждение свое о сем переводе, полагая, что о нем не можно говорить наскоро, но на сих днях получил грозное письмо, в котором жалуются на его медлительность и требуют, чтобы он поместил рассмотрение перевода «Эсфири». Сие будет исполнено в первых книжках будущего года»¹⁸⁹.

Приведенные строки вызвали заявление Катенина, появившееся в «Сыне Отечества», в котором он просил Н. И. Греча объяснить, кто именно писал ему по поводу «Эсфири», ибо замечал он «из двусмысленных слов вашего объявления многие могут подумать, что я сам тот грозный писатель»¹⁹⁰.

В ответ на это заявление, издатель напечатал в той же книжке журнала «грозное письмо», руководствуясь тем соображением, что «ознакомление с этим

¹⁸⁸ Сын Отечества. Ч. 31. 1816. № 21.

¹⁸⁹ Сын Отечества. Ч. 33. 1816. № 52. — С. 278.

¹⁹⁰ Сын Отечества. Ч. 35. 1817.

посланием», которое «приличнее было бы назвать смешным, лучше всего докажет читателям, что оно написано не самим г. переводчиком “Эсфири”».

Вынужденные оправдательные меры взбесили Н. И. Греча и настроили его против Катенина.

Обещание дать в журнале разбор «Эсфири» было исполнено лишь три года спустя, когда был напечатан резко отрицательный отзыв А. Бестужева о катенинском переводе.

У П. А. Катенина и А. А. Бестужева сложились резко неприязненные отношения, и дело было не только в том, что они состояли во враждебных литературных группировках. Они являлись антагонистами по складу, мировоззрению и характеру.

Однажды в театре давали очередной спектакль «Эсфирь». Катенин сидел в первом ряду, и в антрактах, пожимая руки друзьям, прохаживался в адрес своих противников. Молодой Александр Бестужев, услышав его тирады, сказал своему брату: «Надо постегать этого литературного диктатора. Мочи нет быть с ним вместе в театре. Погляди, как судит и рядит, хоть вон беги <...>»

В 1819 году в «Сыне Отечества» появилась анонимная статья с критическим разбором катенинского перевода «Эсфири». В ней Бестужев, а это он был автором статьи, заявлял, что кроме редких исключений, катенинский перевод — сцепление непростительных ошибок против вкуса, смысла и языка, не говоря уже о требованиях поэзии и гармонии¹⁹¹. По Петербургу ходили слухи, что Катенин послал секундантов к Бестужеву, однако, поединок из-за смерти матери Катенина и вынужденного его отъезда в костромскую усадьбу не состоялся и борьба продолжалась лишь на страницах журналов.

В том же 1819 году, страстный любитель театра П. А. Катенин прочел на страницах 52-го номера «Сына Отечества» анонимную статью, подписанную «В. Кл-нов», в которой автор восторгался французским театром и поносил театр русский, называя его «нескладным, юродивым зрелищем». И более всего, автор нападал на комедии А. А. Шаховского. Желая отместить обвинения в антипатриотизме, автор представился как инвалид прошедшей войны, потерявший правую руку на Бородинском поле, а левый глаз на высоте Монмартра. Выступив в защиту отечественного театра, Катенин в «Письме к издателю» усомнился в инвалидности автора, считая ее грубой мистификацией. Статья Катенина, подписанная литерами «NN» была полна иронии, чего стоил хотя бы один фрагмент, относящийся к признанию В. Кл-ва, что он был в театре лишь однажды. «Человек был раз в театре, — писал Катенин, — видел одну комедию и кричит обо всех: «Что за комедии! Что за стихи! Как это все заметить одним разом и одним глазом?»¹⁹²

Но и после ироничной статьи Катенина, восторженный поклонник французского театра не был забыт читателями. Еще три отзыва на эту тему поступило в адрес «Сына Отечества», один из которых принадлежал Рафаилу Михайловичу Зотову — будущему прозаику, драматургу и переводчику, а в то время еще начинающему автору. Его статья «Замечания на замечания», опубликованная в 59 книжке «Сына Отечества» за 1820 год занимала компромиссную позицию

¹⁹¹ Сын Отечества. Ч. 51. 1819. № 5. — С. 107–123.

¹⁹² Сын Отечества. Ч. 59. 1820. № 5. — С. 84–85.

между двумя предыдущими полными статьями. Она вызвала еще одну статью Катенина «Ответ на замечания господина Р. З.», суть которых сводилась к следующей сентенции: «На целой странице витийствует он, чтобы доказать, что хорошее везде хорошо, что Расин и Мольер лучше наших трагиков и комиков, что перевод никогда не стоит подлинника, что солнце светит днем, а не ночью, и тому подобные истины. Все это прекрасно, да напрасно, никто не говорил противного».

Затем Катенин заостряет внимание на вопросе Зотова: Хорошо ли иметь в Петербурге французский театр и как смотреть на театр: видеть ли в нем только средство как-нибудь избавиться от безделья или заниматься им как отдельной отраслью словесности?¹⁹³

Эта статья завершила полемику о французском и русском театре, в которой, между прочим, собирався участвовать и А. С. Пушкин, и даже набросал статью «Мои замечания об русском театре», и хотя, она не была завершена, но по тексту видно, что автор держал сторону Катенина.

Будучи известным театральным автором и переводчиком, Катенин проявил себя и как незаурядный театральный педагог. С конца 1818 года Катенин, прекрасный декламатор и актер-любитель, стал заниматься с Василием Каратыгиным, отбив его от прежнего учителя А. А. Шаховского. Князь Шаховской был разгневан этой дерзостью, и всю жизнь не мог простить Катенину такого оскорбления. По словам брата В. А. Каратыгина, П. А. Каратыгина «Молодые люди в течение почти двух лет упорно занимались: после обычных уроков Катенин читал Каратыгину в подстрочном переводе латинских и греческих классиков, изучал с ним драматическую литературу французских, немецких и английских авторов. Занятия их были исполнены классической строгости и постоянного честного и неутомимого труда». Князь Шаховской и его ученик Брянский с тревогой ожидали дебюта Каратыгина, сколачивая вокруг себя катенинских недоброжелателей, которых было в избытке.

Дебюты В. А. Каратыгина прошли успешно, что отнюдь не устраивало противников Катенина, и когда в «Сыне Отечества» появилась доброжелательная статья А. А. Жандра о двух первых дебютах Каратыгина, вслед за ней в том же журнале была опубликована ей в пику недоброжелательная статья «Замечания на статью о первых двух дебютах г. Каратыгина», подписанная «Я...й». Настоящим автором статьи был Яков Николаевич Толстой¹⁹⁴.

Катенин, являясь учителем Каратыгина, разумеется, не мог остаться в стороне и не заступиться за молодого дебютанта. Стараясь быть предельно объективным, П. А. Катенин внушал Я...му, что «долг благоразумного критика к начинающему артисту, не есть, без всякой милости, показывать пороки игры его. Критик не зложелатель, его дело не пугать артиста, а посоветовать ему, все хорошее он должен показать еще с большим старанием, нежели все дурное; особливо, когда отличное дарование служит извинением недостатков; строгость же безжалостная уместна иногда только против ничтожной и самолюбивой посредственности»¹⁹⁵.

¹⁹³ Сын Отечества. Ч. 59. 1820. № 5. — С. 227–231.

¹⁹⁴ Сын Отечества. Ч. 63. 1820. № 27. — С. 32.

¹⁹⁵ Сын Отечества. Ч. 63. 1820. № 28. — С. 80–85.

Но, кроме полемических статей, Катенин не переставал поставлять в журнал Греча и свои поэтические произведения. Самое крупное из них, под простран-ным названием «Песнь о первом сражении русских с татарами на реке Калке, под предводительством князя Галицкого Мстислава Мстиславовича Храброго» было опубликовано в «Сыне Отечества» в 1820 году¹⁹⁶.

12 мая того же года оно исполнялось на сцене Большого театра Василием Каратыгиным в бенефис вдовы умершего артиста Третьякова. В журнале «Мнемо-зина» появился теплый отзыв Кюхельбекера об этом произведении. Множился счет и драматическим произведениям поэта как переводным, так и подражани-ям. Кроме нескольких артельных переводов (Медея, Гораций) Катенин пишет комедии «Нечаянный заклад» и «Сплетни». Последнюю он даже издал отдельной книжкой, и печаталась она в типографии Греча (ныне ул. Герцена, 13). Тем не менее, когда в 1820 – 1821 годах «Сын Отечества» напечатал два обширных обозрения, где упоминались многие даже малозначительные драматурги, имя Катенина было обойдено молчанием. И это была сознательная месть неудоб-ному правдоискателю, которая не просто задела, но и смертельно обидела его. Н. И. Греч, так много получивший от своего автора в пользу журнала, интерес к которому во многом подогревался яркими полемическими статьями Катенина, становился в глазах последнего непримиримым врагом.

По своему образованию и генеалогии Н. И. Греч принадлежал чиновниче-ско-преподавательской династии. Его дед Иоган Эрнест Греч, переселившийся из Германии в Россию, по окончании Лейпцигского университета, преподавал историю и политику будущей императрице Екатерине II, а отец служил секре-тарем апелляционного Департамента Сената, то есть, всю жизнь занимался бумажными делами. Сам Н. И. Греч окончил Педагогический институт в Пе-тербурге и в начале XIX столетия служил учителем русского языка и литерату-ры, сначала в частных пансионах, а затем в Петербургской гимназии. И только в 1808 году проявил себя в качестве журналиста.

Поэтому неудивителен интерес Греча к специальным учебным изданиям, к которым он сам неоднократно прилагал руку. Но наибольший успех выпал на долю «Учебной книги Российской литературы», которую он издал в своей ти-пографии в 1822 году, и которая стала первым учебником литературы в России. Она вызвала живой интерес читателей и оживленную полемику, в которой, ко-нечно же, не мог не участвовать и П. А. Катенин.

В своем «Письме к издателю «Сына Отечества» он писал: «В конце вашего предисловия к «Опыту краткой истории русской литературы» приглашаете вы всех любителей отечественной словесности к сообщению вам своих замечаний, обещая притом воспользоваться ими при втором издании, а между тем, печатая их в «Сыне Отечества» для предварительного сообщения публике. Пользуясь та-ким приглашением, <...> я решился, может быть, прежде всех исполнить ваше желание. <...> Долгом поставляю, прежде всего, благодарить вас за издание та-кой полезной, даже необходимой книги, которой мы по сие время не имели. Хотя она, как сами вы справедливо признаетесь, менее история, нежели собра-ние материалов для истории, это еще не вредит ее достоинству. Материалы сии прежде вас трудолюбивыми руками были уже отчасти приготовлены, но вы их

¹⁹⁶ Сын Отечества. 1820. № 1. — С. 31.

соединили, дополнили, расположили в лучшем порядке, сделали удобнейшими для общего употребления и своим трудом избавили нас от большого труда».

Далее Катенин переходит к важнейшему вопросу взаимосвязи славянского и современного русского языков, породившего в свое время две литературные враждебные партии А. С. Шишкова и Н. М. Карамзина:

«Любимым моим упражнением был всегда русский язык. Однако я не смею спорить с вами, когда вы отделяете его от славянского, а предложу вам только вопрос: в какой старинной книге находите вы именно язык русский? Народные песни, вероятно, изменялись беспрестанно. «Слово о полку Игореве» написано белорусским наречием, летописи почти все варварским языком <...> Ломоносов первый его очистил и сделал почти таким, каков он и теперь. Чем же он достиг своей цели? Приближением к языку славянскому и церковному. Должны ли мы сбиваться с пути, им так счастливо положенного? Не лучше ли следовать по нем и новыми усилиями присваивать себе новые богатства, в коренном языке нашем сокрытые?»¹⁹⁷

Досталось в статье Катенина и некоторым современным авторам — литературным врагам его П. А. Вяземскому и Н. И. Гнедичу. Отметил он и пропущенных в учебнике авторов — Грузинцева, Грибоедова, Жандра, Загоскина и Боратынского. Остановился на материале, касающемся его самого: «О себе скажу одно слово. Вы напрасно причли меня к переводчикам. Правда, что разные обстоятельства не позволили мне по сие время отдать на театр мой девятилетний труд, давно оконченный, и вы знать о нем не обязаны; но и, как вы знаете, писал и в другом роде: в вашем журнале выходили мои лирические повести; из коих главные «Наташа» (вы когда-то печатно благодарили меня за нее именем всех читателей), «Убийца», «Леший», «Софокл» и «Метислав Метиславович» — заслуживают некоторое внимание именно как вещи совершенно оригинальные и ниоткуда не заимствованные, что, как известно историку русской литературы, в ней редко встречается».

Биографическая справка П. А. Катенина, приведенная Н. И. Гречем, начинается следующим образом: «Павел Александрович Катенин, полковник и кавалер родился в С-Петербурге 11 декабря 1792 года, воспитывался в доме родителей своих».

Здесь мы просто обязаны остановиться для необходимых комментариев, очень важных для биографии поэта. Дата рождения П. А. Катенина — 11 декабря 1792 года по старому стилю не вызывает никаких сомнений, чего нельзя сказать о месте его рождения. Утвердившееся в современных печатных источниках мнение, что поэт является уроженцем села Шаево Кологривского уезда Костромской губернии исключено, поскольку оно было приобретено его отцом у Алексея Адамовича Олсуфьева путем закупки спустя два года после рождения его сына Павла. Оно представляло собой неблагоустроенное имение в несколько дворов, и в трескучие декабрьские морозы ни одна женщина на сносях не решилась бы туда ехать. Да и зачем матери П. А. Катенина было перемещаться беременной зимой в «медвежий угол» — чужую усадьбу, ежели у ее мужа в Петербурге был собственный дом, проданный в 1814 году тому же А. А. Олсуфьеву? Во всяком случае, факт рождения поэта в северной столице, опубликованный

¹⁹⁷ Сын Отечества. Ч. 76. 1822. № 13. — С. 249–261.

Н. И. Гречем в своем учебнике не вызвал у Катенина, хорошо знавшего книгу и писавшего на нее критические разборы, никакого отрицания.

А сам факт включения его биографии в учебник, хотя и в нежелательный отдел переводчиков, почти примирил Катенина с автором, и придал его критике несвойственный ему тон благодушия, что было отмечено издателем «Сына Отечества» в ответе, опубликованном вслед за письмом.

«Начинаю ответ сей изъявлением искреннего благодарения почтенному Критику за благосклонный отзыв о моей книге, а более еще за его замечания, которыми я с удовольствием воспользуюсь. Желательно было бы мне получить более подобных разборов моей книги, достойных уважения, как по содержанию своему, так и по благожелательству, свободе и беспристрастию в изложении.

Между тем, мне трудно согласиться с некоторыми замечаниями Г. Катенина, а в других желательно оправдаться, для чего пишу следующие строки»¹⁹⁸.

«Никак не могу согласиться с моим Критиком, чтоб язык церковных книг, несправедливо называемый преимущественно славянским, был коренным языком нашим. Он есть одна из отраслей обширного древа славянского, коего корни сокрыты в земле, т. е. в веках давно минувших. Язык русский не моложе церковного, но сей последний, ранее был обнаружен переводами с греческого языка, а первый до XVIII века пресмыкался в неизвестности и даже в презрении. Ломоносов силой гения своего образовал русский язык и обогатил оный красотою, заимствованную из языка богослужебного и от 1000-летнего употребления русскими близкого и понятного, но он писал не по-славянски, а по-русски. И последователи его не переставали черпать из сего источника, но между тем, в слоге, ходе, логической и грамматической ясности советовались с просвещением, вкусом и употреблением народа, который в языке живом есть верховный судья.

Автор книги признал справедливость замечаний критика о сухости биографических статей, в ней помещенных, и пообещал во втором издании вставить опущенные имена поэтов и прозаиков, указанных Катениным. Он также попытался защитить Н. И. Греча от нападок критика. Затем подписал статью и поставил дату «марта 27 1822 года».

Казалось бы, что обменявшись корректными мнениями, оппоненты больше не вернутся к данной теме, Но так могли думать только те, кто не знал полемического азарта Катенина, не желавшего оставлять последнее слово за противником. В своей новой статье «Ответ на ответ» он предъявляет претензии издателю «Сына Отечества»: «Важнейшие мои возражения пропущены в ответе его молчанием, другие признаны справедливыми, еще другие приняты с оговорками, и, наконец, некоторые отвергнуты и оспорены <...> Мне остается пояснить те мои мысли, которые отчасти или совсем не понравились господину Гречу.

Главный спор будет, конечно, об языке. Спор трудный, может быть, бесконечный, по крайней мере до того времени, пока побочные причины, уважение к лицам, с одной стороны, связи, пристрастие — с другой, не позволяют говорить прямо, и когда стараются, кажется, затемнить вопрос, чтобы правда не отыскалась. Например, я спрашивал: «В какой старой книге язык русский?» А мне отвечали, что Библия книга не русская: я это знал и прежде, но в том ли дело?

¹⁹⁸ Сын Отечества. Ч. 76. 1822. № 93. — С. 161.

Господин Греч доказывает, что язык наших церковных книг не тот, каким говорили наши предки при Святом Владимире, но где же язык наших предков? Он совершенно изменился: неучи беспрестанно искажали свое наречие смешением слов татарских, польских и других, а грамотные беспрестанно очищали и возвышали его, держась коренных слов и оборотов славянских. Перевод священных книг был у них всегда перед глазами, как верный путеводитель, которому следуя, они не могли сбиться; и вот почему мы обязаны, даже в последнее время, воскресением нашего языка при Ломоносове, а без того он сделался бы не тем чистым, коренным, смею сказать, единственным в Европе языком, но грубым, неловким, подлым наречием, пестрее английского и польского.

Господин Греч уверяет, что Ломоносов писал не по-славянски, а по-русски, или, чтоб яснее сказать, что он, заимствуя много из церковных книг, держался и общеупотребительного наречия. Что же вышло? Везде, где он ближе к старине, он лучше; везде, где он писал по своему, хуже. Некоторые из последователей Ломоносова Петров, Костров, в наше время князь Шихматов, Гнедич и другие, старались еще ближе подойти к языку церковному и обогатили свои творения множеством слов и оборотов, которые теперь сделались нашей собственностью. И сам Ломоносов не остановился бы на половине дороги, если б не опасался слишком оскорбить вкус тех людей, которые в его время думали, как нынешний господин Греч, ненавидели славенщизму и восхищались чистым русским языком Сумарокова¹⁹⁹.

Эти рассуждения не самостоятельное приобретение П. А. Катенина. Еще в двадцатилетнем возрасте, он, по примеру своего родственника, поэта Хвостова, посещает литературные вечера Г. Р. Державина, где пребывают многие литераторы XVIII столетия, в том числе и А. С. Шишков — автор трактата «О старом и новом слоге» ставшем основой философии старой школы, которой во многом придерживался и молодой поэт.

Катенин посвятил в нее и юного Пушкина, увлекшегося данной теорией и даже посвятившего ее проверке нескольких стихотворных опусов «Пророк» и «Песнь о вещем Олеге», но все же вернувшегося к прежде практикуемому новому слогу.

Во второй части статьи «Ответ на ответ» Катенин заявлял: «После сказанного мною о предмете важном, мелкие наши несогласия с господином Гречем, едва ли, заслуживают внимания. Я постараюсь объяснитьсь коротко». И он повторяет свои замечания в адрес Гнедича и Вяземского.

Можно только поражаться неумности и азарту П. А. Катенина, проявлявшихся в полемической борьбе с литературными противниками, а ведь мы еще не говорили о параллельной полемике его с Орестом Михайловичем Сомовым, развернувшейся в том же 1822 году и в том же журнале «Сын Отечества». В статье «Ответ двоим» Катенин объединил две отдельные статьи двум своим оппонентам Гречу и Сомову, желая скомпоновать два различных материала в один. Опуская первого оппонента, обратимся ко второму. Отвечая на очередной ответ издателя, исполненный в довольно резких выражениях и взнервленных тонах, Катенин напомнил ему, «сколь прилично хладнокровие прозаику, грамматику, критику, историку и журналисту», что, конечно же, еще более взбесило Греча.

¹⁹⁹ Сын Отечества. Ч. 77. 1822. № 18. — С. 172–178.

Он требовал назвать забытые им обещания, в которых обвинял его поэт, на что Катенин отвечал: «Забытые господином Гречем мои замечания суть следующие: 1) о вреде, наносимом словесности так называемыми школами; 2) о степенном упражнении наших старых писателей в сравнении с легкостью занятий поэтов новых; 3) о сохранении чистоты языка через несколько веков изучением церковных книг; 4) о скором упадке некоторых сочинителей, превозносимых до небес при жизни их. Вот довольно обширное поле для рассуждений, если господину Гречу со мной рассуждать угодно».

Вместо того он, заметив, что я говорю одно, а господин А. Б. совсем другое, предлагает мне с ним поспорить. Помилуйте, господин издатель! Спорил ли я когда-нибудь с господином А. Б.? Могу ли я с ним спорить? Я молчал, молчу и буду молчать. Катенин. Мая 15 1822»²⁰⁰.

Не трудно догадаться, что упомянутый А. Б., с которым Греч рекомендует поспорить Катенину, есть никто иной, как Александр Бестужев, автор уничтожительной критики перевода «Эсфири» Катенина. Греч, видимо, упомянул его с отчаяния от бесконечного спора с поэтом, складывавшегося, как правило, не в его пользу. Не видя пути к реваншу, он опустился практически до оскорбления, до nepозволительного удара «ниже пояса», что, несомненно, больно ранило Катенина, навсегда утвердившегося в своих резко негативных оценках относительно Греча. Своим отказом общаться с А. Б., приведенном в конце статьи, поэт дает понять, что считает Бестужева недостойным его общения.

Неизвестно, долго бы еще длились препирания оппонентов, если бы сама жизнь их не прервала. В конце 1822 года П. А. Катенин за недостойное поведение в театре был выслан из Петербурга в костромские края.

С его отъездом баталии на страницах «Сына Отечества» поутихли, что, кстати сказать, вряд ли послужило повышению его рейтинга у читателей, скучавших о полемических спорах неугомонного критика. С удовольствием вспоминал их и А. С. Пушкин, писавший поэту: «Вместо альманаха, не затеять ли нам журнал? Голос истинной критики необходим у нас, кому же, как не тебе, забрать в руки общее мнение и дать нашей словесности истинное направление? Покамест, кроме тебя, нет у нас критика. Многие, в том числе и я, много тебе обязаны. Ты отучил меня от односторонности в литературных мнениях, а односторонность есть пагуба мысли. Если б согласился ты сложить разговоры твои на бумагу, то великую пользу принес бы ты русской словесности. Как ты думаешь?»²⁰¹

Позднее этот призыв поэта, вызвал к жизни катенинские «Размышления и разбор», эстетический трактат, помещенный в издаваемой Дельвигом с участием Пушкина «Литературной газете».

Спустя полтора года, в июле 1824, проживающий в своем имении Шаево Кологривского уезда Костромской губернии П. А. Катенин получил от Н. И. Греча письмо, о котором он рассказал письменно своему другу Н. И. Бахтину: «Пигмей Греч писал на днях ко мне, сюда, письмо с разными комментариями, и вот о чем. Пигмей Булгарин хочет издать какой-то драматический альманах, и Христа ради, выпрашивает у всех милостыни; нет ли у меня чего ненапечатанного, а

²⁰⁰ Сын Отечества. Ч. 78. 1822. № 21. – С. 28–34.

²⁰¹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. XIII. – М. – Л., 1937–49. – С. 161–162.

где именно бы одолжили, кабы что из Андромахи пожаловали; я на это отвечал, что мне словесность и театр столько наделали неудовольствия, что я от них отстал, и желал бы забыть, что в глуши живучи не знаю ничего, что у них делается, — и буде им очень хочется моих стихов, так просили бы Жандра, кому от меня дана воля, я же остаюсь покорный слуга. Кажется, довольно сухо. К Жандру же я писал, что если Греч и Булгарин станут просить, он может узнать, во-первых, в какое общество попадет моя вдовица, а во-вторых, сказать им, чтобы они, выхажив сами вещь для своей пользы, уже не смели бы в угождение другим или себе ее ругать. Я не совершенно отказал, думая, что может быть и полезно без намерения о себе напомнить, а то у нас, пожалуй, и забудут»²⁰².

Результатом такой политики стало появление третьего действия трагедии «Андромаха» в альманахе «Русская Талия» в 1825 году. И, видимо, предупреждение Катенина об условии не ругать «Андромаху» возымело действие, поскольку, на резкую рецензию в «Московском телеграфе» (1825, № 2), где Катенина обвиняли, что его трагедия написана сумароковскими стихами, в «Сыне Отечества» появилась ответная рецензия, подписанная «Ж. К.» (автор Н. И. Греч), в которой издатель возражал рецензенту, что тот «не видит ни разговора, ни страстей, ни чувства, ни движения в этом акте стихов, гладких стихов, только стихов, содержание, ход пьесы, характеры, страсти, слог, язык разных лиц для него — все пустое»²⁰³.

Конечно, защищая 3-й акт «Андромахи», Греч в какой-то мере защищал и себя, ведь она опубликована в альманахе по его инициативе, следовательно, он и ответственен за свой выбор, но, тем не менее, Катенин был обязан Гречу. Проницательный Катенин пристально следивший за периодическими изданиями, прочел обе статьи, не затруднился расшифровать анонимных авторов и в письме к Н. И. Бахтину от 26 апреля 1825 года дал событиям свою оценку: «Есть еще гусь, некто Полевой, издатель в Москве нового журнала, под названием «Телеграф», и он упомянул о вашей статье, по случаю Русской Талии, где напечатано третье действие моей Андромахи. Полевой его разругал (само собой разумеется), и стихи мои называет сумароковскими. Pro forma, Греч несколько заступился в «Сыне Отечества», если можно назвать заступлением плутню. Он пишет, что требовать в трагедии одних гладких стихов не годится, а что главное в ней то и се и прочее. В оной же Талии статья Булгарина о театре вообще, где говорится, что все у нас переводы с французского никуда не годятся, и что подражать Корнелю и Расину тоже не годится, а надо все новое, все свое, никакая Андромаха не сделает такого впечатления на русских, как Ярославна и пр.»²⁰⁴

Таким образом, благородный шаг Греча по защите «Андромахи», а следовательно, и ее творца, не был последним правильно оценен, и его отношение к издателю осталось, мягко говоря, прохладным. Может быть, непримиримость Катенина усугубил союз Греча с Булгариным, распространившийся не только на создание драматического альманаха «Русская Талия», но и на другие литературные предприятия, и, в первую очередь, на газету «Северная пчела». Фаддеем Венедиктович Булгарин стал соиздателем Греча в 1825 году, тогда же Греч стал

²⁰² Русская старина. 1911. № 4. — С. 169–173.

²⁰³ Катенин П. А. Избранное. — М.-Л., 1965. — С. 705.

²⁰⁴ Русская старина. 1911. № 6. — С. 591–592.

сотрудничать в его журнале «Северный архив». В 1829 году оба журнала слились, и новое издание получило название «Сын Отечества и северный архив».

Отношение Булгарина к Катенину было не лучше, чем отношение Греча к Катенину. Поэтому не удивительно, что когда спустя несколько лет, Павлу Александровичу удалось осуществить главное дело его жизни: издать в двух томах «Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина» (СПб., 1832), совместная газета Булгарина и Греча «Северная пчела» разразилась уничтожительной критикой неизвестного автора. Она называлась «Письмо даме в Кострому», и, по нашему мнению, могла принадлежать непримиримому литературному недругу Катенина — князю Петру Андреевичу Вяземскому. Последний являлся литературным наставником костромской поэтессы А. И. Готовцевой, и князь регулярно поставлял ей новые книги со своими комментариями. Нетрудно предположить себе реакцию автора двухтомника.

Последний выпад Греча против Катенина произошел в 1834 году, когда издатель уже в качестве писателя-беллетриста выпустил в свет свой роман «Черная женщина», где он в образе штабс-капитана Залетаева, непризнанного поэта, поклонника Ломоносова и неистового хулителя историографа Н. М. Карамзина, вывел П. А. Катенина в молодости. Однако последнего это вряд ли затронуло. Он был за тысячи верст от Петербурга, на Кавказе, в действующем Эриванском карабинерном полку и, скорее всего, даже не видел новой книги Греча.

Свою издательскую деятельность Н. И. Греч свернул в 1839 году. Катенин же после кавказской службы также не печатался. Пути обоих больше не пересекались. Греч пережил Катенина на четырнадцать лет.

Несмотря на различие мировоззрений и многочисленные расхождения в литературных оценках издателя «Сын Отечества» Н. И. Греча и одного из активнейших авторов журнала П. А. Катенина, их многолетнее сотрудничество было обоюдно полезным. Для первого как поднятие рейтинга его детища путем острых полемических споров, затеваемых Катениным, а для второго — как способ совершенствоваться в области литературной критики, в коей он и преуспел, свидетельством чему неиссякаемый интерес к его трудам и по сию пору.

ГРИБОЕДОВ И КАТЕНИН

Исследователи относят знакомство Катенина и Грибоедова к 1815 году, когда последний приехал из Брест-Литовска в Петербург по делам и, как заядлый театрал, стал посещать вечера князя А. А. Шаховского в его знаменитом «чердаке». Театральный писатель Р. Зотов вспоминал: «В обществе был он (А. С. Грибоедов — Е. С.) небольшой говорун и не блистал остроумиями. Когда, бывало, у князя Шаховского соберутся литераторы, то в беседах и прениях главенствовал всегда Катенин (автор «Андромахи»). Он был всегдашний противник в спорах Грибоедова, который держался романтизма, а Катенин был страстный фанатик французского классицизма»²⁰⁵.

К тому времени А. С. Грибоедов вошел в круг театральных писателей, дебютировав переводом на русский язык пьесы французского поэта К. Де Лессера «Семейная тайна», поставленной на петербургской сцене под названием «Молодые супруги». Успех окрылил молодого литератора и он, будучи тогда адъютантом кавалерийского генерала А. С. Кологривова, в марте 1816 года уволился в отставку для продолжения своей творческой деятельности в столице.

Катенин, в то время штабс-капитан Лейб-гвардии Преображенского полка, также был театральным автором и переводчиком, дебютировавшим еще в 1811 году переводом трагедии Т. Корнеля «Ариана» для бенефиса Е. С. Семеновой. Он был увлечен поэзией, и его переводы и подражания Оссиану, Биону, Геснеру публиковались в журнале «Цветник» еще в 1810 году. Война приостановила творческую деятельность молодого литератора на несколько лет, и лишь по ее окончании, пошла новая волна творчества. В ту пору и состоялось знакомство Катенина с Грибоедовым, почти сразу же перешедшее в прочную дружескую связь.

Ужасы войны, пережитая смерть брата Григория, умершего на его руках, а также страшная смерть его друга капитана Шапошникова, которому под Бородиным оторвало ядро голову, навсегда излечили молодого поэта от романтических и сентиментальных течений в литературе, сделав его сторонником неоклассицистического стиля, возводившего героику и гражданственность в главные принципы данного течения.

Просматривая периодику за годы войны, когда она была недоступна находящемуся в походе воину, П. А. Катенин заострил внимание на двух стихотворениях, переведенных В. А. Жуковским в подражание немецкой балладе Г. А. Бюргера «Ленора». Это были так называемые русские баллады «Людмила» и «Светлана», написанные тем, элегически-сентиментальным стилем, который так раздражал Катенина. Зная немецкий язык и быт немецкого народа, (он более месяца лечился в Дрездене от раны), хорошо чувствуя простонародный дух бюргеровой «Леноры», он решил сделать свой перевод, более близкий к подлиннику, и назвал его «Ольга»²⁰⁶.

²⁰⁵ Грибоедов в воспоминаниях современников. — М., 1980. — С. 340.

²⁰⁶ Катенин П. А. Избранные произведения. — М.-Л., 1965. — С. 91.

Тогда же в «Сыне Отечества» вышла резкая критика на нее с подписью «Житель Тентелевой деревни». Под этим псевдонимом скрывался поэт и переводчик Н. И. Гнедич. Называлась она «О вольном переводе Бюргеровой баллады «Ленора» и с самого эпиграфа, заимствованного из катенинской баллады «Ольга», которой и посвящался разбор, задавала весьма оскорбительный тон по отношению к переводчику: «Что вы воете не к месту? // Песнь нескладна и дика!»²⁰⁷

Гнедич писал, что у талантов, имея в виду и Жуковского, рождаются как защитники, так и противники, а так же завистники, пишущие в этом же роде, с целью унижить творение талантливого предшественника. Под завистником он явно видит П. А. Катенина, так как приводит несколько отрывков из его предыдущих баллад: «Леший» и «Убийца», пытается убедить, что в них нет «ни истины, ни вкуса», противопоставляя им полные волшебного очарования стихи В. А. Жуковского. После этого рецензент переходит к разбору баллад сначала Жуковского, слегка пожурив его за то, что в его «Людмиле» мертвый жених в живом обличье говорит о своей субстанции невесте так открыто, что вряд ли смог бы убедить ее ехать к месту своего захоронения, кроме того, сопровождающие их в дороге привидения описаны Жуковским уж очень сладко:

Слышат шорох тихих теней?
В час полуночных видений
В дыме облака толпой.
Легким светлым хороводом
В цепь воздушную свились —
Вот за ними понеслись!

Гнедич оправдывает переводчика, говоря: «Эти тени прекрасны, но они совершенно Оссиановские тени, и в русской балладе залетные гости! Но стоит только раскрыть книгу, чтобы забыть о них. Прелесть поэзии, жизнь, движение и сладость стихов все превозмогут».

Затем критик переходит к анализу катенинской «Ольги». Вообще, чтобы без подробного пересказа обеих баллад, лучше почувствовать разницу переводов Жуковского и Катенина, достаточно привести отрывок из «Ольги», соответствующий приведенному из «Людмилы»:

Казни столп; над ним за тучей
Брезжит трепетно луна;
Чьей-то сволочи легучей
Пляска вокруг его видна.
«Кто там! Сволочь! Вся за мною!
Вслед бегите все толпою,
Чтоб под пляску вашу мне
Веселей прилечь к жене».
Сволочь с песнью заунывной
Понеслась за седоком,
Словно вихорь бы порывный
Зашумел в бору сыром²⁰⁸.

²⁰⁷ Сын Отечества. Ч. 31. 1816. № 27. — С. 3—22.

²⁰⁸ Катенин П. А. Указ. соч. — С. 96.

«Слова: светик, в плоть, споро, сволочь и пр., — замечает рецензент, — без сомнения, дышат простотою, но сия простота не поссорится ли со вкусом?»

Далее Гнедич обвиняет Катенина в ошибках против грамматики и логики. Он выстраивает целый ряд примеров этому, справедливость которых не всегда бесспорна. Обличить это взялся друг Катенина А. С. Грибоедов. Он публикует в том же «Сыне Отечества» антикритику на рецензию Гнедича, назвав ее «О разборе вольного перевода Бюргеровой баллады «Ленора»²⁰⁰.

Без долгих вступлений он переходит к делу: «Я читал в «Сыне Отечества» балладу «Ольга», и на нее критику, на которую сделал свои замечания. Господину рецензенту не понравилась «Ольга»: это еще не беда, но он находит в ней беспрестанные ошибки против грамматики и логики, — это очень важно, если только справедливо; сомневаюсь, подлинно ли оно так; дерзость меня увлекает еще далее: посмотрю, каков логик и грамотей сам сочинитель рецензии! В. Жуковский, говорит он, пишет баллады, другие тоже, следовательно, эти другие или подражатели его, или завистники. Вот образчик логики господина рецензента.

Грамматика господина рецензента своя, новая и сродни его логике; она, например, никак не допускает, чтоб

Рать под звон колоколов
Шла почить от всех трудов.

Вступать в город под звон колоколов, плясать под музыку — так говорится и пишется, и утверждено постоянным употреблением; но господину рецензенту это не нравится: стало быть, грамматически неправильно.

В «Ольге» господину рецензенту не нравится, между прочим, и выражение «рано поутру». Он его ссылает в прозу: для стихов есть слова гораздо кудрявее. Господину рецензенту никак не хочется, чтоб налож, при котором венчаются, называли наложом венчальным. Но он час от часу прихотливее: в ином месте эпитет слезный ему кажется слишком сухим, в другом тон мертвеца слишком грубым. Вот диалог Ольги и ее жениха:

Где живешь? Скажи неместно:
Что твой дом? Велик? Высок?
Дом землянка. Как в ней? — Тесно.
А кровать нам? Шесть досок.
В ней уляжется ль невеста?
Нам двоим довольно места.

А. С. Грибоедов

²⁰⁰ Грибоедов А. С. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. — М., 1971. — С. 41–52.

Стих: «В ней уляжется ль невеста?» — заставил рецензента стыдливо потупить взоры; в ночном мраке, когда робость любви, обыкновенно исчезает, Ольга не должна делать такого вопроса любовнику, с которым готовится разделить брачное ложе? Что ж ей? Предаться тощим мечтаниям любви идеальной? Бог с ними, с мечтаниями; ныне в какую книжку ни заглянешь, везде мечтания, а природы ни на волос.

Потом господин рецензент предлагает несколько вопросов.

На дыбы конь-ворон взвился
Диким голосом заржал
Стукнул в землю — провалился
И навеки с глаз пропал.

Рецензент спрашивает: с чьих глаз? Такие вопросы заставляют сомневаться, точно ли русский человек их делает. Он свою рецензию прислал из Тентелевой деревни СПб. губернии; нет ли там колонистов? Не колонист ли он сам?»

И, в заключение, Грибоедов приводит ироническую рецензию в духе Гнедича на балладу Жуковского «Людмила».

Это критическое произведение Грибоедова имело бешеный успех и в одиночестве сделало его имя известным в столице. «Что это еще за рыцарь такой объявился Гри-бо-е-дов?» — удивлялись посрамленные оппоненты, в большей части принадлежавшие литературному обществу «Арзамас». Они потерпели сокрушительное поражение. Впоследствии А. С. Пушкин подвел итог этой полемики следующими словами: «...Сия простота и даже грубость выражений, сия сволочь, заменившая воздушную цепь теней, сия виселица вместо сельских картин, озаренных летней луною, неприятно поразили непривычных читателей, и Гнедич взялся высказывать их мнения в статье, коей несправедливость обличена была Грибоедовым»²¹⁰.

Нет нужды говорить, как П. А. Катенин был благодарен А. С. Грибоедову за оказанную и действительную поддержку, и как после этого укрепились их дружба и совместное творчество.

В июне-июле 1817 года ими была создана комедия «Студент», которая, к сожалению, не увидела сцены, и до конца XIX столетия не публиковалась, а сохранилась лишь в рукописи. Причина сего заключалась в том, что она содержала ряд выпадов против некоторых личностей, в частности К. Н. Батюшкова, только что опубликовавшего первый том «Опытов в стихах и прозе» и М. Н. Загоскина, от псевдонима которого «Ювенал Беневольский» образовалась фамилия главного героя пьесы — Беневольского. Появление комедии являло собой новый этап журнальной войны «архаистов» и «новаторов», к которой принадлежала и прошедшая полемика о балладе Бюргера «Ленора».

Тогда же, Грибоедов, стесненный материально, был вынужден поступить на службу в Коллегию иностранных дел в чине губернского секретаря. Этот шаг был роковым для последующей судьбы драматурга, на которую также повлияла произошедшая осенью 1817 года дуэль А. П. Завадовского с В. В. Шереметьевым, закончившаяся смертью последнего. А. С. Грибоедов участвовал в ней в качестве секунданта убитого. Секундант с другой стороны, А. И. Якубович, поклялся отомстить за гибель друга, вызвав Грибоедова на дуэль, которая состоялась позже, в 1818 году, в Тифлисе.

²¹⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., Т.11. — М., 1937. — С. 221.

Решив круто изменить жизнь, страдая нравственно, драматург принял место секретаря русской дипломатической миссии в Персии, и в августе 1818 года уехал на Восток²¹¹. Катенин по служебным причинам не смог проводить и даже предупредить друга, что дало повод упрекнуть его другому другу Грибоедова Семену Ивановичу Бегичеву. Драматург в письме Бегичеву из Воронежа 18 сентября 1818 г. отвечал: «Катенина ты напрасно попрекаешь ко мне совершенною холодностию, он был у меня на квартире на другой день после того, как я исчез из Петербурга, и очень жалел обо мне и досадовал. Так, по крайней мере, рапортует Аксинья Амлиху»²¹².

Далее друзьям в течение нескольких лет с 1819 по 1825, до личной встречи в Петербурге, приходилось довольствоваться письмами, впрочем, весьма нерегулярными, с большими, порой, многолетними паузами.

Первое из дошедших до нас писем А. С. Грибоедова из Тегерана от 26 марта 1819 года, скорее напоминает записку, и написано оно в ответ на утраченное письмо Катенина: «Любезный Павел Александрович. Благодарю тебя за письмо и за акт из Сплетен. Ты мне очень этим удружил. Продолжай, мой милый, писать, а я читать буду. Смертная лень и скука, ни за что приняться не хочется. Прощай. Верный друг твой Грибоедов»²¹³.

Очевидно, это письмо-записка очень разочаровала и задела адресата, как своей лаконичностью, так и сухостью тона. Как будто, ее писал равнодушный или больной человек. Последнее было более чем вероятно. Грибоедов, вопервых, был болен душевно, ища возможностей для вывода русских пленных домой. Он писал в своем путевом дневнике: «Хлопоты за пленных. Бешенство и печаль... Голову мою положу за несчастных соотечественников»²¹⁴.

Кстати сказать, идею вести дорожный дневник с целью последующей публикации его, дал другу П. А. Катенин, о чем упоминает Грибоедов в письме С. Н. Бегичеву, датированному февралем 1819 года: «Ни строчки моего путешествия я не выдам в свет, даром, что Катенин жалеет об этом, и поощряет меня делать замечания, что для меня чрезвычайно лестно, но я не умею разбалтывать уchenость <...>»²¹⁵

Кроме душевного нездоровья, драматург, будучи за границей, страдал в это время и физически. Несколько месяцев назад в Тифлисе состоялась его дуэль с Якубовичем, причем, Грибоедов был ранен в кисть руки, точнее в палец, который был расщеплен, и создал вид шестипалости. Позднее, эта примета сослужит ему последнюю службу. Так что первое письмо Грибоедова было вынужденно скудным.

О душевном отношении же Грибоедова к своему другу Павлу Катенину красноречиво говорит его письмо к неизвестному (предположительно к А. А. Шаховскому) от 17 ноября 1820 года, написанное в час полудночи из Тавриза под воздействием пророческого сна: «Вхожу в дом, в нем праздничный вечер. Я в этом доме не бывал прежде. Хозяин и хозяйка. Поль с женою меня

²¹¹ Русские писатели 1800-1917. Биографический словарь. Т. 2. — М., 1992. — С. 22.

²¹² Грибоедов А. С. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. — М., 1971. — С. 187.

²¹³ Грибоедов А. С. Указ. соч. — С. 192.

²¹⁴ Русские писатели 1800—1917: Биографический словарь. Т. 2. — М., 1992. — С. 22.

²¹⁵ Грибоедов А. С. Указ. соч. — С. 399.

принимают в двери. Пробегаю первый зал и еще несколько других. Везде освещение; то тесно между людьми, то просторно. Попадают многие лица, одно, как будто, моего дяди, другие тоже знакомые; дохожу до последней комнаты, толпа народу, кто за ужином, кто за разговором; вы там же сидели в углу, наклонившись к кому-то, шептали, и ваша возле вас. Необыкновенно приятное чувство и не новое, а по воспоминанию мелькнуло во мне, я повернулся и еще куда-то пошел, где-то был, воротился; вы из той же комнаты выходите ко мне навстречу. Первое ваше слово: вы ли это, Александр Сергеевич? Как переменялись! Узнать нельзя. Пойдемте со мною; увлекли далеко от посторонних в уединенную, длинную, боковую комнату, к широкому окошку, головой приклонились к моей щеке, щека у меня разгорелась, и подивитесь! Вам труда стоило, нагибались, чтобы коснуться моего лица, а я, кажется, всегда был выше вас гораздо. Но во сне величины искажаются, а все это сон, не забудьте.

Тут вы долго ко мне приставали с вопросами, написал ли я что-нибудь для вас? — Вынудили у меня признание, что я давно отшатнулся, отложился от всякого письма, охоты нет, ума нет — вы досадовали. — Дайте мне обещание, что напишете. — Что же вам угодно? — Сами знаете. — Когда же должно быть готово? — Через год непременно. — Обязываюсь. — Через год, клятву дайте... И я дал ее с трепетом. В эту минуту малорослый человек, в близком от нас расстоянии, но которого я, давно слепой, не довидел, внятно произнес эти слова: лень губит всякий талант... А вы, обернувшись к человеку: посмотрите, кто здесь?... Он поднял голову, ахнул, с визгом бросился мне на шею... дружески меня душил... Катенин!.. Я пробудился.

Хотелось опять позабыться тем же приятным сном. Не мог. Встав, вышел освежиться. Чудное небо! Нигде звезды не светят так ярко, как в этой скучной Персии! Муэдзин с высоты минарета звонким голосом возвещал ранний час молитвы, ему вторили со всех мечетей, наконец ветер подул сильнее, ночная стужа развеяла мое беспamięтство; затеплил свечку в моей хранине, сажусь писать, и живо помню мое обещание; — во сне дано, наяву исполнится»²¹⁶.

Мы не стали бы утомлять читателя полным воспроизведением данного письма, не будь в том явной необходимости. Помимо подтверждения крепкой дружбы Грибоедова и Катенина, отпечатавшейся даже в подсознании драматурга, и проявившейся в описанном сне, в нем же совершенно волшебным образом заключено предсказание создания будущей гениальной комедии «Горе от ума». Не будь этого сна, и клятвы Грибоедова написать новое произведение, не было бы и «Горя от ума» и, следовательно, самого Грибоедова, в нашем понимании, как великого драматурга. Во избежание сомнений относительно адресата письма — А. А. Шаховского, приведем несколько аргументов. Прежде всего, адресат письма не сверстник драматурга, а человек гораздо старше его, к которому автор письма относится с должным почтением, о чем говорит и тон послания, и обращение на Вы. Кстати сказать, Шаховскому в это время исполнилось 43 года. Адресат, несомненно, из литературно-театрального окружения Грибоедова, в которое входил не только он, но и Катенин. А эпицентром этого окружения был именно А. А. Шаховской, создавший целый артистический клуб у себя, на знаменитом «чердаке». Кроме того, фраза: «и ваша возле вас» говорит о том,

²¹⁶ Грибоедов А. С. Указ. соч. — С. 212.

что автор письма затруднился дать определение спутницы адресата во время званого вечера. Спутницей Шаховского могла быть только его невенчанная жена Екатерина Ивановна Ежова, актриса с амплуа комических старух, и затруднение Грибоедова с эпитетом, и обрыв на слове «ваша» вполне объяснимы. Все это и кое-что другое делает наше предположение о том, что неизвестный получатель письма Грибоедова есть А. А. Шаховской, весьма правдоподобным. То, что он в год написания письма не сходил с памяти Грибоедова доказывается вторым письмом драматурга к П. А. Катенину из Тавриза, написанным в феврале 1820 года, в котором, в частности говорится: «Князю почтенному низко поклонись за отсутствующего. Не могу довольно порадоваться, что и он в числе тех, которые хотят, не хотят, а должны меня помнить. Часто бывали вместе. Славный человек! Кроткий, ласковый нрав, приятный ум, статура его, чтение, сочинения, горячность в спорах об стопах и рифме, наш цензор всегдашний, и сам под ценсурю у Катерины Ивановны... Не поверишь, как память обо всем этом мне весела в одиночестве»²¹⁷.

Эти чувства испытывал Александр Сергеевич за полгода до пророческого сна, с которого начался его путь к бессмертию.

Второе письмо Грибоедова к Катенину пришло в тяжелые для последнего времена. Весной 1919 года умерла его мать Дарья (Доротей) Андреевна Катенина. Павел Александрович остался круглым сиротой, ибо отца он лишился еще в подростковом возрасте. В связи с этим событием, он взял отпуск и навещал родные костромские края в связи со смертью матери и разделом ее наследства между братьями Катениными. В письме А. С. Грибоедова к П. А. Катенину, написанному спустя почти год после этого печального события есть отклик на него: «Мне дали известие о смерти Дарьи Андреевны. Кому не жаль матери! Но, может статься, ты уже утешен. До меня известия из России доходят как лучи от Сириуса, через шесть лет; а потому не сообщу тебе своих размышлений, как бы я на твоём месте расположился в качестве помещика: ты, вероятно, давно уже зажил по-своему»²¹⁸.

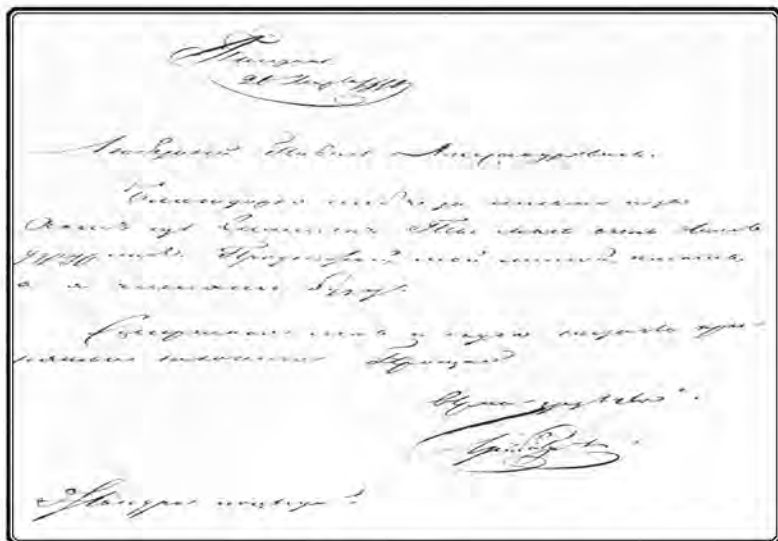
На самом деле Катенин был на пороге отставки, но не из-за получения в наследство от умершей матери имения, а из-за ссоры с Великим князем Михаилом Павловичем.

Катенин стал свободен и весь отдался творчеству. Незадолго до отставки, он закончил свою трагедию на античный сюжет «Андромаха». Об этом был слышан Грибоедов, который вопрошал в упомянутом письме: «Играют ли твою Андромаху? Напечатана ли? Как ее достать? Коли нет в подарок от автора, намеки, по крайней мере, куда отнестись?»

В данном послании в первый раз он рассказывает другу о своем пребывании в Персии, точнее о своих перемещениях в ней: «Скажу об своем быту. Вот год с несколькими днями, как я сел на лошадь, из Тифлиса пустился в Иран, секретарь бродящей миссии. С тех пор не нахожу самого себя. Как это делается? Человек по 70-ти верст верхом скачет каждый день, весь день, разумеется, и скачет по два месяца сряду, под знойным персидским небом, по снегам в Кавказе, и промежутки отдохновения, недели две, много три, на одном месте! —

²¹⁷ Грибоедов А. С. Указ. соч. — С. 202–203.

²¹⁸ Грибоедов А. С. Указ. соч. — С. 200.

Письмо Грибоедова к Катенину

И этот человек, будто я? Весною мы прибыли в Тейран. Я не успел обзреться, только что раз посчитался в развалинах Рагов Мидийских, раза три в Каосе-Каджаое, в Негеристане и в других окрестностях Фетали-шаховой столицы <...> Жар выгнал нас в поле, на летнее кочевье в Султанейскую равнину, с Шааен-Шаа, Царем-Царей и его двором. Ах, Царь-государь! Не по длинной бороде, а, впрочем, во всем точь в точь Ломоносова государыня Елисавета, Дщерь Петрова. Да вообще, что за люди вокруг его! Начать их обрисовывать, хоть слегка, зашло бы слишком далеко <...> Из Султаней мы в конце августа попали в Табрис. Не все еще. Перед Султанеей в Абгаре ферсехов в двадцати по сю сторону от Казбина пожили несколько во время Рамазана, смотрели восточную трилогию: Страсти господнего угодника Алиа, слышали удары дланями в перси, вопли: Ва Гуссейн! О Фатме! И пр. Я на это глядел. О тебе думал <...> Из Табриза, в начале сентября, я отправился в Чечню к Алексею Петровичу²¹⁰ за новыми наставлениями. Нашел его, как прежде, необыкновенно умным, хотя недружелюбным. Он воюет, мы мир блodem... Я, наконец, опять в Тавризе».

После этого письма в переписке друзей провисла четырехлетняя пауза. Причины угадать нетрудно. Уволившийся в отставку Катенин сражался на страницах журналов с литературными врагами, трудился над стихами, переводами и самостоятельными произведениями для театра. Но осенью 1822 года все обрывается. В Большом театре 17 сентября на спектакле «Поллуксена» Катенин осмелился ошкаться дебютантку М. А. Азаревичеву плохо исполнявшую свою роль, но имеющую большие связи, в частности с губернатором Санкт-Петербурга

²¹⁰ Генералу Ермолову — Е. С.

М. Милорадовичем. В конце концов, по рапорту последнего, Катенин был выслан из столицы в костромские края, официально как нарушитель порядка, неофициально, как член тайных организаций, о чем было информировано правительство.

В том же, 1822 году, Грибоедов выбыл из миссии и приехал из Персии в Тифлис, вступив в штат А. П. Ермолова — главноуправляющего Грузией, по дипломатической части. Вскоре туда же поступил и В. К. Кюхельбекер. Под воздействием последнего, Грибоедов из задумок и черновиков пьесы, которую обещал в течение года адресату пророческого письма, но не смог осуществить в Персии, сумел создать в Тавризе вчерне два первые действия комедии, с которыми отправился в марте 1823 года сначала в Москву, а затем в тульское имение С. Н. Бегичева, где пишет остальные 3-е и 4-е действия «Горя от ума». Несмотря на творческую занятость и большие расстояния, отделяющие его от Катенина, он не забывает друга, и еще в начале 1823 года 26 января, узнав о ссылке Павла Александровича, пишет Ю. К. Глинке, сестре Кюхельбекера, находящегося тогда за границей: «Скажите ему, что еще одно имя присоединилось к его имени в списке изгнанников, жертв несправедливости человеческой, имя К., одного из друзей, воспоминание о котором придавало еще прелесть родной стороне, когда я думал о своем возвращении. Вильгельм знает его и поймет о ком идет речь»²²⁰.

28 мая 1824 года Грибоедов приехал в Петербург и поселился на квартире своего родственника поэта А. И. Одоевского. А спустя примерно три месяца, он пишет Катенину обстоятельное письмо с обещанием выслать ему свою комедию с кузеном поэта Александром Андреевичем Катениным, и с просьбой сделать на нее замечания. Письмо написано в Петербурге 17 октября 1824 года: «Любезный друг. Положим, что я уже извинился, как следует, и ты мне простил пятилетнее молчание. А. А. доскажет тебе остальное. Жаль, что не могу попасть к тебе в Кострому, а так давно собираюсь! Но мне есть утешение, коли не с тобою, так о тебе беседую часто и с теми даже, с кем ты незнаком, и кто тебя не стоит <...> А. А. везет к тебе мои рифмы, прочти, рассмейся, заметь, что не по тебе, орфографию от себя дополни, переписывал кто-то в Преображенском полку.

Мы поменялись ролями. Бывало, получу от тебя несколько строк, и куда Восток денется, не помню где, с кем, в Тавризе вообразу себя вдруг между прежними друзьями, опомнюсь, вздохну глубоко, и предаю себя в волю божию, но я был добровольным изгнанником, а ты! <...> Милый, любезный друг, не тужи, право, не о чем и не об ком. Тебе грустить не должно, все мы здесь ужаснейшая дрянь <...> Прощай, мое сокровище, комнатный товарищ Одоевский сейчас воротился с бала и шумит в передней, два часа ночи; кабы А. А. не завтра отправлялся, я бы не так торопился, и многое бы придумал, чтобы разбить твои мысли. Еще раз прощай, и полюби меня по-старому. Обнимаю тебя от души. Ей Богу! Готов бы сейчас в ссылку, лишь бы этим купить тебе облегчение жестокой и незаслуженной судьбы. Верный твой А. Грибоедов»²²¹.

К этому письму была приложена рукопись «Горя от ума». Конечно, и письмо и комедия доставили Катенину массу удовольствия. Он выполнил просьбу друга, составив пространную рецензию, которая, к сожалению, до нас не дошла, хотя до драматурга благополучно доехала, и вызвала у него бурную реакцию.

²²⁰ Грибоедов А. С. Указ. соч. — С. 217.

²²¹ Там же. С. 223.

И все же, несмотря на утрату письма Катенина Грибоедову с разбором «Горя от ума», мы можем ознакомиться с вариантом рецензии из письма Катенина Н. И. Бахтину от 17 февраля 1825 года: «Теперь в гору лезет на счету критиков Грибоедов за комедию Горе от ума <...> Решительно ставят его наряду с Фонвизинным. Комедия цензурою не пропущена, и по нашей системе, и не могла пройти; он сам мне прислал ее в рукописи, и, конечно, в ней ума и соли тьма; но план далеко от хорошего. Постараюсь Вам его объяснить. Некто Фамусов, управляющий в казенном месте, лет пятидесяти, живет в Москве с дочерью невестой; она еще ребенком очень нравилась молодому Чацкому, и сама его любила. Этот Чацкий главное лицо. Автор вывел его *сop amore* и, по мнению автора, в Чацком все достоинства и нет порока, но, по мнению моему, он говорит много, бранит все и проповедует нехстати. Сей Чацкий ездил куда-то вдаль из Москвы, а без него Софья слюбилась с секретарем своего отца Молчалиным, и всякую ночь глаз на глаз просиживает с ним, а служанка в другой комнате на часах; тем и пиеса начинается: не совсем благопристойно. Еще хуже то, что Молчалин вовсе не любит Софью, и пользуется ее милостями из подлости по службе, а волочится и он, и старик Фамусов за служанкой, а та за каким-то буфетчиком. Отец же прочит себе в зятя полковника Скалозуба, решительную военную скотину. Чацкий, возвращаясь в Москву, является в дом, его принимают сухо. Дочери не нравятся его насмешки над всеми и над ее Молчалиным; отцу его посредственное состояние, небольшой чин и либеральные идеи. Молчалин ехал куда-то и упал с лошади. Софье сделался обморок, Чацкий ее оттер, опрыскал, и тут ему спасибо не сказали. Всего бы умнее оставить всю эту семью, но самолюбие и старая любовь еще увлекают Чацкого. В этот вечер у Фамусова бал, тьма гостей, оригиналов всякого рода. Чацкий никому не угодит; и даже от двусмысленного с намерением, слова Софьи на его счет по всему обществу распустился слух, что Чацкий с ума сошел. Он сперва и не подозревает этого; наконец гости один за другим развезжаются; сцена на парадной лестнице. Чацкого кучер ушел куда-то, его не вдруг сыщут; барин принужден ждать. Наскучив вздором, который несет ему болтун Репетиллов, он прячется к швейцару. Все уехали, служанка приходит и стучится в дверь к Молчалину, зовет его опять на ночь к барышне, тот со сна бранит ее, и ластится к горничной; на беду его, нетерпеливая Софья сама вышла впотьмах на лестницу и подслушала. Он просит прощения, она рвет и мечет; Чацкий выходит из швейцарской и осыпает ее укоризнами. Молчалин убегает к себе. Наконец, к развязке и отец является со слугами и свечьями, все открывается. Отец бранит всех и хочет дочь послать в деревню, а на Чацкого просить у Государя; Чацкий в свою очередь вскинется на отца и на дочь и на всю Москву: в ней и точно сойдешь с ума, не остаюсь долее. Карету! И уезжает, куда неизвестно. Горестное размышление Фамусова: Что станет говорить княгиня Марья Алексеевна! Оканчивает комедию. Вот вам довольно подробное изложение <...> Стихи вольные, легкие и разговорные, побочные лица, являющиеся на один миг, мастерски обрисованы, жаль только, что эта фантазмагория не театральна: хорошие актеры этих ролей не возьмут, а дурные их испортят. Смелых выходов много, и даже невероятно, чтобы Грибоедов, сочиняя свою комедию, мог, в самом деле надеяться, что ее русская цензура позволит играть и печатать»²²².

²²² Русская старина. Т.146. Ч. 2. – 1911. – С. 584–588.

Катенин, как прямой и даже резкий человек, чем, кстати сказать, и нажил себе массу врагов, вряд ли стал смягчать свое мнение и в рецензии, посланной автору. А потому, мы, действительно, имеем ее вариант, процитированный выше. Поражает мастерство Катенина в пересказе комедии, включивший в себя почти полный сюжет в четырех действиях, с показом всех главных героев и яркими, выразительными, хотя и лаконичными характеристиками. Чего стоит, например, фраза: «Отец же прочит себе в зятя полковника Скалозуба, решительную военную скотину».

Подтверждение аналогии рецензий, посланной Катениным Грибоедову и отправленной Н. И. Бахтину, а также дополнительные пункты, вызвавшие неприятие драматурга, мы находим в его ответном письме, посланном им из Петербурга в Кострому и недатированном. (Примерно с первой половины января по 14 февраля 1825 года): «Умнейший, любезнейший Павел Александрович! Вчера получил твое письмо, и знаешь ли, какое оно действие произвело на меня? Я заперся на целый день, и у огонька моей печки полусутки пожил с тобою, почтенный друг. Прежние года с такой полнотою оживились в моей памяти! Давно я не проводил времени так уединенно и, между тем, так приятно! Критика твоя, хотя жестокая и вовсе несправедливая, принесла мне истинное удовольствие тоном чистосердечия, которого я напрасно буду требовать от других людей: не уважая искренности их, негодуя на притворство, черт ли мне в их мнении?

Ты находишь главную погрешность в плане: мне кажется, что он прост и ясен по цели и исполнению; девушка, сама не глупая, предпочитает дурака умному человеку <...> И этот человек, разумеется, в противуречии с обществом его окружающим, его никто не понимает, никто простить не хочет, зачем он немозжно повыше прочих. Сначала он весел и это порок: «Шутить и век шутить, как вы-с на это станет!» — Слегка перебирает странности прежних знакомых, что же делать, коли в них нет благороднейшей заметной черты! Его насмешки не язвительны, покуда его не взбесит, но все-таки «Не человек! Змея!», а после, когда вмешивается личность, «Наших затронули», предается анафеме: «Унизить рад, кольнуть, завистлив! Горд и зол!» Не терпит подлости: «Ах, боже мой, он карбонарий!» Кто-то со злости выдумал об нем, что он сумасшедший, никто не поверил, и все повторяют, голос всеобщего недоброжелательства и до него доходит, притом, и нелюбовь к нему той девушки, для которой, единственно, он явился в Москву, ему совершенно объясняется, он ей и всем наплевал в глаза и был таков. Ферзь тоже разочарована насчет своего сахара медовича. Что же может быть полнее этого?

«Сцены связаны произвольно». Так же, как в натуре всяких событий, мелких и важных: чем внезапнее, тем более завлекают в любопытство. Пишу для подобных себе, а я, когда по первой сцене угадываю десятую: разрезаюсь и вон бегу из театра.

«Характеры портретны». Да! И я, коли не имею таланта Мольера, то, по крайней мере, чистосердечнее его; портреты и только портреты входят в состав комедии и трагедии, в них, однако, есть черты, свойственные многим другим лицам, а иные всему роду человеческому настолько, насколько каждый человек похож на всех своих двуногих собратьев. Карикатур ненавижу, в моей картине ни одной не найдешь. Вот моя поэтика; ты волен просветить меня, и коли лучше что выдумаешь, я позаимуюсь от тебя с благодарностью. Вообще, я

ни перед кем не таился и сколько раз повторяю, что тебе обязан зрелостью, объемом и даже оригинальностью моего дарования, если оно есть во мне.

«Дарования более, нежели искусства». Самая лестная похвала, которую ты мог мне сказать, не знаю, стою ли я ее? Искусство в том только и состоит, чтоб подделываться под дарование, а в ком более вытвержденного, приобретенного потом и сидением искусства угодять теоретикам, т. е. делать глупости, в ком, говорю я, более способности удовлетворять школьным требованиям, условиям, привычкам, бабушкиным преданиям, нежели собственной творческой силы, — тот, если художник, разбей свою палитру и кисть, резец или перо свое брось за окошко; знаю, что всякое ремесло имеет свои хитрости, но чем их менее, тем скорее дело, и не лучше ли вовсе без хитростей? Я как живу, так и пишу свободно и свободно»²²³.

Ответив на все пункты катенинской критики, и при этом пространно изложив свое творческое кредо, эффектно заверщенное последней доминантной фразой о свободе творчества, драматург не смог или не пожелал продолжать написанное, перейдя на бытописание, сознавая, что этим разрушит впечатление и оборвал письмо. Продолжил он его только через месяц, (14 февраля) и даже не продолжил, а приписал новое: «Те две страницы посылаю тебе недописанные. Они уже месяц как начаты, и что я хотел прибавить не помню, но, вероятно, о себе: итак благодарю мою память, что она на сей раз мне изменила. Ты говоришь, что замечания твои останутся между нами. Нет, мой друг, я давно уже от всяких тайн отказался, и письмо твое на другой день сообщил с кем только встретился: Дельвигу, Булгарину, Муханову, Наумову, Одоевскому, Каратыгину, Жандру <...> Брат твой был у меня и очень обрадовался рассказам о тебе, как ты веселишься и танцуешь в Костроме <...>

Слушай, зачем ты не обратишься с просьбою прямо к Государю? Верно, ему давно уже известно, что ты оклеветан, и конечно, он бы воротил тебя из ссылки. Попытайся, сделай это для себя и для своих искренних приятелей <...> Ты требуешь моего мнения о твоих Сплетнях и Сиде, Сплетни, сколько я помню, не произвели на меня приятного впечатления, они не веселы, и слог не довольно натурален, хотя и есть иные стихи превосходные. В Сиде есть одна сцена (особенная), которая мастерски переведена, и читана мною и прочитана сто раз публично и про себя. Это встреча Диего с Родригом, в доме Химены <...> Ее без слез читать нельзя, вообще, весь перевод приносит тебе много чести, но также попадаются небрежности в слого, жесткости и ошибки против языка (для тех, кто их замечать хочет), точно такие погрешности повредили твоему напечатанному отрывку из Андромахи, не в мнении беспристрастных ценителей изящного, но тех, которые давно уже каждый шаг твой оспаривают на поприще трудов и славы. Зачем ты не даешь сыграть Андромахи? Семенова душою этого желает, соединение двух талантов, как она с Каратыгиным, не всегда случается, может быть, он в чужие края отправится, и тогда трагедии твоей опять лежать в продолжении нескольких лет. Прощай, мой свет, пиши ко мне скорее на имя Жандра, но скорее: потому, что я здесь еще недолго промедлю <...> Верный твой А. Г.»

Как мы видим из приписки к письму, Грибоедов принял нелицеприятную критику друга и даже поделился ею со знакомыми литераторами. Он переживает за Катенина и расспрашивает его кузена о пребывании поэта в ссылке.

²²³ Грибоедов А. С. Указ. соч. — С. 238—241.

На вопрос друга о его произведениях, как давних — комедии «Сплетни», посланной Грибоедову еще в 1819 году в Тавриз, но проигнорированной ответом или трагедии «Сид», поставленной на сцене перед самой ссылкой Катенина и, наконец, только-что законченной оригинальной трагедии «Андромаха», драматург ответил оптом, довольно откровенно, однако, входя в обстоятельства опального поэта, все-таки мягче, чем считал про себя, что ясно видно по отзыву об «Андромахе», посланному поэтом С. Н. Бегичеву еще в 1818 году, в начале катенинского перевода, длившегося в общей сложности около семи лет: «Хотел бы еще писать тебе о Катенине и об его Андромахе, я лучшие места списал для тебя. Но каким оно дурным слогом в ухо бьет, кроме 4-го акта, конца 5-го и 3-го. И как третий акт превосходен, несмотря на дурной слог! Впрочем, я дурное замечаю тебе только для того, что в печати это, скорее всего, заметят; на сцене оно скрадывается хорошим чтением; вообще, как бы мало это стоило выправить и гладить, и не давать поводу к придиркам. Славный человек, ум превосходный, высокое дарование, пламенная душа, и все это гибнет втуне»²²⁴.

К счастью для Катенина, который, по словам Ф. Ф. Вигеля, обладал самым странным авторским самолюбием, и охотнее простил бы человеку, назвавшему его мерзавцем, плутом, нежели плохим писателем, он не сразу узнал истинное мнение друга²²⁵.

Разница уровней таланта Грибоедова и Катенина стала очевидной после помещения отрывков из «Горя от ума» и «Андромахи» в новом альманахе Ф. В. Булгарина «Русская Талия», но Грибоедова уже не было в Петербурге. В мае 1825 года он возвратился на Кавказ, а Катенин тогда же получил разрешение Государя на его приезд в Петербург, в ответ на прошение поэта, сделанное по совету Грибоедова. Осенью того же года Павла Александровича уже можно было встретить на Невском проспекте Северной столицы. Ему предстояло пробыть в Петербурге год и десять месяцев.

Главной задачей его стала постановка «Андромахи» на петербургской сцене. Кроме того, он был вынужден хлопотать в Сенате об отмене неустойки по имению Кролотилово продавцу Лермонтову. Его приезд осуществился накануне декабрьского вооруженного восстания. Трехлетняя ссылка поэта свела на нет его участие в конце 1810-х и начале 1820-х годов в тайных обществах: Военном и Северном, тем более что за время его вынужденного отсутствия, сменилось руководство. В него пришли литературные враги Катенина К. Ф. Рылеев и А. А. Бестужев, что сделало его участие в движении совсем невозможным. Во время выступления декабристов и после него, воцарилась тяжелая атмосфера страха и недоверия. В разговорах и бумагах нельзя было допускать и намека на происходившие события, а потому мы имеем весьма смутное представление об этом периоде. Об отношениях Катенина к декабристскому движению писал актер П. А. Каратыгин, близко знавший поэта: «Роковая буря 14 декабря, поглотившая в кровавом омуте столько жертв, безвредно пронеслась над головой Катенина: он, Жандр и Грибоедов лично знали участников в страшной катастрофе; знали их как писателей, как людей, но не погубили себя соучастием с ними и не опозорили себя доносами

²²⁴ Грибоедов А. С. Указ. соч. — С. 187.

²²⁵ Вигель Ф. Ф. Записки. — М., 2000. — С. 274.

на них <...>²²⁶ Катенин призывался на допрос, но был отпущен с пометой: «Высочайше приказано оставить без внимания».

11 февраля 1826 года в Петербург с Кавказа был привезен А. С. Грибоедов, заподозренный в участии в тайном обществе. Он содержался в Главном штабе. Ходили слухи, что он, якобы, даже несколько раз ночами, подкупив сторожей, выбирался в город. Через четыре месяца драматург был освобожден с оправдательным аттестатом. До освобождения Александра Сергеевича говорить о его встрече с Катениным, разумеется, не приходится. Но и после него, сведений об их контактах не имеется, хотя до отъезда в Тавриз к новому главнокомандующему и своему родственнику Паскевичу, сменившему отправленного в отставку Ермолова, имел почти месяц, в течение которого не покидал Петербурга. Катенин также в Петербурге, где репетирует с актерами «Андромаху» и ухаживает за больным однополчанином Д. П. Зыковым, проведшим полгода в застенках Петропавловской крепости по делу декабристов. 13 августа 1826 года Катенин пишет Н. И. Бахтину письмо, в котором явно читаются отголоски недавних событий. В нем говорится не об А. С. Грибоедове, уже с месяц как покинувшем столицу, но об их общем друге Андрее Андреевиче Жандре, у которого квартировал драматург, и который еще в конце 1825 года провел под арестом две недели: «Жандр от меня решительно бегаёт; с неделю тому, иду я к Чепягову, и вижу со двора, что они вдвоем у окошка чай пьют, вхожу в комнату, гость исчез; на вопрос: Где он? Хозяева удивятся, что он со мной не встретился; как видно, спрятался за дверь, пока я прошёл. Оставляю размышления вам самим»²²⁷.

Стоит поразмышлять и нам: и Жандр и Грибоедов всегда были единодушны, если один отринул Катенина, то и другой, несомненно, тоже, что, кстати сказать, подтверждается более поздними письменными свидетельствами. Причина, по которой друзья одновременно отвернулись от поэта, должна быть очень весомой, чтобы могла перечеркнуть годы прочной дружбы. Время, на которое пала размова, подсказывает, что это, скорее всего, последние политические события. Высочайшее прощение Катенина, а, главное, присутствие в следственном комитете его дальнего родственника В. Ф. Адлерберга, который был привлечен в нее не как судья, а как соглядатай царя, ведь в его функции входило держать Николая I в курсе дел. И все-таки этого недостаточно, чтоб навсегда порвать с другом. Может быть, есть порочащие Катенина обстоятельства, которых мы, увы, не знаем?

После оглушительного провала «Андромахи», и после шумного успеха «Горя от ума», что еще более отдалило Катенина от Грибоедова, поэт, уже возвратившийся в костромские края, ревностно следил за успехами бывшего друга, который в 1828 году привез в столицу выгодный для России Туркманчайский мир, в заключении которого принимал деятельное участие.

Упоминание об успехах Грибоедова, а главное, горький тон и явные упреки в его адрес, мы читаем в письме Катенина Н. И. Бахтину от 29 мая 1828 года: «Сказывал ли я Вам когда, что случайно довелось мне однажды, лет десять тому назад, прочитав письмо матери Грибоедова к сыну? Он, тогда чином титулярный советник, вошел снова в службу, и собирался в Персию с Мазоровичем; мать, радуясь его определению, советовала ему отнюдь не подражать своему

²²⁶ Каратыгин П. Указ. соч. — С. 169.

²²⁷ Русская старина. Т. 146. Ч. 2. — 1911. — С. 596.

приятелю, мне, потому де, что эдак, прямоюй и честностью, не выслужисься, а лучше делай, как твой родственник такой-то, который подлец, как ты знаешь, и все вперед идет; а как же иначе? Ведь сам Бог, кому мы докучаем молитвами, любит, чтоб перед ним мы беспрестанно кувырк да кувырк. Так вещала нежная мать, и видно Бог услышал ее молитвы и умилится ее кувырканьем, ибо сын лезет в гору ужасно. Вы меня уведомили о производстве его в статские советники; но с тех пор он уже произведен в действительные статские, и на правах тайного едет посланником в Таврис, с небольшим жалованием 7200 червонцев в год <...> Заметьте вдобавок, что все, тако на путь спасения грядущие, начинают с того, что разрывают все связи со мною, дабы не иметь вперед неприятных встреч»²²⁸.

Грибоедов, между тем, и дальше развивал и без того уже блестящую карьеру. После доставления в Петербург Туркманчайского мира, драматург с 14 марта по 6 июня пребывает в Северной столице среди друзей: Пушкина, Вяземского, Жандра и др. В августе он вновь выехал на Восток, с тяжелым предчувствием. Он выехал в Персию, чтоб взыскать контрибуцию и отправить на родину русских подданных, что предписывал Туркманчайский договор. 30 января 1829 года толпа мусульман, подстрекаемая фанатичным духовенством, ворвалась в здание русской миссии и всех перебила. Тела убитых были обезображены: Грибоедова удалось опознать по шестипалой руке, простреленной некогда на дуэли Якубовичем. Россия застыла в ужасе, получив страшное известие. В далекой Чите друг и родственник Грибоедова А. И. Одоевский, отбывающий сибирскую ссылку, исходил в тоске кровоточащими стихами:

Где он? Кого о нем спросить?
 Где дух? Где прах? В краю далеком!
 О, дайте горьких слез потоком
 Его могилу оросить
 Ее согреть моим дыханьем;
 Я с ненасытимым страданьем
 Вопьюсь очами в прах его,
 Исполнюсь весь моей утратой,
 И гореть земли, с могилы взятой,
 Прижму как друга моего!
 Предамся всей порывной силе
 Моей любви, любви святой,
 И прирасту к его могиле,
 Могилы памятник живой ...²²⁹

У Катенина же, узнавшего о смерти драматурга в начале весны 1829 года, в письме Н. И. Бахтину от 31 марта 1829 года вырвалась одна полузагадочная и незавершенная фраза: «Смерть Грибоедова может маловерного поколебать: нет ли, мол, провидения? Только <...>»²³⁰.

²²⁸ Русская старина. Т. 147. — 1911. — С. 148.

²²⁹ Одоевский А. Стихотворения. — М., 1983. — С. 58.

²³⁰ Русская старина. Т. 147. — 1911. — С. 148—149.

ЛЕРМОНТОВ И КАТЕНИН

Несмотря на то, что и сам поэт М. Ю. Лермонтов, и его отец Юрий Петрович, с 1829 года были приписаны к Тульской губернии, происходили они из костромских дворян, где их предки владели землями, дарованными царем Михаилом Федоровичем первому представителю рода вольнонаемнику русской армии Георгу (Джорджу) Лермонту, выходцу из Шотландии. За воинскую доблесть он получил в 1621 году имение Кузнецово в Чухломской осаде Галичского уезда Костромской губернии.

Многочисленные потомки Георга Лермонта впоследствии обзавелись и другой недвижимостью, в основном, в Чухломском уезде, и по имени усадеб образовали четыре линии рода: Кузнецовскую, Острожниковскую, Измайловскую, из которой вышел поэт М. Ю. Лермонтов и Колотиловскую²³¹.

Еще ранее, с XV столетия, на чухломских и галичских землях жили дворяне Катенины. «Мы были при Шемяке», — с гордостью говорила Ида Ивановна Катенина, последняя владелица родовой вотчины. Соседствуя веками, эти два рода не могли не пересечься генеалогически. И, действительно, в самом конце XVIII века отставной капитан и владеец усадьбы Клусеево Андрей Федорович Катенин (дядя поэта П. А. Катенина) женился на Ирине Юрьевне Лермонтовой, дочери секунд-майора Юрия Матвеевича Лермонтова и Феодосии Кирилловны Лермонтовой, урожденной Постниковой. Ю. М. Лермонтов — отец новобрачной, доводился родным братом прадеда поэта М. Ю. Лермонтова, а его дочь Ирина Юрьевна — троюродной сестрой отцу поэта Юрию Петровичу Лермонтову²³².

Дед поэта, Петр Юрьевич Лермонтов, отставной поручик-артиллерист, был уроженцем родовой усадьбы Измайлово в Чухломском уезде Костромской губернии, а также владел рядом усадеб в Галичском уезде: Туровской, Лежнинной, Ворониной и Никольской. В последней 26 декабря 1787 года родился его сын (отец поэта) Юрий Петрович Лермонтов. В 1811 году он получил наследство от своего отца имение Кропотово (Любашку или Каменный верх тож) в Ефремовском уезде Тульской губернии, в которое переехал с семьей, и с тех пор между Ю. П. Лермонтовым и костромским краем связь оборвалась, и костромичи потеряли шанс иметь поэта в статусе своего уроженца.

По документам XVIII столетия не прослеживаются контакты Катениных с ближайшими предками поэта Лермонтова по Измайловской линии рода, хотя они, вполне вероятно, могли быть, зато в результате уже упомянутой женитьбы Андрея Федоровича Катенина на представительнице колотиловской линии рода Лермонтовых, Ирине Юрьевне Лермонтовой, связи двух фамилий были весьма прочными.

Ирина Юрьевна Катенина, урожденная Лермонтова (1769–1818), троюродная сестра отца поэта М. Ю. Лермонтова, родилась 26 апреля 1769 года в усадьбе Колотилово Чухломского уезда Костромской губернии. От брака

²³¹ Григоров А. А. Из истории... — С. 141–142.

²³² Там же. С. 96–101.

М. Ю. Лермонтов

с А. Ф. Катениным имела трех сыновей, в том числе старшего Александра Андреевича Катенина (1800—1860), любимого кузена поэта Павла Александровича Катенина. Вообще, семья клусеевских Катениных была очень близка Павлу Александровичу. Он рано осиротел, потеряв отца в шестнадцатилетнем возрасте, и родной дядя восполнил эту утрату, заменив ему отца. Супруга Андрея Федоровича, Ирина Юрьевна, умерла в 1818 году, оставив на попечение родной сестры Марии Юрьевны Лермонтовой, незамужней девицы, своих несовершеннолетних детей. Так и прожила Мария Юрьевна всю свою жизнь в семействе Катениных.

Сестры Лермонтовы имели родного брата Ивана Юрьевича Лермонтова — владельца усадьбы Колотилово, которую он продал в 1827 году своему родственнику поэту П. А. Катенину, причем из-за просрочки платежа покупателем, дело не обошлось без суда.

Имели ли место личные встречи двух поэтов М. Ю. Лермонтова и П. А. Катенина?

Прямых документальных свидетельств их встреч до нас не дошло, тем не менее, их встречи не только вероятные, но и неизбежные вполне прослеживаются косвенным образом по ряду эпистолярных, литературных и других источников. На них строили свои рассказы некоторые лермонтоведы. Мы предлагаем читателю свою версию.

Кавказский период в жизни Катенина был довольно продолжительным: четыре с половиной года с весны 1834 по осень 1838. Надо сразу оговориться, что в отличие от большинства военных, служивших на Кавказе вынужденно, по финансовому недостатку или отбывая наказание за декабристское прошлое, Катенин, также причастный к тайному обществу и счастливо выпутавшийся из этой ситуации, не мог избыть чувства вины перед наказанными товарищами, и сам напросился на Кавказ, несмотря на то, что ему предлагали придворную службу. «Я хочу служить Отечеству, но не на паркете», — отвечал поэт и предпочел быть рядом со своими единомышленниками под пулями горцев. Была и другая, потаенная причина, тянувшая поэта в опасные места. На Кавказе, в бывшей крепости Константиногорск (позднее Владикавказ, а ныне г. Орджоникидзе) лечился на местных минеральных водах и умер его отец, могилу которого он желал посетить.

В середине марта 1834 года поэт уже находился в Тифлисе в штабе отдельного Кавказского корпуса, и в составе Эриванского карабинерного полка, менее чем через месяц, выступил в поход с отрядом на правый фланг Кавказской линии, где пребывал до конца года. Затем он был вызван в Ставрополь по ходатайству начальника штаба Кавказской линии и Черномории генерала Петрова, поручившего ему ведение уголовного дела. Личность П. И. Петрова была

самая незаурядная и весьма важная для нашей темы и потому на ней следует остановиться особо.

Павел Иванович Петров (1792–1871), одногодок Катенина, происходил из костромских дворян. В Галицком уезде ему принадлежала усадьба Чернышево. Однако, почти всю зрелую жизнь он провел на Кавказе, дослужившись до чина генерал-лейтенанта и должности начальника штаба войск Кавказской дивизии. Катенин, встречавшийся с генералом на дворянских выборах в Костромской губернии, то есть его знакомый и недалекий сосед по имени, и тоже человек военный, в немалом чине полковника, пользовался покровительством генерала, выбившего поэта после двухлетней службы в Эриванском карабинерном полку теплое местечко коменданта крепости Кизляр, расположенной неподалеку от селения Шедковское, где находилась усадьба родственников Петрова — Хастатовых.

П. И. Петров

На место новой службы поэт прибыл в августе 1836 года. Кизляр в то время славился замечательными винами и злокачественными лихорадками. Гарнизон крепости был невелик — с полсотни солдат. Рутинная служба не удовлетворяла Катенина. Кроме творчества единственной радостью поэта были заезжие гости, прежде всего, военные, отмечавшие по пути свои документы у коменданта. Среди них в середине мая 1837 года был и посланный в ссылку на Кавказ за стихотворение «Смерть поэта» Михаил Юрьевич Лермонтов, следовавший из Ставрополя на место службы в Нижегородский драгунский полк.

Отправляя Лермонтова на Лезгинскую линию, генерал Петров, тепло встретивший опального поэта, и давший ему рекомендательное письмо коменданту крепости Кизляр П. А. Катенину, имел на это особые основания. М. Ю. Лермонтов приходился ему племянником по материнской линии через общих родственников Хастатовых²³³.

Бабушка поэта, воспитывавшая его с трех лет, ввиду ранней утраты им матери и отстраненного от воспитания отца, Елизавета Алексеевна Арсеньева, урожденная Столыпина, имела родную сестру Екатерину Алексеевну Столыпину, вышедшую замуж за Якова (Акима) Васильевича Хастатова, отставного военного и шелкозаводского помещика, одна из дочерей которого Анна Акимовна Хастатова стала женой командира Моздокского казачьего полка Павла Ивановича Петрова, того самого, о котором шла речь выше.

²³³ Андроников И. Л. Лермонтов в Грузии. — М., 1955. — С. 465.

Петров знал племянника с детства, встречаясь с ним во время неоднократных приездов его бабушки на Кавказ для встречи с сестрой и ее родственниками. Естественно, он опекал опального поэта, и перечень его услуг мы находим в письме Михаила Юрьевича, написанном в начале 1838 года в Петербурге после возвращения его из ссылки, выхлопотанного бабушкой. «Любезный дядюшка Павел Иванович! Наконец, приехав в Петербург, после долгих странствований и долгих плясок в Москве <...>я разостлал ковер отдохновенный, закурил чубук удовольствий и взял в руки перо благодарности и приятных воспоминаний... Я в восторге, что могу похвастаться своей аккуратностью перед вами, которые видели столько раз во мне противное качество или порок, как угодно. <...> С искренней благодарностью за все ваши попечения о моем ветреном существе, имею честь прикладывать к сему письму 1050 рублей, которые вы мне одолжили <...>. М. Лермонтов. 1 февраля 1838 года²³⁴.

Другие, кроме денег, упомянутые поэтом в письме попечения дяди состояли в сопроводительных письмах Петрова с просьбами оказывать содействие племяннику, а также в пересылке писем, приходящих на адрес генерала, которые тот переправлял вдогонку Лермонтову, в хранении части его вещей, забранных поэтом на обратном пути. Кстати сказать, генерал пересылал также и почтовые отправления П. А. Катенина, приходящие на его адрес.

Факт посещения ссылкой поэтом крепости Кизляр, комендантом которой был в то время П. А. Катенин, подтвержден самим Михаилом Юрьевичем в письме к С. А. Раевскому: «Изъездил линию всю вдоль от Кизляра до Тамани»²³⁵.

Итак, в середине мая во двор крепости Кизляр ввехала повозка. Караульный доложил о приезде²³⁶: «Корнет Лермонтов проездом в Нижегородский драгунский полк». Услышав родную фамилию, комендант насторожился... Перед ним предстал 24-летний военный, брюнет с жгучими черными глазами, который вручил ему предписание и письмо от генерала Петрова. Комендант усадил гостя, и пока он знакомился с письмом, Лермонтов успел рассмотреть полковника, вспоминая рассказы дяди о Катенине. Живой и подвижный, несмотря на свои 42 года, комендант был небольшого роста, очень строен, с осиной талией и с уже начинающими седеть усами и волосами. Темно-зеленый мундир Эриванского карабинерного полка ладно сидел на полковнике. Скучный цвет униформы несколько оживляли красные выпушки по его воротнику и обшлагам, и желтые эполеты с литерой «Э», а также рядом золотых пуговиц. Генерал Петров письменно просил о теплой встрече племянника, и проживании его в крепости до приезда через пару-тройку дней в Кизляр поручика А. А. Хастатова для сопровождения корнета Лермонтова в станицу Шелковскую. Аккуратно сложив бумаги, комендант промолвил: «Милости просим, дорогой гость» и протянул корнету небольшую и ухоженную, почти женскую ладонь, которую Лермонтов пожал с нарождающейся симпатией.

Позднее, за обедом, состоящим из мяса кабана, добытого самим полковником, и большой коллекции кавказских вин, Лермонтов был представлен

²³⁴ Губернский дом. 1994. № 4. — С. 73.

²³⁵ Лермонтов М. Ю. Сочинения. Т. 6. — СПб., 1891. — С. 440.

²³⁶ Приведенные здесь и далее диалоги героев являются художественным вымыслом автора, и созданы на основе известных автору документов — прим. ред.

офицерскому составу Кизлярской крепости, который произвел впечатление народа бывалого и дружного, да и рассказы их о бесчисленных набегах горцев были весьма занимательными. А еще более увлекательной стала оживленная беседа двух поэтов, продлившаяся далеко за полночь, впрочем, время позволяло это, ибо было решено, что Лермонтов проведет в крепости несколько дней. В полку его рано не ждали, поскольку Павел Иванович оформил для него курс лечения от простуды на Пятигорском курорте, куда до прибытия в полк, был намерен заехать Лермонтов.

Разговоры шли нескончаемой чередой, и позже, при застольях, конных и пеших прогулках, на мягких оттоманках с чубуками в руках. До нас не дошли подробности их бесед, но их нетрудно вычислить. Принадлежит к одному творческому цеху, ни Катенин, ни Лермонтов не затруднялись в выборе тем бесед, тем более, что главная из них, одновременно являлась и причиной ссылки молодого поэта на Кавказ. Имеется в виду, конечно же, стихотворение «Смерть поэта». Прошло четыре месяца со дня гибели Пушкина, и три с написания поэтического реквиема Лермонтовым, но уже вся Россия знала о случившемся, негодовала на виновников, и избранные переписывали крамольное стихотворное обличавшее вину власть предрежащих. Катенин о смерти Пушкина был извещен письмом своего друга и ученика В. А. Каратыгина. Лермонтов же посвятил его в детали произошедшего, и рассказал об истории рождения стихотворения. Его, как творческого и честного человека, давно подмывало высказать придворным аристократам, олицетворяющим самолюбивую посредственность, враждующую с истинными талантами, все, что он о них думал: «О как мне хочется смутить веселость их и бросить им в глаза железный стих, облитый горечью и злостью!» — признавался поэт. Придворный заговор и дуэль, кончившаяся гибелью поэта, ускорили исполнение его намерения. Он обличил и поэтическими строками публично высек преступников:

А вы, надменные потомки,
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятаю рабскою поправшие обломки
Игрою счастья обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — все молчи!
Но есть и божий суд, наперсники разврата!
Есть грозный судия, он ждет:
Он не доступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!²³⁷

²³⁷ Лермонтов М. Ю. Стихотворения. Поэмы. — М., 1975.

Разумеется, Катенин получил в подарок автограф стихотворения, потрясшего его. Кстати сказать, такой же список автор подарил генералу Петрову, и автограф несколько поколений хранился у его потомков. Катенин был политическим единомышленником Лермонтова, и также состоял в оппозиции к правительству, как и Лермонтов. В 1810-м году он сочинил крамольное стихотворение, адресованное тому, кто в России олицетворял самодержавие.

Отечество наше страдает
Под игом твоим, о злодей!
Коль нас деспотизм угнетает,
То свергнем мы трон и царей!²³⁸

Это стихотворение Катенина, переложенное на музыку, стало гимном декабристов и одной из причин высылки автора из Петербурга в Костромскую губернию.

Беседа двух поэтов не могла обойтись без обращения к личности Пушкина, и уж тут Катенин, приятель погибшего, мог говорить сутками. Его рассказы заключены в опубликованных воспоминаниях и нет нужды их пересказывать²³⁹.

Лермонтов поведал Катенину о своих литературных планах. Несмотря на то, что он занимался поэзией с четырнадцатилетнего возраста и уже имел ряд готовых стихотворений, и несколько начатых поэм, он не спешил печататься, и опубликовал только одно «Бородино», в связи с 25-летием юбилеем события, причем, поместил его в пушкинском «Современнике». Журнала в наличии не оказалось, и автор сам прочел его по памяти. Катенин сделал ему несколько дельных замечаний, и, как участник сражения, не мог не пуститься в воспоминания.

Лейб-гвардии Преображенский полк, где он числился двадцатилетним поручиком, по приказу Государя, оберегавшего гвардию, во время битвы держался в резерве, что не мешало вражеской артиллерии издалека разить гвардейцев, одного за другим падавших под снарядами, не успев проявить себя в реальной схватке. Другу Катенина капитану Шапошникову, переводчику нескольких французских трагедий, ядром оторвало голову. Сам же поэт не получил ни царапины. Свою кровь в защиту Родины он отдаст позже, в грандиозной битве народов под Лейпцигом, и сражении под Кульмом.

Стихотворением «Бородино» Лермонтов дебютировал, но настоящее литературное общенародное крещение принесла ему «Смерть поэта», разошедшаяся по России в тысячных списках.

Как ярый сторонник системы Ланкастера, образовавший ряд молодых литераторов и театральные деятели, Катенин не мог упустить возможности проконсультировать начинающего талантливую поэта, и вдохновить его на штурм Олимпа. И, действительно, с Кавказа начинается активное и плодотворное творчество Лермонтова.

Обязательной темой их беседы стала генеалогия рода Лермонтовых, глубоко трогавшая их обоих. Нам известно стихотворение семнадцатилетнего Михаила Юрьевича, посвященное своим далеким шотландским пращурам и своей исторической родине:

²³⁸ Катенин П. А. Указ. соч. — С. 101.

²³⁹ Катенин П. А. Размышления и разборы. — М., 1981. — С. 206.

Зачем я не птица, не ворон степной,
Пролетевший сейчас надо мной?
Зачем не могу в небесах я парить
И одну лишь свободу любить?

На запад, на запад помчался бы я,
Где цветут моих предков поля,
Где в замке пустом, на туманных горах,
Их забвенный покоится прах.

На древней стене их наследственный щит
И заржавленный меч их висит,
Я стал бы летать над мечом и щитом
И смахнул бы я пыль с них крылом

И арфы шотландской струну бы задел,
И по сводам бы звук полетел;
Внимаем одним и одним пробужден,
Как родился, так смолкнул бы он.

Но тщетны мечты, бесполезны мольбы
Против строгих законов судьбы.
Меж мной и холмами отчизны моей
Расстилаются волны морей.

Последний потомок отважных бойцов
Увядает среди чуждых снегов;
Я здесь был рожден, но нездешний душой...
О! Зачем я не ворон степной?²⁴⁰

Какое острое ощущение прошлого времени и истории, какое глубокое восприятие сумрачного шотландского духа заключено в этом стихотворении, какая неизбежная ностальгия по утраченной исторической родине! А ведь писал его мальчик-подросток! О таланте Лермонтова, даже в начальной стадии его развития, говорит тот факт, что данный еще несовершенный опус повлиял на творчество Мандельштама, плененного стихотворением «Желание», и под его воздействием создавшего один из своих поэтических шедевров:

Я не слышал рассказов Оссиана,
Не пробовал старинного вина, —
Зачем же мне мерещится поляна,
Шотландии кровавая луна?

И перекличка ворона и арфы
Мне чудится в зловещей тишине,
И ветром развеваемые шарфы
Дружинников мелькают при луне!

²⁴⁰ О Томасе Лермонте шотландском предке русского поэта. — М., 1993. — С. 1.

Я получил блаженное наследство —
 Чужих певцов блуждающие сны;
 Свое родство и скучное соседство
 Мы презирать заведомо должны.

И не одно сокровище, быть может,
 Миная внуков, к правнукам уйдет,
 И снова скальд чужую песню сложит
 И как свою ее произнесет.²⁴¹

Видимо, шотландским происхождением объясняется длительное пристрастие поэта к творчеству лорда Байрона и стремление подражать ему. Однако, он сумел преодолеть это сильное влияние, в чем признавался в одном из своих произведений: «Нет, я не Байрон, я другой...!» В этом переходе ему, несомненно, помог Кавказ.

Катенин понимал раздвоенность мироощущения молодого поэта, обусловленную генеалогическими переплетениями двух разных национальностей. Он сам был полукровкой. Наличие греческих генов, оказало чрезвычайное воздействие, как на личность поэта, так и на его творчество.

Их «разговор благоразумный <...> о своей родине» привел к перечислению всех известных Лермонтовых, в том числе, и из колотиловской линии, то есть тети и дядя Катенина, Ирины Юрьевны Катениной, урожденной Лермонтовой, и ее брата Ивана Юрьевича Лермонтова, а также к рассказу о приобретенной у них поэтом усадьбы Колотилово Чухломского уезда Костромской губернии.

Следующий день в ожидании Хастатова прошел спокойно. Гость, еще не оправившийся от лихорадки, в ожидании предстоящей дальней дороги, провел день на оттоманке, писал дневник, затем играл с хозяином в шахматы.

На закате, после вечерней проверки караула, Катенин отыскал гостя во дворе за интересным занятием: тот снимал вид с понравившегося ему уголка крепости. На полотне из под его кисти проступала замшелая каменная стена с поросшим у ее основания мелким кустарником. Катенин, притулившись рядом с трубочкой в руках, завел разговор о Хастатове, который не сегодня, завтра должен был появиться в крепости, чтоб сопровождать Лермонтова в свое имение.

— Несмотря на то, что до Шелкозаводского отсюда не менее 60 верст, я все-таки сумел побывать там, благодаря Акиму Акимовичу, и пользовался гостеприимством его семьи, — говорил комендант, попыхивая трубочкой. С тех пор мы с Хастатовым большие приятели.

Лермонтов оторвал взор от этюда:

— Меня в детстве бабушка также возила в имение сестры, проездом во Владикавказ, где лечилась на минеральных водах. У меня до сих пор пред глазами бурный Терек, пары винного завода и густые виноградники.

— Таким имение и осталось, — подхватил Катенин, лишь небольшой деревянный дом оброс защитными заборами и закрывающимися воротами из-за участвовавших набегов горцев.

²⁴¹ Три века русской поэзии. — М., 1986. — С. 420.

— Винный завод, насколько я слышал, — продолжал Катенин, — был построен в начале XVIII столетия армянином Сафаром Васильевым, и к Хастатовым перешел в 1764 году. Сын первого владельца Яким Васильевич, наследник имени, будучи в Москве, женился на дочери симбирского помещика Екатерине Алексеевне Столыпиной, родной сестре вашей бабушки Елизаветы Алексеевны, в замужестве Ахвердовой, и от брака четы Хастатовых появились дети Аким Акимович, пока еще холостой, Мария Акимовна — жена отставного штабс-капитана Павла Петровича Шан-Гирея, и Анна Акимовна — жена генерала П. И. Петрова, ныне покойная.

— А что вы можете сказать о Хастатове младшем? — спросил Лермонтов.

— О... Об Акиме Акимовиче ходит много легенд в здешних краях... Как вы знаете, в 1832 году он вышел в отставку из Лейб-гвардии Семеновского полка. Уж не знаю истинной причины его отставки, наследственные дела что-ли... Три года провел он в имении Шелковском, а потом восстановился в полку, с тем, чтобы состоять при генерале Петрове в штабе Причерноморья в Ставрополе. За три года отставки он и прославился среди местных жителей своими безрассудными подвигами. То он татарку Бэлу умыкнул, то безоружный под пулю кинулся.

Катенин подробно рассказал о приключениях Акима Акимовича Хастатова, и эти сюжеты легли в основу рассказов Лермонтова «Бэла» и «Фаталист», позднее включенные автором в роман «Герой нашего времени».

К тому, что прототипом Печорина был Аким Акимович Хастатов, склоняются многие биографы Лермонтова, однако, современники писателя склонны были видеть в главном персонаже повести самого Лермонтова, на что он отвечал в предисловии ко второму изданию книги: «Герой нашего времени, милостивые государи мои, точно, портрет, но не одного человека. Это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии <...> Не думайте, однако, чтоб автор этой книги имел когда-нибудь гордую мечту сделаться исправителем людских пороков <...> Будет и того, что болезнь указана, а как ее лечить — уж Бог знает!»²⁴²

В этом вступлении автор предельно ясно изложил главную идею произведения: представить читателю отрицательного героя, вопреки традиции стремления авторов к положительным, или хотя бы нейтральным персонажам. Заголовок «Герой нашего времени» не следует понимать буквально, вернее, в нем кроется иронический оттенок, как бы кавычки. Чем было продиктовано такое стремление к отрицательному персонажу? Юношеским ли максимализмом автора, постоянно находившемся в оппозиции с окружающими, с пониманием ли того, что лишь отрицательный герой дает толчок к литературной интриге. Так или иначе, он жадно искал неуживчивых прототипов будущего произведения, и, прежде всего, на Кавказе, который в силу военного положения, концентрировал в себе подобных людей. Стоит сказать, что и впоследствии Лермонтов не отступал от своей приверженности к отрицательным и отверженным персонажам: Арбенин в «Маскараде», демон — символ отрицания и др. Собирательный образ Печорина включает в себя черты и поступки А. А. Хастатова, самого Лермонтова и, не исключено, что и Катенина, личность по жизни весьма одиозную, хотя его внешний портрет совсем не напоминает Печорина, а скорее Максима

²⁴² Лермонтов М. Ю. Проза. Избранное. — М., 1979. — С. 6.

Максимыча. Впрочем, есть и общие косвенные черты между двумя поэтами: и Печорин и Катенин — офицеры одной из русских крепостей Черноморской линии. Оба литераторы, ведь Лермонтов сообщал, что повесть «Бэла» попала ему из бумаг Печорина. Оба они были с неуживчивым характером, у Катенина это было отражено даже в приказе об отставке. Находим мы и косвенные детали, связывающие крепость Кизляр и ее обитателей с персонажами повести.

Так, брат Бэлы Азамат, который из-за дорогого коня помог Печорину похитить сестру, появляется в «Герое нашего времени» неоднократно. Вначале Печорин прикармливает подростка сладостями, зазывает его в гости в крепость, потом вовлекает в похищение сестры, и, в конце концов, автор заявляет о безвозвратном исчезновении Азамата. Но какая же связь между братом Бэлы и Катениным? Ответим вопросом на вопрос: тогда какого же молодого и красивого горца привез с Кавказа отставной Павел Александрович в свое южнокавказское имение, и держал его там в качестве фаворита? Эта ситуация сочно описана А. Ф. Писемским в рассказе «Сентименталь» из серии «Русские лгуны».

Однако, вернемся в Кизляр, где мы оставили своих беседующих героев. Говоря о Хастатовых, они не могли не коснуться вновь Павла Ивановича Петрова.

— Он спас мне жизнь дважды, — признавался Катенин Лермонтову. — Впервые, когда в августе 1834 года, я был отозван из похода, в котором командовал отрядом Эриванского карабинерного полка, тогда генерал Петров поручил мне вести уголовное дело, которое длилось четыре года и никак не могло кончиться. Я же в четыре месяца довершил его до конца. Это чуть не стоило мне жизни, ибо потерпевшая сторона жаждала мести, и на меня даже готовилось покушение, правда неудачное, что, кстати сказать, отражено в моей басне «Предложение». Второй раз Петров вытащил меня из Баксанского ущелья, где наш полк вел работы по укреплению местности под постоянными набегами чечен, из-под сабель которых и извлек меня Павел Иванович, дав мне должность коменданта.

Лермонтов улыбнулся, вспомнив слова дяди: — Лучше б я этого не делал, в тишине кизлярских садов Катенин скучал, сильно запил, и стал манкировать служебными обязанностями. У меня волосы встали дыбом, когда я просмотрел его дежурную книгу, где в графе «Чем занимался» было написано: «Думал о выгодах моего любезного Отечества». А в следующий день — «Отдыхал от сих мыслей...» Лермонтов тогда долго смеялся и говорил, что это ему напоминает дневник Пушкина, который тот вел в Кишиневе: «Саранча летела, летела и села. Все поела и опять полетела...»

— Вот-вот, — отвечал генерал, — в такой шутовской манере и относились к казенной службе. А ведь это наказуемо...

Наказание не заставило себя ждать. Уже в следующем году Катенин был отставлен от службы, правда, с очередным чином генерал-майора.

— Кавказские негативные впечатления у меня, — продолжал комендант, — вылились в сонет, отнюдь не лирический, а скорее саркастический, в стиле Казы, который я послал Пушкину в «Современник». Стихи ему понравились, но цензура — дура, карикатуры не допустила к опубликованию, ибо я позволил себе чертыхнуться. Я вам прочту:

Громада тяжкая высоких гор, покрытых
Мхом, лесом, снегом, льдом и дикой наготой;
Уродливая складь бесплодных камней, смытых
Водою мутною, с вершин их пролитой;

Цепь пресловутая всепетого Кавказа,
Непроходимая, безлюдная страна,
Притон разбойников, поэзии зараза!

Без пользы, без красы, с каких ты пор славна
Творенье божье ты иль чертова проказа?
Скажи, проклятая, зачем ты создана?²⁴³

Уже заметно стемнело, когда собеседники вернулись в крепость. Поздно ночью прибыл Аким Акимович с двумя сопровождающими – все верхом на лошадях. Лермонтова решили не будить... А утром, плотно позавтракав, маленький отряд, с верховыми по краям и с тележкой, в которой сидел поэт, тронулся в путь, сопровождаемый полковником, который на первой же развилке дороги, попрощался, и тронулся в обратный путь. Лермонтов обернулся назад, и увидел маленького всадника, гарцующего на фоне крепости на пегом жеребце, и посылающего ему прощальный салют. Сердце его тоскливо сжалось. С каждой верстой перелистывая страницу жизни биографии Катенина, его участие в Отечественной войне, декабристское прошлое, Кавказские тяжелые марши, самовольно взваленные на себя поэтом, работу следователя, борющегося с преступностью, Лермонтов все более проникался уважением к этому незаурядному человеку и в его сердце уже складывались строки:

Великий муж! Здесь нет награды
Достойной доблести твоей.
Ее на небе сыщут взгляды
И не найдут среди людей.

Но беспристрастное преданье
Твой славный подвиг сохранит
И, услышав твое название,
Твой сын душою закипит

Свершит блистательную тризну
Потомок поздний над тобой
И с непритворною слезой
Промолвит: «Он любил Отчизну!»²⁴⁴

²⁴³ Катенин П. А. Избранные произведения. – Л., 1965. – С. 228.

²⁴⁴ Попов. Декабристы на Кавказе. – С. 125.

ПИСЕМСКИЙ И КАТЕНИН

И Писемский и Катенин очень весомые фигуры для русской литературы. На первый взгляд они не имеют ничего общего, поскольку принадлежат разным поколениям (возрастная разница между ними 28 лет), да и творили они в разных областях литературы: Катенин в поэзии, Писемский в прозе. Первого литературоведы относят к эпохе дворянской культуры, второго — к разночинно-демократической, несмотря на его дворянское же происхождение. Эта классификация предполагает различные мировоззрения, художественные формы и приемы, одним словом, творческие, да и личные биографии писателей.

Однако при более пристальном изучении их творчества и личной жизни, можно обнаружить ряд объединяющих моментов. Оба тесно связаны с костромской землей и, в первую очередь, с Чухломским уездом, где у П. А. Катенина находились две усадьбы — Колотилово и Бореево, а третья Клушеево принадлежала его дяде. А у Писемских родовая усадьба Раменье находилась в нескольких верстах от Колотилова и Клушеева. Другими словами, и Катенин и Писемский были близкими соседями по имениям, что одно уж предполагало наличие взаимных визитов, и непосредственное общение.

Кроме того, писатели приходились друг другу свояками, то есть состояли в бескровном родстве через общих кровных родственников Шиповых. Древний дворянский костромской и ярославский род Шиповых был очень разветвленным и связанным генеалогическими узами с многочисленными костромскими дворянскими родами, в том числе, с Катениными и Писемскими.

Так, Иван Николаевич Катенин (1783—1854), двоюродный брат поэта П. А. Катенина, после смерти своей первой жены Л. П. Скаржинской, с 14 ноября 1815 года был вторично женат на Надежде Михайловне Шиповой (род. в 1788 году), дочери отставного гвардейского прапорщика Михаила Васильевича Шипова.

А отец Алексея Феофилактовича Писемского, отставной полковник Феофилакт Гаврилович Писемский по отставке от военной службы избрал себе жену из рода Шиповых — Евдокию Алексеевну (род. в 1787 году), дочь отставного поручика Лейб-гвардии Измайловского полка и чухломского уездного исправника Алексея Матвеевича Шипова.

Таким образом, Катенины, Шиповы и Писемские составляли как бы единый клан, представители которого не могли не общаться между собой.

Неудивительно поэтому, что поэт П. А. Катенин не только был лично знаком с А. Ф. Писемским, но и неоднократно становился прототипом его произведений. Например, он предстает перед читателем в образе поэта-генерала Коптина в романе «Люди сороковых годов», или помещика Дмитрия Дмитриевича Милина в рассказе «Сентименталы» из серии «Русские луны», или безымянного генерала из повести «Тюфяк». Благодаря этим произведениям, где очень реально воспроизведены события первой половины и середины XIX

столетия в костромской провинции, предельно достоверно очерчены персонажи, мы имеем возможность проследить в эволюции историю взаимоотношений Катенина и Писемского в ключевые моменты их биографий.

Первый по хронологии эпизод, запечатлевший их встречу, мы находим в повести А. Ф. Писемского «Гюфяк», повествующий о событиях начала 1830-х годов, круто изменивших жизнь подростка Писемского и на много лет разлучивших его с родными местами. В нем автор изобразил себя в образе Павла, а своего отца в образе Василия Петровича Бешметьевых: «Однажды к Бешметьевым (Павлу минуло тогда двенадцать лет) приехал какой-то дальний родственник из Петербурга. Видно, этот господин был не кое-кто, потому что хозяева безмерно ему обрадовались, приняли с каким-то подобострастием и беспрестанно называли его Ваше Превосходительство.

— Что это, Василий, твой сын, что ли? — спросил генерал за столом, взглянув на Павла.

— Сын, Ваше Превосходительство, — отвечал Василий Петрович.

— Чему ты, милый мой, учишься? — сказал генерал, обращаясь к ребенку.

— Мы еще его многому-то, по слабости здоровья, не начинали учить; теперь иногда семинарист ходит, — отвечала мать.

Генерал покачал головой.

— Да что же такое тут здоровье-то? За что же вы ребенка-то губите, оставляя его в невежестве?

У Павла навернулись на глаза слезы.

— Смотрите, уж он сам плачет, — продолжал генерал, — сознавая, может быть, то зло, которое причиняет ему ваша слепая и невежественная любовь! Плачь, братец, и просись учиться; в противном случае ты погиб безвозвратно»²⁴⁵.

Родителям ничего не оставалось, как нанять педагогов. Алексей проявил большие способности, за год подготовившись к поступлению в гимназию.

Кем же был гость Писемских, посетивший Раменье, и так благотворно повлиявший на судьбу будущего писателя? Очевидно, что им являлся сосед по имени генерал и литератор Павел Александрович Катенин — бывший петербургский житель и их дальний родственник.

Судьба развела Катенина с семейством Писемских на многие годы. Сам поэт в начале 1832 года отправился сначала в Петербург, а затем на Кавказ, где служил до конца 1838 года. Писемский же тогда учился в Костромской гимназии и приезжал на лето в чухломскую усадьбу Раменье. Видимо, летом 1839 года состоялся описанный автором романа «Люди сороковых годов» визит отца и сына Писемских в усадьбу П. А. Катенина Колотилово, из которой, вернувшись с Кавказа поэт, в течение года почти не выезжал. Вот как описывал Алексей Феофилактович этот визит: «Желая развлечь сына, полковник однажды сказал ему:

— Что, не хочешь ли, поедем к Александру Ивановичу Коптину?

Павел некоторое время думал. Ему и хотелось съездить к Коптину, но в то же время немножко и страшно было. Коптин был генерал-майор в отставке и, вместе с тем, сочинитель. Во всей губернии он слыл за большого вольнодумца, насмешника и даже богоотступника... Павел, однако, решился съездить к Коптину.

²⁴⁵ Писемский А. Ф. Собрание сочинений в 9 томах. Том 1. — М., 1959. — С. 40.

В день отъезда полковник вырядился в свой новый вицмундир и во все свои кресты; Павлу тоже велел одеться попараднее.

— Нельзя, братец, все-таки генерал! — сказал он ему по этому поводу, — и презамечательный на это, бестия!... Даром, что глядит по сторонам, все в человеке высмотрит.

Дорогой Павел продолжал спрашивать отца о Коптине.

— Скажите, папаша, ведь он сослан был?

— Как же, при покойном еще государе Александре Павловиче, в деревню свою, чтобы безвыездно жил в ней.

— За что же?

Полковник усмехнулся.

— Песню он, говорят, какую-то сочинил с припевом этаким. Во Франции он тоже был с войсками нашими, ну и понабрался там этого духу глупого.

— Какая же это песня, папаша?

— Не знаю, — отвечал полковник. Он знал, впрочем, эту песню, но не передал ее сыну, не желая заражать его вольнодумством.

— А как же его простили?

— Простили его потом, когда государь проезжал по здешней губернии; ну и с ним Виле всегда ездил, по левую руку в коляске с ним сидел... Только вот,

проезжая мимо этого Семеновского, он и говорит: «Посмотрите, говорит, Ваше Величество, какая усадьба красивая!.. (Прошен уж тоже заранее был). Это, говорит, несчастного Коптина, который в нее сослан!» — «А, — говорит государь, — разрешить ему въезд в Петербург!»

— А скажите, папаша, — продолжал Павел, припоминая разные подробности, которые он смутно слышал в своем детстве про Коптина, — декабристом он был?

— Нет, не был! Со всеми с ними дружен был, а тут как-то перед самым их разговором, на счастье свое, перессорился с ними! Когда государю подали список всех этих злодеев, первое слово его было: «А Коптин тут, в числе их?» — «Нет», — говорят. — «Ну, говорит, слава Богу!» Любил, знаешь, его, дорожил им. Вскоре после того, в флигель-адъютанты было предложено ему — отказался: «Я, говорит, желаю служить Отечеству, а не на паркет!» Его и послали на Кавказ: на, служи там Отечеству!

А. Ф. Писемский

— Все это, однако, показывает, что он человек благородный.

— О, поди-ка — с каким гонором, сбрых только: на Кавказе-то начальник края прислал ему эту, знаешь, книгу дневную, чтобы записывать в нее, что делал и чем занимался. Он и пишет в ней: сегодня занимался размышлением о выгодах моего любезного Отечества, завтра там — отдыхал от сих мыслей, — таким шутовским манером всю книгу и исписал!... Ему дали генерал-майора и в отставку прогнали.

— Что же он делает тут, чем занимается?

— Чем занимается-то? Сидит, разглагольствует, в коляске четверней ездит, сам в черкеске ходит; людей тоже всех черкесами одел.

Когда Вихровы приехали в усадьбу Александра Ивановича и подъехали к его дому, их встретили два-три очень красивых лакея, в самом деле одетые в черные черкесские чапаны.

— Его превосходительство дома? — спросил не без уважения полковник.

— У себя-с! — отвечал один из лакеев.

Павел почувствовал, что от всех от них страшно воняло водкой²⁴⁶.

Здесь мы прервемся для приведения необходимых комментариев. Из диалога отца и сына Вихровых (Писемских), касающегося прошлого и настоящего поэта-генерала Коштина (Катенина), мы убеждаемся, что прототипом Коштина мог быть только поэт и драматург Павел Александрович Катенин, биография которого, кроме нескольких мелких деталей, совершенно идентична биографии Александра Ивановича Коштина. Описанный визит, как первый из Алексея Писемского, не считая детской встречи, мог состояться не ранее возвращения Катенина с Кавказа, а приказ об увольнении его со службы датирован ноябрем 1838 года, а если учесть время на сборы и длинную дорогу, то не ранее 1839 года, и к тому же, летом, поскольку Писемский-младший мог быть в Чухломском уезде только во время летних вакаций, первая из которых пришлась как раз на это время. Тогда будущий писатель являл собою восемнадцатилетнего гимназиста шестого класса и на следующий год должен был окончить Костромскую гимназию.

Тем не менее, автор романа представляет нам Павла Вихрова (т. е. самого себя) уже студентом университета, хотя он стал им только в конце 1840 года. Писемский, видимо, обобщил в один эпизод несколько посещений Вихровыми поэта-генерала, чтоб не дробить текстуру романа аналогичными сюжетами, которым он и так отдал две главы. Приведенный фрагмент романа воспроизводит визит Павла Вихрова (Писемского) с отцом, когда он был еще гимназистом, и лично почти не знал поэта. Как уже сказано, по времени этот визит произошел летом 1839 года, последующие же посещения, также включенные автором романа в данное описание, где Павел Вихров (Писемский) представлен уже студентом университета, могли происходить только с лета 1841 года, поскольку время поступления Алексея Феофилактовича в Московский университет — август 1840 года, а первые каникулы наступили летом 1841 года и могли повторяться до 1843 года, когда умер Феофилакт Гаврилович, отец писателя, и совместные поездки его с сыном, естественно, прекратились. Но продолжаем цитировать роман.

²⁴⁶ Писемский А. Ф. Собрание сочинений в 9 томах. Том 4. — М., 1959. — С. 207–209.

«Самого генерала Вихровы нашли в высокой и просторной зале сидящим у открытого окна. Одет он был тоже в череске, но только верблюжьего цвета, отороченной настоящим серебряным позументом и с патронташами на груди. Он был небольшого роста, очень стройный, с какой-то ядовито-насмешливой улыбкой и с несколько лукавым взглядом. В одной руке он держал газету, а в другой — трубку с длиннейшим черешневым чубуком и с дорогим янтарным мундштуком. Невдалеке от него сидел, как-то навязяжку и с почтительной физиономией, священник из его прихода.

— Здравствуйте, Михайло Поликарпыч! — воскликнул Коптин довольно дружелюбно. Полковник опять-таки с уважением расшаркался перед ним и церемонно представил ему сына, пояснив с некоторым ударением: «Студент Московского университета!»

На Александра Ивановича этот титул произвел, кажется, весьма малое впечатление.

— Садитесь! — продолжал он, показывая обоим гостям на стулья.

Те сели.

— Потрудитесь отдохнуть, как говорят, а?.. Хорошо? Мило?

Павел догадался, что была сказана острота.

— Часто употребляют такие несообразности — пояснил он.

— Куда же вы думаете из университета поступить-с? — обратился генерал к Павлу, и с заметно обязательным тоном.

— Вероятно, в штатскую службу, — отвечал тот.

— Что нынче военная-то служба, — подтвердил и полковник, — пустой только блеск она один!

— А вот что такое военная служба!.. воскликнул Александр Иванович, продолжая ходить, и подходя по временам к водке и выпивая по четверть рюмки. — Я-с был девятнадцати лет от роду, титулярный советник, чиновник Министерства иностранных дел, но когда в двенадцатом году моей матери объявили, что я поступил солдатом в полк, она встала и перекрестилась: «Благодарю тебя, Боже, — сказала она, — я узнаю в нем сына моего!»

Проговоря это, Александр Иванович значительно мотнул головой полковнику, который с своей стороны, ничего, кажется, не нашел возразить против того.

Александр Иванович обратился после того к священнику.

— Поведайте вы мне, святой отче, хорошо ли вы съездили с вашей иконой за озеро?

— Слава богу-с, — отвечал тот, сейчас же вставая на ноги.

— Это, извольте видеть, — обратился Коптин уже прямо к Павлу, — они с своей чудотворной иконой ездят каждый год зачем-то за озеро.

— Народ усердствует и желает того, — отвечал священник, потупляя свои глаза.

— И много вы исцелили слепых, хромых, прокаженных? — спросил его Коптин.

— Исцеления были-с, — отвечал священник, не поднимая глаз и явно недобрым голосом.

Полковник тоже сидел нахмурившись. Он всегда терпеть не мог, когда Александр Иванович начинал говорить в этом тоне. «Вот за это-то Бог и не дает ему

счастья в жизни: генерал — а сидит в деревне и пьет! — думал он в настоящую минуту про себя.

— Что же я, господа, вас не угощаю! — воскликнул вдруг Александр Иванович, как бы вспомнив, наконец, что сам он, по крайней мере, раз девять уж прикладывался к водке, а гостям ни разу еще не предложил.

Священник отказался. Полковник тоже объявил, что он пьет только перед обедом.

— Дурно-с вы делаете! — произнес Александр Иванович. — У нас еще Владимир, наше красное солнышко, сказал: «Руси есть веселие пити!» Я не знаю — я ужасно люблю князя Владимира. Он ничего особенно путного не сделал, переменил лишь одно идолопоклонство на другое, но — красное солнышко, да и только!

— У вас даже есть прекрасное стихотворение о Владимире — *Кубок*, кажется, называется, — подхватил Павел с полной почтительностью и более всего желая поговорить с Александром Ивановичем о литературе. В Москве, так это досадно, — продолжал Павел, — почти совсем не дают на театре ваших переводов из Корнелия и Расина.

— И в Петербурге тоже-с, и в Петербурге! По крайней мере, когда я в последний раз был там, — говорил Александр Иванович явно грустным тоном, — Вася Каратыгин мне прямо жаловался, что он играет всякую дребедень, а что поумней — ему не позволяют играть...

— А правда ли, Александр Иванович, что вы Каратыгина учили? — спросил он уже более смело голосом.

— Немножко-с! — отвечал Александр Иванович, лукаво улыбаясь. — Вы видели самого Каратыгина на сцене? — спросил он Павла.

— Сколько раз, когда он приезжал в Москву, — отвечал тот поспешно.

— Погодите, я вам несколько напомним его, книжку только возьму, — сказал Александр Иванович и поспешно ушел в свою комнату. Александр Иванович вышел с книжкой своего перевода. Он остановился посреди залы в несколько трагической позе.

— Вы знаете сцену Федры с Ипполитом? — спросил он Павла.

Тот поспешил сказать, что знает. Александр Иванович зачитал. В дикции его было много декламации, но такой умной, благородной, исполненной такого искреннего неподдельного огня, что — дай Бог, чтобы она всегда оставалась на сцене! Произносимые стихи показались Павлу верхом благозвучия; слова Федры дышали такой неудержимой страстью, а Ипполит — как он был в каждом слове своем, в каждом движении, благороден, целомудрен! Такой высокой сценической игры герой мой никогда еще не видывал.

— Какой у вас перевод превосходный, — говорил между тем ему Павел.

— Вам нравится? — спросил с явным удовольствием Александр Иванович.

— Очень — ответил Павел совершенно искренно.

— В таком случае, позвольте вам презентовать сию книжку! — проговорил Александр Иванович и, подойдя к столу, написал на книжке: Павлу Михайловичу Вихрову, от автора, и затем подал ее Павлу.

Полковник, наконец, встал, мигнул сыну, и они стали раскланиваться.

— На этой же бы неделе был у вас, чтобы заплатить визит вам и вашему милому юноше, — говорил любезно Александр Иванович, — но, увы! Еду

в губернию к преосвященному владыке испрашивать разрешение быть строителем храма божия»²⁴⁷.

Сойдясь на глубоком интересе к литературе и театру, Катенин и Писемский продолжали встречаться и не только в своих домах. Порой судьба их сводила и на, так сказать, чужой территории, и, чаще всего, у родственников Шиповых, давая возможность присмотреться друг к другу и со стороны.

Один из таких случаев включен в рассказ А. Ф. Писемского «Сентименталы», входящий в серию рассказов «Русские луны». Действие его происходит в усадьбе Кувшиново Чухломского уезда, принадлежавшей Анне Алексеевне Шиповой (род. в 1788 году), родной сестры Евдокии Алексеевны — матери писателя. Исходя из упомянутого возраста тетки Писемского, описанные события могли иметь место в 1844 году.

То, что прототипом главного героя рассказа Дмитрия Дмитриевича Милина стал поэт и драматург Павел Александрович Катенин, никогда и ни кем не являлось, но описание его в рассказе не оставляет никаких сомнений, в том, что именно Катенин, вернее его незаурядная натура, подвигла автора на создание этого произведения, хотя, видны усилия автора замаскировать и скрыть оригинал. Вот каким предстает перед читателем Милин: «Дмитрий Дмитрич в самом деле имел много достоинств: всегда безукоризненно и по моде одетый, с перетянутой, как у осы, талией, с тонкими каштановыми и уже с проседью усами, и с множеством колец на худошавых руках. Дмитрий Дмитрич был сын какого-то важного генерал-аншефа. Воспитывал его французский граф — эмигрант, и передал впечатлительному мальчику все свои добродетели и пороки. Сначала Дмитрий Дмитрич служил в гвардии, танцевал очень много на балах, потом гулял на Невском уже в штатской бекеше и, наконец, вдруг, вследствие чего-то выслан из Петербурга с обязательством жить в своей губернии.

— По четырнадцатому декабрю замешан, — говорили сначала про него таинственно.

Сам Дмитрий Дмитриевич по этому поводу больше или отмалчивался, или делал гримасу...

Дмитрий Дмитрич наследовал после отца хорошее состояние, но, к несчастью, имел два совершенно противоположные качества: проживать деньги он знал тысячи миллионов способов, но наживать их — ни одного, а между тем он любил принять ванну с дорогими духами, дом у него установлен был превосходными, почти редкими растениями... Дмитрий Дмитрич был дамский, а с другой стороны, и совершенно, пожалуй, не дамский кавалер. Для поправления обстоятельств своих он мог только занимать деньги»²⁴⁸.

Итак, Дмитрий Дмитрич Милин это, несомненно, Катенин. Доминика Николаевна — Анна Алексеевна Шипова, от автора выступает сам Алексей Феофилактович Писемский. Он начинает рассказ: «Магушка моя, не знаю почему, всегда очень любила, чтобы я знакомился с женщинами умными.

— Друг мой, — говорила она мне однажды с лукавой нежностью, — когда ты сделаешь для меня это одолжение и съездишь к Доминике Николаевне?

²⁴⁷ Писемский А. Ф. Собрание сочинений в 9 томах. Том 4. — М., 1959. — С. 209–216.

²⁴⁸ Там же. Т. 7. — С. 372.

Доминика Николаевна, девица лет сорока шести, была большая любительница читать книги, и жила у себя в усадьбе, по ее словам, как канарейка в клетке.

Домик, или клетка, Доминики Николаевны начинался небольшим прирубным, полуразвалившимся крылечком. Я вошел по нем. В передней встретил меня старый лакей, с очками на носу и с чулком в руке.

«У себя Доминика Николаевна? — спросил я его с некоторою строгостью, как вообще спрашивают люди, когда приезжают туда, куда их ждут.

— Оне в поле вышли-с, сейчас придут, — отвечал лакей. Мне захотелось сесть. Я прошел в гостиную. Там вышивался огромный ковер. Узор представлял поэтического Малек-Аделя, отбивающегося от двух рыцарей...

Послышался, наконец, шелест женского платья и женский, несколько дребезжащий голос:

— Очень, очень рада!

Она вошла в гостиную, свернувши несколько голову набок; в костлявых руках ее, заключенных в шелковые ажурные перчатки, она держала зонтик, на голове у ней была полевая соломенная шляпка. Как бы в прямое противоречие этому летнему костюму, к щеке Доминики Николаевны была привязана ароматическая подушечка; кроме того, делая мне книксен, она махнула подолом платья и обнаружила при этом, что была в теплых шерстяных ботинках.

— Благодарю вашу матушку и вас! — сказала она, кидая на меня отчасти нежный и отчасти покровительственный взор.

— Усядемтесь, — прибавила она в заключение.

Уселись.

— Вы застали меня, — продолжала Доминика Николаевна с глубоким вздохом, — убитую горем и болезнью.

Я молчал.

— Дмитрий Дмитрич... вы, конечно, его знаете?

— Знаю-с!

— Он получил еще новый удар от своих врагов: его опять хотели посадить в тюрьму.

В печальном выражении лица Доминики Николаевны была видна и насмешка и грустное презрение к людям.

— Но, вероятно, он как-нибудь избавится от этого, произнес я.

— Друзья его, конечно, не допустили; я вот это мое имение заложила и внесла за него.

Дмитрий Дмитрич, как все это знали, и чего она сама не скрывала, был друг ее сердца.

— Он у меня будет сегодня, вы его не узнаете: несчастье сломило и этого могучего человека, — проговорила она...

Часов в восемь он приехал, развалился в коляске на четверне каких-то кляч и тоже в соломенной шляпе и летнем пальто и башмаках. Лицо Доминики Николаевны осветилось. Она пошла навстречу Дмитрию Дмитричу скорей какой-то торжественной, чем радостной походкой. Я в зеркале видел первую сцену их свидания. Дмитрий Дмитрич взял и, по крайней мере, раз двадцать поцеловал руку Доминики Николаевны.

— Добрый друг, вы все для меня сделали! — проговорил он, наконец.

В голосе его как будто бы слышались слезы.

— И делается это для доброго друга, — отвечала Доминика Николаевна с какой-то знаменательностью, вводя гостя в гостиную.

— Bonjour! — проговорил он, мотнув мне головой, и сел.

Доминика Николаевна села против него.

— А propos, сейчас сюрприз, — начал Дмитрий Дмитрич, а потом крикнул довольно громко: — Cher Назар!

На этот зов вошел в комнату красивый из себя лакей в казакине и перетянутый поясом, сплошь выложенным серебром с чернетью. Усы и волосы у него были совершенно черные, на руках было множество колец, а из-за борта казакина выставлялась толстая золотая цепочка.

— Поддай, знаешь, это!.. — проговорил Дмитрий Дмитрич.

Лакей вышел и, возвратясь, принес клетку, в которой сидели два кролика. Доминика Николаевна вдруг вскочила и начала перед ними прыгать.

— Ах, как это мило, прелесть, прелесть!

— На шейке у них розовые ленточки! — проговорил лакей.

Доминика Николаевна вдруг переменяла выражение в лице и посмотрела на него строго. Лакей, кажется, это заметил и с какой-то насмешливой улыбкой замолчал, а потом, постояв немного, совсем вышел из комнаты.

— Взамен этого я иду вам показать мои цветы, — сказала она Дмитрию Дмитричу. — Молодой человек, вы тоже должны за нами следовать, — прибавила она мне развязно.

Я пошел.

Садишко был обыкновенный; но главная сущность состояла в том, что Доминика Николаевна сорвала одну из роз и прикрепила ее в петлю Дмитрию Дмитричу.

Когда мы вернулись в комнаты, нас ожидал чай. После чаю я сейчас же хотел ехать.

— Подождите четверть часа, поедемте вместе, — остановил меня Дмитрий Дмитрич.

— А вы не останетесь у меня? — спросила Доминика Николаевна, и как бы молния блеснула из ее глаз.

— Завтра у меня покос, молотба... — отвечал Дмитрий Дмитрич несколько сконфуженным голосом.

Я пошел бродить по саду...

Далее я уже ничего не слышал, но когда возвратился назад, то увидел, что Доминика Николаевна почему-то лежала в обмороке, а около нее хлопотал Дмитрий Дмитрич. Он поливал ей голову водой, уксусом. Пришел также и Назар и довольно близко остановился около дивана, на котором лежала Доминика Николаевна. При этом одна из ее ног сначала согнулась, а потом вдруг вытянулась и толкнула Назара так, что тот попятился, и с прежней своей насмешливой улыбкой вышел из комнаты... Доминика Николаевна начала подниматься, как поднимаются обыкновенно в театре актрисы после обморока... Когда я с ней попрощался, она с чувством взглянула на меня.

— Мой добрый привет вашей матушке, — проговорила она большим голосом. Когда с ней прощался Дмитрий Дмитрич, она подала ему, точно плеть, слабую руку и, кажется, не имела даже силы ответить ему поцелуем в щеку.

Мы вышли и сели в экипаж. Дмитрий Дмитрич упрямил меня сесть с ним.

— Что такое с Доминикой Николаевной? — спросил я.

— Вы видели? — отвечал он мне больше вопросом. — Подобные сцены она делает мне на бале, на рауте, при двухстах, трехстах человек.

— Зато какую она к вам искреннюю дружбу питает!

— Дружба, я полагаю, все-таки, должна выражаться со стороны женщин скорей самоотвержением, чем тиранией. Она, наконец, хочет войти во весь порядок моей жизни, заставить тем меня пить чай или нет, держать в доме таких людей, а не других; этого нельзя. Назар! — крикнул он затем сладким голосом. — Дай мне сигару!

Назар, сидевший на козлах рядом с кучером, вынул из-за пазухи сигару, сам закурил ее и подал барину.

— У человека вашего физиономия совсем нерусская! — заметил я ему.

— Да, армянин, или грузин, или черкес — не знаю, но превосходный человек... чудо... это мой эконоом, нянька... мамка моя! — И затем Дмитрий Дмитрич опять с наслаждением стал попыхивать сигарой.

— Еще одно слово о Доминике Николаевне, — начал он, — все говорят, что я ее любовник...

Я улыбнулся.

— Но это неправда. Я люблю изящное в природе, в картине, в поэзии, в мужчине, в женщине. Но Доминика Николаевна каким образом может быть отнесена к изящному?

— Какое же, собственно, ваше чувство к ней? — спросил я.

— Чувство простого уважения, — отвечал Дмитрий Дмитрич, — которое я имею ко всякой женщине, равной мне по воспитанию и по положению в обществе. Я человек порядочно воспитанный, и чувство вежливости всосал с молоком моей матери.

На этих словах мы уже подъезжали к перекрестку, на котором должны были разехаться; я попросил остановиться и выпустить меня.

— Прощайте, дорогой друг, — сказал Дмитрий Дмитрич, пожимая мне с нежностью руку. — Назар, пересядь ко мне в экипаж! — крикнул он потом.

Назар пересел, и я видел, что Дмитрий Дмитрич прилег ему на плечо, как бы, желая вздремнуть Пара моих лошадей после поворота, узнав дорогу домой, побежала быстрее, на меня подуло свежим ветром; и вся простая природа показалась мне лучше изломанных лудишек, с их изломанными искроверканными страстишками».

Данный источник не только расширяет известный нам родственно-дружеский круг общения поэта, но и раскрывает ключевой момент природы его личности, без которого нельзя понять ни его жизни, ни его творчества. Рассыпанные в тексте рассказа «Сентименталы» намеки, обличают главного героя Дмитрия Дмитриевича Милина и его прототипа П. А. Катенина, как представителя нетрадиционной сексуальной ориентации, о чем он, кстати сказать, проговаривается и в ряде своих поэтических произведений. Ради справедливости стоит,

однако, заметить, что еще в юности, во время заграничных походов в 1814 году, будучи в составе Лейб-гвардии Преображенского полка, он был серьезно ранен «в низ живота», что также могло отстранить его от интимных связей с женским полом. Так или иначе, но факт остается фактом, объясняющим, между прочим, почему, несмотря на значимость П. А. Катенина для русской литературы, до сих пор нет сколько-нибудь полной его биографии. Катенина нельзя мерить общими мерками.

Писемского, похоже, этот факт не отталкивал, скорее наоборот, Павел Александрович стал объектом его пристального внимания и впоследствии неоднократно прототипом его произведений, в том числе, и в упомянутом автобиографическом романе «Люди сороковых годов», где в главе «Опять А. И. Коптин» он рассказывает о визите к поэту в 1847 году. Дата вычисляется по описанию известного пожара Костромы в это время. Перед нами А. Ф. Писемский, за плечами которого не только Московский университет, но и более двух лет службы в Московской палате государственных имуществ, после отставки из которой, он переезжает для литературных трудов в свое чухломское имение Раменье и вместе со своим приятелем Жоховым, с которым позже вместе играет в любительских спектаклях, (в романе он Живин) посещает П. А. Катенина (Коптина) в его усадьбе Колотилово (Семеновское): «В Петров день друзья наши действительно поехали в Семеновское, которое показалось Вихрову совершенно таким же, как и было. Так же их на крыльце встретили любимцы Александра Ивановича, только несколько понаряднее одетые. Сам же он, в той же, кажется, черкеске и в синеных брючках с позументовыми лампасами, сидел на том же месте у окна и курил длинную трубку. Беседовал с ним на этот раз уж не один священник, а целый причт и, сверх того, был тут же и Добров, который Вихрову ужасно обрадовался.

— Ты разве знаком с генералом? — спросил его тот, — проходя мимо его.

— Как же, благодетель тоже! — отвечал Добров. А когда я был, так и приятели мы между собой были.

— Гордый сосед, гордый-с! — повторял Александр Иваныч, встречая Вихрова. — Ну и нельзя, впрочем, сочинитель ведь!

— Прошу прислушать, однако, — сказал он, усадив гостей. — Ну, святой отче, рассказывайте! — прибавил он, относясь к священнику.

— Несчастье великое посетило наш губернский град, — начал тот, — пятого числа показалось пламя на Калужской улице, и тем же самым часом на Сергиевской улице, так что пожарные недоумевали, где им действовать, пламя пожрало обе сии улицы, многие храмы и монастыри.

— Боже мой, боже мой! — воскликнул Коптин, закатывая глаза вверх.

— Это что же поджог? — спросил Живин.

— Надо быть, — отвечал священник, — потому что следующее шестое число вспыхнул пожар уже в местах пяти, и везде одновременно, так что жители стали все взволнованы тем: лавки закрылись, хлебники даже перестали хлебы печь, бедные погорелые жители выселялись на поле, около града, на дождь и на ветер, не имея ни пищи, ни одеяния.

— О боже мой, боже мой! — повторил еще раз Александр Иванович, совсем уже закидывая голову назад.

— Но кто же поджигает, если это поджоги? — спросил Вихров.

— Мнение народа сначала было такое, что аки бы гарнизонные солдаты... А после слух в народе прошел, что это поляки, живущие в нашей губернии и злобствующие против России... — и прямо так говорили многие, что к одному из них приезжал ксендз и увещевал свою паству. Чтобы она камня на камне в сем граде не оставила.

— Прекрасно-с, но кто же слышал, что ксендз именно таким образом увещевал? — спросил опять Вихров.

— Сего лица захваченные мальчик и горничная, — отвечал священник.

— Стало быть, и следствие уже об этом идет? — спросил Живин.

— Строжайшее. Сие почтенное лицо, также и семейство его, уже посажены в острог, так как от господина губернатора стало требовать того дворянство, а также небезопасно было оставлять их в доме и от простого народу, ибо чернь была крайне раздражена и могла бы их живых растерзать на части.

— Но, извините меня, — перебил Вихров священника, — все это только варварство наше показывает. Два-три крикуна сказали, а остальные все тотчас за ним пошли; наш народ тоже это зверь разъяренный, его на кого хочешь напусти...

Александр Иванович, в начале еще этого разговора вставший, и все ходивший по комнате, и несколько раз подходящий к закуске, и выпивавший по своей четверть-рюмочке, на последних словах Павла вдруг остановился перед ним и, сложив руки на груди, начал с дрожащими от гнева губами:

— Как же вы, милостивый государь, будучи русским, будучи туземцем здешним, позволяете себе говорить, что это варварство, когда какого-то там негодяя и его дочеренку посадили в острог, а это не варварство, что господа поляки выгнали весь ваш родной город?

— Но это, Александр Иваныч, надобно еще доказать. Что они выгнали! — возразил несколько сконфуженный Вихров.

— Доказано-с это!... Доказано! — кричал Александр Иваныч. — Горничная их, мальчишка их показывали, что ксендз их заставлял жечь! Чего ж вам еще больше, каких доказательств еще надобно русскому?

— Русский ли я был или не русский, по мне всегда и всего важнее правда! — возразил Вихров, весьма недовольный этим весьма затеявшимся спором.

— А вот он, университет! Вот он, я вижу, сидит в этих словах! — кричал Александр Иваныч. — Эта гуманность наша, наш космополитизм, которому все равно, свой или чужой очаг. Поляки, сударь, вторгались всегда в нашу историю: заводилась ли крамола в царском роде — они тут; шел ли неприятель страшный, грозный, потрясавший все основы народного здания нашего, — они в передних рядах у него были... Ваш университет, внушивший вам такие понятия, предатель! И вы предатель, не правительства вашего, вы хуже того, вы предатель всего русского народа, вы изменник всем нашим инстинктам народным.

— Ну нет, Александр Иваныч, — воскликнул свою очередь Вихров, вставая тоже со своего стула, — я гораздо более вашего русский, уж по одному тому, что вы по вашему воспитанию, совершенный француз.²⁴⁹

²⁴⁹ В действительности, Писемский непременно напомнил Катенину, что тот по матери еще и наполовину грек. Ее звали Доротея, а по-русски Дарья Андреевна из греческого рода Пурпур. — Е. С.

— Я вот вам сейчас покажу, какой я нерусский. Коляску и верховых! — крикнул он людям.

— Куда же это мы? — спросил Вихров.

— К мужикам моим на праздник, — отвечал Александр Иванович, лукаво поглядывая на него, и затем крикнул кучеру: — Пошел!

Сразу же все это понеслось: черкесы, коляска. Была крутая гора, и под гору неслись марш-марш, потом мостик, — трах! Это выскочили две половицы. Живин сидел бледный, Вихрову такая езда тоже не совсем нравилась... Таким образом приехали в одну деревню, в которой, видно, был годовою праздник... Когда наша орда влетела в деревню, старики и старухи поднялись со своих мест, а молодые с заметным любопытством глядели на приезжих. И все они с видимым удовольствием кланялись Александру Ивановичу.

— К тебе, Евсейий Матвеевич, к тебе в гости — кричал Коптин одному мужику, наряднее других одетому.

— Милости просим, Ваше превосходительство, — отвечал тот, показывая рукою на избу, тоже покрасивее других.

Все вошли в нее и уселись в передний угол перед столом. Прибежала откуда-то впопыхах старуха хозяйка сейчас же стала ставить на стол водку, пироги, изюм.

— Пожалуйте, сударыня, пожалуйте, выпьемте вместе, — говорил Александр Иванович хозяйке.

— Кушайте, сударь сами на здоровье, — отвечала та.

— Нет, я тебя наперед угощу, — отвечал Александр Иванович, и, налив рюмку водки, своими руками влил ее в рот бабе. Та притворилась, что будто бы ей крепко очень, и отплеывалась в разные стороны. Точно также Александр Иванович заставил выпить и хозяина... Вихров едва выдерживал все это, тем более, что Коптин, видимо, старался ему дерзить.

— Так вы писатель, — говорил он, угостив хозяина и хозяйку, и обращаясь к Вихрову, — вы писатель?

— Пока еще нет, — возражал сердито Вихров.

— Михаила Поликарпыча сын — писатель! — продолжал как бы сам с собою Александр Иванович.

— К чему же тут Михаил Поликарпыч? — спрашивал его Вихров.

— Михаила Поликарпыча сын — писатель! — продолжал только Александр Иванович, не отвечая на его вопрос.

Павел, наконец, решился лучше не слушать его²⁵⁰.

Приведенный выше монолог, рисующий А. И. Коптина, а, следовательно, и П. А. Катенина, почти совершенно невменяемым от употребленного не в меру спиртного, и неспособного к нормальному общению, требует для, хотя бы частичной, реабилитации поэта нашего немедленного вмешательства. Если мы заменим придуманные Писемским имена героев на реальные имена прототипов, то фраза «Михаила Поликарповича сын — писатель» будет звучать и звучала в действительности как «Феофилакта Гавриловича сын — писатель!» Что же так позабавило Катенина после этих слов, что он так зациклился на них? Мы уверены, что они напомнили ему Феофилакта Косичкина — сатирический псевдоним

²⁵⁰ Писемский А. Ф. Собрание сочинений в 9 томах. Т. 5. — М., 1959. — С. 118–125.

А. С. Пушкина, под которым тот написал несколько статей против Ф. В. Булгарина. В своих воспоминаниях о Пушкине Катенин в частности писал: «Некогда осудив меня в письме из Кишинева за очень умеренную полемику против Сомова и Греча, потому что, мне неприлично выходить с ними на арену, он сам гораздо хуже поступил, схватясь с Каченовским и Булгаринным, когда они его чем-то задели: точно непристойно поэту надевать на благородное лицо свое харю [Феофилакта. — Е. С.] Косичкина и смешить его народ...»²⁵¹

Почему же Катенин не объяснил молодому Писемскому своих мыслей и повторял фразу как бы про себя? Да потому, что для серьезных разговоров о литературе было не место и не время, да и состояние не то, да и его собеседник был не настолько развит, чтоб знать старые журнальные статьи. Проще было отмолчаться. Но перехлест двух литераторов, гениального Пушкина и начинающего, едва вылупившегося Писемского, тогда еще представляющего собой только амбициозного юношу из провинции, не мог не позабавить Катенина: «Пятнадцать лет всего — так розгами его!» На этом примере наглядно видно, насколько персонаж Писемского мельче своего прототипа. И, заметим, что приведенный пример не единственный. Однако вернемся к роману:

— Пойдемте на улицу, я вам покажу, какой я француз — говорил Александр Иванович, все более и более пьянея.

Все, однако, вышли за ним на улицу.

— Ну, дети, сюда! — закричал Александр Иванович, и к нему сейчас же бежались все ребятишки, бабы, девки и даже мужики. Он начал кидать их деньги, сначала медные, потом серебряные, наконец бумажки. Все стали их ловить, затеялась даже драка, рев, а он кричал между тем:

— Цыц, стройно, стройно ловить! Вот я француз какой!

Вихров, к величайшему своему удовольствию, увидал, что его собственный экипаж въезжал в деревню.

Благоразумный Петр сам уж этим распорядился, зная по слухам, что с Коптиным редко кто из гостей, кто поедет с ним, приезжал назад: либо он бросит гостя, либо тот сам уедет от него.

Вихров мигнул Живину, и они, пока не заметил Александр Иванович, сели в экипаж и велели Петру как можно скорее уезжать из деревни.²⁵²

На этом кончается история взаимоотношений двух литераторов, прослеженная по литературным источникам одного из них, однако, в жизни они продолжались вплоть до весны 1853 года, когда Павел Александрович разбился на лошадах и, промучившись пару недель, умер в своей кологривской усадьбе Шаево. Хоронили его, однако, в другой чухломской усадьбе Бореево, в фамильном склепе. Писемский, впрочем, в похоронах не участвовал, отлучившись в Петербург по делам. Но, по поводу смерти Катенина, у него есть несколько строк в рассказе «Сентименталь», что-то вроде мини-эпизода: «Когда я дописывал эти последние строчки, мне сказали, что приехал старик кокинский исправник и желает меня видеть.

— Боже мой, — воскликнул я в восторге, — его-то мне и надо! — и пошел навстречу гостю...

²⁵¹ Катенин П. А. Размышления и разборы. — М., 1981. — С. 212.

²⁵² Писемский А. Ф. Собрание сочинений в 9 томах. Т. 5. — М., 1959. — С. 118–125.

— Скажите, пожалуйста, — начал я, усаживая его, — живы ли ваши соседи, Доминика Николаевна и знаменитый Дмитрий Дмитрич?

— Он помер, а она еще жива.

— Что ж, страсть их все продолжалась?

— Как же-с, до самой смерти все путались, ссорились и мирились, видались и не видались.

— Он, однако, мне сам говорил, что не был ее любовником.

— Нет-с, не был; людишки вот ихние часто тоже бегали к нам и сказывали, что она, как они выражаются, одной этой сухой любовью его любила... Он ведь в этом отношении, вы слышали, я думаю...

— Ну да, из-за чего же он то?

— Из-за денег больше, надо полагать, говорил и делал ей эти разные комплименты. После ссоры, бывало, помиряется, он станет перед ней на колени, жесты этикие руками делает, прощения в чем-то просит — умора! Неглупые были оба люди, а уж какие комедианты и притворщики, Боже упаси!.. Перед смертью Дмитрия Дмитриевича Доминика Николаевна перевезла его к себе, на ее руках он и помер; пишет мне: «Помогите, говорит, похоронить моего друга!» Приехал я к ней, сидит она на диване, глаза представляет как у помешанной, и все точно вздрагивает: «Сама, говорит, смерти хочу!». Покойник промеж тем лежит в зале; я скорей, чтобы его в церковь стащить: только мы, сударь, подняли гроб, она и вылетает. «Куда вы, говорит, моего ангела уносите? Не пушу, не пушу!» — и сама уцепилась за гроб и повисла. «Ах, ты!» — думаю. «Хорошо, говорю, ребята, оставьте!». Оставил ей гроб, а сам ушел. Посидела она этак, целый день, однако, высидела, но видит — невтерпеж, опять шлет за мной.

— Унесите, — говорит, — теперь — можно»²⁵³.

Документально известно, что смерть поэта произошла 23 мая 1853 года в его кологривской усадьбе Шаево, и что он умер на руках своего крестного сына Вячеслава Федоровича Пяткина, но если принять во внимание, что его прах был перевезен в фамильную усыпальницу Чухломского села Бореево, и по дороге был остановлен для прощания в Кувшинове — имении Анны Алексеевны Шиповой (по роману Доминики Николаевны), то все описанное в романе, становится достоверным и логичным.

Полтора десятилетия общения двух литераторов не могло не отразиться на творчестве А. Ф. Писемского, в чем, кстати, мы сами могли убедиться. Катенин предоставил своему ученику прекрасный материал в виде самого себя в качестве прототипа для ряда его произведений. Почему же, в таком случае, романист не выразил благодарности своему учителю? Думается, дело не в том, что он стыдился этой одиозной личности, но, скорее, предпочитал слыть художником-самородком. Однако за него по поводу влияния Катенина высказался друг и коллега по писательскому цеху Б. Алмазов:

«Что касается до влияния, происходящего от личного сношения с людьми, то мы знаем только одного литератора, который имел некоторое влияние на Писемского, — и этот литератор, как ни покажется это странным на первый раз, был не кто другой, как Павел Александрович Катенин. Как? Подумают многие, тот Катенин, который по словам Пушкина, «воскресил Корнеля гений величавый».

²⁵³ Писемский А. Ф. Собрание сочинений в 9 томах. Т. 7 — М., 1959. — С. 378.

Катенин, крайний сторонник и самый отчаянный поклонник французского псевдоклассицизма, переводчик Корнеля, имел влияние на такого писателя-реалиста, как Писемский? Как это ни странно, но это правда. Познакомился Писемский с Катениным случайно. Катенин жил в трех верстах от родового имения Писемских (в Костромской губернии), где родился, получил первоначальное воспитание, и проводил потом время гимназических и университетских вакансий будущий автор романов. Ветеран литературы Катенин, фанатически верный своим идолам Корнелю и Расину <...> сдружился с молодым студентом, жарким поклонником Гоголя и статей Белинского, у которого по духу тогдашних эстетических теорий, имена Корнеля и Расина чуть-чуть не были бранными словами. Как же проводили время, сходясь между собой эти два совершенно противоположные по литературным убеждениям человека? Катенин декламировал произведения французских лже-классиков; Писемский читал Катенину произведения Гоголя. Разумеется, после чтения у них были горячие споры. «Ваш Гоголь дрянь, гадость!» — кричал в каком-то ожесточении Катенин. Писемский, возражая Катенину, обзывал, вероятно, тоже не совсем лестными эпитетами Корнеля и Расина. Но когда умолкал спор, Писемский слушал какую-нибудь трагедию, какого-нибудь французского классика, а немного погодя, Катенин слушал повесть или комедию Гоголя.

В чем же отразилось влияние Катенина на Писемского? Во-первых, в некоторых сценических приемах нашего юбиляра, ибо я никак не могу пройти молчалием сценический талант Писемского.

Скажу только, что Писемский обязан Катенину тем удивительным умением владеть собой, тою удивительно отчетливою и сдержанной интонацией голоса, которою мы любуемся в те минуты, когда он читает нам трагические места из своих произведений»²⁵⁴.

---

²⁵⁴ Сочинения Б. Алмазова. Т. 3. — М., 1892. — С. 493—495.

Истина иде-то рядом...

ЗНАТОК ВОЕННОЙ АТРИБУЦИИ – А. М. ГОРШМАН

Это не дежурный комплимент, а вполне заслуженная оценка деятельности уникального специалиста в уникальной области знания, или, если хотите, искусства – атрибуции моделей, изображенных на портретах, в основном военных и гражданских чиновников, посредством почти безотказной методики, основанной на определении мундира и регалий изображенного, и сопоставления полученных сведений с содержанием послужных списков представителей данного полка или департамента. При совпадении места службы, чина, наград вычисляется изображенный, а в случае нахождения другого изображения этого лица, подтверждается или опровергается модель, и в атрибуции или ставится точка, в случае идентичности изображений, или ищется другое лицо с аналогичной биографией.

С Костромскими музеями Александр Михайлович Горшман сотрудничает с 1982 года, и на данный момент, на его счету несколько десятков атрибутированных произведений.

К истории, особенно военной, Горшмана тянуло с детства. В его семье, глава которой М. Х. Горшман был профессиональным художником, очень ценились книги. Их было не очень много, ибо часть собранной отцом и матерью библиотеки сгорела во время войны. На дом, где жила семья, упало несколько «зажигалок», и одна комната выгорела дотла. По счастью, другая, где хранились отцовские работы и стоял шкаф с книгами по искусству, осталась целой. На Елоховской площади была одна из лучших городских библиотек – Пушкинская, постоянным читателем которой Александр Горшман стал с 14 лет. Его окружали друзья и близкие родителей, которые поощряли интерес юноши к отечественной истории и изобразительному искусству. Один из них, Н. Б. Файнбаум в Первую мировую войну служил в Нижегородском драгунском полку и имел два Георгиевских креста и две медали.

«Пожалуй, именно он пробудил во мне интерес к русской военной старине своими рассказами о Первой мировой войне и тем, что подарил мне альбом с репродукциями картин Верещагина «Отечественная война 1812 года» – вспоминает А. М. Горшман, – Большое влияние оказал на меня один из бывших преподавателей отца искусствовед Ромм Александр Георгиевич – дядя режиссера Михаила Ромма. Уж чего только он не знал: и мундиры армий всех европейских стран и эпох, ордена, медали, монеты, оружие. У него была прекрасная библиотека. Он показывал мне альбомы с видами европейских столиц, каталоги крупнейших картинных галерей и монографии о художниках».

Посчастливилось Горшману и с учителями. Учитель географии Василий Петрович Федоров и учитель истории Алексей Иванович Мышкин, участник Первой мировой войны, награжденный Георгиевским крестом и медалями, организовали исторический кружок. «Какие это были отважные и самоотверженные люди, — отмечает А. М. Горшман, — не боялся рассказывать нам, мальчишкам, о дореволюционной истории России, о старой Москве, деятелях культуры и науки, забытых писателях и историках».

В строительном техникуме, куда после школы поступил А. М. Горшман, историю преподавал прекрасный специалист Николай Алексеевич Рожков, который еще более усилил интерес юноши к данной науке.

Работал Горшман инженером-конструктором в Моспроекте, однако, имея большой интерес к русской военной истории, регулярно занимался самообразованием.

«Сгал ходить в Ленинку и Историческую библиотеку, — рассказывал он, — и читал там книги по русской военной истории, в основном, по наполеоновским войнам, которые меня интересовали, брал тома А. В. Висковатова «Историческое описание одежды и вооружения российских войн», читал и делал выписки. И теперь у меня все сведения по мундирам от эпохи Петра I и до конца царствования Николая I выписаны и пронумерованы по отдельным тетрадкам. И там зарисованы детали мундиров, эполеты, шитье. Ордена и медали тоже подробно описаны у Висковатова, да к тому же, мне повезло, когда увидел книгу Спасского «Русские и иностранные ордена до 1917 г.», которую, конечно, купил и вызубрил почти что всю».

Блестящая эрудиция в вопросах военной истории, униформологии и фалеристики, привели к атрибуциям портретов неизвестных. Александр Михайлович вспоминает: «Первые мои опыты случились в 1969 году, когда в музее А. С. Пушкина сделали большую выставку к 170-летию рождения поэта и назвали ее «Портреты неизвестных современников А. С. Пушкина». Я был на этой выставке и увидел, что одних военных не так обозвали, а других не так обозначили. На мое счастье оказалась тогда в музее жена известного пушкиниста Цявловского — Татьяна Григорьевна Цявловская, которая хорошо была знакома с отцом, знавала и меня, была в курсе моих увлечений. Она поддержала мои претензии к подписям и обозначениям к портретам этих самых неизвестных современников поэта и познакомила с заведующей фондами и директором музея. Через музей А. С. Пушкина я и познакомился со Шмаровым, который был членом Ученого совета музея, а через него пошла у меня знакомства с музеями Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, с Литературным музеем и с Бородинской панорамой, а потом и с подмосковными музеями».

Не перечислить всех культурных учреждений страны, пользующихся услугами атрибутиста: это и Орловский художественный музей, где он сделал полтора десятка удачных атрибуций, в том числе и портрета М. Ю. Лермонтова, и Пермская картинная галерея, опубликовавшая истории его атрибуций в журнале «Уральский следопыт». Это и Иркутский художественный музей, в котором ряд неизвестных оказались иркутскими губернаторами: Цейдлером, Зариным, Венцелем ...

Общий счет атрибуций А. М. Горшмана достигает, где-то сотни четыре, если не более, т. к. только в Литературном музее в Москве определено около полусотни портретов, а в Московском музее А. С. Пушкина — три десятка. И счет еще не закрыт! Все это стало возможным благодаря как природному таланту историка, так

и благотворному влиянию его окружения. Долгие годы совместных исследований и дружбы связывали А. Горшмана со старейшим московским библиофилом, генеалогом и геральдистом Юрием Борисовичем Шмаровым и ленинградским историком Иваном Георгиевичем Спасским. Это по их рекомендациям А. М. Горшман начал сотрудничество со многими столичными и провинциальными музеями. Так, в 1981 году было положено начало переписки с костромскими краеведами А. А. Григоровым и Е. В. Сапрыгиной, позже — с искусствоведом С. С. Катковой.

В 1982 году А. М. Горшман вместе с молодым художником-баталистом Петром Космолинским организовал кружок по русской военной истории при Московском городском отделении охраны памятников и культуры. Потом этот кружок преобразовался в комиссию по военно-историческим памятникам, а с 1986 года эта комиссия была введена в Центральный совет ВООПиК²⁵⁵. С 1986 года А. М. Горшман участвовал также в создании и работе Общества ревнителей памяти 1812 года, и чуть позже — в общественно-научном совете при Историческом музее.

Своеобразным итогом многолетней атрибутической практики стало издание 7 тома «Российского архива», вышедшего в 1996 году. Альманах посвящен Отечественной войне 1812 года, и включает биографический словарь русских генералов — участников войны и зарубежных походов российской армии. Более 500 имен, 120 из которых, были до сего времени забыты! Немалая толика, примерно треть этой работы, принадлежит Александру Михайловичу, собравшему массу биографической информации. Кроме того, в число иллюстраций альманаха вошли почти три десятка атрибутированных А. М. Горшманом неизвестных изображений героев войны 1812 года, не попавших в военную галерею Зимнего дворца. Среди них и портрет А. И. Горчакова из Костромского художественного музея²⁵⁶.

Его консультации высококомпетентны, его атрибуции подробны и честны. Требовательный к себе А. Горшман — строгий критик и всегдашний оппонент в спорах. Он обладает профессиональной интуицией исследователя-поисковика. Как сквозь сито просеивает Александр Михайлович центральные архивные фонды, привлекая редкие и забытые издания и документы. Его сведения служат, подчас, единственным подспорьем для провинциальных коллег, и за всем этим стоит огромная многолетняя переписка.

Бережно хранимые портреты предков из дворянских усадеб стали достоянием музеев, лишившись своего первоначального назначения — сохранения летописи рода, традиций и духа семьи. Нигилизм минувшего века с легкостью стер страницы истории, отрекшись от дедов и отцов, вычеркнул и понятие уважения Личности, породив преступную самонадеянность и первобытный беспредел. «Дикость, подлость и невежество не уважают прошедшего, преклоняясь пред одним настоящим», — писал А. С. Пушкин.

Атрибутическим исследованиям Александр Михайлович Горшман посвятил почти сорок лет. Не перечислить все его открытия. Независимо от художественной ценности того или иного портрета, значимости в истории фигуры изображенного (Герой или рядовой Современник), за каждым лицом — личность, судьба, опыт, строка в Истории Отечества.

²⁵⁵ Всесоюзное общество охраны памятников истории и культуры.

²⁵⁶ Ныне Костромской музей-заповедник (КМЗ) — прим. ред.

БАРТЕНЕВ ИЛИ ГРИГОРОВ?

В середине 1970-х годов в Костромской музей изобразительных искусств из Чухломского краеведческого музея имени А. Ф. Писемского поступила на реставрацию большая партия художественных произведений, среди которых находился портрет первой трети XIX столетия, изображавший молодого офицера с энергичным волевым лицом, светло-голубыми, слегка навывкате, глазами, густой шевелюрой и небольшими лихими усиками, обличавшими в нем офицера-кавалериста²⁵⁷.

Полотно попало в Чухломской музей 18 ноября 1922 года по закупке от Ф. И. Семенова, жителя села Тимошино, в котором прежде находился усадебный дом князей Шелешпанских, и было предположительно определено музейными работниками, как портрет хозяина имения Александра Сергеевича Шелешпанского или его брата Петра Сергеевича²⁵⁸.

Однако это противоречило архивным данным о роде Шелешпанских. На портрете, написанном, судя по наградам, вскоре после Отечественной войны 1812 года, изображен молодой человек, а князьям Шелешпанским, Александру и Петру, было в это время соответственно под 60 и свыше 60 лет. Разумеется, что быть моделями портрета братья не могли, поскольку с изображенным их разделяло целое поколение.

Дальнейший поиск модели был нам не под силу, и пришлось обратиться за помощью к московскому фалеристу и формоведу Александру Михайловичу Горшману — знатоку военной атрибуции, создавшему уникальную методику атрибуции военного портрета, успешно им применяемую на практике. И он любезно откликнулся на наш призыв. От нас А. М. Горшман получил фото портрета, а так же цветное описание мундира и наград. Изучив этот материал, он поделился с нами своими предварительными выводами. Он был уверен, что изображенный был офицером одного из конно-егерских полков,

*Неизвестный художник.
Портрет П. А. Шелешпанского.
Холст, масло. 67х55,7. КМЗ*

²⁵⁷ КМЗ ЧКМ ОФ 74.

²⁵⁸ В книге поступлений Чухломского филиала Костромского музея-заповедника эта картина значится как «портрет Петра Александровича Шелешпанского», сына Александра Сергеевича Шелешпанского — прим. ред.

Лифляндского или Переяславского, в зависимости от двойки читаемого цвета приборного сукна мундира.

«Петлицы на воротнике мундира, — писал он, — и выпушки по краям воротника и вдоль мундирного борта темно-красные или малиновые, а эполеты и контрпогончики, сквозь которые эполеты нацепляются на мундир, имеют подложку из сукна оранжевого цвета <...> Мне это говорит совершенно отчетливо, что на время написания портрета, офицер служил в Лифляндском конно-егерском полку, где петлицы и выпушки были красные, или в Переяславском конно-егерском, где приборное сукно, т. е. те же петлицы и выпушки были малиновые. А оранжевое приборное сукно было в Северском конно-егерском полку, а значит, офицер этот ранее и служил в этом самом полку, а уж потом перешел в Лифляндский или Переяславский полк.

Спорить старые петлицы и выпушки дешевле и проще, чем сменить подложки на эполетах, тем более что эполеты кованые, цельнометаллические, с валиками из крученой серебряной нити, сделанные на заказ в специальной мастерской. Эполеты таковые и стоили недешево и служили дольше, и, к тому же, в бою хорошо защищали плечо от сабельного удара»²⁵⁹.

Итак, перед нами офицер Лифляндского конно-егерского полка (Переяславский отпал, когда Александр Михайлович посетил Кострому, вочию осмотрел портрет, и убедился, что цвет приборного сукна именно красный, а не малиновый), и в Лифляндский полк офицер перевелся из Северского конно-егерского полка, в котором служил поначалу.

Высказал свое мнение атрибутист и о чине изображенного: «...а на портрете написан обер-офицер, скорее всего поручик, штабс-капитан или капитан, у старших офицеров (майоров, подполковников и полковников) вокруг крупных эполетных полей шла густая тонкая бахрома»²⁶⁰.

«Таким образом, искать надо было обер-офицера Лифляндского конно-егерского полка, служившего прежде в Северском полку и награжденного, судя по видимым на портрете регалиям, золотой саблей «За храбрость» (пластинка желтого металла с изображением сабельки носилась в те времена обладателями золотого наградного оружия). А под пластинкой видны: знак ордена Св. Анны IV ст. (позолоченный круглый медальон с красным крестиком, заключенным в красное кольцо, на красной ленточке с желтыми каемками), затем серебряная медаль 1812 г. и бронзовая медаль в память 1812 года»²⁶¹.

Вот полное описание формы и наград изображенного, после чего по формулярным спискам в архивах можно было начать розыск конкретного лица, соответствующего полученной информации. Но прежде того, Горшман сделал еще одну важную вещь. Он уточнил датировку написания портрета.

«Портрет же не мог быть написан ранее 1816 года, ибо именно 7-го февраля того самого года, был дан указ о введении на воротники мундиров офицеров конно-егерских полков петлиц цвета приборного сукна с серебряными пуговицами, как мы и видим на портрете, а крайний срок — это 1819-й год, когда

²⁵⁹ Письмо Горшмана А. М. к Сапрыгиной Е. В. из Москвы в Кострому от 26.10.2007 г. С. 2. Все цитируемые здесь и далее письма хранятся в домашнем архиве автора.

²⁶⁰ Письмо Горшмана А. М. к Сапрыгиной Е. В. от 18–19.08.2007 г. С. 4.

²⁶¹ Там же. С. 3.

всем военным было запрещено выставлять воротники белых рубашек из под воротников мундиров, а на портрете как раз и видны такие белые воротнички поверх мундирного воротника»²⁶².

Считав с портрета сведения, уточняющие статус изображенного, Александр Михайлович отправился в Военно-исторический архив, чтоб поднять списки полков, в которых служил искомый, и по чину и наградам определить личность изображенного. Внимание атрибутиста привлек некто Семен Осипович Барте-нев, по некоторым параметрам вписывавшийся в установочную информацию: обер-офицер Северского конно-егерского полка, из костромских (галичских) дворян, однако, отсутствовал список его наград, потому Семен Осипович Бар-тенеv мог считаться лишь кандидатом в модели²⁶³.

Научным работникам музея изобразительных искусств кандидатура С. О. Бартенева также импонировала. Семен Осипович происходил из древнего дворянского рода Бартенеvых, давшего России целую россыпь архитекторов, обогативших Москву рядом превосходных построек, а также выдвинувший из своих рядов издателя и редактора журнала «Русский архив» — Петра Ива-новича Бартенева, который, кстати сказать, приходился племянником Семену Осиповичу Бартенеvу.

Отец Семена Осиповича, «прапорщик Осип Никитич Бартенеv был участ-ником Семилетней войны (1756–1763), служил в корпусе генерала Фермора в армии известного З. Г. Чернышова, и в 1760 году участвовал во взятии Бер-лина. Выйдя в отставку после 1763 года по «вольности дворянства» дарованной императором Петром III, Осип Никитич возвратился на родину, в усадьбу Про-зорово, и там женился на дочери галичского помещика Филиппа Чогликова, Ксении Филипповне»²⁶⁴.

Имя его сына С. О. Бартенева, как возможной модели, хотя и под знаком вопроса даже вошло в цветной альбом «Музеи Костромской земли»²⁶⁵.

Велико же было удивление и разочарование музейщиков, когда А. М. Горш-ман отказался от этой версии, и выдвинул другую кандидатуру, а именно — Пет-ра Федоровича Григорова, как более подходящую под установочные данные, считанные с портрета. Правомерность атрибутиста в отрицании С. О. Барте-нева, как модели портрета, окончательно подтвердилась лишь недавно. Раздо-бытый А. М. Горшманом послужной список выявил расхождение наград, по-лученных С. О. Бартенеvым с наградами изображенного лица. Этот формуляр составлен на 1 января 1816 года, когда в Тираспольском конно-егерском полку числился штабс-капитан С. О. Бартенеv, переведенный в него из Северского конно-егерского полка.

«Семен Осипов сын Бартенеv, из дворян Галицкого уезда Костромской гу-бернии. 26 лет от роду, исповедания греко-русского, а из наград у него имел-ся «Знак отличия Военного ордена», т. е. солдатский Георгиевский крест, затем «серебряные медали за взятие приступом Басарджика на Георгиевской ленте

²⁶² Письмо Горшмана А. М. к Сапрыгиной Е. В. от 18–19.08.2007 г. С. 1.

²⁶³ Позднее старший научный сотрудник Костомского музея-заповедника Г. В. Удовен-ко в результате архивных поисков пришла к выводу, что Семен Осипович Бартенеv не служил в Северском конно-егерском полку — прим. ред.

²⁶⁴ Григоров А. А. Из истории... — С. 31.

²⁶⁵ Музеи Костромской земли. — Л., Художник, 1985. — 244 с.

и за 1812 год на голубой ленте, а также бронзовая сего же года патриотическая на Владимирской ленте и знак ордена Св. Анны IV-го класса в сабле». Золотого оружия у него не было, так что и золотой или золоченой пластиночки с изображением сабельки носить он не мог. Еще во время предыдущей службы, в конноегерском Северском полку, Семен Осипович Бартев в 1818 году был произведен из штабс-капитанов в капитаны²⁶⁶.

Так что, в отличие от новой модели, у старой не сходилась набор наград. Окончательно перечеркнул кандидатуру С. О. Бартева следующий факт, обнаруженный Александром Михайловичем: «Смотрел в архиве приказы Военного министерства на 1817–1820-е года, но не нашел приказа о переводе Бартева из Северского в другой полк, а нашел, что 29 мая 1818 года он был уволен в отставку «за болезнь от ран приключившуюся, с мундиром, чином майора и пенсионом половинного жалования». Он, кстати сказать, под Лейпцигом был ранен ударом сабли в лицо, так что, наверное оставался шрам, а у нашего офицера «морда лица» гладкая»²⁶⁷.

П. Ф. Григорова Горшман отыскал в том же Военно-историческом архиве, по его словам, следующим образом: «...пришлось приниматься за списки офицеров Лифляндского полка, ну и нахожу в связке формуляр на июня 29-е 1816 года штабс-капитана Петра Федорова сына Григорова 2-го, о котором указано, что является он кавалером ордена Святыя Великомученицы Анны IV-й степени, золотой сабли с надписью «За храбрость» и имеет серебряную медаль за кампанию 1812 года, и таковую же бронзовую на Владимирской ленте, и трижды был удостоен Высочайшего благоволения. Также значит, что происходит он из дворян Костромской губернии, где в Чухломском уезде за отцом его состоит недвижимое имение и крестьян «мужеска полу — 22 души». А лет ему на 1816 год — 26. О службе его даны следующие данные. «Поступил юнкером в Северской драгунской, что ныне конно-егерской полк — года 1806 мая 24-го.

Портупей-юнкером в сем же полку — года 1807 генваря 28-го.

Портупей-подпрапорщиком в сем же полку за отличие в сражении — года 1809 октября 20.

Прапорщиком за отличие в сражении — года 1810-го июля 14-го.

Поручиком за отличие в оном же полку года 1812-го декабря 19-го.

А из Северского полка переведен в сей Лифляндской конно-егерской полк тем же чином — 1814 года августа 30-го.

Штабс-капитаном в сем же полку за отличие в службе — 1815 года декабря 12-го»²⁶⁸.

Послужной список Петра Федоровича Григорова полностью совпадает со всеми установочными данными, считанными с портрета неизвестного офицера. И не оставляет ни капли сомнения, что моделью портрета мог быть только он. Кроме него в Лифляндском конно-егерском полку никто из других офицеров не служил ранее в Северском конно-егерском полку, да и не было другого костромича с подобным набором наград. Ни Шелешпанских, ни Бартевых в Лифляндском полку не было. Правда, нашелся в полку еще один Григоров

²⁶⁶ Письмо Горшмана А. М. к Сапрыгиной Е. В. от 15.12.2007 г.

²⁶⁷ Письмо Горшмана А. М. к Сапрыгиной Е. В. от 26. 10.2007 г. С. 4.

²⁶⁸ Письмо Горшмана А. М. к Сапрыгиной Е. В. от 18–19.08.2007 г. С. 4–5.

Алексей Федорович, но он был майором и имел ордена Св. Анны II-го класса и Св. Владимира IV-й ст. с бантом. Естественно, что был он братом Петра Федоровича и «перетянул» его под свое крыло, тем более что по чину майора он мог командовать эскадроном или даже дивизионом.

Лишь один вопрос остался без ответа: «По какой причине масляный портрет Петра Федоровича Григорова мог оказаться в Тимошине, в господском доме князей Шелешпанских?» Чужих портретов в фамильных галереях не держали, только близких или дальних родственников. Но никаких родственных связей князей Шелешпанских и Григоровых нам пока обнаружить не удалось, в отличие от родства Шелешпанских с Бартеневыми. Впрочем, Александр Михайлович и в этом вопросе поделился своими соображениями: «А в имени Шелешпанских портрет этот мог оказаться вследствие немалого числа причин. Вот Вам первая: несомненно, Григоров был знаком с Семеном Бартеневым, ибо тоже служил в Северском конно-егерском полку, и, может быть, Григоров этот был холост, и детей не имел, и почил в бозе, когда Бартнев был еще здоров, и отказал ему свой портрет, так сказать, на память. Еще причина наоборот: Григоров был женат, наплодил кучу наследников, и кто-то из них женился на ком-то из Бартневых чад, а то и прямо на княжнах Шелешпанских, или замуж вышла за того или другого. А может быть, кто-то из более поздних Шелешпанских собирал портреты земляков-костромичей, участников Отечественной войны 1812 года, и приобрел портрет Григорова, а может быть, тот житель села Тимошина, у которого портрет был куплен, уже при советской власти, спер его где-то в Солигаличском уезде, а может, и в Чухломском или в Буйском — как можно знать за давностью лет, когда столько разных переворотов произошло?»²⁶⁹

Действительно, как знать? Может, со временем, и отыщутся документы, которые смогут подтвердить родство Григоровых и Шелешпанских прямо или через общих родственников Бартневых, и, следовательно, и обоснованность миграции портрета Григорова, а пока мы можем лишь уповать на это.

Казалось бы, что атрибуция портрета Петра Федоровича Григорова благополучно завершена, и, вряд ли, может иметь продолжение или дополнение, однако, судьба преподнесла исследователям еще один, заключительный сюрприз. В одной из встреч с костромским искусствоведом Светланой Сергеевной Катковой я поведала ей о приблизительной датировке портрета Григорова Горшманом, путем указа о ношении воротников рубашки под воротом мундира, говорящего, что портрет не мог быть написан позже 1819 года, на что та преспокойно заметила, что данный портрет написан в 1822 году, и она была свидетелем, как реставратор Лев Александрович Богомолов очистив полотно, открыл внизу его на лицевой стороне темные цифры «1822», что не может означать ничего другого, кроме даты написания портрета. Посетовав на то, что я не получила этих сведений ранее, я сообщила новость Александру Михайловичу, и он отозвался письмом от 05. 04.2008: «Насчет же того, что мог ли быть написан портрет П. Ф. Григорова в 1822 году, то скажу Вам, что вполне мог быть написан. В полках, находившихся вдали от петербургского, московского и всякого иного начальства, офицеры позволяли себе всякие мелкие вольности

²⁶⁹ Письмо Горшмана А. М. к Сапрыгиной Е. В. от 18–19.09.2007 года

в ношении форменной одежды. В запаснике Исторического музея видел я портрет майора Рыльского пехотного полка, датированный 1823 годом, так у него белые воротнички из-под черного офицерского шейного платка были выпущены до самых ушей. То же в Историческом музее есть портрет М. А. Фонвизина в генеральском мундире, датированный 1820-м годом, и у него тоже видны белые воротнички. На портрете М. С. Лунина работы П. Ф. Соколова, датированном 1822 годом, тоже видны белые воротнички, изрядно вытасщенные из-под шейного платка при полной форме Польского уланского полка, в коем Лунин тогда служил ротмистром.

Первая конно-егерская дивизия, в которую входил Лифляндский конно-егерский полк, в мундире коего Григоров представлен на портрете, расквартирована была в Люблинской губернии с 1816 по 1833 год, а самый Лифляндский полк стоял близ городка Ломжа, то есть, в самой что ни на есть глухомани, ну и офицеры позволяли себе и воротнички вытасщить из-под шейного платка, и носить эполеты не своего полка, и даже миниатюрные колодки с наградами тоже носились вдали от строгих очей сурового начальства. 1816—1819 года, которые я назвал, это примерные временные рамки в датировке портрета, а допуск в 2—3 года позже вполне допустим, принимая во внимание указанные причины».

От себя я бы в число этих причин добавила бы еще одну возможную: просьбу художника выпустить воротнички, чтоб оттенить цвет лица офицера. В любом случае уточнение датировки написания портрета не влияет на саму атрибуцию, разве делает модель старше, и перед нами не 26-летний офицер, а 32-летний, что, кстати сказать, больше соответствует зрительному ощущению возраста изображенного, да и чином он будет повыше, не штабс-капитаном, а капитаном.

ХАНЫКОВ ИЛИ СЕЛИФОНТОВ?

Э тот небольшой погрудный портрет, написанный маслом и изображающий неизвестного сановника в преклонных годах, увенчанный высокими наградами в виде двух орденских звезд на сюртуке²⁷⁰, хранится в Костромском художественном музее²⁷¹. Он давно приковал к себе мое внимание, ассоциируясь с образом деда Николая Николаевича Селифонтова — Иваном Осиповичем, Сибирским генерал-губернатором, видимо потому, что изображенный имел фамильное сходство с поздними портретами председателя Костромской архивной комиссии, и, кроме того, в бумагах Н. Н. Селифонтова есть упоминания о двух портретах его деда в пятидесятилетнем и семидесятилетнем возрасте. В последнем, из упоминаемых им изображений, я и заподозрила портрет неизвестного сановника.

Я поделилась своими соображениями с нашим преданным, бескорыстным и очень компетентным консультантом — московским атрибутистом А. М. Горшманом еще в 80-х годах XX столетия, послав ему фотографию с портрета и цветное описание наград изображенного, но он, проигнорировав мою версию, выдвинул несколько встречных гипотез, ни одна из которых нас не удовлетворила, и портрет, что называется «провис» на многие годы. Однако деловые контакты с А. М. Горшманом не прекращались, и он неоднократно радовал нас своими атрибуциями костромских произведений. И вот я получаю от него письмо, датированное 12.01.1995 г., в котором он сообщает: «...Странное дело соприкоснулось со мной в моей атрибутической деятельности недавно. Есть в Москве такой коллекционер старинной гравюры и литографии Романов Петр Степанович. Заехал к нему где-то с месяц назад, и он выложил целую стопу литографированных портретов разных сановников, сделанных иностранными

*Неизвестный художник.
Портрет В. В. Ханькова.
Холст, масло. 34х27,5. КМЗ*

²⁷⁰ КМЗ КХМ РП 466. Автор ошибочно указывает только на две награды, изображенные на портрете, в то время как модель изображена с четырьмя наградами, а именно звездой ордена Св. Александра Невского, звездой ордена Св. Владимира II-й степени, орденом Св. Георгия IV степени, орденом Св. Анны I-й степени — прим. ред.

²⁷¹ В настоящее время ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник» — прим. ред.

мастерами, преимущественно немецкими, что для качества этих литографий было очень способно, ибо самые лучшие литографии делали немцы. И среди них портрет сановника точь в точь, как тот портрет, фото с которого вы мне прислали как-то. И я все блукал с его определением. То прикидывал, что написан генерал А. М. Римский-Корсаков в отставке, то еще кто-то, и в конце концов, пришли мы с Вами к выводу, что, скорее всего, изображен Иван Осипович Селифонтов в отставке и преклонных летах. Написан на портрете старый человек в сюртуке с орденовыми звездами, орденом Св. Анны на шее и Георгием IV степени на лацкане сюртука. Поскольку фотография у меня сохранилась, то я заезжал к Романову еще раз, захвативши ее с собой, и сравнивал с фотографией. Ну, прямо один к одному, одна капля воды. Но подписана фотография по-немецки, что изображен на ней: «Echter Geheimrat I klasse und der Botschafter Russlandische Rtgerung bei Sacksen-Weimar Konigreit und Mecklehbiergische und Gessen-Kassel Furstentum W/W/ Chanikoff «т. е. «действительный тайный советник и русский посол при Саксен-Веймарском королевстве и княжествах Мекленбург и Гессен-Кассель В. В. Ханыков», а датирована литография была 1826 годом. Персонаж этот мне был хорошо знаком, ибо до 1819 года числился он генерал-лейтенантом, в какой чин произведен был еще при Павле I в 1798 г. А в 1813–1814 годах находился он при Главной квартире русских войск, и был в сражениях под Люценом, Бауценом, Дрезденом, Лейпцигом, во всех крупных сражениях кампании 1814 года, и при взятии Парижа. И посему, включил я его в число генералов, кои должны были быть в галерее генералов 1812 года в Эрмитаже. Этот Ханыков, звали его Василий Васильевич, был уроженцем Калужской губернии, но были у него земли и имения в Ярославской и Костромской губерниях. Была ветвь ярославских Ханыковых, находившихся в родстве с Ханыковыми калужскими. Очевидно, этим и можно объяснить тот факт, что портрет В. В. Ханыкова оказался в Костроме. Ордена у него были те же самые, что и на нашем портрете. Года рождения он был 1759, и к 1826 году было ему 67 лет, что не противоречит внешности сановника на литографии, тем более, что молодость у него была очень бурная и насыщенная разными событиями»²⁷².

Портрет В. В. Ханыкова с подробной биографической справкой был внесен в 7-й том Российского архива, поскольку, атрибуция портрета была убедительна и, казалось бы, не вызвала сомнений²⁷³. Действительно, и возраст модели и награды, и даже внешность, совпадавшая с другим графическим изображением, давали ощущение полной уверенности в выборе данного лица, и тем не менее...

Весной 2003 года я получила от А. М. Горшмана письмо, которое кардинально меняло всю атрибуцию портрета В. В. Ханыкова: «<...> переписываюсь я с одним коллекционером в Талинне, Кукелем Федором Максимовичем, который шибко интересуется историей Русской Америки и собиранием всяческих материалов, касающихся Российско-Американской кампании, в том числе, и изображений президентов сей компании, и правителей русских колоний в Америке, и вообще, всех лиц, соприкасавшихся с деятельностью Российско-Американской кампании. Познакомился я с ним еще осенью 90-го года, когда ездил

²⁷² Письмо Горшмана А. М. Сапрыгиной Е. В. от 12.01.1995 г.

²⁷³ Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX в. Т. VII. – М.: Студия «Трит» Никиты Михалкова, 1996. – С. 597.

в Питер, и работал там около двух недель в Центральном Военно-морском архиве, отыскивая послужные списки морских офицеров и адмиралов, портреты которых надобно было определить. Он время от времени присылает мне портреты военных и чиновных лиц, которые либо служили в Российско-Американской кампании, либо, имели какое-то отношение к ней, для подтверждения по мундирам и регалиям, что это именно те самые лица. Прислал мне фото, сделанное с гравюры, в свою очередь, выполненной с портрета, фотографию с которого Вы прислали мне еще в начале 80-х годов, и которую (фотографию то есть) идентифицировал я в середине 90-х годов с изображением генерал-лейтенанта В. В. Ханькова. Под гравюрой имеется надпись: «Сенатор И. О. Селифонтов», а вот где она выполнена, кем и когда — это неизвестно. А Кукель как раз и просил меня выяснить авторство гравера, ну и подтвердить, были ли у И. О. Селифонтова те самые ордена, которые показаны на гравюре и на фотографии с портрета, который находится в Костроме, ибо я писал ему об этом портрете. Во всяком случае, портрет И. О. Селифонтова, который находится в Костроме, вполне может им и оказаться»²⁷⁴. Затем Александр Михайлович занялся перепроверкой наград И. О. Селифонтова по архивным и библиотечным источникам. О результатах он сообщил в письме от 24.07.03: «Насчет наград Селифонтова я теперь хорошо осведомлен. По росписи сенаторов в адрес-календаре с росписью чинов Российской империи на 1805 год, он уже значился в чине действительного статского советника и кавалера орденов Св. Александра Невского с алмазами, Св. Владимира II-й степени, Св. Анны I-й степени с алмазами и Св. Георгия IV-го класса, да еще был у него командорский Мальтийский крест, полученный во время правления Павла I-го. По отставке Селифонтов был награжден орденом Владимира I-й степени, и ему был пожалован пансион полного жалования. На портрете, фото с которого Вы присылали, у него и видны эти награды, кроме Мальтийского креста, которого, видимо, он не носил. Судя по изображению на портрете, Селифонтов был написан в годах весьма преклонных, ему уж явно было хорошо за 70, что могло быть в конце десятых годов XIX века, а Мальтийский крест был упразднен в Российской империи в 1810 году. Кто-то из кавалеров и командоров еще продолжал носить знаки ордена, но многие его сняли; ни на одном из последних портретов Кутузова, Барклая, Бенигсена Мальтийского ордена не видать, вероятно, перестал носить его и Селифонтов»²⁷⁵.

Уточнив награды изображенного И. О. Селифонтова, и уверившись в их идентичности, мы, взяв во внимание и другие вышеописанные приметы, пришли к выводу, что на портрете все же изображен не Ханьков, а Селифонтов. Его биографию мы обнаружили в «Русском биографическом словаре»: «Селифонтов Иван Осипович, Иркутский и Колыванский генерал-губернатор и сенатор. Родился в 1744 году, умер в 1822 году. Происходил из дворян Ярославской губернии. Получив образование в Морском корпусе, был выпущен отсюда в 1760 году с чином гардемарина и служил по флоту до 1782 г. В 1762 г. по Высочайшему указу, данному Адмиралтейской коллегией, был командирован в Англию во время войны этой последней с Испанией и Францией, а с 1763 — 1765 гг. был на английской службе, и участвовал в военных действиях Англии против

²⁷⁴ Письмо Горшмана А. М. Сапрыгиной Е. В. от 17.07.2003.

²⁷⁵ Письмо Горшмана А. М. Сапрыгиной Е. В. от 24.07.2003.

ее американских колоний. В 1765 году возвратился в Россию, и тогда же был командирован на о. Мальту. С 1765 года по 1769 год Селифонтов находился на службе на мальтийских кораблях, и участвовал в некоторых военных предприятиях о. Мальты. В 1770 году был определен в штат Адмиралтейской коллегии генеральс-адъютантом, а с 1772 года почти ежегодно, до выхода из морской службы, находился в плавании. Так, в 1772 году Селифонтову довелось принимать участие в морской кампании в Средиземном море (в экспедиции Чичагова), и быть в морском сражении в Патросском заливе. В 1776 году Селифонтов был командирован с каким-то серьезным поручением на фрегате «Святая Мария» в Любек и Гамбург. В 1782 году Селифонтов был отставлен от морской службы с чином бригадира, и перешел на гражданскую, на должность председателя Пермской палаты уголовного суда. Служба последовательно в Перми, Тобольске и Рязани, в 1796 году Селифонтов был назначен уже в чине генерал-поручика Иркутским и Кольванским генерал-губернатором. В 1797 году был назначен сенатором, в 1803 году — снова генерал-губернатором Тобольским, Томским и Иркутским, в 1805 — снова сенатором (по апелляционному департаменту). В 1806 году вышел в отставку. В 1822 году скончался в своем имении Сывороткино Ярославской губернии, Романово-Борисоглебского уезда.

Таким образом, костромская история обрела еще одно изображение своего земляка, ведь, хотя Иван Осипович Селифонтов был приписан к ярославскому дворянству, но, в то же время, его сын унаследовал от родственников костромское имение в Нерехтском уезде село Семеновское с деревнями, которое он посещал, и которое после сына перешло к внуку Николаю Николаевичу Селифонтову, опубликовавшему в «Русском биографическом словаре» пространную биографию своего деда²⁷⁶.

---

²⁷⁶ Русский биографический словарь. Т. 17. — СПб., 1904. — С. 292.

ПЯТКИН ИЛИ ЛОПАТИН?²⁷⁷

В конце 1990-х годов в Костромской историко-архитектурный музей-заповедник из Кологривского филиала поступил для реставрации портрет XVIII века, с изображением неизвестного военного²⁷⁸. По старым книгам поступлений было известно, что полотно попало в музей из усадьбы кологривских помещиков Пяткиных. Как правило, усадебные портреты изображали их хозяев, или близких родственников, а потому музейные сотрудники были склонны видеть в модели кого-либо из помещиков Пяткиных. Приглядимся к портрету. Средних лет офицер в однобуклевого парике, обрамляющем длинное узкое лицо, с широкими черными бровями, высоким лбом и волевым подбородком, смотрит в упор на зрителя, широко открытыми глазами. Он одет в мундир палевого цвета, обшитый по бортам широким галуном, из-под которого виден жилет, обрамленный сверху небольшим белым жабо. На левом плече изображенного — эполет с двумя кистями. Награды отсутствуют, лишь с пуговицы жилета свисает неизвестная нам медаль овалобразной формы.

Как обычно, мы послали фото с портрета, а также цветовой описание мундира и аксессуаров А. М. Горшману с просьбой определить полк, а по возможности, и чин модели, на что тот незамедлительно отвечал: «<...> у персонажа на портрете отчетливо виден широкий галун, нашитый вдоль борта камзола, и галуны таковые полагались всем штаб-офицерам от секунд-майоров до подполковников включительно (у полковников Екатерининского времени галуны на камзоле были двойные), да еще плюс медаль депутата комиссии по составлению Нового Уложения законов»²⁷⁹.

А. М. Горшман сообщил также, что модель портрета изображена в мундире Екатеринославского кирасирского полка.

Пришлось заняться родословием Пяткиных, штудиря документы Государственного архива Костромской области. Однако как они показали, большинство представителей данного рода состояло на штатской службе, а чин редких военных не поднимался выше прапорщика, не говоря уж об отсутствии депутатов Екатерининской комиссии среди представителей данной фамилии, а посему, вопрос об идентификации кого-либо из Пяткиных с моделью портрета остался без ответа и «провис» на целых семь лет. Нельзя, однако, сказать, что это время для исследователей прошло впустую, так как, работая над уже другими персоналиями в Государственном архиве Костромской области, автору данной статьи удалось, вернее посчастливилось, набрести на архивное дело, пролившее свет на загадочную личность, запечатленную на кологривском портрете.

²⁷⁷ Существует альтернативная версия атрибуции портрета. См.: Паласиос-Фернандес Р. Портрет кирасирского офицера из Кологрива. Вопросы атрибуции // Старый Кайтагаз. 2011. № 6.

²⁷⁸ КМЗ КРМ ОФ 1262.

²⁷⁹ Письмо Горшмана А. М. Сапрыгиной Е. В. Москва. 02.08.1999 г.

Открывается оно прошением кологривского помещика, отставного прапорщика Михаила Гавриловича Пяткина на имя костромского губернатора Н. И. Кочетова: «Имел я у себя родного по матери брата секунд-майора Михаила Федорова сына Лопатина, который по отставке от военной службы, приехал в поместье наше, состоящее Кологривской округи в деревне Брагиной, и привез с собою из службы называемою женою Александру Евдокимову, с коей и детей прижил, и ввел их в свою родню. В 1799 году в декабре месяце брат мой заболел, и перед смертью открыл мне, якобы называемая законной, не есть законная жена его, и что я все сие узнать могу из бумаг и документов, какие после него останутся. Но та хитрая женщина, предупредя все сие, забрав всякое движимое имение как-то: деньги, платье, в том числе бумаги, уехала в столичный город Москву <...> Я вслед за нею приехавши в 1800 году в генваре месяце в Москву, узнал там, что она не Александра, так как именовалась Афросиньей Евдокимовой, купленная братом моим у княгини Прасковьи Федоровны Борятинской, и от онаго брата моего прошлого 1786 году октября 22 дня отпущена вечно на волю, в чем и отпускная дана, писанная бывшей Орловской палаты гражданского суда у крепостных дел. Теперь недостает только к открытию ее самозванства того, каким образом, и почему она называлась брата моего женою, переменя себе имя, а как после смерти брата моего осталось недвижимое и движимое имение, состоящее Кологривской округи в деревне Брагине с деревней, к которому я состою законным наследником, но та, называющаяся брата моего женою Афросинья Евдокимова, считая себя законною наследницею в сем, тем имением пользуется и крестьян приводит в раззорение, а меня до того владения не допускает»²⁸⁰.

Из этого дела, кстати сказать, закончившегося в пользу обвиняемой, мы узнали о единоутробном брате М. Г. Пяткина — отставном секунд-майоре М. Ф. Лопатине, и заинтересовались им как возможной моделью нашего портрета, ибо, по двум признакам: как владелец бывшего имения Пяткина деревней Брагиной и офицерским чином секунд-майора, он соответствовал модели. Более того, в одном из печатных источников, посвященных истории Екатерининской комиссии, мы нашли доказательство причастности к ней Михаила Лопатина. В списке депутатов Комиссии для сочинения проекта Нового уложения был и Лопатин Михайла, капитан, Крапивенского у. (Центрального уезда Тульской губернии)²⁸¹.

Видимо, там, в Тульской губернии, жила вдова Пяткина со своим 2-м мужем — отцом Михаила Лопатина. А последний переехал в Костромскую губернию уже после участия своего в Екатерининской комиссии, по отставке от военной службы.²⁸²

К сожалению, в собранных документах, посланных нами для резюме А. М. Горшману, не оказалось упоминания о полке, в котором служил М. Ф. Лопатин, что, впрочем, не обескуражило атрибутиста, подошедшего к загадке с другого конца, и блестяще разрешившего ее. В письме от 11.03.2006 года он

²⁸⁰ ГАКО. Ф. 133. Оп. 1. Т. 1. Д. 1589.

²⁸¹ Исторические сведения о Екатерининской комиссии для сочинения проекта Нового уложения. Д. Поленова. Ч. 2 — СПб., 1871. — С. 583.

²⁸² Е. В. Сапрыгина ошибается, утверждая, что капитан Михаил Лопатин включен в Список депутатов «Комиссии...» В действительности, он включен в Список дворян Московской губернии, подписавших наказы, данные депутатам в Комиссию для сочинения проекта — прим. ред.

писал: «Да, насчет вашего Лопатина, изображен он в мундире Новотроицко-Екатеринославского кирасирского полка со штаб-офицерскими галунами на камзоле. В 1-й части «Летописи Новотроицко-Екатеринославских драгун» К. К. Агафонова (СПб, 1908 г.), где приведены списки офицеров, служивших в полку в XVIII столетии, есть секунд-майор Михаила Лопатин, переведенный в этот полк из Лейб-кирасирского наследника Цесаревича полка ротмистром в 1761 году, в секунд-майоры произведен в 1765 году, уволен от службы в 1768 году».

Обстоятельство, что Михаила Лопатин, действительно, служил в 1760-х годах в Новотроицко-Екатеринославском кирасирском полку, и носил мундир, изображенный на портрете, а также был причастен к Екатерининской комиссии, как и модель с портрета с медалью депутата Екатерининской комиссии, в сочетании с тем фактом, что Лопатин был совладельцем кологривского имения Брагино, откуда поступил портрет, окончательно доказывает, что моделью данного произведения может быть только один человек, и это — отставной секунд-майор Новотроицко-Екатеринославского полка Михаил Федорович Лопатин, позировавший неизвестному художнику в период с 1765 года, когда получил чин секунд-майора, и по 1768 год, когда вышел в отставку.

Подробности его биографии и биографий его близких родственников изложены в двух статьях Е. В. Сапрыгиной «Пяткины — крестные дети П. А. Катенина» и «Страсти по деревне Брагиной» из книги «Стражи времени» — первой части диптиха, вторую часть которого «Слуги времени» читатель сейчас держит в руках²⁸³.

*Неизвестный художник.
Портрет секунд-майора Новотроицкого
Екатеринославского кирасирского полка
М. Ф. Лопатина. 1770-е гг. Холст, масло.
85x62. КМЗ*

²⁸³ Сапрыгина Е. Стражи времени. — Кострома, 2005.

ПОРТРЕТ ВДОГОНКУ

Несмотря на довольно богатый изобразительный ряд первого тома книжного диптиха «Стражи и слуги времени», в него не попало несколько очень нужных иллюстраций, в основном, портретов, которые удалось отыскать лишь после его выхода в свет. Имея в виду, что книги диптиха предполагают двуединство, мы считаем возможным опубликовать вновь найденные портреты во втором томе диптиха с соответствующими комментариями и под названием «Портреты вдогонку».

Это в первую очередь, касается изображения главного героя статьи «Подмастерье поэта» из раздела «П. А. Катенин и его окружение» — Дмитрия Петровича Зыкова (1798—1827), сослуживца Катенина по Лейб-гвардии Преображенскому полку, и одного из первых критиков на поэму А. С. Пушкина «Руслан и Людмила».

На рисунке изображен сидящий за раскрытой на столе нотной тетрадью совсем молодой офицер в мундире одного из Лейб-гвардейских полков. Рядом с ним гитара. Вспоминаются показания самого Д. Зыкова, данные позднее в Следственной комиссии по делу декабристов, очень характеризующие его в эти годы: «Быв девятнадцатилетним юношею, или лучше сказать ребенком, я увлекался примером, восхищался тем, чем другие увлекались, желал знать, что все знают и переписывал стихи Пушкина, которые мне попадались, единственно из подражания, без всякого дурного намерения»²⁸⁴.

Именно таким и предстает перед нами молодой офицер с новоявленного портрета. А обрести его помогла нам соавтор книги «Слуги времени» по серии статей «Петербург Катенина» — И. Б. Муравьева, биографическую справку которой мы считаем уместной привести в данный момент.

Ирина Борисовна Муравьева родилась 28 сентября 1961 года в Ленинграде. В 1978 году, после окончания школы, поступила на службу в библиотеку Ленинградского технологического института имени Ленсовета (ныне Санкт-Петербургский государственный институт — технологический университет). Работала сначала на профессорском абонементе, затем в отделе научной обработки литературы, а ныне — в секторе истории книги, где занимается изучением книг дореволюционных годов издания и книг первых послереволюционных лет, а также экслибрисов, дарственных надписей и заметок в текстах книг. Окончила вечернее отделение исторического факультета Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова (ныне Санкт-Петербургский государственный университет) по кафедре античности. Участвовала в ряде конференций, в том числе в Катенинских и Селифонтовских чтениях в Костроме в 1992 и 2000 годах, а также в ряде генеалогических и библиотечных конференций в Петербурге. Из печатных трудов имеются статьи о катенинских местах в Петербурге (Труды Катенинских чтений), о письмах В. М. Жемчужникова к Н. Н. Селифонтову («Памяти Селифонтова». Кострома. 2000), о Перовских и дочери

²⁸⁴ Восстание декабристов: Документы. Т. XVIII. — М., 1984. — С. 227.

Прасковьи Кампенгаузен в «Известиях РГО», о личных библиотеках ректоров Технологического института (в журнале «Библиотечное дело» № 1 (25). 2005)), о В. Я. Курбатове, как химике и историке искусств («На пересечении наук. К истории междисциплинарных исследований в науке.» (Межвузовский сборник научных трудов. — СПб. СПб ГТИ (Т. V., 2005), о книгах, изданных в период Первой русской революции («Первая русская революция 1905 – 1907 годов и проблемы становления гражданского общества в России: Межвузовский сборник научных трудов» — СПб ГТИ (Т. V.), 2006), а также ряд статей в газете «Технолог» об ученых Технологического института и их книгах»²⁸⁵.

К. К. Гампельн. Портрет Д. П. Зыкова.

Очевидно, что при таком образовании, любви и знании редких печатных источников, участия в создании диптиха «Стражи и слуги времени», И. Б. Муравьева внутренне была готова к выявлению и опознанию портрета друга и однополчанина П. А. Катенина — Дмитрия Петровича Зыкова, хотя, на первый взгляд, это событие кажется случайным.

История обнаружения портрета следующая. Соавтор некоторых статей данного сборника И. Б. Муравьева, обнаружившая снимок с портрета в редком специальном печатном издании, так описывает эту находку: «В эту пятницу я зашла в «Мир искусства», букинистический магазин на Невском. З. Попалась мне в руки книга «Русская графика. XVIII — перв. половины XIX века: Новые материалы» /Гос. Русский музей. — Л.: Искусство. 1984. Раскрываю ее на с. 140–141 и... лишаюсь дара речи! На с. 141 воспроизведен портрет Дмитрия Петровича Зыкова работы К. Гампельна! Рисунок великолепный!.. Естественно, книги этой я уже из рук не выпустила.

На с. 140. (что я прочла уже позже) написано: «... портрет юного офицера, в форме гвардейского пехотного полка, сидящего за столом с книгой. На стуле рядом — гитара. На обороте рисунка карандашная надпись: Дмитрий Зыков.

Так же, как и в случае с портретом Херхеулидзева, за отсутствием каких-либо других портретов этих лиц, мы можем лишь высказать предположение, что здесь изображен декабрист и писатель Дмитрий Петрович Зыков, принятый в Тайное общество в 1823 году...» Сноска 55; ГТИ, р. — 4956. Б., ит. и цв. кар.; 33,5x27,5 9 (в свету). Внизу справа монограмма: СН. Поступил из Музейного фонда (ранее в собрании Волковых).

²⁸⁵ Кроме того, И. Б. Муравьева является двоюродной племянницей автора диптиха «Стражи и слуги времени» Е. В. Сапрыгиной, которая приходится двоюродной сестрой матери Ирины Борисовны — Кларе Константиновне Муравьевой, урожденной Шишало-вой (1933–2006) — Е. С.

Статья С. И. Великановой «Новые факты творческой биографии К. К. Гампельна». С. 126—145»

Портрет, как видишь, очень хороший. Посылаю его тебе»²⁸⁶.

Имя и фамилия изображенного довольно распространенные, а отчество отсутствует. Чтобы избежать того, что изображенный Д. Зыков оказался лишь тезкой и однофамильцем катенинского друга и однополчанина, надо убедиться, что он служил именно в Лейб-гвардии Преображенского полку, а не в каком-либо другом, пусть и гвардейском полку, и именно в те годы, когда был нарисован изображенный гвардеец. Портрет его, к сожалению, не датирован. Подобную экспертизу мы попросили сделать Александра Михайловича Горшмана. А пока, дожидаясь его ответа, подняли биографическую справку о художнике: «Гампельн Карл Карлович. Гравер, литограф и рисовальщик, р. в 1794 в Москве, ум. после 1880 там же. Воспитанник института для глухонемых в Вене, затем там же учился в Академии художеств. В 1817—1826 жил в Петербурге, позднее в Москве». Далее следует перечисление его работ и их местонахождение²⁸⁷.

Для нас наиболее значительным моментом этой справки является проживание художника с 1817 года по 1826 год в Санкт-Петербурге, ведь именно там квартировали Лейб-гвардейские полки, и там, в Северной столице встретился художник со своей моделью. Но когда же именно? Вряд ли в 1818 году, поскольку, первые батальоны гвардейских полков почти целый год пребывали в Москве на закладке храма Христа Спасителя. Значит позднее, начиная с 1819 года. Приблизиться к более точной дате создания портрета позволило письмо А. М. Горшмана от 19. 07. 2006 года: «Зыков Ваш нарисован Гампельном в мундире Преображенского полка не ранее начала 1818 года, когда в трех старейших гвардейских пехотных полках, Преображенском, Семеновском и Измайловском, были введены красные нагрудные лацкана с белой выпушкой по краям. Только в Преображенском полку петлицы на воротниках мундиров и рукавных клапанах были в виде горизонтальных восьмерок из перекрещивающихся дубовых и лавровых ветвей. Эполеты у него по типу начала двадцатых годов, во всяком случае, до 1827 года, когда форма эполет была несколько изменена, и были введены звездочки для различия чинов. У Зыкова звездочки отсутствуют, так что, угадать в каком он состоит чине, никак нельзя. Обер-офицер, поручик ли, штабс-капитан или капитан — сие неизвестно. Это Вам лучше знать в каком чине он был в начале 20-х годов XIX века».

Благодаря компетентной консультации А. М. Горшмана картина стала проясняться. На рисунке К. Гампельна изображен именно наш Дмитрий Петрович Зыков в мундире Лейб-гвардии Преображенского полка. Дата создания произведения — начало 20-х годов XIX столетия, причем, наиболее вероятная (по молодежовому виду модели) ее ранний рубеж — 1820-й год, когда молодому офицеру, родившемуся в 1798 году, было 22 или, может быть, исходя из неизвестного нам месяца рождения, 21 год, что по тем временам считалось возрастом совершеннолетия — это ли не причина заказа портрета!

²⁸⁶ Письмо Муравьевой И. Б. к Сапрыгиной Е. В. от 2.11.2006 из Петербурга в Кострому.

²⁸⁷ Художники народов СССР.: Библиографический словарь. Т. 2. — М., 1972. — С.406.

В ту пору Дмитрий Зыков был в чине поручика Лейб-гвардии Преображенского полка и по наущению своего друга и начальника П. А. Катенина опубликовал в «Сыне Отечества» критическую статью под названием «Письмо к сочинителю Критики на поэму «Руслан и Людмила»²⁸⁸, навсегда закрепившую его имя в анналах отечественной литературы. Таким образом, был пополнен изобразительный ряд окружающих П. А. Катенина лиц. Подробная биография Д. П. Зыкова, как и история его взаимоотношений с П. А. Катениным, изложены в очерке «Подмастерье поэта» в книге Е. Сапрыгиной «Стражи времени» на страницах 189–200.

---

²⁸⁸ Сын Отечества. 1820. № 34–37.

ИКОНОГРАФИЯ А. И. ГОТОВЦЕВОЙ

Русскую поэтессу пушкинской поры Анну Ивановну Готовцеву, в замужестве Корнилову (1808–1871), нельзя причислить к литераторам первого круга, а может, даже и второго. Пребывая на периферии, как в географическом, так и в творческом смыслах, обладая весьма скромным дарованием и небольшим по объему литературным наследством, рассыпанным по страницам дореволюционных журналов (собрание ее, по большей части неопубликованных стихотворений, осуществилось уже в наше время), она, тем не менее, не была поглощена временем, как масса неизвестных поэтов, а осталась в анналах отечественной литературы. В чем же причина этого феномена?

Гений А. С. Пушкина признан не только русской, но и мировой культурой в целом, а потому, его личная и творческая биография в течение двух столетий привлекает внимание не только отечественных, но и зарубежных исследователей, как и биографии тех людей, которые попали в жизненную или творческую орбиту поэта. Под лучами славы гения они просто обречены на известность, а некоторые и на бессмертие.

Так произошло и с Анной Ивановной Готовцевой, что отнюдь не означает отсутствия у нее таланта, наоборот, ее стихи вызвали положительную оценку даже такого компетентного и справедливого критика, как В. Г. Белинский, отмечавшего, что в стихах поэтессы «проглядывает чувство».

До семидесятых годов XX столетия биографии А. И. Готовцевой, как таковой, просто не существовало. Основу ее заложил посредством кропотливых архивных изысканий костромской историк-краевед В. Н. Бочков, опубликовавший помимо нескольких статей в местной прессе и обобщающую итоговую справку о поэтессе в библиографическом словаре «Русские писатели. 1800–1917»²⁸⁹. Кроме того, после смерти писателя была опубликована его книга «Костромские спутники Пушкина, куда вошел очерк и об А. И. Готовцевой «Твой недосказанный упрек»²⁹⁰.

Дату рождения А. И. Готовцевой, приведенную автором в вышеуказанных источниках – 1799 год, документально опроверг костромской краевед П. П. Резепин, отнеся ее к 1808 году. Соответственно этим сведениям, Анна Ивановна Готовцева была младшим ребенком в семье отставного поручика, буйского помещика Ивана Михайловича Готовцева и его жены, дочери нерехтского судьи Анастасии Петровны, урожденной Бизеевой. Кроме Анны, семья насчитывала еще четырех детей, ее сестер: Марию, 1793 года рождения, Александру, 1795 г. р., и братьев Петра и Михаила, 1801 г. р. Местом рождения поэтессы стало село Панфилово Буйского уезда Костромской губернии, приобретенное главой семьи в 1803 году.

²⁸⁹ Русские писатели. 1800–1917. Т. 2. Г-К. – М., 1992.

²⁹⁰ Бочков В. Костромские спутники Пушкина. – Кострома, 2000.

Неизвестный художник.
 Портрет неизвестной. 1840-е гг.
 Холст, масло. 84x66. КМЗ
 (А.И. Готовцева?)

Иван Михайлович Готовцев служил уездным землемером, пока не переехал в Кострому, где занял должность заседателя палаты гражданского суда. Умер он примерно в 1820 году в Костроме. Во главе осиротевшего семейства встала Анастасия Петровна, его вдова, еще полная жизненных сил, поскольку, была гораздо моложе мужа. Детям она дала приличное домашнее образование, а некоторые сверх того еще учились и в государственных учебных заведениях. Так, Михаил Иванович, по окончании кадетского корпуса, получил чин подпоручика, а Александра Ивановна после успешного окончания Смольного института, где ее имя было увековечено золотом на Почетной доске, в 1823 году вышла замуж за Валериана Никандровича Жадовского, морского офицера, жителя Ярославля, который по отставке из военной службы, состоял чиновником особых поручений при ярославском губернаторе, а позднее председателем Ярославской гражданской палаты. Однако будучи слабой здоровьем, Алек-

сандра Ивановна через два года умерла, оставив сиротами полуторагодовалую дочь Юлию и полугодовалого сына Павла. Девочку взяла на воспитание бабушка Анастасия Петровна, сына отец оставил при себе.

Восемнадцатилетняя Анна Ивановна откликнулась на это трагическое событие следующим четверостишием:

«На смерть А.И. Ж...й»
 Весенних дней пленительный рассвет
 И дружба и любовь все счастье обещало;
 Но бурей роковой исторгнут нежный цвет,
 Исчезло все! — ее не стало.

Эти стихи могли бы стать эпитафией на надгробном памятнике. Может быть и стали? Как знать?

В воспитании сироты Юлии Жадовской, помимо ее бабушки, приняла участие и тетя — незамужняя Мария Ивановна Готовцева, проживавшая с матерью в Панфилове, и на досуге занимавшаяся литературными трудами, один из которых «Житье-бытье на Кореге. Записки Гульбинской Авдотьи Степановны» был опубликован в «Русском вестнике» за 1857 год²⁹¹.

²⁹¹ Русский Вестник. Т. 7, кн. 2. 1857. Январь. С. 311–345.

Возможно, от старшей сестры и наследовала Анна Ивановна свое пристрастие к литературе. Но еще большую роль в судьбе поэтессы сыграл другой человек — педагог, мемуарист и масон, директор Костромской гимназии Юрий Никитич Бартнев (1792—1866). Он не только заронил искру творчества в ее сердце, помог ей разгореться, но и сохранил для потомков результаты ее труда. Достаточно напомнить, что новообретенные стихи поэтессы извлечены ее праправнучкой Г. В. Корниловой из фонда Ю. Н. Бартнева в РГАЛИ²⁹².

Приехав в 1819 году в Кострому, и заняв место директора Костромской гимназии, отставной штабс-капитан Ю. Н. Бартнев своим темпераментом и оригинальностью сразу обратил на себя внимание костромского светского общества, в том числе и семейства Готовцевых. Его духовному сближению с молодой и умной девицей Анной Готовцевой содействовали уроки-беседы по литературе и истории, которые он преподавал ей по настоянию родителей, и которые она описала в стихотворении «К Ю. Н. Бартневу»:

Забуду ль сих минут святую тишину,
Когда преданья лет, седую старину
Вы слуху моему, душе передавали

В доме Ю. Н. Бартнева состоялось знакомство молодой поэтессы с другим ее будущим наставником князем Петром Андреевичем Вяземским (1792—1876), поэтом, высоким чиновником и другом Пушкина. Владея довольно обширным имением в Костромской губернии, селом Красное-на-Волге с 923 душами крестьян мужского пола в Костромском уезде, а ныне Красносельском районе, он периодически приезжал в Кострому, навещая друзей, в том числе и Ю. Н. Бартнева, познакомившего князя со своей способной ученицей Анной Готовцевой. П. А. Вяземский приезжал в Кострому в 1817, 1822, 1823, 1825 и 1828 годах. Ему очень полюбилась природа костромского края, которому он посвятил несколько проникновенных стихотворений: «Утро на Волге», «Вечер на Волге», «Звезда на Волге».

Ознакомившись со стихами А. И. Готовцевой, поэт порекомендовал ей опубликовать их. В 1826 году, не без его участия, в 5-м номере журнала «Сын Отечества» был опубликован ранний опус 18-летней Готовцевой под названием «Одиночество». Затем, в 11-м номере «Московского телеграфа» и в «Литературном музее» за 1827 год, появились два ее стихотворения «Видение» и «К. П.». Так состоялся поэтический дебют поэтессы. Разумеется, что в литературных беседах П. А. Вяземского и А. И. Готовцевой главной темой было творчество А. С. Пушкина, которого молодая поэтесса боготворила, поэтому, вполне естественно, что именно через князя она передала Пушкину свою оду, посвященную великому поэту.

О Пушкин! Слава наших дней!
Поэт, любимый небесами!

²⁹² См.: Прелестный дар, перо поэта. Стихи А. Готовцевой и Ю. Жадовской. — Кострома, 2005. Составителем книги стала праправнучка поэтессы Г. В. Корнилова. По этому альбому, в основном, приводятся стихотворные цитаты, включенные в данную статью. — Е. С.

Ты век наш на заре своей
 Украсил дивными цветами;
 Кто выразит тебя сильнее
 Природы блеск и чувства сладость,
 Восторг любви и сердца радость,
 Тоску души и пыл страстей?

Однако в конце стихотворения вполне заслуженные поэтом дифирамбы сменяются намеком на некоторые неподобающие ему действия, которые, впрочем, подлежат прощению.

Одно... Но где же совершенство?
 В луне и солнце пятна есть!
 Несправедлив твой приговор,-
 Но порицать тебя не смеем:
 Мы гению простить умеем -
 Молчанье выразит укор.

П. А. Вяземский передал стихотворение Пушкину, подкрепив его горячей просьбой написать ответные стихи. Поэт долго не мог расшифровать послание, и был раздражен: «Да в чем же она меня и впрямь упрекает? В неучтивостях ли противу прекрасного полу, или похабствах, или в непорядочном поведении? Господь ее знает!»²⁹³

Кстати сказать, современные исследователи трактуют эту загадку следующим образом: А. И. Готовцева этим стихотворением полемизировала с Пушкинскими «Отрывками из писем, мыслями и замечаниями», появившимися в «Северных цветах» на 1828 год, в которых утверждалось, что женщины лишены чувства изящного, не способны постичь «поэтическую гармонию»²⁹⁴.

Пушкин же держался своей версии. Его «Ответ Готовцевой» появился в «Северных Цветах» на 1829 год.

Твой недосказанный упрек
 Я разгадать вполне не смею...
 Твой гнев ужели я навлек?
 О сколько б мук себе готовил
 Красавец ветреный Зоил,
 Когда б предательски злословил
 Сей пол, которому служил!
 Любви безумством и волненьем
 Наказан был бы он, а ты
 Была всегда б опроверженьем
 Его печальной клеветы.

Сам автор мало ценил эти, созданные под давлением, вымученные стихи, называя их «холодными и гладкими», в отличие от адресата, с восторгом

²⁹³ Письмо к Дельвигу от 26.11.1828. — Е. С.

²⁹⁴ Эта трактовка принадлежит костромскому литературоведу Ю. В. Лебедеву. — Е. С.

принявшего их и получившего мощный стимул для продолжения дальнейшего творчества. Волею судеб двум дворянским родам Пушкиных и Готовцевых суждено было породниться. Произошло это следующим образом: двоюродный брат отца поэтессы Кирилл Васильевич Готовцев штабс-капитан Преображенского полка имел дочь Анастасию Кирилловну, вышедшую замуж за Александра Львовича Пушкина из костромской ветви рода великого поэта. Произошло это в 1877 году, спустя шесть лет после кончины поэтессы.

В 1829 году Анна Ивановна Готовцева выходит замуж за Павла Петровича Корнилова — сына героя Отечественной войны, увековеченного в Военной галерее Зимнего дворца, Петра Яковлевича Корнилова, который во время Русско-турецкой войны 1828 года командовал 17-й дивизией, участвовал в завоевании Молдавии и Валахии. После взятия Браилова, Корнилов получил приказание блокировать крепость Журжу, занятую сильным турецким гарнизоном. Там, во время осады, из-за вредного климата открылись старые раны генерала, что привело к его преждевременной кончине 10 июля 1828 года.

Весть о смерти генерала привез в Кострому старший сын покойного гвардейский офицер Павел Петрович Корнилов. Двадцатипятилетний молодой человек, сам раненый, овеянный военной романтикой, разумеется, привлек к себе всеобщее внимание, и, в первую очередь, местных светских барышень, из которых ни одна не могла соперничать с умной, красивой и талантливой Анной Готовцевой. Их, завязавшийся в одном из костромских салонов роман, счастливо разрешился браком.

Ни отца, ни матери Павла Петровича Корнилова к моменту его женитьбы уже не было в живых, и многочисленные братья и сестры Корниловы полюбовно разделили наследство, оставшееся им от родителей. Павлу Петровичу, как старшему, достался родительский дом в Костроме на улице Ильинской. Родовое же село Зиновьево отошло ко второму брату Петру Петровичу Корнилову.

Итак, после замужества поэтесса поселилась в корниловском особняке на Ильинской улице (ныне ул. Чайковского, д. 11). Дом пришел в род Корниловых от деда Павла Петровича по материнской линии — Федора Аристов, и был его подарком дочери Марии Федоровне Аристовой и ее мужу Петру Яковлевичу Корнилову в день их свадьбы. С 1802 года ежегодно увеличивавшаяся семья генерала жила в этом особняке. Еще весной 1821 года, будучи в отпуске в Костроме, Петр Яковлевич надумал перестроить жилище на новый лад, тем более что к тому времени число его детей достигло восьми человек. План и фасад нового дома разработал архитектор Попов. На старой, но прочной основе возвели новый фронтон с колоннами и два крыльца. Экстерьер и интерьер дома богато декорировали лепными капителями и карнизами по образцам, выбранным хозяином дома.

Нанятый у помещика Борщова живописец Поплавский мастерски расписал стены здания. Когда парадной лестницей хозяева и гости подымались в зал, дух захватывало от красоты расписного плафона.

У Поплавского учился крепостной Корниловых Александр Поляков, привлеченный впоследствии художником Доу к созданию галереи Зимнего дворца в Петербурге, где был представлен и портрет Петра Яковлевича Корнилова. В 1833 году по ходатайству П. П. Свинына, Павел Петрович Корнилов освободил художника от крепостной зависимости. В 1820-х годах Александр Василье-

вич Поляков создал целую галерею почти всех представителей семейства Корниловых. Мебельные гарнитуры, привезенные из столицы, заполняли пространство дома, картины и портреты, как членов семьи, так и царственных особ, украшали стены покоев. В кабинете Петра Яковлевича висели застекленные планы баталий и гравированные ландшафты. Для музыкантов, обслуживающих домашние концерты, была отведена специальная музыкантская комната. В других помещениях стояли специальные карточные столы, был и уголок с обязательным для салонов альбомом, где гости записывали, чаще всего в стихах, свои впечатления. По автографам, оставленным в альбомах, легко было вычислить круг гостей того или другого салона. Анна Ивановна Корнилова также была не чужда этим занятиям. Большая часть ее творческого наследия как раз и представляет собою альбомную поэзию. И хотя ее адресаты часто скрываются за инициалами, но легко поддаются расшифровке, как в стихотворении «СоФ. Петр. К...вой». Софье Петровне Корниловой (1808—1877) — сестре мужа поэтессы, написанном под впечатлением ее игры на фортепиано, на одном из музыкальных вечеров в доме А. И. Готовцевой.

А. В. Поляков.
Портрет Софьи Петровны
Корниловой. 1-я пол. XIX в.
Холст, масло. 22х18. КМЗ

Отрада, горесть, упованье
Сменяются в душе моей.
Ты льешь в нее очарованье
Волшебною игрой своей.

Кисть художника А. В. Полякова запечатлела образ этой милой, одухотворенной девушки. Портрет ее хранится в Костромском художественном музее²⁰⁵, наряду с прочими портретами Корниловых.

Два альбомных стихотворения А. И. Готовцевой посвящены маленькому артисту Гюлеми. Игра юного скрипача покорила поэтессу.

Когда смычка чудесной силой,
Дитя-Орфей, ты выражал
Мечты задумчивости милой,
Любимый сердца идеал.
Ах, сколько слез твоя слеза

²⁰⁵ КМЗ РХМ РП 25.

В уснувшем сердце разбудила!
 Душа земное все забыла,
 И понимала небеса!

А спустя некоторое время его же концерт исторг из ее души следующее трехстишие:

Опять ты здесь, опять чарующие звуки
 Магически коснулись души!..
 Как много приобрел ты в дни разлуки!

Кроме музыки и поэзии, обитатели корниловского особняка были причастны и к любительскому театру. Здесь ставились спектакли «Хороша и дурна» и «Своя семья» А. А. Шаховского, в которых помимо Корниловых, принимала участие дворянская молодежь костромских фамилий: Карцевых, Перфильевых, Колупановых.

В 1832 году в особняке гостила совсем еще юная племянница хозяйки дома Юлия Жадовская, оставившая воспоминания об этом в письме к Ю. Н. Бартеневу: «Мне было восемь лет, в семействе Корниловых не было мне равных, все были заняты своими интересами, то есть выездами и балами.

Я терялась в этом мире, столь новом и столь чужом для меня. В сердце у меня стало образовываться какое-то темное, тяжелое чувство, что-то вроде тоски по родине. Я плакала потихоньку, потому, что участие, возбуждаемое моими слезами, было мне плохим утешением и делало меня только скрытнее. Однажды я осталась одна в доме; мне было грустнее обыкновенного, мрачный зимний день глядел в окна. В гостиную вошел гость, незнакомый мне. Обратясь ко мне с вопросом о тетке, он устремил на меня пронизательный, ласково-серьезный взор и все существо мое оживилось и затрепетало под влиянием этого взора <...> С того дня в детском мире моем засияла новая звезда, зазвучали речи сладкие, долгие неведомые мне, озарившие мое сердце каким-то благодатным светом, животельной теплотой. С увлечением читала я маленькие книжки, которые дарил мне этот добрый гений — Юрий Никитич Бартенева, — и тоска моя стихала, и в глубине души заводился зародыш нравственной силы <...>²⁹⁶.

И без того грустная, эта зарисовка станет еще печальнее, если вспомнить, что восьмилетняя Юлия Жадовская была инвалидом. Будучи беременной, ее мать упала с крутой лестницы, в результате чего, малышка родилась без одной руки, а другая выросла лишь до локтя. Можно вообразить какое впечатление это произвело на педагога Бартенева, встретившегося с ней в пустынном холле корниловского особняка!

Спустя пять лет, в 1837 году Анна Ивановна Корнилова привезла тринадцатилетнюю племянницу в Кострому и поселила ее у себя. Предстоял этап подготовки девочки в учебное заведение. Как-бы заглаживая свою вину за недостаток внимания в ее предыдущий приезд, она сама занялась ее воспитанием и образованием, преподавая ей историю, литературу, географию и языки, в которых с детства была сильна, к тому ж, поднаторела, занимаясь переводами. Два года провела Юлия Жадовская в доме тетки, затем поступила в пансион Прево де

²⁹⁶ Щукинский сборник. Вып. 4. — М., 1905.

Люмьен, откуда в 1840 году ее отозвал к себе в Ярославль отец. Пристрастившись к литературе, она продолжала заниматься ею и в Ярославле. Ее учителями там были по русской словесности П. М. Перевлесский, впоследствии известный педагог, и М. П. Вронченко, ставший ее другом и руководителем.

Там вспыхнул у Юлии Жадовской роман с молодым учителем ярославской гимназии Петром Мироновичем Перевлесским, ставший незаживающей раной на всю ее жизнь. Отец Юлии, из-за сословных предрассудков, запретил встречи двух горячо любящих молодых людей и изгнал учителя из дома. Свои лучшие произведения посвятила поэтесса избраннику сердца. Спустя много лет, при случайной встрече с возлюбленным, она написала стихотворение «Безумная, я все еще его люблю», которое после переложения на музыку А. С. Даргомыжским стало одним из самых популярных романсов того времени:

Я все еще его, безумная, люблю!
При имени его душа моя трепещет;
Тоска по-прежнему сжимает грудь мою,
И взор горячею слезой невольно блещет,
Я все еще его, безумная люблю!
Отрада тихая мне душу проникает,
И радость ясная на сердце низлетает,
Когда я за него создателя молю.

После исполнения этого романса в начале 1860-х годов Полиной Виардо, к автору стихов пришла широкая известность. Из других стихов, ставших романсами, наиболее популярны романсы Глинки «Ты скоро меня позабудешь» и Гречанинова «Нива».

Однако вернемся в те времена, когда Юлия Жадовская жила в Костроме под опекой своей тети-поэтессы А. И. Корниловой. Помимо племянницы, Анна Ивановна растила и собственных детей двух сыновей и двух дочерей, из которых выжили только мальчики: Юрий 1835 года рождения и Николай 1836 года, но и те не отличались крепким здоровьем, а потому военное воспитание им было противопоказано, оставалась лишь провинциальная штатская служба, не сулившая высокой карьеры. Так впоследствии и случилось: Юрий дослужился до небольшого чина губернского секретаря, а Николай до чина титулярного советника.

Желая материально способствовать растущей семье, уже престарелая мать поэтессы — Анастасия Петровна Готовцева, подарила дочерям свое имение в Кинешемском уезде. Но затраты на растущее семейство были столь значительными, что в 1840 году в «Костромских губернских ведомостях» было напечатано объявление, что «в Костромском приказе общественного призрения будет продаваться с аукционного торга заложенное и просроченное имение титулярной советницы Настасии Петровны Готовцевой, переданное ею детям своим подпоручице Анне Корниловой и девице Марье Готовцевой, состоящее в Кинешемской округе в деревнях Алексееве 6, Биричеве 5, а всего 11 мужска пола душ с строением и землею им принадлежащими».

Имение удалось спасти, что подтверждается ревизской сказкой 1850 года, где владелицей деревень Биричевка и Алексеевская называется Анна Ивановна Корнилова. Впрочем, это имение облюбовала для жительства Мария Ивановна, а ее

сестра Анна, любившая уединение, старалась не бывать в их общем кинешемском имении, кишашем богомолками и странницами, опекаемыми ее сестрой.

К счастью, у нее было альтернативное имение вблизи села Карабаново с двумя деревнями и усадьбой Подберезье Костромского уезда (ныне Красносельского района), приобретенное Павлом Петровичем Корниловым у помещиков Карцевых. Там поправляли здоровье дети и муж поэтессы, который несмотря на слабое здоровье, в 1840-х годах стал служить управляющим Костромской удельной конторой.

Очевидно туда, в Подберезье, зазывала Анна Ивановна мужа в стихах «К П. П. К...ву»:

Побудем здесь, мой милый друг,
Вдали от шума и волненья;
В святой тиши уединенья.
Здесь не услышишь клеветы,
Нас не достигнут сплетни, толки,
Ни черной зависти черты,
Ни тетушки, ни богомолки.

Кострома давно наскучила поэтессе без Ю. Н. Бартенева, подавшего в 1833 году в отставку, долго путешествующего, а затем, и вовсе уехавшего в столицу служить, без князя Вяземского, с 1834 года жившего с женой и большой дочерью в Италии. Губернский город как-бы опустел, и лишь редкие весточки дорогих для нее друзей, скрашивали ее дни и побуждали к творчеству. Среди них было получение в дар пера от князя П. А. Вяземского, альманахи и журналы «Северные цветы» и «Галатея» и, наконец, портрет Петра Андреевича, посланный им по возвращении из Италии. Поэтесса откликнулась на последний подарок следующими стихами:

К П. А. Вяземскому /при получении портрета/

Вы ль это князь?
И ваш ли образ незабвенный
Встречаю снова я чрез восемь длинных лет!
Как утешителен ваш сладостный привет,
Как вы украсили мой уголок смиренный.
С каким участием смотрю я на черты,
В которых грусти след так ясно отразился,
И смею разгадать те думы и мечты,
Которыми ваш взор печально омрачился.
Пусть гордый Рим хранит священный милый прах.
Он чуждую страну случайно украшает.
Но кроткий дух его не там, — он в небесах,
Над милой родиной, над вами он летает.

Под «милым прахом» подразумевается вторая дочь князя Вяземского Праксова (1817–1835), умершая в Риме восемнадцати лет от роду. Не забывала поэтесса и второго своего друга, ангела-хранителя Ю. Н. Бартенева, с 1836 года служившего в Петербурге чиновником особых поручений в Почтовом департа-

менте при князе А. Н. Голицыне. Их личная встреча произошла спустя полтора десятилетия, когда Анна Ивановна специально для этого посетила Москву. Результатом встречи явилось стихотворение «Вечер 17 сентября 1850 года».

Что за чудное влияние
Ты имеешь на меня?
Я счастлива без сознанья
Когда слушаю тебя.
Ум твой пламенно, широко
Светом истины горит,
И таинственно глубоко
Мне о небе говорит
Без печали, без смущенья
За тобой, оставя прах,
В область мира и спасенья
Уношусь в святых мечтах,

Не менее трепетно относилась А. И. Корнилова и к супруге Ю. Н. Бартенева Екатерине Степановне Бартеневой, урожденной Микулиной (1799 – 1872). Ее привязанность отразилась в одном из стихотворений:

«Е.С.Б...вой»

Кто мне милее из друзей
В архиве сердца я справлялась
Твое там имя всех ясней,
И справка верная казалась.
Кому ж иному посвятить,
Как не тебе мои мечтанья?
Не ты ль улыбкою вниманья,
Умеешь мило так дарить?

Стихотворение, посвященное Ю. Н. Бартеневу, было написано поэтессой в 1850 году. Это последнее из ее датированных произведений. Как видим, поэтесса, обремененная житейскими проблемами, все же, не оставляла творчества, хотя и перестала публиковать свои произведения после 1839 года, когда князь Вяземский устроил несколько ее стихотворений в журнал «Галатей». Это стихи «Надежда», «На смерть А.И. Ж...й», «Осень», «Е. И. Кашиповой» и «К перу, подаренному князем П. А. Вяземским».

Затем она перестала печататься. Да и зачем? Разве она не передала поэтическую эстафету своей племяннице, так радующей ее своими успехами? Когда она листала вечерами перед камином сборники ее стихов 1846 и 1858 годов, со страниц нисходил на нее запах родины, вставали картины родной деревни, нивы, сверкающей реки, далекого синего леса, крестьян, занятых полевыми работами...

Нива, моя нива,
Нива золотая!
Зреешь ты на солнце,
Колос наливая.

По тебе от ветру
 Словно в синем море
 Волны так и ходят,
 Ходят на просторе.
 Зреешь ты и спеешь,
 Колос наливая,
 О людских заботах
 Ничего не зная.
 Унеси ты ветер
 Тучу градовую,
 Сбереги нам, Боже,
 Ниву трудовую!

«Ученица превзошла учительницу» — думала Анна Ивановна. И, действительно, если о творчестве А. И. Готовцевой, хоть и доброжелательно, но мимоходом отзывался В. Г. Белинский, то произведениям Ю. В. Жадовской известный критик того времени Н. А. Добролюбов посвятил отдельную статью, в которой в частности писал: «Задумчивость, полная искренность чувства и спокойная простота его выражения — вот главные достоинства стихотворений г-жи Жадовской. Настроение чувств ее — грустное; главные мотивы ее — задумчивое созерцание природы, сознание одиночества в мире, воспоминание о былом, когда-то светлом, счастливым, но безвозвратно прошедшем»²⁹⁷.

Произведения Ю. В. Жадовской ценили выдающиеся литераторы: Аксаков, Гоголь, Бунин, Брюсов, Бальмонт, прекрасные отзывы оставили критики Майков, Григорьев, Писарев. Ф. М. Достоевский отмечал ее талант прозаика (повести «Женская история» и «Осталая»).

Не был чужд литературе и племянник Анны Ивановны — Павел Валерианович Жадовский (1825—1891), брат Юлии Валериановны, автор ряда стихотворений, романа «Житейские сцены» и «Отрывков из воспоминаний о Крыме».

Передав племянникам творческую эстафету, А. И. Корнилова еще глубже погрузилась в семейные проблемы, тем более что в 1864 году умер от рака Павел Петрович Корнилов, и ее ответственность как главы семьи еще более возросла. Она похоронила мужа в с. Введенском в приходе родовой усадьбы Корниловых Зиновьево (ныне пос. Кирово, в 32 км от Костромы). Имение же покойного, ус. Подберезье с деревнями отошло жене, и она управляла им еще пять лет, после чего передала его сыновьям, из которых младший уже был женат на Надежде Платоновне Перелешинной, и завел сына. Анне Ивановне посчастливилось держать на руках тепленькое и юркое тельце внучонка Петеньки. Она решила, что пора передать сыновьям управление имениями и в 1869 году в письме-доверенности писала одному из сыновей: «Любезный сын, Николай Павлович. Не имея возможности управлять общим нашим имением, находящемся в Костромском уезде, доставшемся нам: мне Анне Ивановой, тебе и брату твоему, а моему сыну коллежскому секретарю Юрию Павловичу Корниловым, заключающем в себе несколько населенных крестьянами, принявшими надел по уставным грамотам селений и земляные разного каче-

²⁹⁷ Современник. 1858. № 6.

ства угодыя, я, согласно данной мне сыном моим, а твоим братом Юрием доверенности, прошу тебя принять на себя труд по управлению имением этим, для чего ты имеешь право продавать, кому найдешь нужным, как означенное имение, так и равно и находящиеся в нем всякого рода леса, земли и проч., получать за это деньги, употреблять их на покупку нового имения, собирать с временно-обязанных нам крестьян оброки и т.д. Коллежская советница Анна Корнилова»²⁹⁸.

Речь в документе идет, разумеется, об усадьбе Подберезье с деревнями Высочки и Жохово, ставшей последним местом пребывания поэтессы на этой земле. Анна Ивановна Корнилова, урожденная Готовцева, умерла 17 июля 1871 года от холеры, видимо, выпив в разгар лета холодной, недоброкачественной деревенской водицы. Похоронена она в с. Карабаново близ церкви Вознесения, которую она регулярно посещала, и в которую делала посильные пожертвования. Рядом с могилой поэтессы находилась могила ее сестры Марии Ивановны Готовцевой, умершей в том же Подберезье в 1866 году, где сестры жили почти безвыездно после смерти Павла Петровича Корнилова.

Память о поэтессе хранилась в анналах истории русской литературы с момента опубликования ее первых стихов и до настоящего времени, где-то около 180 лет. С обретением новой части ее творческого наследия, превышающей по объему прежнюю почти в три раза, должна подняться новая волна интереса к жизни и творчеству поэтессы, чему, несомненно, будет способствовать изданный совместными усилиями потомков поэтессы и красносельских энтузиастов, сборник «Прелестный дар, перо поэта...», который донесет до читателя массу новой, полезной информации, открывающей дополнительные возможности к более глубокому изучению и пониманию творческого наследия своеобразного художника слова 1-й половины XIX столетия, поэтессы Пушкинской поры Анны Ивановны Готовцевой, в замужестве Корниловой.

Жизнеописание исторического персонажа прошлого, тем более, творческой личности, вызывает у читателя жгучий интерес и к его внешнему облику, как правило, запечатленному в виде портретов различными видами и техниками искусства: графике, живописи, фотографии.

В случае с поэтессой А. И. Готовцевой дело обстоит не так благополучно. Еще не так давно считалось, что никаких ее изображений не сохранилось. К счастью, оказалось, что у потомков славной фамилии Корниловых сохранилась старая фотография 1870-х годов, где А. И. Готовцева представлена со своим супругом Павлом Петровичем Корниловым и домашней собачкой. Приличную копию с этого двойного портрета праправнучка поэтессы Галина Васильевна Корнилова передала в Костромской литературный музей. Полученный таким образом в 1990-х годах фотоснимок является единственным достоверным изображением поэтессы, однако, нельзя обойти молчанием один живописный портрет из Костромского художественного музея²⁹⁹, изображающий молодую красивую женщину на балконе дворянского особняка на фоне колонны, в которой бывшая сотрудница музея Вера Николаевна Лебедева упорно видела именно Анну Ивановну Готовцеву. Косвенные аргументы: соответствие изображенной

²⁹⁸ ГАКО. Ф. 116. Оп. 5. Д. 200. Л. 5.

²⁹⁹ КМЗ КХМ РП 18.

дамы и поэтессы по возрасту и уникальной красоте, воспетой современниками-поэтами Языковым, Вяземским и Дельвигом, не противоречат этой версии, однако, документальных аргументов, скажем поступления произведения в музей из мест, связанных с поэтессой генеалогическими или дружескими узами, мы не имеем. Известно лишь, что портрет попал в музей после революции, в результате многочисленных экспедиций музейных работников, собиравших предметы искусства из оставленных и пока еще не разграбленных помещичьих усадеб губернии. В основном, это были члены Костромского научного общества, оставившие интереснейшие отчеты о своих экспедициях. По ним прослежены многие поступления из Галичского, Солигаличского и Чухломского уездов. Однако в них упоминания о данном портрете нет. Скорее всего, портрет привезен из неизвестной усадьбы, отчет о поездке в которую не сохранился. Такой усадьбой могла быть Марьинская Нерехтского уезда Костромской губернии, из которой в 1919 году по сообщению КНО привезено 12 художественных произведений. Если среди них был женский портрет с предполагаемым изображением А. И. Готовцевой и наш метод исключения оправдал себя, показав на усадьбу Марьинскую как местонахождения произведения, то должны быть обоснования его пребывания там.

По материалам костромского краеведа А. А. Григорова оказалось, что усадьба Марьинское Нерехтского уезда в XVIII столетии принадлежала нерехтскому судье Петру Ивановичу Бизееву, дочь которого Анастасия Петровна вышла замуж за Ивана Михайловича Готовцева, и от этого брака родились дети, в том числе Анна Ивановна Готовцева – будущая поэтесса.

Итак, есть все основания утверждать, что женский портрет, пребывавший в стенах господского дома усадьбы Марьинское, принадлежавшей предкам поэтессы, изображает именно ее. Кроме всего прочего, с вычетом разницы лет, живописный портрет не расходится во внешности с фотографическим вышеупомянутым изображением, хотя между ними временной интервал не менее трех десятилетий.

Окончательно атрибуцию можно будет считать завершенной, когда документально, а не логически подтвердится попадание портрета в музей именно из упомянутой усадьбы.

КОСТРОМСКИЕ ПОРТРЕТЫ К. Л. ХРИСТИНЕКА

В Екатерининскую эпоху в русской портретной живописи первенствующие места занимали немецкие мастера, наряду с итальянцами и шведами. Среди них можно назвать Гергарда, Каспара, Грота, Кнапа, Крейцингера, Миллера, Тишбейна, Христинека и многих других. Однако, самым плодовитым из них следует считать Карла Людвиг Христинека, работавшего в России, как считалось, с 1763 по 1794 год и создавшего огромное количество портретов российских дворян.

В наше время биография художника существенно пересмотрена и, прежде всего, петербургским исследователем-христинековедом Борисом Анатольевичем Косолаповым, который утверждал в своей публикации о художнике: «Благодаря отысканным документам удалось выяснить, что Карл Людвиг (по-русски Логин Захарович) Христинек вовсе не был заезжим иностранцем, как считали долгое время. Он родился в Петербурге, прожил здесь всю свою жизнь и здесь же умер. Христинек родился в 1732 или 1733 году. Умер между 1792 и 1794. Выяснилось, что общепринятая дата его приезда в Россию — 1763 год — досадная ошибка, ставшая прочной традицией. Сведения о семье художника встречаются уже в документах 1740—1760-х годов. После смерти отца арендатора Захарияса Христинека, умершего, когда Логину не исполнилось и десяти лет, его воспитывала мать Анна-Мargarита, урожденная Бонг. Видимо, тяжелые денежные обстоятельства заставили мать художника хлопотать в Медицинской канцелярии о разрешении ей «быть повивальной бабкою в Санкт-Петербурге». Прошение было удовлетворено в 1754 году.

Начало творческого пути Христинека, вероятно, относится ко второй половине 1750-х годов. Обнаруженная недавно самая ранняя из известных его работ — портрет императрицы Елизаветы Петровны — писана и датирована художником 1760 годом.

Об обучении его у Пфанцельта прямых сведений нет, но в метрической книге церкви святого Петра в Петербурге имеются две записи о крещении сыновей Христинека — Иоганна и Матиаса. Первая сделана в 1761 году, другая в 1764 году. Свидетелями были гофмалер Лукас-Конрад Пфанцельт и его жена Мария-Мargarита. Будучи «вольным живописных дел мастером», Христинек никогда не состоял на государственной службе, но его имя не раз встречается в документах Академии наук. В 1774—1775 годах жена художника служила надзирательницей в гимназии при Академии наук, где с 1771 по 1778 год учились двое его сыновей»³⁰⁰.

Б. А. Косолапов пишет и об участии К. Л. Христинека в подготовительной картине «Полтава», переведенной в мозаику под руководством М. В. Ломоносова для интерьера Академии наук.

³⁰⁰ Советское искусствознание. Т.1. — 1983. — С. 275—276.

А.А. Перфильева, урожденная Толстая

*К. Л. Христинек
Портрет неизвестной. 1775.
Холст, масло. 85x70. БМЗ*

Наиболее известен Христинек как модный и плодовитый портретист. Он беспрестанно писал портреты, создавая целые семейные галереи, украшавшие стены господских домов в русской провинции, а также светские салоны в столицах. Эти произведения после революции оседали в местных музеях и часто, к сожалению, мигрировали из семейных собраний и теряли имена, т. е. становились безымянными.

Современники, да и потомки, так оценивали художественную манеру Христинека. Он характеризовал свои модели не очень глубоко, но метко остроумно и верно. Христинек писал немного вяло, робко и неуверенно, но рисунок его точен, выразителен и сдержанно правдив. Он не умел красиво выпрыгшино поставить свою модель. Художник изображал почти всех в позе в три четверти с немножко деревянной посадкой. Женщин чуть-чуть кукольно-жеманными, в этом отношении несколько схоже с Ротари, но все же, гораздо более жизненными и индивидуальными.

Если портреты К. Л. Христинека и не представляют большой художественной ценности, то они, несомненно, имеют большую историческую значимость, донося до нас лица предыдущих эпох и их неповторимый колорит.

На сегодняшний день в музеях Костромы и области зафиксировано два портрета кисти Карла Людвиг Христинека. Оба они отображают неизвестные женские модели в довольно молодом возрасте. Остановимся первоначально на одном из них, принадлежащем Костромскому художественному музею,

*К. Л. Христинек
Женский портрет. 1770 (?).
Холст, масло. 60,5x49. КМЗ*

А. А. Волков

инвентарная карточка которого гласит: «На полотне в три четверти изображена очень молодая женщина, почти подросток, в голубом бархатном платье, отделанном кружевами, в высоком напудренном парике, украшенном бриллиантами. Фон оливковый. Нежное лицо с легким румянцем. Большие серые глаза смотрят на зрителя. На шее черная нить с медальоном³⁰¹».

В той же карточке отмечено, что портрет поступил в музей в 1933 году от костромского художника и коллекционера Николая Павловича Шлейна (Шлейна)³⁰².

Авторство Христинека читается в манере письма и подтверждено Н. П. Шлеиным, что же касается модели, то тут дело обстоит сложнее. У автора этих строк есть три версии по поводу изображенного лица.

Первая версия. В Государственном Русском музее хранится портрет А. А. Перфильевой неизвестного художника конца 60-х – первой половины 70-х годов восемнадцатого столетия^{303 304}. Портрет датируется по форме прически и покрою

³⁰¹ КМЗ КХМ КП 35.

³⁰² В книге поступлений Костромского музея-заповедника источник поступления данного музейного предмета не указан – прим. ред.

³⁰³ Государственный Русский музей. Живопись XVIII век. Каталог. Т. 1. – СПб., 1998. – С. 171.

³⁰⁴ В вышеуказанном каталоге автором портрета А. А. Перфильевой указан – К. Л. Христинек – прим. ред.

платья. Авторство же читается довольно легко по стилю письма и подтверждается подписью на обороте холста. Точнее инициалами «С.Л.С.» (Карл Людвиг Христинек). Нам этот портрет интересен если не идентичностью, то, без всякого сомнения, соответствием с нашим портретом: внешним сходством моделей, абсолютно одинаковым платьем, а также аналогичной прической. Одинаков цвет фона, масштаб фигур. В ту эпоху, когда еще не было массового пошива одежды, сходные или одинаковые платья у женщин встречались обычно лишь в одной семье, ибо пошив производился одним портным, а идентичность фасона служило символом сплоченности членов семьи. В общем, данные портреты вполне могут быть произведениями одной семейной галереи, скорее всего — Перфильевых, кстати сказать, кологривских помещиков Костромской губернии. Впрочем, не исключена возможность местонахождения портретов и в другой семейной галерее их родственников графов Толстых, владевших поместьями в бывшем Кологривском уезде, а ныне Межевском районе — селом Никольским с деревнями. В каталоге Русского музея приводятся сведения о модели: «Перфильева Александра Андреевна — вторая дочь графа А. И. Толстого; правнучка сподвижника Петра Великого графа П. А. Толстого; двоюродная бабка писателя Л. Н. Толстого. Вице-президент ИАХ, медальер граф Ф. П. Толстой и граф Ф. И. Толстой «Американец» приходились ей родными племянниками, а поэт А. К. Толстой — внучатым племянником. Первым браком была за С. А. Гурьевым, вторым — за Перфильевым»³⁰⁵. Если исходить из того, что оба портрета — А. А. Перфильевой и неизвестной из Костромского музея-заповедника принадлежали одной семейной галерее, то модели могли изображать или дочь и мать, или родных сестер. Первый вариант едва ли верен, исходя из молодого возраста обеих женщин, а вот версия, что они сестры весьма вероятна.

Модель портрета Перфильева — урожденная Толстая, следовательно, и ее сестра должна быть Толстой, по отчеству Андреевна. О ее семье находим сведения в «Истории родов русского дворянства»: «Граф Андрей Иванович действительный статский советник (1721 — 30 июня 1806 года³⁰⁶) в браке с княжной Александрой Ивановной Щетининой имел шесть сыновей и четырех дочерей, графинь: Анну Андреевну — за сенатором Иваном Ивановичем Бахметевым; Александрю Андреевну — бывшую за Сергеем Александровичем Гурьевым и Перфильевым (изображенную на портрете из Русского музея); Марию Андреевну — за действительным статским советником Алексеем Ивановичем Арсеньевым и Елизавету Андреевну — за Александром Федоровичем Боборыкиным»³⁰⁷.

По нашей первой версии одна из четырех сестер Толстых должна быть изображена на костромском портрете кисти Христинека.

Которая же из них? Скорее всего, последняя, судя по ее юному возрасту, ведь в источниках генеалогического характера сестры или братья перечислялись по возрастному принципу. Итак, мы отдаем предпочтение младшей сестре

³⁰⁵ Петров П. Н. История родов русского дворянства. Кн. 2. — М., 1991. — С. 162.

³⁰⁶ В издании «История рода Толстых — история России» (Тула: Издательский Дом «Ясная Поляна», 2008) датой смерти графа Андрея Ивановича Толстого указан 1803 год — прим. ред.

³⁰⁷ Петров П. Н. История родов русского дворянства. Кн. 2. — М., 1991. — С. 162.

Елизавете Андреевне Толстой, в замужестве Боборыкиной. Можно ли скинуть со счетов других сестер Елизаветы как возможных моделей костромского портрета Христинека? Нельзя, поскольку мы не знаем их дат рождения, а, следовательно, не можем сделать временную прикидку относительно возраста модели. Тогда, помимо Александры Андреевны Толстой, в замужествах Гурьевой и Перфильевой, запечатленной Христинеком на портрете, хранящемся в Петербурге, на костромском портрете, помимо Елизаветы Андреевны Толстой, могут быть изображены ее сестры Анна или Мария Толстые.

И если уж быть до конца последовательным, стоит все-таки иметь в виду возможность, что костромская модель могла быть и дочерью петербургской модели Александры Андреевны Толстой и одного из ее мужей Сергея Александровича Гурьева или Перфильева.

Версия вторая. Суть ее в том, что неизвестную модель на портрете Христинека из Костромского музея-заповедника можно определить, пока еще версия, как представительницу дворянского рода Волковых, ведь известно, что художник писал всю семью генерал-поручика Волкова. В настоящее время имеются сведения о пяти портретах членов этого семейства. В наличии же сохранились лишь два портрета этого рода: Анны Андреевны Волковой, в замужестве Муравьевой, хранящийся в Третьяковской галерее и ее брата Аполлона Андреевича Волкова, принадлежащий Ярославскому художественному музею. Он переатрибутирован Б. А. Косолаповым в портрет Алексея Андреевича Волкова — брата Аполлона³⁰⁸. Три из пяти портретов, упомянутых в источниках, или утрачены, или, что более вероятно, остались безымянными. Это портреты Аполлона Андреевича, Александра Андреевича и Екатерины Андреевны, бывшей замужем за Александром Александровичем Саблуковым. Утраченный портрет Екатерины Андреевны Саблуковой, урожденной Волковой, и может оказаться в Костромском музее-заповеднике, как безымянный.

Какие основания имеются у нас, чтобы версия причислить костромской портрет неизвестной к коллекции Волковских портретов кисти Христинека?

Во-первых, Волковы, несмотря на приписку своего рода к ярославскому дворянству, имели поместья и в Костромской губернии. Так, деревня Сивково Макарьевского уезда Костромской губернии с деревней Фофаново и другими числились за Алексеем Андреевичем Волковым, которому они достались по наследству как приданое жены княжны А. П. Щербатовой. В начале XIX века деревнями Гарново, Голики, Карпиково и другими в Костромской губернии владел Аполлон Андреевич Волков.

Во-вторых, Ярославская губерния соседствует с Костромской. Костромская область одно время даже входила в состав Ярославской области, и художественные произведения мигрировали по их территориям. Так что, портреты Волковых из имени Петровское Ярославской губернии, принадлежавшего их родственникам Михалковым, где хранилась серия портретов Волковых, вполне могли попасть в их костромские поместья.

Михалковы, близкие родственники Волковых, также обзавелись имением в Костромской губернии. В 1868 году Аполлон Фигнер продал свою кологривскую

³⁰⁸ Косолапов Б. А. О портретах семьи Волковых // Памятники культуры. Новые открытия. — Л., 1982.

вотчину в ус. Кузьминки (11 тысяч десятин земли и леса, винокуренный, кирпичный и дегтярный заводы) коллежскому советнику В. С. Михалкову.

В-третьих, наблюдается как физиономическое сходство моделей, так и соответствие в художественном построении обоих портретов кисти Христинека из Ярославля и Костромы. Это соразмерность фигур, их одинаковые развороты, один цвет оливкового фона, близкие размеры холста: у женского портрета — 49х60,5 и мужского — 47,5х59,5.

Если это, действительно, портрет Екатерины Андреевны Волковой, то, казалось бы, для окончательной атрибуции достаточно сравнить его с негативом, снятом на Таврической выставке в Санкт-Петербурге, где портреты Волковых демонстрировались в 1904 году, и хранящемся в Третьяковской галерее. К сожалению, по свидетельству Б. А. Косолапова данный портрет на выставке не присутствовал, поскольку среди негативов портретов Волковых, хранящихся в Третьяковской галерее, наш портрет не представлен.

Христинек писал представителей семьи Волковых, скорее всего, одновременно. Потому мы можем по ярославскому портрету датировать женский портрет, 1768 годом. В то время Екатерина Андреевна еще была не замужем. Ее брак с капитаном Лейб-гвардии Преображенского полка, Александром Александровичем Саблуковым состоялся в 1775 году. Она получила от его родителей деревни в Боровицком уезде Новгородского наместничества и имение родителя А. А. Саблукова в Галичском уезде Костромской губернии, всего 151 душу.

Дальнейшую карьеру мужа Волковой мы можем проследить из следующей биографической справки словаря Граната: «Саблуков Александр Александрович (1749—1828). Сын камер-лакея Елизаветы Петровны, начал службу в 1762 году в качестве пажа при дворе. В 1771 году в чине капитана-поручика послан в Москву для подавления беспорядков по случаю моровой язвы. При Павле I управлял экспедицией о государственных расходах. В 1796 году назначен сенатором, в следующем году товарищем министра департаментных уделов и вскоре президентом Мануфактур-коллегии, но через два года от службы и всех должностей отставлен, и даже выслан из Санкт-Петербурга, однако, через несколько дней снова принят на службу, а в 1810 году назначен членом государственного совета. В 1826 году ему пожаловано 10000 десятин земли по личному выбору. С 1826 года состоял председателем Санкт-Петербургского опекунского совета».

Версия третья. Ей предшествовал поиск упоминаний произведений К. Л. Христинека, находившихся на территории Костромской губернии, в местной дореволюционной прессе, с целью нахождения новых следов в атрибуции портрета неизвестной из Костромского музея.

Таких источников оказалось два, и оба они посвящены одному женскому портрету, а именно, портрету Евфимии (Афимьи) Васильевны, урожденной Куломзиной, в первом браке Скрипицыной, во втором Аристовой.

В одном из изданий Костромской губернской ученой архивной комиссии 1895 года мы читаем: «По сведениям окончательно всей родословной росписи костромских дворян Куломзиных, мы получили от почтенной вдовы генерал-лейтенанта Екатерины Никтополионовны Корниловой сведения о том, что в конце XVIII века в числе костромских помещиц была Евфимия Васильевна,

рожденная Куломзина, по первому мужу Скрипицына, а по второму Аристова. Прекрасный портрет Евфимии Васильевны, работы XVIII века, мы имели случай видеть в 1894 году в усадьбе Е. Н. Корниловой — сельце Зиновьеве Костромского уезда»³⁰⁹.

Расширить сведения о данном произведении позволил документ из Государственного архива Костромской области, представляющий собою список художественных произведений поступивших в музей Костромского научного общества из усадьбы Зиновьево, где под номером 11 было обозначено: «Портрет неизвестной. Масло. С. L. CHRISTINKE. 1770»³¹⁰.

В совокупности этих двух источников, мы получаем необходимые сведения о данном портрете. Это портрет Евфимии Васильевны Куломзиной, в первом браке Скрипицыной, во втором Аристовой, написанный Карлом Людвигом Христинеком в 1770 году.

Удалось собрать следующие биографические сведения о модели. Анфимия Васильевна, урожденная Куломзина, была дочерью гвардии капитана Василия Ивановича Куломзина. В первом браке состояла за помещиком Скрипицыным, вторым браком была за отставным капитаном, судьей Костромского совестного суда Федором Ивановичем Аристовым. Она владела в Кинешемском уезде Костромской губернии семью деревнями, доставшимися ей частью в приданое от отца, а частью на вдовью долю после первого мужа Скрипицына, а именно деревнями Востровой, Костюховой, Крапивково, Окашенки, Савцыно и Юшково, а также Федоровскою. У нее от брака с Ф. И. Аристовым родилась дочь Мария, у которой от брака с героем Отечественной войны, смоленским дворянином Петром Яковлевичем Корниловым было шесть сыновей: Петр, Павел, Иван, Аркадий, Евгений и Федор³¹¹.

Итак, могла ли неизвестная женская модель на портрете кисти Христинка из Костромского музея-заповедника быть Евфимией Васильевной Куломзиной в подростковом возрасте? Сделаем грубую прикидку по времени. Портрет Е. В. Куломзиной датирован 1770 годом по списку произведений художественных произведений, поступивших из Зиновьева в Костромское научное общество, а через него в Костромской художественный музей. Необходимо сразу объяснить, казалось бы, необъяснимое противоречие. По одним документам произведение попало в музей через научное общество, по другим — от художника и коллекционера Н. П. Шлеина. Дело, видимо, в том, что художник был еще и преподавателем, а также создателем художественной школы. Его ученики вспоминали, что в качестве пособий, он постоянно использовал для копирования портреты музея научного общества, порой, держа их очень долго. Видимо, при очередном возврате и проникла в документы приписка: «От Н. П. Шлеина». Эту версию подтверждает наличие в музее и других полотен из Зиновьевского списка³¹².

Год рождения Евфимии Васильевны Аристовой, урожденной Куломзиной, также как и ее дочери Марии Федоровны Аристовой, в замужестве Корниловой, нам неизвестны, однако, в «Провинциальном некрополе» мы находим

³⁰⁹ Подробная опись 962 рукописям... Приложения. — Кострома, 1895. — С. 90.

³¹⁰ ГАРО. Р-838. Оп. 1. Д. 10. Л. 52.

³¹¹ Там же.

³¹² Предположение высказано костромским искусствоведом С. С. Катковой. — Е. С.

следующую информацию: «Корнилова Мария Федоровна, рожденная Аристова. Умерла 6 июля 1825 на 40 году...» Это значит, что год рождения Марии Федоровны был 1785. А если ее матери во время родов было лет двадцать, то в год написания портрета, она была девочкою лет десяти, ибо год ее рождения приходился бы на 1765. Это, увы, не соответствует изображенной модели.

Таким образом, состоятельными стали только две первых версии, вернее, одно из двух, или наша модель представительница семьи Толстых или семьи Волковых. Думается последняя вероятней.

И, наконец, перейдем ко второму портрету К. Л. Христинека, находящемуся на Костромской земле. В конце 1992 года реставратор музея-заповедника Л. А. Богомолов привез из Кологривского филиала Костромского музея-заповедника на реставрацию портрет неизвестной неизвестного художника³¹³.

По стилю написания он подходил к Екатерининской эпохе, т. е. ко второй половине XVIII века. Тщательное обследование оборота холста подтвердило и уточнило датировку. В правом нижнем углу оборота портрета была обнаружена вылинявшая авторская монограмма с датой: «С. L. C. 1775». Это означало, что художник, инициалы которого латинским шрифтом изображены на обороте портрета, написал его в 1775 году. Итак, один из этапов атрибуции пройден — определена дата создания полотна. Что касается самого художника, то монограмма из латинских литеров наводила на мысль о его нерусском происхождении. Наиболее вероятным и близким по манере мог бы стать художник Христинек, инициалы которого, кстати сказать, идеально подходили к обнаруженной монограмме.

Хотя версия об авторстве Христинека была довольно основательной, все же она требовала подтверждения специалистов. Крупнейшим в стране исследователем творчества К. Л. Христинека является сотрудник Государственного Русского музея в Петербурге. Б. А. Косолапов. На мое обращение к нему он ответил письмом от 13 мая 1993 года. Искусствовед писал: «Глубокоуважаемая Елена Васильевна! Сердечно благодарю Вас за переданные через Юрия Григорьевича Епатко фотографии с хранящегося в Кологривском музее портрета. Это, на мой взгляд, безусловная работа Карла Людвиг (Логина Захаровича) Христинека, о чем свидетельствуют как стилистические особенности живописи, которые можно разглядеть на фото, так и подпись-монограмма. Христинек зачастую подписывался инициалами «С. L. C.» Очень хотелось бы выяснить историю бытования этого портрета. Имеются ли у Вас какие-либо сведения об этом? Разумеется, вочию взглянуть на этот портрет, но когда это удастся при той сложной ситуации, в которой приходится жить сейчас, не знаю. Не знаю также, удастся ли мне завершить многострадальный труд о Христинеке. Сейчас, кажется, эта книга мало кого может заинтересовать. И все же, я продолжаю понемногу собирать материалы о жизни и творчестве мастера, и был бы очень признателен, если Вы согласились прислать фото с этого портрета уже без профилактических заклеек. Если Вас интересуют сведения о Христинеке, буду рад поделиться своими находками. С уважением и благодарностью Б. Косолапов».

³¹³ КМЗ КРМ ОФ 1238. В книге поступлений записано: «Неизвестный художник XVIII века. Портрет неизвестной. Поступил в 1929 году от Друлиса». — Е. С.

Итак, и второй этап атрибуции благополучно завершился, поскольку был определен и автор произведения. Последний же этап атрибуции — определение модели, к сожалению, до сих пор не пройден. Исходя из местонахождения портрета — Кологривский музей им. Г. А. Ладыженского, филиал Костромского историко-архитектурного музея-заповедника, он должен был принадлежать семейной галерее кого-либо из местных помещиков, среди которых были Волковы, Михалковы и Перфильевы. Следовательно, мы опять возвращаемся к уже упомянутым трем версиям, рассмотренным выше. Точнее, к двум версиям, поскольку последняя о модели Евфимии Васильевны Аристовой, урожденной Куломзиной, несостоятельна из-за несоответствия в датах: по документам в усадьбе Зиновьево хранился портрет 1770 года, а на обороте полотна стоит 1775 год. Зато причастность кологривского портрета к семейным галереям Толстых-Перфильевых или Волковых вполне вероятна. Наша модель может оказаться одной из сестер Александры Андреевны Перфильевой или Екатериной Андреевной Волковой, в замужестве Саблуковой. Верится, что окончательная атрибуция все же завершится, ведь истина где-то рядом!

ХУДОЖНИК Г. Н. НОВОСЕЛЬСКИЙ

Кисти художника Григория Наумовича Новосельского (1814–1879) принадлежат два портрета из собрания Костромского художественного музея, изображающие Дмитрия Николаевича Кожина (1853)³¹⁴ и Александра Александровича Вяземского (1840)³¹⁵. Это два небольших полотна, на которых масляными красками изображены средних лет мужчины с пышными усами, обличающими в моделях кавалерийских офицеров в отставке.

Если сбор сведений об изображенных, хоть и в скромных объемах, все-таки, осуществлялся, то информация о художнике долгое время сводилась лишь к его имени.

Изображенный на одном из холстов в 1853 году Дмитрий Николаевич Кожин оказался ярославским дворянином, отставным полковником Кавалергардского полка. Его родная сестра Варвара Николаевна Кожина была женой художника. Таким образом, Новосельский писал портрет своего шурина отставного полковника Дмитрия Николаевича Кожина.

Кожины имели непосредственное отношение к Галичскому уезду Костромской губернии. Имя пращура Дмитрия Николаевича Кожина – Василия Кожки, упоминается в жалованной грамоте великого князя Василия Васильевича Темного в 1450 году: «Се яз великий князь Василий Васильевич пожаловал верного слугу своего Василия Ананьина Кожу за выезд его что отец его Бахты Фряну выехал из шведы к великому князю Василию Дмитриевичу и крестился а за его Васильеву верную службу как был у меня бой в Галиче со князем Дмитрием Шемякой и он Василий своим полком верно служил нещада головы своей и князя Дмитрия побил и гнал за ним полком своим до Великого Новгорода, и убил под князем коня и привез часть кожи того коня да лук да палаш князя Дмитрия ко мне великому князю в Москву аз великий князь пожаловал велел его Василия писаться Кожин»³¹⁶. Так из документа высветилось происхождение данной фамилии.

Дед Дмитрия Николаевича – коллежский советник Александр Осипович Кожин (1747 – 1823) был административным чиновником, и не раз выдвигался на высокие должности. С 1787 по 1793 год он являлся предводителем дворянства Мышкинского уезда, имение в котором получил в приданое от жены, а с 1793 года по 1804 год занимал пост предводителя дворянства Ярославской губернии. У него было два сына Николай и Александр, первый из них – отец

³¹⁴ Новосельский Г. Н. Портрет Дмитрия Николаевича Кожина. 1853. Х., м. 32,5х 28,1. На обороте: «пис. Григ Новосельский 1853 год», на подрамнике: «Дмитрий Николаевич Кожин». КМЗ КХМ КП 360.

³¹⁵ Неизвестный художник. Портрет князя Александра Александровича Вяземского. 1840. Х., м. 16х14. На обороте холста: «Писан в 1840-м году 6 октября в Москве.» КМЗ КХМ КП 308.

³¹⁶ Белоруков Д. Указ.соч. – С. 260.

Дмитрия Николаевича Кожина, запечатленного на портрете художником Новосельским³¹⁷.

Кожины владели имением в Нерехтском уезде Костромской губернии усадьбой и деревнями: Вередихлебово, Тимофеевской, Тарасовкой, Ивашковой, Крюковой, Сумароковой, Демидковой, Сергеевой и селцом Выродки³¹⁸, в котором и стояла усадьба³¹⁹. Ее хозяином был брат изображенного Петр Николаевич Кожин (1800–1858), сын отставного прапорщика Семеновского полка Николая Осиповича (1763 – до 1827) и Анастасии Михайловны Вольнской (1771 – до 1827). На службу вступил 7 апреля 1817 г. юнкером в Кавалергардский полк, 28 декабря 1833 года уволен от службы полковником с мундиром. Был женат на дочери действительного статского советника Людмиле Дмитриевне Языковой и имел детей: Петра (капитан Семеновского полка) и Дмитрия (род. 21 августа 1829, гвардии ротмистр). Имел в Порховском уезде Псковской губ. 336 душ и упомянутые имения в Костромской губернии³²⁰.

О самом Дмитрие Николаевиче, модели нашего портрета, также удалось найти краткую биографическую справку: «Дмитрий Николаевич Кожин – брат предыдущего. 7 апреля 1819 года начал службу в Кавалергардском полку юнкером, в 1818 г. эст.-юнкером, 27 марта 1819 корнетом. В 1821 поручиком, в 1826 г. – штаб-ротмистром, в 1829 – ротмистром. В 1833 году уволен в отставку по домашним обстоятельствам, полковником с мундиром. Имел 170 душ в Ярославской губернии и 160 душ в Тверской губернии. Умер холостым»³²¹.

Видимо, не имея потомства, и будучи незаинтересованным в большом имении, Дмитрий Николаевич уступил свою долю в костромском имении брату Петру. Кстати сказать, их родная сестра Варвара Николаевна Кожина, в замужестве Новосельская, владела имением в Костромской губернии Кинешемском уезде: деревнями Логинцевой, Шевельковой, Киселевкой, Леньковой и Шалдовой.

*Г. Н. Новосельский
Портрет Д. Н. Кожина. 1853.
Холст, масло. 32,5x28. КМЗ*

³¹⁷ Сведения об А. О. Кожине и его портрет помещены в альбоме «Ярославские портреты XVIII–XIX веков». – М., 1984. – С. 80.

³¹⁸ Белоруков Д. Указ. соч. – С. 260.

³¹⁹ В Списке населенных мест Костромской губернии по сведениям 1870–1872 годов д. Вередихлебово и остальные вышеуказанные числятся в Костромском уезде Костромской губернии – прим. ред.

³²⁰ Сборник биографий кавалергардов. Репринтное издание. – СПб., 2001.

³²¹ Там же.

Вот мы и очертили ближайший родственный круг изображенного на портрете отставного полковника Д. Н. Кожина, и проследили отношение представителей этой фамилии к костромскому краю. Остается ответить на последний вопрос: «Откуда портрет попал в художественный музей?» В документах музея поступление портрета не отражено. Тем не менее, в недрах Государственного архива Костромской области нам удалось отыскать документ, отвечающий на этот вопрос. Это список художественных произведений, поступивших в Костромское научное общество, а оттуда, в конечном счете, и в музей, из усадьбы костромских помещиков Корниловых, в котором под № 6 значится: «6. Портрет Д. Н. Кожина. Работы Д. Новосельского. Масло»³²². Видимо, хозяина усадьбы связывали с моделью или художником непрослеженные нами дружеские или родственные связи.

Вторая модель художника — А. А. Вяземский, военный офицер в чине поручика, также был костромичом. Он родился в 1810 году в усадьбе Воскресенское Галичского уезда в семье гвардии полковника и командира пешего полка Костромского ополчения Александра Николаевича Вяземского и его жены Екатерины Александровны, урожденной Семичевой. Их сын Александр Александрович с 1832 года служил в Уланском полку, но в 1835 году был переведен в Ольвиопольский уланский полк. Через два года ушел в отставку в связи с женитьбой на Варваре Ивановне Гусевой. Служил по выборам Галичским уездным предводителем дворянства. В Костроме на улице Русиной (ныне Советской) до сих пор стоит его дом, принадлежавший поначалу его родной тете, сестре отца, Марии Николаевне Вяземской, а потом перешедший по наследству ему, где А. А. Вяземский проживал со своей семьей: женой Варварой Ивановной и сыном Сергеем Александровичем, которому он оставил дом и усадьбу в наследство. Однако художник писал свою модель не в Костроме, а в другом городе. Как гласит надпись на обороте полотна: «Писан в 1840-м году 6 октября в Москве». Если бы не высокое качество живописи, то выбор художником моделей из родственно-дружеского окружения навел бы на мысль о любительском статусе художника. Кем же все-таки был Г. Н. Новосельский?

Исчерпывающий ответ на этот вопрос дал редкий печатный источник журнал «Театральная библиотека» за 1879 год, с некрологом Г. Н. Новосельского, и эти сведения подтвердили нашу догадку.

Оказывается, Григорий Наумович Новосельский (1814–1879), сын небогатого московского дворянина, по окончании гимназии учился в Московском отделении медико-хирургической академии. По профессии был врачом, однако, на досуге занимался драматургией и музыкальной деятельностью. В 1850-х годах стал активным членом редакционных комиссий для составления проекта освобождения крестьян. Некоторое время он жил в Тульской губернии.

«Живя в деревне, он не переставал изучать искусство, в особенности, живопись, в которой в короткое время сделал такие успехи, что мог состязаться даже с хорошими художниками, а портреты его работы решительно поражали всех и сходством и жизненностью»³²³.

³²² ГАКО. Р – 838. Оп.1. Д. 10. Л. 52.

³²³ Театральная библиотека. 1879. № 1.

В 1860-х годах он трудился на посту мирового посредника, однако, искусства не бросил. Его опера «Женитьба поневоле», к которой Новосельский написал и либретто, с успехом шла на сцене народного театра в Москве в 1875 году. Его перу также принадлежали и драматические произведения «Две матери», «Сколько веревку не вить, а концу быть», «Эдип в Коломне» и другие.

Григорий Наумович умер 27 марта 1879 года в Москве и был похоронен в Новодевичьем монастыре. Его супруга, Варвара Николаевна, урожденная Кожина, намного пережила мужа. Она скончалась 1 марта 1903 года и погребена рядом с художником.

СКУЛЬПТУРНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ А. Ф. ПИСЕМСКОГО

Иконография русского писателя-беллетриста XIX столетия Алексея Феофилактовича Писемского весьма обширна: живописные и графические портреты, фотографии и даже скульптурные изображения доносят до нас его облик с тридцатилетнего возраста по конец жизни. Однако мы ограничим наш обзор лишь произведениями, которыми располагают Костромские музеи.

Большинство людей представляют писателя по портрету И. Е. Репина 1880 года. На нем изображен грузный, пожилой, усталый человек на пороге смерти. Фигура его согбенна, тяжелые кисти рук возлежат на набалдашнике массивной трости. Весомая голова с большим выпуклым лбом и остатками всклокоченных волос развернута на зрителя, тяжелый, пристальный, проникающий в душу взгляд завораживает, почти гипнотизирует...

Это произведение своей психологической достоверностью удовлетворило как заказчика портрета — Павла Михайловича Третьякова, так и саму модель — А. Ф. Писемского, писавшего итальянскому переводчику своих произведений: «Почтеннейший г. Дерелли! Желая хоть чем-нибудь выразить вам мою благодарность, прошу у вас позволения выслать вам фотографический снимок с моего портрета, который теперь писан с меня одним из лучших русских художников <...> Снимаемый с меня портрет выходит до того похожим, что как бы более похож на меня, чем я сам на себя, до того удачно художник сумел выбрать более свойственное мне выражение»³²⁴.

Репинский портрет А. Ф. Писемского послужил оригиналом для копии, выполненной Николаем Павловичем Шлейным (Шлейном) для дома Дворянского собрания в Костроме в 1913 году, в преддверии праздника — трехсотлетия дома Романовых³²⁵. Н. П. Шлейн создал ряд копийных портретов русских литераторов костромского происхождения: Островского, Потехина, Плещеева

Н. П. Шлейн

*Портрет А. Ф. Писемского. 1913 г.
Холст, масло. 84x66. КМЗ*

³²⁴ «Новь». Т. XXIX. 1889. 1 августа. №19. — С. 121.

³²⁵ КМЗ РОК 19840.

и Писемского, долгое время украшавших стены одного из лучших зданий города. Ныне портрет принадлежит Костромскому музею-заповеднику и временно экспонируется в Костромском литературном музее³²⁶.

Там же находится и другое изображение писателя, приобретенное в 1994 году музеем-заповедником у жителя Подмоскovie. Это скульптурный бюст А. Ф. Писемского в натуральную величину, выполненный из неглазурованного фарфора, так называемого бисквита, Леопольдом Адольфовичем Бернштамом в 80-е годы XIX столетия.

Необычна биография художника. Он родился в Риге в 1859 году в семье еврейского купца. Вскоре семья переселилась в Петербург. По настоянию Леопольда, отказавшегося быть приказчиком в еврейской лавке, поскольку с детства тяготел к изобразительному искусству, он был отдан для работы в мастерскую торговых вывесок и для обучения в рисовальную школу.

В тринадцатилетнем возрасте он явился к известному ваятелю, профессору Академии художеств Д. И. Иенсену с просьбой принять его в ученики. В качестве образцов своего труда, мальчик показал профессору фигурки, вылепленные им из хлебного мякиша. Давиду Ивановичу Леопольд понравился, и вскоре он стал не только учеником старого профессора, но почти членом его семьи. Спустя четыре года, юноша поступил в Академию художеств, в класс того же Иенсена и блестяще окончил курс обучения.

В двадцать два года он становится профессиональным и популярным скульптором. Леопольда Бернштама прославили лепные бюсты выдающихся людей, которые он создавал очень быстро, за 2-3 сеанса, точно улавливая сходство, сохраняя при этом изящество формы. Молодой скульптор продолжил традицию учителя, изваявшего для Эрмитажа серию скульптур художников Возрождения: Микеланджело, Рафаэля, Леонардо да Винчи. Бернштам создал галерею скульптурных портретов-бюстов выдающихся русских писателей: А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, А. Н. Островского, И. А. Гончарова, А. А. Потехина. К этой же серии следует отнести и бюст А. Ф. Писемского³²⁷.

Перед нами идеальный, рафинированный образ человека-мыслителя, человека-творца. Благородная осанка, тонкие черты лица интеллектуала, отрешенный, углубленный в себя взор.

Бюст А. Ф. Писемского.

Конец XIX в. Бисквит. 50x13. КМЗ

³²⁶ Ныне Литературный музей прекратил свое существование — прим. ред.

³²⁷ КМЗ КОК 47912.

Ничего земного, бытового, низменного. Это не столько земной человек, сколько его символ, его духовный срез.

Такого эффекта мастер достиг не только отточенной техникой, но и свойством умело подобранного материала — белой, матовой фарфоровой массы, напоминающей спрессованный снег далекой и холодной родины его учителя норвежца Иенсена.

Именно от Иенсена и его учителя скульптора Торвальдсена, перешла к Бернштаму классическая скандинавская манера валяния, придававшая его работам выражение строгости, отстраненности и даже как будто превосходства над зрителем. А может, здесь сказалось выражение почтительности молодого скульптора к своей, уже пожилой, модели, ведь для него всемирно известный писатель был кумиром.

История создания портрета вкратце нашла отражение в переписке Писемского. Так в записке к В. А. Федоровскому от 9 мая 1880 года из Москвы беллетрист писал: «В. А., заходите ко мне взять бюст мой, изготовленный для вас. 9 мая 1880 г. Писемский»³²⁸. Этот документ уточняет время и место создания бюста, а также и его заказчика.

Говоря об изображениях писателя, хранящихся в Костромских музеях, нельзя не упомянуть еще об одном, но, уже монументальном, его изображении: бронзовом памятнике-бюсте А. Ф. Писемского в Костроме на улице Горной в пересечении с улицей Ивановской. Его создал костромской скульптор Владимир Васильевич Зайцев в 1996 году к 175-летию со дня рождения писателя в Дни славянской письменности и культуры, проходившие в тот год в Костроме.

*В. В. Зайцев
Памятник А. Ф. Писемскому
Кострома. 1996 г.*

³²⁸ Писемский А. Ф. Письма. — М.-Л., 1936. — С. 468.

ИКОНОГРАФИЯ П. А. КАТЕНИНА

В настоящее время картина немногочисленной, но крайне запутанной иконографии П. А. Катенина, поэта пушкинской поры, нашего земляка, совершенно ясна, и в первую очередь благодаря неустанным многолетним поискам петербургского искусствоведа Юрия Григорьевича Епатко. Краткая автобиография исследователя показывает, что тема иконографии поэта пришла к нему не случайно.

«Епатко Юрий Григорьевич – историк искусства. Родился 23 мая 1940 года в Ленинграде. Выпускник кафедры (отделения) истории искусства Санкт-Петербургского (Ленинградского) университета 1976 года. С 1977 по 1988 год заместитель главного художника Ленинградского телевидения. Старший научный сотрудник Всероссийского музея А. С. Пушкина (1988–1992). С 1992 года старший научный сотрудник Отдела живописи XVIII – первой половины XIX века Государственного Русского музея. Автор научных статей по иконографии русского портрета XVIII–XIX веков. Член авторского коллектива Генерального каталога Государственного Русского музея».

В период работы Юрия Григорьевича научным сотрудником Всесоюзного музея А. С. Пушкина, располагающего портретом П. А. Катенина, не раз публиковавшегося в различных сборниках поэта, и зародился интерес, поначалу по служебной надобности, а позже, из личного влечения к иконографии поэта, и, в частности, к его изображению, хранящемуся в музее, и совершенно неисследованному до него. Как человек, в хорошем смысле, азартный, ищущий, Юрий Григорьевич серьезно взялся за исследование этого вопроса, и не прекратил его до сего дня.

Волею судеб, и автор этих строк была вовлечена в водоворот поисков, более того, они, в какой-то мере, и были мною спровоцированы. Пересечение с Ю. Г. Епатко произошло не сразу, а прежде того, в начале 1970-х годов в Костромской музей изобразительных искусств для реставрации были привезены из Чухломского филиала 44 полотна, в числе которых находилась группа портретов из пяти единиц, изображавших членов семьи Катениных. Сбор информации о них и изучение генеалогии рода легли на меня – Сапрыгину Елену Васильевну, научного сотрудника Костромского музея изобразительных искусств. Оказалось, что на портретах, поступивших в Чухломский музей в 1918 году из усадьбы Катениных Клусеево, изображены дед и бабка, дядя и тетя, а также двоюродный брат поэта. Результаты исследований легли в основу статьи «Чухломская галерея Катениных», которая была включена в сборник «Вечные входы», изданный в Ярославле в 1986 году. Естественно, что эта работа пробудила интерес и к иконографии самого Павла Александровича Катенина. Работа шла туго. Репродукции в изданиях его произведений, сделанные с единственного сохранившегося портрета из Всесоюзного музея А. С. Пушкина в Петербурге, вызвали сомнения в модели, как у ряда исследователей, так и у потомков поэта. В письме Татьяна Евгеньевна Катениной, правнучки Александра Андреевича Катенина – двоюродного брата поэта, костромскому краеведу В. Н. Бочкову

от 14.10.1977 года говорилось: «Портрета Павла Александровича, как утверждал мой отец, не сохранилось вообще. Когда во время пушкинского юбилея появился тот единственный, такой узколицый, отец отнесся к нему скептически или даже говорил, что это не Павел Александрович»³²⁹.

Для проверки этого заявления была послана фотография с портрета, московскому фалеристу и формоведу А. М. Горшману с просьбой сделать заключение по поводу модели. Александр Михайлович отвечал письмом от 29-30.08.1982 года: «...на портрете Вашем тоже не Павел Александрович изображен и тоже из-за несходства в орденах. У персонажа на портрете явно видны семь каких-то регалий на колодке и еще Кульмский крест, а у Павла Катенина, как известно из последнего списка, был только Владимир с бантом и медали 1812 года боевая и дворянская. Анна IV-й степени носилась на эфесе шпаги, так что она не в счет, тем более что ношение этого знака ордена на груди после 1829 года, когда еще была добавлена надпись «За храбрость» и на эфесе анненского оружия вообще было запрещено специальным приказом для всех военных, и разрешалось только гражданским и штатским чиновникам, когда они не носили в будние дни шпаг. Так что и выходит, что мог носить на груди Павел Александрович три регалии, не считая Кульмского креста, а семи никак не выходит. Так что и портрет этот не в ту степь и можете его отставить за ненужностью»³³⁰.

Такое категорическое отрицание компетентным специалистом П. А. Катенина как возможной модели, повергло меня в шок, тем более что я почти утвердилась во мнении, что на портрете изображен именно Катенин, проверив это весьма оригинальным способом. Вспомнив фразу из дневника В. К. Кюхельбекера: «Передо мною портрет Попе: как он похож на моего приятеля и родственника Катенина!», я достала портрет английского поэта Александра Попа и поразилась сходству его и модели с оспариваемого портрета Катенина из Всесоюзного музея Пушкина. Сходство несомненное и его нельзя оспорить, несмотря на то, что оба портретируемых изображены в разных годах и с разной степенью мастерства художников. Вряд ли это можно объяснить только случайным совпадением³³¹.

Приговор А. М. Горшмана смешал все карты. К счастью, на горизонте появился новый атрибутист Ю. Г. Епатко, сумевший все поставить на свои места. Наши пути пересеклись благодаря переписке, порожденной статьей в сборнике «Вечные всходы», рассказывающей о серии портретов чухломских Катениных, и попавшей на глаза Юрию Григорьевичу — тогда еще сотруднику ВМП³³², где хранился портрет П. А. Катенина. Заинтересовавшись его, параллельно идущими поисками по исследованию катенинской иконографии, я, будучи членом организационной комиссии предстоящих юбилейных катенинских торжеств, пригласила Юрия Григорьевича выступить на катенинских

³²⁹ Копия письма, сделанная в 1970-х годах, хранится в личном архиве автора статьи. — Е. С.

³³⁰ Там же.

³³¹ Попе (Поп) Александр (1688 — 1744) английский поэт. Портрет Попа работы художника Вергю, гравированный А. Фроловым, приложение к «Вестнику Европы» Ч. 47. 1899. № 18. — С. 258.

³³² Всероссийский музей А.С. Пушкина.

чтениях в Костроме в 1992 году. Его доклад воспроизведен в сборнике тезисов Катенинских чтений³³³.

Своими исследованиями он доказал, что именно П. А. Катенин является персонажем портрета из ВМП. Доказать это помогла старая фотография, обнаруженная Юрием Григорьевичем в ИРЛИ³³⁴ (Пушкинском доме), поступившая туда из наследия Б. Модзалевского в 1928 году. На ней был изображен прижизненный портрет П. А. Катенина, прислоненный к стене, стоящий на ломберном столике. На груди офицера просматривался набор регалий, идентичный наградам П. А. Катенина. Как известно, этот портрет погиб, и естественно, что портрет из ВМП является, скорее всего местной копией его, сделанной неизвестным художником уже в 20-х годах XX столетия. Об этом говорит и визуальный обзор полотна. В конце доклада Ю. Г. Епатко остановился на оценке атрибуции А. М. Горшмана, который опубликовал свою отрицательную атрибуцию в статье «В чужом мундире» в Военно-историческом журнале³³⁵.

Исследователь заключил доклад следующим резюме: «Неудачная попытка А. М. Горшмана переатрибутировать персонаж на портрете из собрания ВМП, опираясь только на «несоответствие наград», показывает, что упование только на мундир и награды, может привести исследователя к ложным выводам. При определении персонажей на портретах неизвестных лиц XVIII—XIX веков, надо применять комплексный метод, включающий в себя историю бытования портретов, визуальный осмотр, химико-технологические исследования грунта, красочного слоя и лака, исследования основы и, конечно же, анализ по униформологическим признакам»³³⁶.

Сам же Ю. Г. Епатко, благодаря этому комплексному методу, добился блестящих результатов в изучении иконографии П. А. Катенина. Они изложены наиболее подробно в статье «Поиск длиною в сто лет», изданной им в 2002 году³³⁷. Поначалу искусствовед поднял документацию и проследил обстоятельства появления портрета поэта во ВМП. Как показали акты поступления, полотно попало в музей 18 августа 1940 года из Кологривского краеведческого музея Горьковской (ныне Костромской) области. Нахождение в этих же краях катенинской усадьбы Шаево, дало вполне разумную версию происхождения портрета именно отсюда. По крайней мере, отсюда восходит оригинал, считал исследователь, с которого сделана поздняя, начала XX столетия копия, хранящаяся в ВМП.

Огромной удачей, позволившей искусствоведу двигаться дальше, стало обнаружение в Российском государственном историческом архиве воспоминаний коллекционера Павла Владимировича Гейцга, в которых рассказывалось о формировании его коллекции иллюстрированных портретов выдающихся людей, гравюр, литографий, фотокопий, в частности, портрета П. А. Катенина.

³³³ Епатко Ю. Г. Существует ли портрет П. А. Катенина? // Катенинские чтения: Тезисы докладов. — Кострома, 1992. — С. 27.

³³⁴ Институт русской литературы и искусства (Пушкинский дом).

³³⁵ Горшман А. М. В чужом мундире // Военно-исторический журнал. 1990. № 5. — С. 76.

³³⁶ Катенинские чтения. Тезисы докладов. — Кострома, 1992. — С. 29.

³³⁷ Епатко Ю. Г. Поиск длиною в сто лет // Пушкинский музей. 2002. № 3. — С. 14–19.

Коллекционер вспоминал: «Самым трудным из всех, был розыск портрета современника А. С. Пушкина П. А. Катенина. Как известно, его портрета никогда не было напечатано. В главном управлении по делам печати служил тайный советник А. А. Катенин, уже старик, оказавшийся ему родственником³³⁸. Я обратился к нему лично, и из его слов узнал, что в детстве родители его должны были спешно покинуть родовое имение Шаево, так быстро, что многого из имущества не успели захватить. Смутно припомнил он, что в числе оставшихся предметов находился и портрет его двоюродного дяди³³⁹ П. А. Катенина.

Тогда я обратился к Кологривскому предводителю дворянства узнать, кому ныне принадлежит Шаево, для непосредственного обращения к владельцу, и получил ответ, что усадьба Шаево существует и доныне, но перешла уже в третьи руки после последнего владельца из рода Катениных, Михаила Ивановича Катенина. Портрета П. А. Катенина в Шаеве нет, но по некоторым сведениям, он находится у одного из доверенных бывшего владельца имени Курово — кологривского землевладельца Сокольниковца, который продал его местному же владельцу Чистякову, во владении которого портрет находится и в настоящее время. Как я еще слышал, портрет значительно пострадал от небрежного хранения, но в живописи все же, заметна искусная рука».

Со своей стороны В. П. Чистяков сперва ответил мне, что «этот портрет сейчас находится далеко от места постоянного моего местожительства». Портрет очень неважной работы и сохранности плохой, но лицо сохранено. Портрет этот единственный, и я помню его с детства, когда он был в лучшем виде. Когда через несколько лет я вспомнил о нем, и стал искать его, то года через два поисков он оказался в одной деревне, вырванным из подрамника, наверху на полене дров и брошенным в сарай.

Затем, через несколько месяцев, он «пока» послал мне две открытки с портрета П. А. Катенина. «Лучшей фотографии я еще не имею». Но других он более мне не присылал». Таким образом, если портрет <...> уничтожен, все же имеются копии с такой интересной реликвии!³⁴⁰

Исследователю удалось обнаружить открытку с изображением оригинального утраченного портрета Катенина, которая еще раз доказала, что на аналогичном портрете из ВМП изображен именно Катенин, поскольку на открытке на мундире поэта наблюдалось соответствие наград. Об этом Ю. Г. Епатко писал в своей статье в альманахе «Пушкинский музей» № 3.

«На почтовой открытке мы имеем фотографическое воспроизведение утраченного живописного портрета П. А. Катенина. В том, что на открытке запечатлено подлинное изображение Павла Александровича, сомнений быть не может. Помимо того, что портрет происходит из его родовой усадьбы Шаево, на нем воспроизведены все награды, какие имел П. А. Катенин. Он изображен в горделивой позе, в вицмундире? с накинутой по моде николаевского времени на плечи шинелью, руки скрещены на груди, хорошо видна кисть правой руки.

³³⁸ Александр Александрович Катенин — сын Александра Андреевича Катенина — кузена поэта — Е. С.

³³⁹ и крестного отца — Е. С.

³⁴⁰ Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф 1101. Оп. 1. 1216. Воспоминания коллекционера Павла Владимировича Гейдига. 1919—1927.

На груди, в орденской колодке можно рассмотреть следующие награды: орден Св. Владимира IV степени с бантом, две медали за Отечественную войну 1812 года, ниже — Кульмский крест. Отсутствует медаль «За взятие Парижа», но ею стали награждать по дипломатическим соображениям только с 1826 года, и пожалование медали растянулось до конца 1832 года, отдельные награждения производились и позже. П. А. Катенин, бывший в отставке и живший в глуши, мог ее получить одним из последних. Отсутствие ордена Св. Анны III степени, который с 1815 года стал четвертой степенью, объясняется тем, что эта награда (Анненский крестик) крепилась на холодное оружие и не могла быть видна на поясном портрете.

Исследователь вычислил и приблизительную дату создания портрета. «Густые, закрученные вверх усы помогают датировать портрет. До 1832 года носить усы разрешалось только офицерам гусар, улан, казаков и конной артиллерии. Во время службы в Преображенском полку Катенин носить усы не имел права. С июня 1832 года носить усы было разрешено и офицерам пехоты. С 8 августа 1833 года Катенин снова находится на военной службе. Его возвращение в армию совпало с Высочайшим разрешением носить усы всем офицерам, чем Павел Александрович и воспользовался. Полгода он служил в учебном образцовом полку, который квартировал в Царском селе, а в марте 1834 года отправился на Кавказ к месту службы. Портрет, по нашему мнению, следует датировать промежутком от августа 1833 до марта 1834 года, то есть временем пребывания Катенина в Царском селе»³⁴¹.

Не остановившись на достигнутом, Ю. Г. Епатко выдвигает достоверную версию об авторе портрета П. А. Катенина: «В нашей статье 1994 года мы предположили, что возможным автором портрета П. А. Катенина мог быть петербургский художник Филипп Осипович Будкин (1806 или 1807 — 1850), выполнивший в 1834 году портрет М. Ю. Лермонтова в вицмундире Лейб-гвардии Гусарского полка. Оба портрета роднит схожесть композиции, посадка модели, высветление лица и ряд других деталей. Более подробно говорить о том, что портреты Лермонтова и Катенина писал один и тот же художник, мы не можем, так как приходится сравнивать живописный оригинал и некачественную старую фотографию с утраченного портрета. Однако интересно отметить, что Будкин писал Лермонтова в 1834 году с натуры в Царском селе, где в это же время служил П. А. Катенин»³⁴².

Потребность заказать свой портрет появилась у поэта, очевидно, в связи с предстоящей службой на Кавказе, грозящей возможной гибелью под пулями горцев, и желанием оставить по себе осязаемую память у близких, из которых по крови ближе всего был его родной брат Петр Александрович. Он жил тогда в Петербурге и часто навещал поэта в Царском селе. Не через него ли Катенин отправил свой портрет в Костромскую губернию, и не заказал ли, по примеру брата, Петр Александрович и свою персону художнику Будкину? Ответ автору этих строк подсказал один документ, именно письмо чухломского краеведа

³⁴¹ Епатко Ю. Г. Поиск длиною в сто лет // Пушкинский музей. № 3. — СПб., 2002. — С. 18—19.

³⁴² Епатко Ю. Г. Поиск длиною в сто лет // Пушкинский музей. № 3. — СПб., 2002. — С. 18—19.

Г. И. Лебедева костромскому краеведу В. Н. Бочкову от 14 октября 1977 года. В нем есть следующая строка: «В описи усадьбы Бореево от 5 марта 1855 года указаны портреты Павла и Петра»³⁴³. Поскольку, как утверждают поздние Катенины, прижизненный портрет поэта был единственным, то речь, несомненно, идет о царскосельских произведениях Будкина, привезенных Петром Александровичем Катениным в свою чухломскую усадьбу Бореево, где портреты братьев Катениных соответственно описи 1855 года находились не менее 21 года, ежели не более. Так нам удалось проследить начальную стадию бытования прижизненного портрета поэта. Судьбу же портрета его брата установить не удалось.

Бореевым Петр Александрович Катенин владел вплоть до своей смерти в 1841 году. Он был убит дворовыми людьми баронессы фон Кампенаузен, с которой жил в качестве невенчанного мужа, в ее имении под Петербургом в Гдовском уезде. Бореево перешло к поэту, и было в его владении до 1853 года, вплоть до смерти. Он разбился на лошадях недалеко от Шаева, хотя похоронен в Борееве в семейном склепе. После запустения Бореева, прах его уже в советское время перевезли в Чухлому. Бореево наследовал Александр Андреевич Катенин — кузен поэта, а по его смерти в 1860 году, Михаил Иванович Катенин — двоюродный племянник Павла Александровича. Видимо, именно он перевез портрет своего двоюродного дяди из Бореева в Шаево, поскольку, его предшественник по имени, Александр Андреевич Катенин, будучи до смерти, от которой его отделяло семь лет, Оренбургским и Самарским генерал-губернатором, вряд ли имел досуг на частое посещение и обустройство дальнего имения. Михаил Иванович Катенин вступил во владение Шаевым и прилегающими деревнями в 1863 году. Он был последним хозяином имения из рода Катениных. Но вряд ли при нем делалась фотосъемка портрета для почтовой открытки, поскольку таковые появились только в 1872 году, а в частном исполнении в 1895 году, то надо думать, что и само произведение было в удовлетворительном состоянии, в конце XIX столетия.

Костромской искусствовед Светлана Сергеевна Каткова, следившая за процессом изучения портрета Катенина, предположила, что исполнителем катенинской почтовой открытки мог быть И. Ф. Чистяков — родственник поминаемого Гейцгомом В. П. Чистякова, пославшего Гейцыгу две почтовые открытки и купившего портрет Катенина, а также являвшийся родственником же П. С. Чистякова, продавшего фото с фрагмента портрета в 1929 году в Литературный музей Пушкинского дома.

И. Ф. Чистяков был профессиональным фотографом и принимал участие в реставрации стенописи Троицкого собора Ипатьевского монастыря в Костроме в 1912 году, фотофиксируя процесс. Чистяков право участия в реставрации выиграл в многочисленном конкурсе, что подтверждает его высокую квалификацию. Имея связи со столичными издательствами, обладая хорошими профессиональными навыками, и неоднократно бывая в костромских краях, он мог быть наслышан от родственников о редком портрете и стать создателем почтовой открытки, а также фотоснимков портрета Катенина, попавших позднее от других Чистяковых в литературные музеи Петербурга.

Эти фотографии Ю. Г. Епатко также обнаружил и прокомментировал. Хочется остановиться на одной из фотографий, поступившей в ИРЛИ (Пуш-

³⁴³ Копия письма хранится в личном архиве автора статьи.

кинский дом) в 1939 году от музейного работника пушкиноведа М. Д. Беляева. На обороте фото, изображающего лицо с портрета Катенина, владелец оставил надпись: «Снимок с единственного известного портрета, хранившегося в родовом имении Катениных в Костромской губернии и сгоревшего при пожаре дома. Первоначальный снимок был получен мною от внука Павла Александровича — Евгения Александровича Катенина. М. Беляев».

Однако Евгений Александрович Катенин, от которого Беляев получил фото, был не внуком поэта, а внуком кузена поэта — Александра Андреевича Катенина, опротестуем и утверждение, что прижизненный портрет Павла Александровича сгорел при пожаре шаевского дома. Как известно, уже в середине 20-х годов XX столетия господский дом из Шаева при последнем из многочисленных владельцев и недолго существующей Шаевской коммуны был перевезен в недалежную деревню Николо-Полома, где в нем была размещена скотолечебница. В 1923 году здание сгорело³⁴⁴. Поздние Катенины были наслышаны о бедствии и считали, что вместе с домом сгорел и находившийся в нем портрет поэта. Однако Гейцыг писал о сообщенных ему сведениях от кологривского предводителя дворянства, что портрета в Шаеве нет, и что его купил у последних владельцев В. П. Чистяков. Впрочем, это уже не имеет значения, ибо уже по уверению Чистякова, портрет из-за небрежного хранения, осыпавшийся, навернутый на бревно и брошенный в сарай, доживал свои последние дни.

Итак, история единственного прижизненного портрета П. А. Катенина прослежена от начала до конца и завершилась, к огромному сожалению, его полной гибелью в предреволюционную пору.

Ю. Г. Епатко не выпускал из виду и второй портрет поэта, поступивший в ВМП из Кологривского музея. К большому сожалению, он не смог ответить на важный вопрос: «Откуда же появился другой портрет из Кологривского музея?» Напрашивающийся ответ: «Из кологривского имения Шаево» противоречит утверждению родственников и знакомых Катенина, что шаевский портрет был единственным его изображением, и его трагическая судьба нам теперь известна. Как же все же объяснить появление второго полотна?

Ю. Г. Епатко, обнаруживший бесценные воспоминания Гейцыга, не заметил в них след, ведущий к разгадке этого вопроса, вернее заметил его и процитировал, но не смог развить...

Вот эти строки: «... О портрете Катенина я получил запрос от одного генерала Л. из Одессы. Он написал мне: «Я тоже одержим страстью собирания и коллекционерства и, посему, понимаю Вас и при этом случае прошу Вас ответить мне, нет ли у Вас в собрании портрета П. А. Катенина, друга Пушкина; если у Вас нет, то неизвестно ли Вам, где находится такой портрет, и вообще, известен ли онный? Это меня крайне интересует, и будет интересовать многих. Я, уроженец г. Кологрива, в уезде которого находится усадьба Катенина, Шаево, где поэт жил. Случайно я видел у одного любителя портрет П. А. Катенина, но так как портрет этот не имел никаких художественных достоинств — исполнен варварски, то я не обратил на него внимания»³⁴⁵.

³⁴⁴ Белоруков Д. Ф. Указ. соч. — С. 121.

³⁴⁵ Епатко Ю. Г. Поиск длиною в сто лет // Пушкинский музей № 3. — СПб., 2002. — С. 18.

Кто из уроженцев г. Кологрива жил в последней четверти XIX столетия в Одессе? На ум приходит лишь один человек — художник и коллекционер Геннадий Александрович Ладыженский (1853—1916), преподаватель рисования в реальном училище. Он не мог, конечно, быть генералом Л. из Одессы, но вполне сойдет за любителя-коллекционера, не в смысле любитель-дилетант, а от слова любить. Именно он, скорее всего, был обладателем варварски исполненного портрета П. А. Катенина. Как собиратель произведений живописи и старинного оружия, Ладыженский мог приобрести портрет поэта путем закупки, но, думается, в данном случае можно подозревать и другой путь. Хотя сам Геннадий Александрович и не мог знать П. А. Катенина, поскольку родился в год смерти поэта, однако, предки Ладыженского были хорошо знакомы как с самим Павлом Александровичем, так и с его близкими родственниками.

Об этом говорят как некоторые архивные документы, так и изустные свидетельства местных старожил. Так, в ревизской сказке от 3 марта 1836 года по вогчине помещика капитана Андрея Федоровича Катенина (родного дяди поэта) 20 марта 1830 года сделана запись, что по указу Казенной палаты от 15 марта 1830 года <...> шесть душ крестьян мужского пола из деревни Афонино, числившихся за господами Михаилом, Павлом и Владимиром Ладыженскими, записаны на девицу Марию Катенину и ее отца Андрея Федоровича Катенина³⁴⁶. Налицо деловые отношения представителей двух фамилий.

Сам же Павел Александрович по своему кологривскому имению Шаево был недалеким соседом Ладыженских, владельцы усадьбы Бураково, что находилась в 43 верстах от Кологрива, рядом с Чермениным. Шаево же отстояло от Кологрива в 41 версте, по тому же тракту из Кологрива в Солгалич. А это означает, что из Шаева до Буракова рукой подать. В Буракове было всего 5 душ мужского пола и столько же женского, то есть владельцы его были мелкопоместными дворянами. Хозяйкой имения считалась Олимпиада Федоровна Ладыженская — вдова Никанора Ладыженского, коей молва приписывала роман с П. А. Катениным и даже рождение их общего сына Александра Никаноровича Ладыженского — отца художника Геннадия Александровича. Кологривские старожилы от своих предков сохранили рассказы об этой ветви фамилии Ладыженских. Этот предполагаемый внебрачный сын П. А. Катенина, прозванный Александром, а по мужу Олимпиады Федоровны Ладыженской Никаноровичем служил волостным писарем в Кологриве и пользовался финансовой помощью поэта. Вряд ли, художник Г. А. Ладыженский не был посвящен в семейные тайны и был равнодушен к фактам или слухам о своем происхождении. Таким образом, портрет поэта, пусть даже варварски исполненный каким-нибудь комнатным живописцем—крепостным, существование которого, кстати сказать, хотя и без имени, подтверждено документально, мог поступить художнику и из недр его семейства, например, от родной покойной бабки Олимпиады Федоровны Ладыженской — пассии поэта, возможно, получившей его от самого Павла Александровича Катенина, ведь во времена оны такие романтические презенты были в порядке вещей. Несмотря на дилетантское исполнение, портрет, как семейная реликвия, остался у Геннадия Александровича в память о родном

³⁴⁶ Воробьева Г. И. Реферат «Г. А. Ладыженский и его кологривские соседи». Машинопись.

деде (пусть, возможно, и мифическом), и вошел в его коллекцию произведений искусства и старинного оружия. К месту сказать, в коллекции старинного оружия хранилась и боевая кавказская шашка П. А. Катенина и некоторые другие вещи поэта: металлическая печать винного завода Катенина, некоторые предметы из посуды и т. д.

После учебы в Академии художеств (1871–1879) и долгой работы учителем рисования в Одесском реальном училище, художник вернулся на малую родину, в Кологрив в 1913³⁴⁷ году и привез с собою довольно значительную, как по значимости, так и по объему коллекцию. На основе ее он в 1916 году основал частный музей, который разместил в специально приобретенном для этого доме. Готовя экспонатную будущему музею, в том числе и вещи Катенина, Ладыженский понимал, что в экспозиции должен присутствовать портрет поэта, но имеющийся у него одесский, варварски исполненный портрет на это не годился. Необходимо было заказать его улучшенную копию у профессионального художника, но разве он сам не академист-живописец?

Вот мы и дошли до разгадки появления второго кологривского портрета П. А. Катенина. Его создал на основе любительского изображения Геннадий Александрович Ладыженский, возможно, внук Катенина, в период с 1913 по 1916 год, ближе к последней дате в Кологриве, для своего музея, где впоследствии этот портрет экспонировался и откуда был в 1940 году передан во Всесоюзный музей Пушкина.

Данная версия, и даже больше чем версия, объясняет все неразрешенные ранее вопросы: почему реставраторы датировали полотно 20-ми годами XX столетия, почему нет актов передачи портрета в музей, почему портрет вызывает ощущение несерьезности изображения и, наконец, откуда после отъезда портрета в Петербург в 1940 году в Кологривском музее появилась замена – 3-й варварски исполненный портрет Катенина.

Последней точкой этой весьма достоверной версии может стать сравнительная экспертиза стиля, технологии и состава красок портрета Катенина с каким-нибудь поздним полотном художника, выполненным в той же технике масляной живописи. Будем ждать ее итогов...

---

³⁴⁷ Г. А. Ладыженский вернулся в Кологрив в 1914 г. – прим. ред.

Печатные и рукописные раритеты Костромы

ОСНОВАТЕЛИ СЕЛИФОНТОВСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

Из нескольких частных книжных собраний, входящих в состав ценного книжного фонда Костромского историко-архитектурного музея-заповедника, наиболее объемным и содержательным является собрание Н. Н. Селифонтова, завещанное им Костромской губернской ученой архивной комиссии. Поначалу, оно представляло собою шестнадцатитысячное книжно-архивное собрание, разделенное на две части: пятитысячную библиотеку, хранившуюся в музее-заповеднике и одиннадцатитысячный архив, входящий в состав Государственного архива Костромской области.

Николай Николаевич Селифонтов (1835–1900) был крупным государственным чиновником второй половины XIX столетия. Статс-секретарь, действительный тайный советник, сенатор, член Государственного Совета, товарищ министра путей сообщения – вот далеко не полный перечень его чинов и званий. Однако не ими он снискал благодарную память последующих поколений. Помимо официальной службы Селифонтов в свободное от занятий время занимался археографией и оставил после себя около полусотни научных трудов, представляющих собою добротные историко-генеалогические и археографические изыскания³⁴⁸. К тому же, обладая большими талантами организатора, он нес огромную нагрузку и по общественной линии, заключавшуюся в создании и активном участии ряда научных и филантропических обществ, в частности, Костромской губернской архивной комиссии, бессменным председателем которой он был до самой смерти 29 декабря 1900 года, т. е. в течение почти десяти лет.

По смерти тело Н. Н. Селифонтова было перевезено из Петербурга, места его службы, в его усадьбу Семеновское Нерехтского уезда Костромской губернии, где и захоронено. Члены губернской архивной комиссии провожали своего председателя в последний путь. Летом 1901 года, после вскрытия завещания, член комиссии Л. Н. Северьянов был командирован в Петербург для получения, оставленной по духовному завещанию покойного, библиотеки и архива.

³⁴⁸ О творческом наследии Н. Н. Селифонтова смотри: Басова Н. Ф. Библиография научных трудов Н. Н. Селифонтова // Памяти Селифонтова. Сборник докладов Первых Селифонтовских чтений. – Кострома, 2000. – С. 204.

Северьянов принял на себя весьма сложный труд по упаковке и перевозке собрания, а по приезде в Кострому, разборке и расстановке его, к тому же, он составил к библиотеке рукописный каталог.

В каталоге Северьянов выделил почти сотню разделов библиотеки, среди которых были представлены: беллетристика, история, философия, словесность, география, юриспруденция, политэкономия, народное образование, техника и физика, языки, библиография и многое, многое другое.

Такое многообразие тем, как и многотысячный объем, объясняются тем, что Н. Н. Селифонтов был не единственным владельцем библиотеки. Он унаследовал ее от предков, заложивших еще в XVIII веке ее фундамент. Это были: Иван Иванович Бахтин — дед по материнской линии, и Иван Осипович Селифонтов — дед по отцовской линии. И если об основной части библиотеки, собранной самим Н. Н. Селифонтовым есть довольно основательные труды, то о книгах, входящих в состав его библиотеки, собранных И. И. Бахтиным и И. О. Селифонтовым, как и о самих собирателях, мы пока знаем очень мало. Воздадим же должное основателям селифонтовской библиотеки!³⁴⁹

О деде Н. Н. Селифонтова по материнской линии И. И. Бахтине в печатных источниках есть упоминания в паре биографических справок известных словарей³⁵⁰. Суть этой информации сводится к следующему.

Иван Иванович Бахтин (1754—1818) поэт и драматург, был сыном орловского дворянина. По отставке от военной службы в артиллерии в чине подпоручика, продолжил штатскую службу в качестве юриста в Тобольске и Перми. В 1795 году был назначен советником Новгородской казенной палаты, затем пребывал в том же качестве в Калужской и Тульской губерниях. С 1797 года служил в Петербурге советником в экспедиции о государственных доходах. С 1803 по 1814 г. состоял гражданским губернатором Слободской Украины, проживая в Харькове.

Занимался литературным трудом. В Петербурге, куда вновь переехал в 1815 году, издал три книги: стихотворный сборник «И я автор, или разные мелкие стихотворения», драму «Ревнивый» и прозаическое произведение «Вдохновенные идеи».

В библиотеке его внука Н. Н. Селифонтова, хранящейся в Костроме, удалось выявить около полусотни книг, принадлежавших некогда И. И. Бахтину, хотя, не все они имеют автографы или дарственные надписи. Обратимся к одному из изданий, имеющему несомненные признаки принадлежности его И. И. Бахтину. В Селифонтовском книжном собрании имеются все шесть томов «Словаря академии Российской»³⁵¹. В настоящее время это издание уже является библиографической редкостью. Но эти книги дороги нам не только своей

³⁴⁹ О библиотеке Н. Н. Селифонтова смотри: 1. Сапрыгина Е. В. Книжные раритеты библиотеки Селифонтова // Памяти Селифонтова. Сборник докладов Первых селифонтовских чтений. — Кострома, 2000. — С. 193—204. 2. Сапрыгина Е. Стражи времени. — Кострома, 2005. — С. 220—228.

³⁵⁰ Биографические справки о И. И. Бахтине включены в: 1. Словарь русских писателей XVIII век. Выпуск 1. (А-И). — Ленинград: Наука, 1988. — С. 70—72. 2. Русские писатели 1800—1917: Биографический словарь. Т. 1 (А—Г) — М., 1989. — С. 183—184 и др.

³⁵¹ Словарь Академии Российской. Т.1. — СПб., 1789.

уникальностью, но и тем, что на обоих переплетных листах первого тома книги, в начале ее и в конце имеются записи о рождении и смерти представителей рода Бахтиных на французском и русском языках, наподобие таких, какие обычно делались в то время на полях месяцесловов, домашних календарей, хранящих важнейшие семейные даты. Вот дословный перевод первой записи на французском языке: «Мой сын Жорж родился в 5 часов утра в Тобольске. 2-й сын Жан родился 1793 г. 21 ноября в 5 минут первого в Тобольске. 3-й сын Николай 3 января 1796 г. в 7 часов утра в Туле. Моя дочь Дарья родилась 5 декабря 1801 года в 6 часов 15 минут утра в Петербурге. Мой сын Александр родился 22 марта 1803 года в 11 часов».

В этих записях Иван Иванович Бахтин предстает перед нами как многодетный отец семейства, который, несмотря на многочисленную семью, очень мобилен и часто меняет свое местожительство. Причину этого мы откроем несколько позже. Из упомянутых им дат рождения детей нам наиболее любопытно рождение Дарьи Ивановны Бахтиной, в замужестве Селифонтовой, — матери Николая Николаевича — последнего владельца библиотеки.

На задних переплетных листах книги идут записи на русском языке, сделанные рукою Николая Николаевича Селифонтова. Это своеобразный некрополь семьи Бахтиных: «Скончались Бахтины:

Дедушка Иван Иванович³⁵² — 14 апреля 1818 г., похоронен в Санкт-Петербурге на Волковом кладбище.

Дядя Сергей Иванович — мне неизвестно.

Николай Иванович (Член Госуд. Сов.) — 26 марта 1869 г. в 6 часов 40 минут утра в С.-Петербурге. Похоронен на Смоленском кладбище».

Впоследствии Н. Н. Селифонтов использовал эту информацию в своей книге «Родословная Селифонтовых и Румянцевых» (СПб. 1890 г.). Сама же запись любопытна для нас тем, что отражает преемственность трех поколений владельцев селифонтовской библиотеки.

«Словарь Академии Российской», вернее его первый том, был издан в 1789 году, в то время, когда Иван Иванович Бахтин служил в Тобольске прокурором. Тогда же в Тобольске начал выходить первенец русской провинциальной журналистики, первый литературный орган Сибири, журнал, носивший несколько причудливое название «Иртыш, превращающийся в Иппокрену». За период 1789—1791 вышло 24 книжки. В костромской части Селифонтовской библиотеки это издание отсутствовало. Но по воспоминаниям советского библиофила Шилова, он приобрел полный комплект журнала в начале XX столетия у наследников Н. Н. Селифонтова. Мы не можем пройти мимо этого издания, поскольку оно освещает ряд биографических фрагментов И. И. Бахтина.

Инициатором и организатором издания стал поэт Панкратий Платонович Сумароков (1765—1814), родственник известного драматурга А. П. Сумарокова. В двадцатилетнем возрасте, будучи корнетом конной гвардии, вместе с вахмистрами того же полка Куницким и Ромбергом, он был лишен чинов и дворянства и сослан в Тобольск за то, что будучи искусным рисовальщиком, нарисовал шутя сторублевую ассигнацию, которую Куницкий сбыл купцу, а Ромберг знал и донес о том. Сумароков был прощен только в 1801 году по воцествии на пре-

³⁵² Рукою которого сделана надпись на первом листе — Е. С.

стол Александра I. Но годы, проведенные в ссылке, он не потерял, поскольку, благодаря своему журналу, оставил свое имя в анналах отечественной литературы. На его счастье наместником в Тобольске был тогда Александр Васильевич Алябьев — зять Ивана Осиповича Селифонтова — дед последнего владельца библиотеки Н. Н. Селифонтова. Он устроил П. П. Сумарокова на службу, дал возможность заниматься литературным трудом и помог в организации журнала. Однако по известным причинам официально Панкратий Сумароков не назывался ни издателем, ни редактором, хотя практически был и тем и другим.

Журнал издавался при Тобольском главном народном училище на средства Приказа общественного призрения. В нем печатались переводы и оригинальные произведения в стихах и прозе. Из учителей училища, четверо публиковались в «Иртыше...»: Воскресенский, Лафинов, Набережный и Прудковский, из других сотрудников, в основном, тобольских чиновников можно назвать Трунина, Дягилева, Флоринского. Наряду с Сумароковым, наиболее деятельное участие в журнале принимал тобольский прокурор Иван Иванович Бахтин, тяготеющий к литературным занятиям. В журнале были напечатаны его стихотворения: «Сатира на жестокости некоторых дворян к их поданным», сказка «Господин и крестьянка» и ряд других, обличающих теневые стороны крепостного права. Чтобы лучше представить направленность литературного творчества И. И. Бахтина приведем пару примеров.

«А вы, что за скотов подобных вам приемля
Ни бедных жалобе, ни воплю их не внемля,
Употребляя власть вам данную во зло,
На всяк час множите несчастливых число...»

Или

Как будто за разбой вчерашнего дня, Фрол,
Хозяин твой тебя порол;
Но ничто, плут, тебе! Ведь сек он не без дела:
Ты чашку чая нес, а муха в чай влетела!

Читая эту эпиграмму, а также предыдущее обличительное стихотворение, поражаешься мужеству автора, не убоявшегося выступить против темных сторон сложившейся системы, против крепостного права, породившего неограниченную власть одних людей над другими. И хотя перед глазами авторов журнала «Иртыш превращающийся в Иппокрену» были примеры наказания дерзнувших обличителей строя и, в первую очередь, сосланного в Сибирь А. Н. Радищева, но это не смутило ни И. И. Бахтина, ни П. П. Сумарокова. Не было ли причиной подобного послабления литераторам-сибирякам то обстоятельство, что их уже и выслать было некуда? Тем не менее, лишить человека должности, а вместе с тем куска хлеба, правительству было по силам. Не потому ли так часто менял города и места службы И. И. Бахтин? Если вначале 1790-х годов он находился в Тобольске, то в 1795 году он уже в Новгороде Северском, а в 1796 в Туле, с 1797 по 1803 год служит в Петербурге, а после этого его следы обнаруживаются в Харькове, причем, он занимает довольно крупные посты и, значит, его деловые качества не вызывают сомнения.

Долее всего он задержался в Харькове на посту Харьковского гражданского губернатора и оставил там замечательные плоды своей неутомимой деятельности. По долгу службы он должен был содействовать промышленной и культурной жизни края, однако, он делал это и по велению своего сердца. Как человека гуманитарного склада и прогрессивного направления, его особенно привлекали просвещение и культура.

18 января 1805 года в Харькове при его содействии был открыт университет. Три дня в городе шли непрерывные празднества: иллюминация, роскошное угощение публики, великолепная оратория, красноречивые речи устроителей, в том числе, и хозяина города, вот неполная праздничная программа открытия Харьковского университета. Впрочем, главным «виновником торжества» харьковчане, не без основания, считали не столько И. И. Бахтина, сколько своего земляка Василия Назарьевича Каразина (1773—1842) — известного деятеля слободско-украинского общества. Пользуясь большим расположением и высоким покровительством императора Александра I, Каразин ходатайствовал об открытии университета в Харькове, предварительно собрав с местных дворян приличную сумму, более шестисот тысяч рублей на обзаведение университета. Разрешение было получено в 1803 году, но открытие состоялось лишь спустя два года при губернаторе И. И. Бахтине. Для осуществления этой благородной цели В. Каразин и И. Бахтин объединили свои усилия, что было бы невозможно без дружеского расположения.

Поэтому мы не удивляемся, обнаружив в библиотеке Н. Н. Селифонтова книгу «Рассуждение о мире и войне», ч.1. СПб.1803 г. с пометой: «В. Каразина». Видимо, Каразин давал для ознакомления книгу И. И. Бахтину, и та, по каким-либо причинам, не была возвращена владельцу. Подарить ее Бахтину Каразин вряд ли мог, поскольку, она уже была подарена ему самому, о чем свидетельствует надпись: «Подарена вечно от почтенного автора Василия Федоровича Малиновского. Сентября в 5 день 1803 года в С-Петербурге». Видимо, это случилось во время, когда Каразин ездил в столицу хлопотать об основании Харьковского университета.

Он не оставял его своим вниманием и впоследствии. Благодаря тому же Каразину Харьковский университет уже в первые годы своего существования отличался сильным преподавательским составом. Из-за границы был приглашен целый ряд профессоров, в числе которых были: Рижский, Стойкович, Павлович, Шад, Срезневский, Бален. Профессор Фихте, также приглашенный в Харьковский университет, приехать отказался, сочтя предложенную оплату будущего труда незначительной. Тем не менее, он очень почитался в Харькове, где его научные труды неоднократно переводили. Один из таких переводов 1813 г. «Яснейшего изложения, в чем состоит существенная сила философии» Ивана Готлиба Фихте имеется в Селифонтовском книжном собрании, а помимо его и ряд других трудов, написанных профессорами Харьковского университета, например, «Опыт риторики Ивана Рижского» (Харьков. 1805 год).

Иван Степанович Рижский занимал кафедру российской словесности, красноречия и поэзии с основания университета по 1810 год, т. е. до самой смерти. Его более других почитали студенты и уважали коллеги. Рижский писал об изящных науках, о познании, свойственном воображению, о славянском

языке в древности и, наконец, о том, что «внимательное упражнение в российском слове внушает любовь к Отечеству». В 1805 году он издал «Опыт риторики», а в 1806 — «Введение в курс словесности».

Иван Иванович Бахтин, сам не чуждый изящного, проводил свои досуги в кругу таких образованных людей. Так составил особый кружок харьковских любителей изящного, благодаря которому, был открыт сначала временный, а позже и постоянный театр, на котором силами кружковцев была поставлена драма «Ревнивый», написанная самим губернатором. О ее создании он писал впоследствии в примечаниях к изданной отдельной книжкой пьесе: «Вот драма, которую я сочинил в Новгород-Северском уже 21 год назад, занимая тогда несколько месяцев по службе место, в котором от упражнений по должности оставалось у меня много свободного времени. Потом с 1797 по декабрь 1803 г., продолжая служение свое здесь, в Санкт-Петербурге, я не имел даже и столько времени, чтобы оную, переписанную уже набело, пересмотреть, дабы отдать на здешний театр, как мне желалось. Наконец, уже служа в Харькове, помнится в 1810 году, я отдал ее одному благородных людей обществу, и она оным представлена была на Харьковском временном театре в пользу одного небогатого тамошней губернии дворянина, который для усовершенствования себя в архитектуре вояжировал на счет своих благодетелей по Европе <...>»³⁵³

Изучение печатных источников подсказало, что паломником от искусства оказался Николай Федорович Алферов (1780 — 1840-е гг.), архитектор и график, помощник архитектора А. Н. Воронихина в постройке Казанского собора. Среди графических работ Алферова выделялась серия акварелей и рисунков тушью видов усадьбы А. А. Палицына — Поповки, находившейся в харьковском предместье.

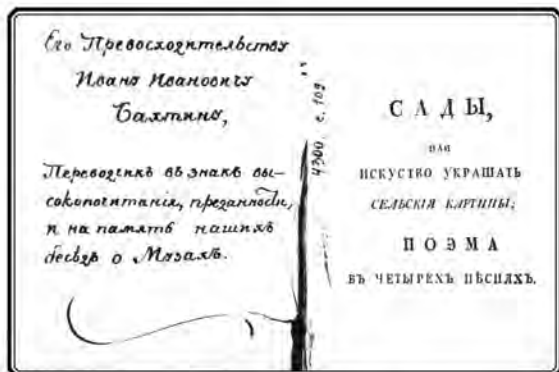
Хозяин этой усадьбы Александр Александрович Палицын, бывший адъютант Румянцева, по выходе в отставку поселился в своем имении и сгруппировал вокруг себя кружок энтузиастов искусства, который он назвал по имени своего имения «Поповской академией». Сам большой знаток искусств, он и друзей подбирал по этому принципу. В это общество, кроме самого А. А. Палицына, его жены и дочери, входили Н. Ф. Алферов, В. И. Ярославский, Е. И. Станевич и ряд других. Им-то и отдал свою драму на постановку Иван Иванович Бахтин.

О дружеских связях И. И. Бахтина с членами «Поповской академии» свидетельствуют некоторые книги из Селифонтовской библиотеки, например, книга под названием «Сады или искусство украшать сельские картины. Поэма в 4-х песнях Ж. Делиля. Перевод Александра Палицына. 1803 г. Харьков. 1804» с дарственной надписью: «Его Превосходительству Ивану Ивановичу Бахтину. Переводчик в знак высокопочитания, преданности и на память наших бесед о музах».

В книжном собрании И. И. Бахтина, наряду с презентом А. А. Палицына были представлены также и труды рядовых членов «Поповской академии», в частности, книга «О суде и совести» известного тогда мистика Евстафия Станевича (СПб. 1816 г.)

Столь плодотворная деятельность харьковского губернатора И. И. Бахтина на пользу просвещения и искусства слободско-украинского общества прекратилась в 1815 году, когда он переехал в Петербург, получив там место

³⁵³ Бахтин И. Ревнивый. — СПб., 1816.

Автограф переводчика «Садов...» Палицина

«Вдохновенные идеи». Возобновив свои старые литературные и театральные связи, он попытался поставить свою драму на петербургской сцене, но не успел, так как 14 апреля 1818 года окончил жизнь, оставив безутешной вдове и шестерым детям-сиротам только доброе имя и небольшое, но тщательно и любовно подобранное собрание книг.

Библиофилом был и второй дед Н. Н. Селифонтова — Иван Осипович Селифонтов. Однако количество печатных изданий, перешедших от него в библиотеку внука, значительно отстает от собрания Ивана Ивановича Бахтина, оно насчитывает всего лишь единицы. Например, книга «Благочестивейшия самодержавнейшия Великой Государыни Екатерины второй учреждения для управления губернией всероссийской империи». В Санкт-Петербурге. 1768 г. На титульном листе имеется запись: «Ивана Селифонтова».

Книга относится ко времени службы И. О. Селифонтова в должности вице-губернатора в Тобольске. Она служила ему своеобразным пособием в управлении губернией. Почему же лишь единичные экземпляры представлены в библиотеке внука, тогда как доподлинно известно, что объемное книжное собрание И. О. Селифонтова хранилось в его ярославском имении Сывороткино? Ответ мы находим в воспоминаниях продавца-букиниста и библиофила Ф. Шилова³⁵¹.

«В 1910 году я купил у потомков Селифонтова библиотеку, в которой оказался журнал «Иртыш, превращающийся в Ишпокрену», издававшийся в Тобольске в 1789 — 1791 годах, во время губернаторства Селифонтова. Селифонтов, весьма просвещенный человек, был сенатором при Екатерине II, имел обширную библиотеку и был не только обладателем книг, но и усердным читателем. Родом Селифонтов был из села Сывороткино Борисоглебского уезда Ярославской губернии. Библиотека была большая и интересная, и между любителями было немало разговоров о моем приобретении».

Шилов жил в Ленинграде, где и хранил собственные и покупные книги, куда влилась и библиотека И. О. Селифонтова. Из тех же воспоминаний библиофила

³⁵¹ Шилов Ф. Записки старого книжника. — М., 1959.

управляющего Государственной экспедицией для ревизии счетов.

Переехав в Петербург и заняв должность менее ответственную, чем должность губернатора, И. И. Бахтин почти целиком отдался своей неизлечимой страсти — литературе. За три года жительства в столице он напечатал три книги: сборник стихов «И я автор, или разные мелкие стихотворения», драму «Ревнивый» и психологическую прозу

мы узнаем о ее трагической судьбе: «<...> в январе 1942 года во время блокады Ленинграда сгорел дом, в котором я жил. Пожар был настолько ужасен, что был даже описан в рассказе Всеволода Воеводина «Книжная лавка», напечатанном в № 4 журнала «Звезда» за 1945 год. Я жил на пятом этаже. При всем старании пожарные ничего не могли сделать с огнем. Напор воды был недостаточен, вода из шлангов не поднималась выше 2-го этажа. Я пробовал выкидывать книги, но пачки разбивались, книги рассыпались, примерзали к снегу и льду (было свыше 35 градусов мороза). Мы сидели на остатках своих пожитков, не зная куда деваться. После пожара я заболел и пролежал два месяца в больнице. Принявшись после этого за приведение в порядок своей библиотеки, я выяснил, что половина книг погибла, очень много книг совершенно испорчено. Остатки отдела библиографии я продал Публичной библиотеке, а остальное уцелевшее — книжной лавке писателей».

Из этого рассказа видно, что судьба библиотеки Ивана Осиповича Селифонтова, хранившейся у Шилова, сложилась трагически. Если она даже не вся погибла при пожаре, то позже, путем продажи, подверглась распылению, что для большого и цельного книжного собрания равносильно гибели.

Тем не менее, часть этого собрания не только не погибла, но и оказалась в Костроме, благодаря тому, что незадолго до смерти, внук основателя библиотеки Н. Н. Селифонтов вывез из Съвороткина в Кострому и передал Костромской губернской ученой архивной комиссии наиболее раритетные экземпляры библиотеки деда, коими он почитал, в основном, рукописи по истории Сибири, и другие документы, находящиеся сейчас в Костромском областном архиве в личном фонде Н. Н. Селифонтова³⁵⁵.

Николаем Николаевичем написана и пространная биография Ивана Осиповича Селифонтова, которая также хранится в ГАКО. Краткую биографическую справку о деде внук поместил в своей книге. «Родословная Селифонтовых и Румянцевых» (СПб 1890). По ней: «Иван Осипович Селифонтов (1745 — 1822) был известным государственным и общественным деятелем. Окончив Морской кадетский корпус, он был в 1762 году выпущен из него мичманом. Он неоднократно бывал в плаваниях за границей, из которых наиболее достопамятными были плавания на английском корабле «Грейнгоунд» в Вест-Индию (1762) и на остров Мальту (1766), где он некоторое время служил лейтенантом галерного флота, а в 1773 он участвовал в дипломатической миссии в г. Любеке. В 1779 году Селифонтов был назначен под командование Суворова командиром Керченской эскадры для охраны Крыма. В 1781 году его перевели в Архангельск, а затем в Кронштадт».

Иван Осипович Селифонтов имел определенные литературные наклонности. Заметки о путешествиях по Уралу, Сибири, описания промыслов, этнографические материалы — вот неполный перечень тем его записок. С военной службы он уволился в чине бригадира в 1783 году, а в 1785 году был назначен тобольским вице-губернатором, в 1786 — иркутским и колыванским генерал-губернатором, а в 1803 — тобольским, томским и иркутским генерал-губернатором. Спустя же три года он был уволен от службы по болезни. Умер Иван Осипович Селифонтов

³⁵⁵ ГАКО. Ф. 655. Селифонтов Н. Н., историк, председатель Костромской губернской ученой архивной комиссии, крупный административный деятель России.

в своей усадьбе Сывороткино Романово-Борисоглебского уезда Ярославской губернии слепым и в параличе».

Оба bibliофила, и Иван Осипович Селифонтов и Иван Иванович Бахтин, много сделали для литературно-библиофильского воспитания своих детей и внука, примером формирования своих книжных собраний, послуживших основанием уникальным библиотеке и архивному фонду Николая Николаевича Селифонтова, составляющих гордость современных книжно-архивных хранилищ Костромы.

СИБИРСКАЯ БИБЛИОТЕКА А. Н. РАДИЩЕВА

Весной 1785 года в город Тобольск прибыл новый вице-губернатор Иван Осипович Селифонтов. Определением на столь престижную должность он был обязан своему благодетелю — графу Александру Романовичу Воронцову, при брате которого, Семене Романовиче, он был образован для морской службы, в которой прежде и состоял.

Александр Романович Воронцов являлся представителем знаменитого дворянского рода, давшего России ряд видных государственных деятелей, из которого, кстати сказать, вышла и его сестра Екатерина Романовна Воронцова, по мужу Дашкова — президент Императорской Российской Академии, созданной по ее же инициативе. Брат ее, Семен Романович Воронцов, крупнейший дипломат, в течение двадцати лет занимал должность русского посла в Лондоне. Таким образом, И. О. Селифонтов имел сильнейшую протекцию.

Вскоре непосредственным начальником Селифонтова стал новый тобольский губернатор Александр Васильевич Алябьев — отец известного композитора, с которым Иван Осипович был хорошо знаком и даже дружен по предыдущей службе в Перми. Впоследствии их соединят и родственные узы, поскольку в 1811 году дочь Селифонтова Екатерина Ивановна вступит в брак с вологодским помещиком В. Ф. Алябьевым, родственником Александра Васильевича.

В то время Тобольск был местом ссылки. В городе и окрестностях насчитывалось более полутысячи человек сосланных всех сословий, в число которых входило и немало разжалованных дворян. 20 декабря 1790 года в Тобольск прибыл высланный в Илимск автор крамольного «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищев. Он прожил в городе свыше семи месяцев, где, по свидетельствам его сына Павла, графа Воронцова и самого писателя был тепло встречен тобольскими жителями. В особенности хорошо принимали его у губернатора Александра Васильевича Алябьева, который даже получил выговор за то, что позволил Радищеву такое долгое пребывание в Тобольске, и у вице-губернатора Ивана Осиповича Селифонтова, ставшего впоследствии генерал-губернатором всей Сибири.

Взаимные симпатии тобольского вице-губернатора и ссыльного писателя усиливались тем обстоятельством, что у них обоих был один и тот же покровитель — граф А. Р. Воронцов, пекшийся о своих подопечных и способствовавший их сближению, что было в духе русского масонства; все они являлись членами масонской ложи «Уrania», которую посещали в середине 1770-х годов.

И. О. Селифонтов, как мог, старался облегчить участь Радищева: принимал его у себя, хлопотал о продлении срока пребывания его в Тобольске, пересылал Воронцову письма писателя, ограждая, таким образом, их от перлюстрации. Недаром в опубликованной переписке А. Н. Радищева с А. Р. Воронцовым неоднократно упоминается его имя.

Отголоски их отношений отложились и в документах Костромского областного архива, в личном фонде Н. Н. Селифонтова, костромского помещика, внука Ивана Осиповича, в котором автору этого очерка удалось обнаружить

восемнадцать копийных писем А. Р. Воронцова к И. О. Селифонтову, и наоборот. Их оригиналы хранятся в Российской Национальной библиотеке Санкт-Петербурга. Вот одно из них: «Милостивый государь мой. Иван Осипович! Два письма Вашего Превосходительства, первое от 8 мая, а другое от 29 июля с приложением письма от Александра Николаевича, я получил в свое время, и с удовольствием увидел из последнего, что Александр Николаевич в путь из Тобольска уже отправился, причем не могу пропустить без засвидетельствования Вам моей благодарности за оказанные ему милости ваши во все время бытности его в Тобольске и которыми он довольно нахвалиться не может.

Имею честь быть с истинным почтением Вашего Превосходительства покорный слуга Г. Александр Воронцов. С.Петербург. Сентябрь 7 дня 1791 г.»³⁵⁶

Отсутствие фамилии Радицева в письме по понятным причинам, не позволило исследователям фонда обратить внимание на эти важнейшие для русской истории и литературы документы.

Известно, что Сенат приговорил Радицева к смертной казни «посредством отсечения головы», но Екатерина II, боясь огласки и осуждения народа, заменила казнь на десятилетнюю ссылку в Сибирь, которая, однако, по ряду причин свелась к шести годам.

Семимесячное пребывание ссылкой писателя в многолюдном Тобольске, видешем и ярмарочные гуляния, и театральные постановки, помогло адаптации Радицева в Сибири и подготовило к бесстрессовому переселению его влиятельную семью. В Тобольске произошла радостная встреча писателя с Елизаветой Васильевной Рубановской — родной сестрой его умершей супруги, которая приехала к нему в Сибирь с двумя его младшими детьми Павлом и Екатериной (старших взял к себе в Архангельск брат писателя Моисей Николаевич Радицев). Не побоявшись положения «незаконной» жены, она не только воспитала детей Радицева от покойной сестры Анны, но и подарила ему еще сына Афанасия и дочерей Анну и Феклу.

Последовав за ссылкой писателем в сибирскую ссылку, Елизавета Васильевна Рубановская на 35 лет предвосхитила подвиг жен декабристов, добровольно последовавших за своими мужьями в Сибирь.

Тобольску же Радицев обязан и основанием своей сибирской библио-

А. Н. Радицев

³⁵⁶ ГАРО. Ф. 655. Оп. 1. Д. 281. Л. 210. Копия.

теки, составленной, по большей части, из презентов графа Воронцова. Ее полного состава мы не знаем, но некоторые издания упоминаются в их переписке. Так, в письме Радищева к графу от 8 марта 1791 года говорится: «Я взял на себя смелость попросить у Вашего сиятельства Путешествие Лессепса. Я его получил из Москвы вместе с моими. Я просил, чтобы вы благоволили обременить себя пересылкой Физико-экономической библиотеки. Теперь я ограничиваю мою просьбу и прошу два альманаха, которые я имел обыкновение дарить моим маленьким на Новый год: один Готский на французском языке и один Геттингенский или Берлинский — на немецком, оба с картинками»³⁵⁷.

В письме от 2 мая того же года писатель благодарит благодетеля за полученную литературу: «Какую же благодарность должен я принести Вашему сиятельству за газеты; вы мне прислали разные, и хотя, они зачастую говорят об одном и том же, но каждая делает это на свой лад, и в одной частенько встречаются истории, которых нет в другой. <...> Если бы я не боялся показаться бесстыдным в глазах Вашего сиятельства, я бы покорнейше просил вас ознакомить меня со всем, что есть нового о литературе на различных языках, на которых я читаю. В Петербурге я получал немецкую газету из Берлина, «Берлинский ежемесячник» и каталоги ярмарок, «Месскаталог», для английского чтения — прошу английскую.

Для французского — «Энциклопедический дневник», для русского — уж не знаю что. Я встретил здесь, благодаря рекомендациям Вашего сиятельства, очень хороший прием у губернатора и вице-губернатора»³⁵⁸.

Книжные, и не только книжные, посылки графа Воронцова ожидали Радищева и в других населенных пунктах по пути в Илимск, например, в Иркутске, что вызывало бурные радостно-благодарные эмоции у изгнанника, нашедшие отражение в письме благодетелю. Так, в послании из Иркутска от 29 октября 1791 года Александр Николаевич сообщает графу: «На днях я открыл ящики с книгами, которые вы, Ваше сиятельство, мне прислали; мне показалось, что я сам был в книжной лавке и выбрал их для себя»³⁵⁹.

А спустя два с половиной месяца в письме от 17 февраля 1792 года уже из Илимска сообщал: «Мои малютки

А. Р. Воронцов, президент
Коммерц-коллегии. Портрет работы
И. Г. Шмидта. 1784 г.

³⁵⁷ Радищев А. Н. Сочинения. — М., 1988.

³⁵⁸ Там же. С. 569.

³⁵⁹ Там же. С. 573.

были вне себя от радости при виде маленьких календариков, которые Ваше сиятельство изволили им прислать» <...> «И тут я опять прибегаю к Вашему сиятельству и прошу соизволить послать мне при случае путешествия академиком, а именно путешествия Штеллера и Гмелина»³⁶⁰.

Сибирская домашняя библиотека А. Н. Радищева, едва ли насчитывала сотню-полторы экземпляров книг и газет, но и она скрашивала долгие дни, месяцы и годы, проведенные им в изгнании, в котором, тем не менее, Радищев не скучал, занимаясь лечением местного населения, минералогией и геологией, путешествиями, или точнее, научными экспедициями и, даже, сочинением научных трудов, в частности «Письмом о китайском торге».

Досрочным освобождением от ссылки Радищев был обязан Павлу I, который после смерти своей матери Екатерины II, разрешил опальному писателю покинуть Илимск и жить в имении отца Немцова в Подмосковье.

Семья Радищева, истосковавшись по родине, спешно выехала из Сибири, забрав с собою самое необходимое, в том числе, и библиотеку. Однако трудности пути, болезнь, а чуть позже и смерть Е. В. Рубановской, простудившейся в пути, заставило Радищева оставить книги в Иркутске на временное хранение у генерал-губернатора Л. Т. Нагеля. Летом следующего года граф Воронцов пытался вытребовать книги Радищева из Иркутска, но получивший новое назначение Нагель уже уехал из города. Узнав о предпринятой попытке графа вернуть застрявшую в Сибири библиотеку, Радищев в письме А. Р. Воронцову от 21 июля 1798 года писал: «Письмо Вашего сиятельства уже не застанет господина Нагеля в Иркутске, так как он предполагал уехать оттуда в середине мая. Он мне сообщил, что оставил мои сундуки в Иркутске у господина комиссара Новицкого»³⁶¹.

Радищев смирился с утратой библиотеки, к тому же, в его судьбе произошли кардинальные изменения. В 1801 году он не только получает полную свободу от нового императора Александра I, но и возвращается в Петербург, где назначается в комиссию по составлению законов. Год спустя, А. Р. Воронцов предпринимает еще одну попытку по спасению библиотеки, обратившись за помощью к Ивану Осиповичу Селифонтову, служившему в то время в Сенате и жившему в Санкт-Петербурге, однако, по роду своей службы посещавшему Сибирь и, в частности, Иркутск. Был он там и в феврале 1802 года, куда и обратился граф Воронцов со своею просьбой, однако, судя по ответу Селифонтова, несколько запоздалой.

В письме от 22 марта 1802 года И. О. Селифонтов сообщал уже из Тобольска: «Почтеннейшее письмо Вашего сиятельства от 22 минувшего февраля я имел честь получить по возвращении моем из Иркутска здесь сего месяца 20 числа. Касательно до пособия моего в пересылке книг к Александру Николаевичу Радищеву, оставленных им в Иркутске у господина Новицкого, приятнейшим для себя почел бы долгом сыскать случай в доставлении их к нему, ежели бы только я знал о сем в бытность мою там, но за выездом моим оттуда, крайне сожалею, что сего исполнить не мог; притом же довелось бы теперь и везти их уже летним путем, то по причине худой дороги доставление их было бы не без

³⁶⁰ Радищев А. Н. Сочинения. – М., 1988. С 575.

³⁶¹ Радищев А. Н. Полное собрание сочинений. Т. III. – С. 518.

затруднения; а посему лучше оставить ныне пересылку до будущего первого зимнего пути»³⁶².

Не остановившись на этом, И. О. Селифонтов связался письменно с О. И. Новицким, с которым был знаком лично. Еще во время Сенатской ревизии Сибири 1801 года Иван Осипович разбирался в споре иркутского губернатора генерала от инфантерии Б. Б. Лещано с генерал-майором, директором Тельминской суконной фабрики О. И. Новицким по поводу переноса фабрики на остров Ольхон. В этом вопросе он не только поддержал Новицкого, считавшего перенос фабрики нецелесообразным, но и добился награждения директора орденом за отличную работу. Так что И. О. Селифонтов вправе был ждать от Новицкого взаимной услуги, в виде помощи по пересылке библиотеки Радищева.

К группе вышеупомянутых восемнадцати копийных писем графа Воронцова И. О. Селифонтову, хранящихся в Костромском областном архиве, в фонде Н. Н. Селифонтова, примыкает и письмо от 16 июня 1802 года Селифонтова к Осипу Новицкому, касающееся книг Радищевской библиотеки: «Его сиятельство граф Александр Романович по просьбе г. Радищева пишет ко мне о доставлении оставленных им у Вашего Превосходительства книг по прилагаемым при сем каталогам. Покорнейше прошу, милостивый государь мой, постараться доставить оные в Петербург в дом его сиятельства Александра Романовича»³⁶³.

Прошло, однако, около двух месяцев, пока он получил ответ от Новицкого из Нижнеудинска, написанный в августе 1802 года, из которого следовало, что семья Новицкого из-за неудовольствий, последовавших, очевидно, от его врага Лещано, вынуждена была 13 августа 1802 года оставить Иркутск. «<...> При сем же доложу о книгах господину Радищеву принадлежащих, что медленность доставления их к нему произошла от чрезмерной дороговизны провозов, доходившей до того, что истинно совестно мне было исполнять эту комиссию с таким, или еще и больше ему убытком, как и самые же книги стоят; других же оказий в продолжение того же времени встречалось хотя и довольно, но Вашему превосходительству еще более известно, в каком положении находился я тогда и имел ли способы убедить кого-либо принять мои препоручения, и наконец, утвердившееся намерение мое оставить Иркутск и оставить скорее, нежели, как теперь исполнилось, было поводом удержать их до сего времени.

Ныне же везу оные с собою и доставлю господину Радищеву лично, о чем, уведомляя Вашего превосходительства, покорнейше прошу продолжить ваши милостивые ко мне расположения и быть уверенным, что я всегда с беспредельным к особе вашей высокопочитанием и искреннею преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего превосходительства покорнейший слуга Осип Новицкий»³⁶⁴.

До сих пор биографы А. Н. Радищева располагали сведениями о его сибирской библиотеке лишь до момента оставления ее в Иркутске, и то благодаря опубликованному архиву графа Воронцова. Обнаружение же неопубликованных писем Воронцова и Новицкого в Государственном архиве Костромской области,

³⁶² Институт истории АН СССР (Ленинградское отделение). Собрание Воронцова. № 862. Л. 65.

³⁶³ ГАКО. Ф. 655. Оп. 2. Д. 282. Л. 133. Копия.

³⁶⁴ ГАКО. Ф. 655. Оп. 2. Д. 282. Л. 143–144. Копия.

владельца сельца Семеновского Нерехтского уезда Костромской губернии, основателя и многолетнего председателя Костромской губернской ученой архивной комиссии, куда он передал семейный архив с влившимися в него сибирскими документами своего деда Ивана Осиповича Селифонтова, открывает новые страницы в судьбе книжного собрания писателя-революционера, в частности, перевоз ее из Иркутска в Петербург, в дом графа А. Р. Воронцова, где часто бывал Радищев.

Нет сомнений, что О. И. Новицкий благополучно довез библиотеку до места назначения, но успел ли он, как обещал, вручить ее хозяину лично? Ведь 11 сентября 1802 года, будучи проездом в Москве, находящийся под надзором властей, напуганный возможностью новой ссылки, отчаявшийся Радищев выпил стакан кислоты и на следующий день умер в страшных мучениях...

ПЛЕМЯННИЦА ПРОСВЕТИТЕЛЯ

В большеформатном цветном альбоме «Музеи Костромской земли» мое внимание привлек женский портрет из Солигаличского краеведческого музея кисти неизвестного художника середины XIX столетия³⁶⁵. На нем была изображена женщина балзаковского возраста с меланхоличным выражением лица и какой-то едва заметной внутренней надломленностью. Правильный овал лица, высокий лоб, большие вдумчивые глаза выдавали впечатлительную, и явно страдающую натуру. Позднее удалось узнать причину этой печали. Женщина была неизлечимо больна чахоткой и умерла в 1845 году, вскоре после снятия с нее портрета, вызывающего в памяти зрителя пушкинское стихотворение «Осень», где гениальный поэт сравнивает свое любимое время года с неизлечимо больной женщиной.

«... Мне нравится она,
Как, вероятно, вам чахоточная дева
Порою нравится. На смерть осуждена,
Бедняжка клонится без ропота, без гнева.
Улыбка на устах увянувших видна;
Могильной пропасти она не слышит зева;
Играет на лице еще багровый цвет.
Она жива еще сегодня, завтра нет»³⁶⁶.

Эта обреченность и запечатлена на полотне. Стал объясним и ее будничней, почти домашний наряд: видимо, для позирования ее подняли больную, прямо с постели. На ней чепец, с атласными лентами-завязками, струщимися по груди; скромное темное платье отделано по воротнику и рукавам почти прозрачным кружевом. Под портретом надпись: «Юлия Александровна Денисьева — племянница писателя и просветителя Н. И. Новикова. Х.м. 63х49»³⁶⁷.

Мы знаем этого выдающегося просветителя XVIII столетия по многочисленным книжным изданиям. О его заслугах говорит статистика. Каждая третья книга в России того времени выходила в типографии Н. И. Новикова.

Видимо, гены рода, выдвинувшего из ряда своих представителей такого человека, оставили отсвет духовности и на его племяннице! Без сомнения, и в ней были зачатки таланта, но болезнь и бесправное положение женщины в то время не позволили развить их в должной мере, оставив ей в удел участь супруги, хозяйки дома и любящей матери.

Отец Юлии Александровны Александр Иванович Новиков — брат просветителя, владел деревнями Жерково и Початково под городом Любимом. Он получил их от отца Ивана Васильевича Новикова и владел ими до конца жизни, а по его смерти, деревни отошли к братьям, в том числе, и к просветителю.

³⁶⁵ РМЗ СКМ ОФ 73.

³⁶⁶ Пушкин А. С. Собрание сочинений. Т. 2. — М., 1974. — С. 310.

³⁶⁷ Музеи Костромской земли. — Л., Художник, 1985. — С. 244.

В 1768 году братья свои поместья продали племяннику А. И. Новикову, оставив за собой село Авдотьино под Москвой³⁶⁸.

Там, под Любимом и прошли, по всей вероятности, детство и юность Юлии Новиковой вплоть до замужества, пришедшегося, судя по дате рождения первенца, на 1820 год. Ее избранником стал Петр Алексеевич Денисьев (? – до 1845), происходивший из чухломских дворян Денисьевых. Он был морским офицером, с 1816 года капитан-лейтенант в отставке. Петр Алексеевич Денисьев, воспитанник Морского кадетского корпуса (1795–1804), состоял в действительной морской службе 12 лет (1804–1816)³⁶⁹. Позднее избран по выборам в дворянские предводители Солигаличского уезда. Видимо, в связи с местожительством в этом уездном городе, и объясняется наличие в местном Солигаличском музее портрета его супруги. Имена же самой Юлии Александровны были сосредоточены в Чухломском уезде. В 1834 году она владела там селцом Медведево и деревней Бухарино, доставшимися ей по духовному завещанию от коллежской асессорши Елизаветы Михайловны Шиповой.

Елизавета Михайловна, урожденная Лермонтова (? – 26 апреля 1830) была в тесных родственных отношениях с представителями фамилий Шиповых, Новиковых и Денисьевых. Она вышла замуж за капитан-лейтенанта Федора Петровича Шипова³⁷⁰ и от этого брака появилась на свет их дочь Анастасия Федоровна Шипова (? – 19 июля 1849), вышедшая замуж за родного брата Юлии Александровны Новиковой, в замужестве Денисьевой, Валентина Александровича Новикова (1791? – 15 ноября 1886), личность которого настолько незаурядна, что нельзя не уделить ей некоторого внимания.

Но сначала остановимся на дарительнице имени селца Медведево и деревни Бухарино – Елизавете Михайловне Шиповой, урожденной Лермонтовой. Она принадлежала к так называемой «острожниковской линии» костромских предков великого поэта, развившейся от внука Георга Лермонта – Петра Петровича. Ее муж – отставной флота лейтенант Федор Петрович Шипов, был сыном генерал-аншефа, сенатора, тайного советника, президента статс-канцелярии, кавалера ордена Св. Александра Невского Петра Михайловича Шипова (1685 – 11 июля 1753), ближайшего сподвижника Петра I и одного из создателей Петербурга³⁷¹. Последний оставил Федору Петровичу большое наследство, которое он сумел не только сохранить, но и приумножить, женившись на Елизавете Михайловне. На свои средства супруги Шиповы построили в Чухломском уезде церкви в селе Михайловском Лесном (1800), в селе Вознесенском (1822) и придел в своей приходской церкви села Сенная Успенье (1829).

Сама Елизавета Михайловна была удивительной личностью, резко выделявшейся из местной чухломской среды. Неудивительно, что А. Ф. Писемский запечатлел ее в лице гофинтендантши Пасмуровой в рассказе «Старая барыня». В этом рассказе старый слуга так отзывался о своей госпоже: «Госпожа наша...

³⁶⁸ Белоруков Д. Ф. // «Северная правда». 25 декабря 1974.

³⁶⁹ Григоров А. А. Без Костромы наш флот неполон...: Морские офицеры-костромичи, XVII – нач. XX вв.: Справочник / Автор-сост. Н. А. Дружнева. – Кострома: ООО «Костромаиздат-850», 2002. – С. 41.

³⁷⁰ По сведениям А. А. Григорова, Федор Петрович Шипов вышел в отставку в 1767 году лейтенантом. См. Григоров А. А. Без Костромы... – С. 141. – прим. ред.

³⁷¹ Григоров А. А. Без Костромы... – С. 141. – прим. ред.

была, может, наипервейшая особа в России: только званье имела, что женщина была; а что супротив их, ни один мужчина говорить не мог. Как ими сказано, так и быть должно. Умнейшего ума была дама». И в другом месте, говоря о ее жизни и взаимоотношениях с соседями-помещиками: «По-царски или, как бы, фельдмаршалше какой подобае. Своей братья помещиков круглый год неразъездная была. В доме сорок комнат, и то по годовым праздникам тесно бывало. Словно саранча налетит с мамками, с детками, с няньками, всем прием был»³⁷².

В мемуарах Н. П. Макарова «Мои семидесятилетние воспоминания...» также есть строки, характеризующие Е. М. Шипову: «У нее были большие связи и огромное влияние на многих должностных лиц того времени, благодаря ее бойкому, острому, жгучему уму, твердой, настойчивой воле, гениальному таланту к интригам и пронырству, благодаря своей величественной красоте и отсутствию ригоризма и ханжества. Самая знатная и богатая помещица уезда начала XIX века Е. М. Шипова пользовалась большим авторитетом в Москве и Петербурге. Ей ничего не значило лишиться лобой должности неудобное ей лицо, впрочем, как и облагодетельствовать любого, на ее взгляд, человека, если к тому же он молод и красив»³⁷³.

Среди последних, был и ее зять Валентин Александрович Новиков. Служа по военной части, он прошел путь от урядника до адъютанта атаманов Войска Донского М. И. Платова (до 1819) и Сысоева (до 1821). Затем был переведен в Оренбургский уланский полк Кавказского отдельного корпуса, где на него обратил внимание знаменитый генерал, герой Отечественной войны 1812 года Алексей Петрович Ермолов, который в 1825 году и взял его к себе 3-м адъютантом. Именно ему Ермолов секретно поручил предупредить своего секретаря Грибоедова о приезде фельдгегера для его ареста, чтоб тот успел уничтожить компрометирующие бумаги, что говорит о большой степени доверия генерала к своему адъютанту. После отстранения Ермолова от командования Кавказским корпусом, В. А. Новиков отправляется на войну с Турцией, после окончания которой, выходит в отставку и некоторое время служит по статской части в Петербурге. Именно там он встречает Анастасию Федоровну Шипову, ставшую его второй женой, с которой он и уезжает из блестящего Петербурга в захолустную Чухлому, в усадьбу жены Медведево. Деятельная натура Новикова не позволяла ему расслабляться даже в провинции. Он принимал активное участие не только в местных мероприятиях, но и в важных правительственных проектах, в частности, в подготовке реформы по освобождению крепостных крестьян. 17 января 1859 года по окончании работы Комитета, его члены в количестве 26 человек, собрались в Костроме, в доме Дворянского собрания. Специально приехавший из Ярославля фотограф Лавров заснял группу комитетчиков на память для потомков. Благодаря этому, до нас дошел портрет Валентина Александровича Новикова, хотя и в очень пожилом возрасте. Он сидит в нижнем ряду восьмым слева³⁷⁴. Умер Новиков, видимо, в 1870 году, завещав свое имение племянникам — детям сестры Юлии Александровны Денисьевой.

³⁷² Писемский А. Ф. Собрание сочинений. Том 2. — М., 1959. — С. 403–404.

³⁷³ Макаров Н. П. Указ. соч.

³⁷⁴ Фотография хранится в Костромском историко-архитектурном музее-заповеднике. — Е. С.

Из потомства четы Денисьевых известны четыре сына и четыре дочери. Сыновья Сергей, Николай и Федор, имея отца и дядю — морских офицеров и, наслушавшись их рассказов, особенно последнего, о блокаде голландского побережья, которую тот держал в составе команды корабля «Северный» и ряда других, не могли не последовать за предками и все трое прошли учебу в Морском кадетском корпусе, став офицерами и поступив в действительную службу во флоте.

Старший сын Николай Петрович Денисьев, родившийся в 1823 году, в 1844 году окончил Морской корпус и вступил в действительную службу. В 1850 году — лейтенант, по отставке — капитан-лейтенант. Вместе с другими наследниками владел в Чухломском уезде деревней Бухарино и в Костромском уезде деревней Серково. В 1858 году, после раздела имения, мы находим в его «единичном владении» сельцо Чахлово с деревнями, Бурмачкино и Горки. В Бурмачке, расположенной на речке Кубани, по правую сторону почтового тракта из Костромы в Нерехту, стояла усадьба, которую от губернского города отделило всего 9 верст. Неподалеку от усадьбы — довольно крупное (на двадцати дворах проживало около сорока душ мужского пола) приусадебное село Чахлово. Деревня Горки, не уступающая по числу душ сельцу, лежала по другую сторону тракта. Наличие речки Кубани, близость к губернскому городу составляли бесспорные удобства имения. Его владелец Николай Петрович Денисьев проживал там с женой Варварой Александровной, урожденной Перфильевой, и через этот брак, заключенный после 1854 года, Денисьевы породнились с двумя дворянскими родами Перфильевых и Бартеневых³⁷⁵.

Варвара Александровна — дочь Ольги Николаевны, урожденной Бартеновой и Александра Андреевича Перфильева. Многие Бартеновы отлично зарекомендовали себя на различных поприщах, что же касается военной службы, то 23 носителя этой фамилии были известными моряками, причем один из них контр-адмирал и один вице-адмирал. Не менее морских офицеров было и среди Перфильевых.

Николай Петрович и Варвара Александровна Денисьевы прожили в браке более 20-ти лет, однако, он был омрачен болезнью супруги, причем недуги ее были такого свойства, что уже в 1882 году над ней и ее имуществом была установлена опека. Имущество же Варвары Александровны состояло в сельце Молоково Галичского уезда с деревнями, подаренными ей матерью в 1854 году. Наследниками имения четы Денисьевых стали их дети Анна и Николай.

Средний сын Юлии Александровны и Петра Алексеича Денисьевых Федор Петрович Денисьев (5 февраля 1825 — 16 марта 1875) также пошел по пути деда и отца. Окончил Морской корпус, служил во флоте, в 1850 г. — лейтенант, в отставку вышел капитаном I-го ранга гвардейского экипажа. Он был женат на Надежде Петровне (род. 19 января 1844), происхождение которой нам неизвестно. В 1850 году Федор Петрович «общее с братьями и сестрами» владел в Костромской губернии деревней Бухарино, которая отошла Денисьевым в 1833 году от Елизаветы Михайловны Шиповой. Однако по разделу 1857 года между братьями и сестрами, Федор Петрович стал единоличным владельцем деревни Бухарино. Он тут же заложил его в опекуновском совете, с которым смог рассчитаться лишь в конце 1860-х годов.

³⁷⁵ Григоров А. А. Без Костромы ... — С. 41.

Федор Петрович и Надежда Петровна Денисьевы умерли в один день — 16 марта 1875 года, что довольно необычно и позволяет думать, что здесь имел место какой-либо трагический случай. Похоронены они вместе, в Санкт-Петербурге, на кладбище Новодевичьего монастыря³⁷⁶. Из их наследников известен лишь один сын Сергей Федорович Денисьев — горный инженер, а из документов за 1903 год ясно, что к тому времени он имел чин коллежского асессора и проживал в Петербурге, в доме на Дворцовой набережной. О наличии и составе его семьи мы никакими сведениями не располагаем.

О третьем сыне Юлии Александровны и Петра Алексеевича Денисьевых Сергее Петровиче Денисьеве, родившемся в 1827 году, известно немного. Следуя семейной традиции, он обучился морскому делу и в документах 1850 года числится мичманом. В 1845 году владел деревней Бухарино Чухломского уезда, а в 1854 году деревней Серково Костромского уезда, обеими совместно с братьями и сестрами. О жене его и детях сведений не имеется, кроме того, что его сын Николай Сергеевич был флота капитан и кавалер в 1857 году³⁷⁷.

О четвертом сыне, Александре Петровиче, родившемся в 1822 году, никаких сведений обнаружить не удалось.

Если мужчины сами «куют» свои биографии, то судьба женщин полностью зависит от их мужей. Жена не только берет фамилию супруга, но меняет свое местожительство, поселяется в доме мужа, принимает традиции его рода, изменяя свои урожденные. Так случилось и сестрами Денисьевыми, кроме одной незамужней Елизаветы, другие же, Настасья, Варвара и Анна, в свое время вступили в брак, а кое-кто из них и неоднократно.

Настасья Петровна Денисьева (1830—1900) вышла замуж за губернского секретаря Дмитрия Петровича Мамаева, владевшего деревней Васильевское в Чухломском уезде и усадьбой Татьково в Солигаличском уезде Костромской губернии. От этого брака родились сыновья Валентин и Петр, дочери Юлия и Елизавета. Все имена детям были даны в честь ближайших и любимых

*Неизвестный художник.
Портрет Ю.А. Денисьевой,
урожденной Новиковой.
Холст, масло. 62x49. КМЗ*

³⁷⁶ По сведениям П. П. Резепина, Надежда Петровна Денисьева скончалась 20 июня 1891 г. См. Григоров А. А. Без Костромы ... — С. 41. — Прим. ред.

³⁷⁷ Большая часть информации о представителях рода Денисьевых извлечена из Родословия дворян Денисьевых, составленного Ириной Халидовой Тлиф на основе архивных и печатных источников, в т.ч. фонда А. А. Григорова (Р-864). Е. С.

родственников, воспитывать же их по причине ранней кончины отцу не довелось. Эту миссию взяла на себя незамужняя сестра Елизавета Петровна Денисьева и Валентин Александрович Новиков.

Мать осиротевших детей, Настасья Петровна Мамаева, вышла замуж вторично за Оскара Карловича Моллера (род. в 1825 г.), чухломского уездного предводителя дворянства, который в конце 1860-х годов также овдовел, и счастье прожила с ним до его кончины в 1897 году. Они и не имели своих детей. Настасья Петровна на три года пережила мужа. Прах их покоится за древними стенами Костромского Богоявленского женского монастыря.

Сестра Настасьи Петровны Моллер, Варвара Петровна (1835–1889) стала женой Петра Михайловича Верховского. Мать его происходила из немецко-польского семейства Толь. Отец Михаил Иванович был военным человеком, имел боевое ранение и награды. По отставке служил макарьевским предводителем дворянства. В Костроме имел дом на Марьянской улице (ныне ул. Шагова, дом № 61), но жить предпочитал в своей усадьбе Петровка Чухломского уезда, в которой и родился будущий муж Варвары Петровны – Петр Михайлович Верховский (1822–1900).

Петр Михайлович Верховский являлся выпускником Корпуса инженеров путей сообщения, служил на строительстве Николаевской железной дороги и в Южной дирекции, сначала начальником дистанции, а затем исправлял должность начальника 3-го отдела Санкт-Петербургско-Московской железной дороги. После перевода в 1855 году в Костромскую губернию был начальником строительной и дорожной комиссии, мировым посредником по Макарьевскому уезду, макарьевским уездным предводителем дворянства и пр. Первая жена П. М. Верховского Виктория Осиповна Каринская умерла в 1854 году при родах седьмого ребенка в возрасте 30 лет, а спустя три года, вдовец женился вторично на 22-летней Вареньке Денисьевой и поселился с ней в обжитой тремя поколениями Верховских усадьбе Петровка. Судя по документам, и сама Варвара Петровна была человеком деятельным. Во время войны 1877–1878 гг. она стояла во главе Дамского попечительного комитета города Макарьева. Варвара Петровна умерла в 1889 году, год спустя скончался и Петр Михайлович. Оба они похоронены на костромской земле. Петр Михайлович в городе Макарьево, а Варвара Петровна при церкви Вознесения села того же имени в Макарьевском уезде. От этого брака на свет появилось пять сыновей и пять дочерей.

О судьбе Анны Петровны Денисьевой известно немного. Она была замужем за Дмитрием Викентьевичем Свадковским, который, как видно из переписки его с О. К. Моллером, хлопотал о взятии в свою опеку имения сестры его жены Варвары Александровны Денисьевой и ее детей. Дело Д. В. Свадковского, подержанное Оскаром Карловичем получило успешное завершение.

И, наконец, последняя из сестер Денисьевых, Елизавета Петровна, как упомянуто выше, замуж не выходила. Она посвятила жизнь воспитанию племянников Валентина, Петра, Юлии и Екатерины Мамаевых – детей Настасьи Петровны, по второму браку Моллер. В воспитании детей ей помогал их троюродный дед Валентин Александрович Новиков, овдовевший в 1849 году.

Мы кончаем развернутую историю одного из костромских дворянских семейств, эпицентром которой являлась Юлия Александровна Денисьева, урож-

денная Новикова – племянница выдающегося просветителя XVIII столетия Н. И. Новикова. Она являлась средоточием многочисленной династии морских офицеров Денисьевых в нескольких поколениях, исчисляемых десятком, а в клане Денисьевых, Перфильевых, Бартеневых, Шиповых и Лермонтовых и сотней, если не более представителей морского дела.

Как не вспомнить полное глубокого значения выражение «патриарха костромского краеведения» А. А. Григорова, давшее название посмертному изданию сборника биографических справок костромских мореплавателей «Без Костромы наш флот неполон...»³⁷⁸.

Постскриптум.

Предваряя возможный вопрос читателя: «Не имеет ли отношение к данному семейству любимая женщина поэта Ф. И. Тютчева – Елена Александровна Денисьева?», отвечаем: «К сожалению, она не имеет никакого отношения к костромским Денисьевым, ибо происходит из рода орловских помещиков Денисьевых».

---

³⁷⁸ Григоров А. А. Без Костромы наш флот неполон...: Морские офицеры-костромичи, XVII – нач. XX вв.: Справочник / Автор-сост. Н. А. Дружнева. – Кострома: ООО «Костромаиздат-850», 2002.

МЕМОУАРЫ А. Ф. ГРАММАТИНА

Дворянский род Грамматиных вписал яркую страницу в историю и культуру России. Одаренные, незаурядные представители этого рода снискали себе славу и известность во времена царствования Михаила Федоровича Романова, Алексея Михайловича, Петра I, Екатерины II, Александра I. Одни из них были приближены к царскому двору, другие защищали Отечество в лихую годину, служили ему верой и правдой, а некоторые своими знаниями и природными дарованиями способствовали развитию русской науки и литературы.

Из рода Грамматиных происходит видный мастер отечественной словесности, талантливый поэт и переводчик, ученый-исследователь — Николай Федорович Грамматин (1786—1827), творчество которого вошло в анналы русской литературы первой четверти XIX столетия. Автор нескольких поэтических сборников, переводов зарубежной классики, исследователь древней славянской письменности — «Слова о полку Игореве», собиратель старинных русских народных песен, директор Костромской гимназии (1812—1819) Н. Ф. Грамматин заметно выделяется в фамильной родословной.

Род Грамматиных имеет глубокие древние корни и издавна связан с костромским краем.

Время донесло до нас подлинную реликвию — рукопись «Исторические известия о моих предках»³⁷⁹, написанную в 1820-е годы Алексеем Федоровичем Грамматиным, родным братом известного поэта. Рукопись хранилась в фамильной библиотеке Грамматиных, собранной Николаем Федоровичем, его отцом Федором Никифоровичем, братом Алексеем в середине XVIII — второй половине XIX вв. Библиотека была передана в дар Костромской губернской ученой архивной комиссии Николаем Платоновичем Грамматиным в 1902 году, и впоследствии поступила в фонд ценной и редкой книги Костромского музея-заповедника. В настоящее время в составе библиотеки находятся 1542 издания — книги, журналы по вопросам истории и литературы, языкознания, философии, права³⁸⁰.

Автор рукописи «Исторические известия о моих предках» Алексей Федорович Грамматин (1788—1848) окончил, как и его брат, благородный пансион при Московском университете (1802—1805), и вскоре после того вступил в армию. Участвовал в русско-шведской войне 1809 года и был уволен из армии в чине поручика артиллерии. Владел усадьбами в Нерехтском и Кинешемском уездах Костромской губернии. Жил в имении Светочева Гора в Нерехтском уезде, что ныне Красносельский район. Женат был на Александре Шигориной и имел детей: Александра, Николая и Ивана, которым и посвятил свои воспоминания.

³⁷⁹ РМЗ ВХ 615.

³⁸⁰ История Красноселья. Вторые областные краеведческие чтения. Тезисы выступлений. — Кострома, 1996. — С. 5.

«Любезные дети! — писал он, — Читайте историю ваших дедов, пожалейте о их несчастиях и научитесь из сего, что несогласие есть первая гибель наша. Несогласие роняет царства, возбуждает брата на брата, сына на сына и оканчивается гибелию их. Милые дети, живите согласно, любите друг друга! Согласие и любовь первое благополучие наше. Согласие и любовь — душа вселенной!»³⁸¹

Созданный им труд «Исторические известия о моих предках» представляет собою шитую из нескольких самодельных тетрадей рукописную книгу, голубоватого цвета, форматом 33,3х24,7 см. Объемом в 54 листа. Она не датирована, но, судя по некрологу, посвященному его брату Николаю Федоровичу Грамматинову, умершему в 1827 году, она написана в конце 20-х годов XIX столетия.

Рукопись, повествующая о роде Грамматиных, состоящая из нескольких глав, уникальна по своему содержанию, она хранит и прослеживает семейную историю в несколько столетий (XVI—XIX вв.) При написании своего объемного труда Алексей Федорович использовал достоверные источники, документы: жалованные грамоты царей и Великих князей на имена и поместья, доказательства, внесенные из герольдии о благородстве рода Грамматиных (1768), купчие, духовные, выписки из отказных книг, сказания старожилов.

Родословную начинает Василий Грамотин, живший во времена Ивана Грозного. Один из его сыновей, Иев, участвовал в войне с поляками и был награжден государевым жалованьем, имел земли в Костромском уезде, в Шачебольском стане, дом на речке Шаче. Иван, второй сын, служил думным дьяком при дворе царя Михаила Федоровича. Судьбы многих поколений династии Грамматиных связаны с излюбленными местами у волжских берегов, где истари располагалась их родовая усадьба — село Светочева Гора Нерехтского уезда. Название села, по преданию, произошло от имени атамана Светоча, разбойничавшего в приволжских лесах и на Волге. Основателем «родового гнезда» в Светочевой Горе явился Савин Иевлевич, прапрадед Н. Ф. Грамматинова. В 1666 году он получил жалованную грамоту от царя Алексея Михайловича на земли в Светочевой Горе. В 1689 году его сыновья Антон и Иван построили там деревянную церковь во имя Николая Чудотворца. Но Светочева Гора не была единственным поместьем Грамматиных. С 1776³⁸² года в их владениях появилось село Гуленево Нерехтского уезда, где поселился брат Савина — Алексей. Впоследствии селом владел его племянник, Яков Савинович, стольник Евдокии, жены Петра I. В Гуленеве провел последние годы жизни Н. Ф. Грамматинов (1819—1827). С 1690 года за фамилией Грамматиных закрепилось село Матвеевское Кинешемского уезда, где находилась усадьба Антона Савиновича, прадеда Н. Ф. Грамматинова. Там же жили его дед, отец. В 1786 году в Матвеевском родился будущий известный ученый и поэт³⁸³.

В рукописи А. Ф. Грамматинова подробно описывается история приобретения имений, порядок и последовательность их наследования потомками рода.

Большинство представителей старинного рода Грамматиных состояли на военной службе, но, по окончании срока службы, уезжали в свои имения,

³⁸¹ Грамматинов А. Ф. Исторические известия о моих предках. Рукопись. 1820-е гг. — С. 2.

³⁸² Опечатка автора — прим. ред.

³⁸³ Там же. — С. 12.

где жили до последних дней. В Светочевой Горе находилась фамильная усыпальница: у стен храма Казанской Богоматери покоятся предки Н. Ф. Грамматина. Там в 1827 году похоронен и он сам, а также его брат Алексей Федорович. Невдално Красносельской администрацией на месте их захоронения воздвигли два памятника братьям Грамматиным. Память о делах славного дворянского рода Грамматиных хранится в дошедших до нас письменных источниках, с одним из которых, рукописью «Исторические известия о моих предках» А. Ф. Грамматина мы и намерены, пусть фрагментарно, и ознакомить читателя. Прежде всего обратимся к главе «Савин Иевлич Грамотин».

«...он приобрел то поместье, где Грамотинных ныне усадьбы, он заложил первый камень наших жилищ здесь на Светочевой Горе.

Светочева Гора славна во всем околотке прекрасною почвою, обширными дачами, санными покосами всем привольная верст на пять. Правый берег Волги, покрытый, можно сказать, темно-зеленым бархатом муравю, принадлежит ей. Очень жаль, что она в руках у четырех владельцев, ныне коих владения по несогласию их переделены как шахматная доска. Если бы Светочева Гора была одного владельца или двух, по крайней мере, согласных, кои бы разделили свои части не полосами, а большими участками, тогда бы она справедливо приобрела себе название Золотая Гора.

Савин получил имение от одной из своих жен, которых у него было трое. Первая была за ним вдова после покойного Дмитрия Заварыкина, она привела ему от первого брака дочь Варвару и прожиточное свое имение, но скоро умерла. Он полюбовно разделился с падчерицей, и ему досталось имение в Костромском уезде в Иванчешком стану деревня Косино, шестой жребий в полудеревне Бакшеевке и пустоши Севергино, Кудрино и Савкино.

На другой женился Савин также на вдове в 1661 году дочери ростовца Семена Яковлевича Тяпкина Матрене, прежде жены Дмитрия Степановича Исакова, она принесла ему в Костромском уезде Плесского стану прожиточное свое имение после мужа своего первого, Исакова, по полюбовной раздельной с своею невесткою Настасьей Исаковой, часть свою в полусельце Светочевой Горе Лукояново тож; в деревнях трети Рокотенка и Пепелище тож; Трубинки Малые на речке Трубинки без жеребья, что была пустошь Юрино, что была пустошь Шестаково, а Поздеевка и Родина тож; на речке Талихе; и в пустошах трети Усоловой на реках Волге и Усоловке; Букина на реке Шаче; жеребий, что было сельцо Иваньково на речке Талихе и жеребей пустоши Скурденевой к коей припущено в пашне пустошь Дикое.

Савин Иевлевич еще купил за два года до смерти своей в 1679 году в Москве двор за Тверскими воротами в старых палатах в земляном городе в приходе церкви Рождества Христова у вдовы Аксины с детьми Ватдышниковой за 67 рублей. Описание, почерпнутое мною из той купчей что то был за двор: под ним было земли вдоль 2 1/2 сажень, а поперечь в обоих концах по 6 сажень на той земле строения: Горница на жилом подклете промеж них сени, что составляло хоромы о трех жильях. Погреб с напогребницей, а на погребнице сушило, позади коей конюшня, на дворе колодезь, да сарай крыт скалами и дранью, огорожено все новым забором. Ворота, у коих замок деревянной и железной да две калитки, у коих так же замки у одной деревянной, а у другой железный.

Савин Иевлевич скончался в 1681 году, будучи женат на третьей именем Федоси, которая после него осталась вдовою, а детей имел только от одной Матрены Семеновны трех сыновей Ивана, Антона и Якова.

По кончине родителя Иван, Антон и Яков Грамотины просили отцовское имение справиться за старшим Иваном. Иван Савинич заступил у братьев отцовское место имением и делами во 1686, купив у Якова Ерофеевича Хлопова четвертую часть сельца Светочевой Горы, половину пустошей Огарковой и Голубовской и по жеребью в пустошах Нероновой и Скурденевой»³⁸⁴.

От далекого предка поэта — основателя их земель Савина Иевлевича Грамотина, перепустя несколько глав рукописи, перейдем к более близкой родне — отцу и дяде Николаю Федоровича и автора рукописи Алексея Федоровича Граматиных. Эта глава называется: «Дети Никифора Антоновича Иван, Федор и Варвара Грамотины».

«Иван и Федор остались после кончины родителя своего молоды, сестра их Варвара была их обеих моложе, а матери своей лишились прежде того, будучи записаны в военную службу в армейские полки. Оба служили не долго: старший Иван отставлен подпоручником, а отец мой поручником. Разделили они родовое свое имение между собою пополам, которое заключалось в сельце Матвеевском деревни Гари Кинешемского уезда, деревень Сосновки и Звягина Ветлужского и делили каждую полосу, каждую луговину резали надвое и в самом отцовском доме разчитали горницы напополам, что много подало впредь поводу к вражде и ссорам и совсем разрушило братское согласие коего они и прежде мало имели.

Иван Никифорович женился девятнадцати лет, он взял из роду Казимировых Марью Перфильевну невесту, по тогдашнему своему состоянию богатую: сто душ Шуйского уезда, село Сидоровское с барским домом и со всеми заведениями и конским заводом, Юрьевецкого уезда деревню Сыровскую. Она была одна дочь у отца. От нее он имел впоследствии троих детей. Одного сына Платона и двух дочерей Татьяну и Ольгу.

Федор Никифорович спустя года три после свадьбы брата своего женился также на Марье Федоровне из фамилии Тухачевских. Отец ее Федор Петрович был вице-президентом Вотчинной коллегии, но так как он имел много детей и женат был уже на другой, то мать моя росла и воспитывалась у родной своей тетки, матери ее сестры подполковницы Натальи Ивановны Неклюдовой, которая оставшись вдовою и не имея детей, любила ее как родную свою дочь и выдала за отца моего замуж в день ее именин 26 августа в усадьбе ее селе Котцыне Шуйской округи и свадьба была сыграна. Отцовского имения сорок душ деревня Ступино Володимерской губернии Ковровского уезда было приданным матери моей. Впоследствии Наталья Ивановна укрепила ей свои сорок душ деревни Крутцы и Котово Нерехотского уезда.

Нас детей у родителей моих было девять человек: две сестры Катерина и Наталья они умерли одна трех, другая двух лет, потом родился брат Николай, а через полтора года я, за мною Василий, он умер также лет двух, за ним Дмитрией лет восьми, Сергей маленькой и Василий другой лет четырех также умерли. Меньшая всех сестра Анна, исключая Дмитрия и Василия другого, которые похоронены в Володимере, с вьезда по дороге Суздальской на кладбище, другие

³⁸⁴ Граматин А. Ф. Указ. соч. — С. 20–38.

все положены с своими дедушкой и бабушкой в приходе их у Святого Велико-мученика Георгия.

В <...> году оба брата получили наследство после родного дяди своего Якова Антоновича имение в Нерехтской округе, состоящее в селе Светочевой Горе, деревнях Трубинке, Деревеньке и Попкове всего 52 души и разделили по своему манеру — везде по полосе и в деревне по двору, а в 1771 году купили они соседственную с усадьбой Матвеевское деревню Бабцино у двух братьев Буланиных старший у Петра, а другой у Ивана Михайловичей душ около сорока имение бывшее одного помещика. С усадьбой Матвеевской г. Гурьева, жалованное ему от царя Михаила Федоровича, как выше упомянуто и у которого внучка вышла за Антона Савинича Грамотина и принесла в приданое нынешнюю усадьбу отца и дяди моего.

Иван Никифорович, женившись, сперва жил в усадьбе жениной Сидоровском и эти годы, которые между братьями можно назвать лучшими один веселился с молодою женою в кругу гостей своих — соседей, а отец мой оставался один в Матвеевском, занимался хозяйством и живя в стороне глухой, без соседей не имел веселостей, не знал огорчений и оба были довольны. С ним же жила и сестра его Варвара Никифоровна.

Но Иван Грамотин, ведя жизнь беззаботную веселую в Володимирской губернии мало заботясь о будущем, вдруг оглянулся и увидя обстоятельства свои запутанные, счел долю свою. Ее было около пяти тысяч, по тогдашнему времени значительная: загрустил и задумался и вверил горе свое людям коих он и свет считали умными. Они дали ему совет дружеской: ты способности имеешь, — говорили ему, — тебя на все станет, возмись за дело и беда твоя не беда. Тогда откупы винные были еще в младенчестве, не довольно дворянам известные, но и запрещенные им, да и разнощикам купцам самим мало сведомые. Иван Иванович Дементьев обратил его первый на то внимание его, показал вдали будущность прекрасную — довольство с богатством. Пленился Иван Никифорович и ум его, вынужденный нуждою обстоятельств, открыл себе ту дорогу сквозь терние, чтобы достигнуть своего назначения.

Обняв все изложенное ему и нашед себя к тому способным, но неопытным, отправился он на завод NN, славившийся своим устройством. Там пробыл более полугода. Неопытный прожектор наш познакомился с хозяином, сдружился с мастером и от него заимствовал все то, что может мастерство своего дела творить. Усадьба Матвеевское имеет местоположение для винных заводов преудобное: все выгоды, кои природа и люди могут доставить таковым заведениям. Вот картина завода, построенного Иваном Никифоровичем: под горой, на которой находился его дом, из той горы били чистой студеной воды обильные ключи, а сажаях в трех мимо онаго, текла Нодога, на коей устроены были мельницы, впадающая близь в реку Юлноть и 2,5 верстах от завода вливаются обе в Волгу. По тем рекам весною из Волги вводили небольшие суда с хлебом прямо к заводским амбарам, а от верховья оных рек, покрытых по обеим сторонам лесами, простирающимися на несколько десятков верст, гнали бесчисленные плоты лесу для дров, нужных для винокурения. Сторона глухая, народ сидень, которой никогда не ходит на чужую сторону. За промыслами, народ ломовой, которой просит и молит работы, занимается одним хлебопашеством.

Мой дядя сотворен был для заводов, что последствие показало равно как и местоположение. Они согласились открыть золотую руду, но они же согласились и причинить те бедствия, которыми столько лет фамилия Грамотиных угнетаема была, и на многие годы оставила память одну, на которую оглянешся с завистью, а другую со вздохом, с стесненным сердцем. Зачем так в мире соединено тесно добро со злом? Скоро то утекло доброе, на силу пошло время горькое.

В 1783 году, учинив обязательство с казной, дядя мой под именем купца Шемякина о поставке вина построил завод винной в сельце Матвеевском по удобному к тому местоположению, как сказано выше, но завистливый раздел земель между братьями привел к тому, что он не имел места своего свободного. Он приступил к отцу моему, тот поступился, за что ему и были доставлены некоторые выгоды — несколько ведер вина штофов водки, пива и проч.

Иван Никифорович, постигнув тайну винного откупа, пошел быстрыми шагами к обогащению. В течение шести лет он выстроил себе в Костроме большой двухэтажный каменный дом с подвалами, что ныне Дехтярева, купил деревни Большое и Малое Борятино и Жажлево, слишком сто душ и деревню Филимоново двадцать душ в Кинешемском уезде и имел еще через такое малое время наличными несколько десятков тысяч рублей.

Отец мой в эти годы не сделал ничего себе значительного; одни поля его были улучшены и приносили хорошую жатву. Заведение хорошего колмогорского рогатого скота улучшили его хозяйство и, быв страстным охотником до лошадей, имел для охоты своей и нужных добрых коней. Вот все, что только принесло ему имя доброго хозяина, а мать моя, занявшись внутри дома хозяйством, не нуждалась ни в чем домашнем, и дом наш, не бывши богатым, слыл полною чашею всего нужного и необходимого. Когда бы люди могли довольствоваться нужным, мы бы были счастливы, но, видев подле себя богатство, льющееся рекою быстрою, как ручей с горы крутой, которого экономия и умеренность не может доставить; они завидовали, а зависть — злое исчадие ада. С другой стороны, богатый дядя мой, не считав важным, своими караванами многочисленными с завода мял поля и луга его, которые он не берег, равно как и свои, считая за безделицу в своем доходе, не внимая на то справедливим жалобам со стороны отца моего. С обеих сторон были упреки, негодование, и тлевшее под пеплом несогласие вспыхнуло ярким огнем вражды, как сильный ветер. Окружавшие их люди старались раздуть полымя ненависти в сердцах их. Худо, добрые люди, слушать людей своих: их наговоры худое увеличивают в микроскоп, а об добром молчат, если не могут переменить его, представив худым.

Я был тогда уже на свете, мне было три года, как 1791 год представил картину ненависти и недостойного родных братьев раздора. Немалым источником богатства дяди моего служило вино, продаваемое скрытно с завода разным сторонним лицам, и такое корчемство было ему свободно производить, когда он с самим губернатором, с Иваном Варфоломеевичем Ламбом, был на дружеской ноге. Подарки, до которых по недостаточному тогда его состоянию, супруга его, Марья Ивановна, была большая охотница, делали моего дядюшку их хорошим приятелем, а нижние суды также не были забыты. Полный кошелек много делает друзей, и на все винные проказы смотрели сквозь пальцы. Вино развозили

по селам бочками и продавали как можжевеловый квас; отец мой, будучи недоволен своим братом, грозился поймать вино корчемное и представить в суд. Дядя мой, уверен будучи в расположении к себе губернского правительства, смеялся угрозам и отправлял вино во все стороны, где только спрашивали.

24 генваря того года пойманы старостою отца моего три бочки вина без указанного вида, представлены в суд, но Державин сказал правду бессмертной Фелице:

Судьи враги, где спит закон,
Пред вами гражданина шея
Протянута без оборон.

Так и сделалось. Закон спал, судьи лиходеи нашли вино не корчемным. Откуда взялся билет, представленный Москвиным, поверенным откупщика Шемякина, что он вез с законтракованного его хозяином завода г. Ивана Грамматина вино в город Кадуй, состоящий у него на откупу, и не знает, почему извозчиков, нанятых им, с оным вином, а представили в суд, и сам приносил жалобу, что остановка в провозе вина делает ему убыток. Суд нашел все его причины достаточными, отдал вино и право к отысканию обиды.

Отец мой, видя от суда такую понаровку, а себе притеснение, не оставил своего намерения управляться с корчемным вином, а дядя мой оттого стал еще смелее, он тогда отправился в С-Петербург: вышло трехлетие и новые торги на откупу производились, вино развозилось для продажи вольной. Отец мой, собрав мужиков, ловил вино корчемное, рубил бочки и вино выливал на землю. Таковая управа той стороне не показалась, просить было нельзя, а вместо барыша был убыток. Придумали положить тому преграду силою, а корчемничать не думали бросить, так они полюбили это ремесло.

На 13 марта дали знать посыльные моему отцу, что повезут вино с заводу в некоторые селения для вольной продажи значительное число бочек. Он велел мужикам приготовиться. С той стороны заметили. Даны повеления в деревни Борятино, Большое и Малое Жажлево, своей половины Матвеевским, Гарским и Бабцинским быть в готовности и проучить, чтобы вперед ловить охота отпала; пришедший вооруженный народ с дальних деревень скрылись в своей ветряной мельнице, мимо которой везти надлежало вино, а с тутошних приказали собираться на завод. Таковые неприязненные движения не могли быть совсем неизвестны Федору Никифоровичу: некоторые из своих предупреждали и уверяли его, что видели ночью шедший вооруженный народ дальней Борятинской вотчины, видели разных поверенных целовальников, но подсыльные, не видев чужого народу на заводе уверяли, что то слухи пустые, произведенные одним страхом, и советовали воспользоваться случаем, дав им урок такого корчемства, когда несколько бочек будет опущено, и присоединили к тому, что здешние мужики их, хотя и будут провожать вино, но драться не станут с здешними, будучи недавно одновотчинцы между собою родня, и всегда хлеб-соль водят. Таковые уверения утвердили отца моего не отлагать своего намерения и 13 марта учинилось днем, решительным днем сильной вражды между родными на долгое время и несчастию до самого гроба.

В девятом часу пополуночи отворились заводские ворота и под распоряжением поверенного Семена Москвина повезли бочки с вином. Народ в небольшом количестве, но вооруженный, провожал оное, что усмотрев Федор Никифорович, отправил своего старосту Савелья Дмитриева с мужиками управиться с корчемным вином и бочки разрубить. Бочки остановлены и при первом спросе куды везут и для чего столько народу, им сказали: чтоб корчемничать, ударили топорами по бочкам. Те стали не давать и закипела драка. Москвин двинул с мельницы народ, напоенный вином досыта, вооруженный рогатинами, дубинами и топорами. Полилось не вино уже, а кровь. Отец мой, видя, что мужиков его бьют смертельно, бросился с дворовыми людьми на место драки, но видя человек не менее ста, пьяных, рассвирепевших, не мог иной пользы своим присутствием принести, что они, оставя на месте тех, бросились за ним и толпа буйная кричала: Бей боярина до смерти! Недальность его дома, и одна, со стороны бросившая лошадь, с дровами ехавшего крестьянина между ними и глубокий по сторонам снег спасли отца моего от очевидной смерти. Видя, что достигнуть его не могут, пускали вслед его они, что имел каждый в руках своих, и один из топоров, брошенный попал в спину спасавшемуся за ним крестьянину его Семену Васильеву. Ни кафтан, ни шуба не остановило: рассекло ему спину, и он от боли упал тут; оставя битых, и прогнав всех, пьяный народ с бочками свободно отправился по дороге с песнями. Жена Ивана Никифоровича Марья Перфильевна ехала в саних позади своего винного обоза и во все время драки присутствовала сама. По окончании благополучно, как исправивши доброе какое дело, возвратилась на завод в свой дом. Можно полагать, если б Иван Никифорович был дома, то таковой драки случиться не могло, которая в той стороне и поныне слывет Мамаевым побоищем. Он, как сказали мы, и прежде, был человек очень неглупый, и верно бы, до того не допустил; а что Марья Перфильевна при том была, и с ее соизволения то произведено было, то сия добрая, но простая женщина, быв окружена разбойниками: поверенными и целовальниками, подобно самому атаману той драки и своими подчиненными заводскими пьяницами, была вовлечена в такое постыдное дело или сама не понимала, что делала, и душа ее, чуждая злодейства, едва не учинилась орудием убийства родного своего деверя. Наши крестьяне были перебиты замертво, которых и причастили на месте безответными дарами. Староста Савелий с семью другими мужиками, впрочем немногие остались без пятен, ушли, хотя их было человек тридцать. Федор Никифорович, взяв мимо дому ехавших тогда крестьян сторонних на водяную мельницу Антушиху для помола хлеба Юмахонской волости деревень Рахина и Гаврилова Михайла Куприянова и Петра Дмитриева Кинешемской округи и Луховской той же волости деревни Курина Ивана Иванова, отправился на место крови и там ими засвидетельствовал, что хотя остановить корчемное вино, которых подводы с оным вдали с народом чернелись, был едва и сам не лишен жизни, а подчиненные его претерпели смертные побои. Скажем к чести тех крестьян, что как они тут на месте засвидетельствовали видимое и во все продолжение того дела после истину ни на какие обещания с той стороны неизменно, а Михайло Куприянов во всем околотке слывшийся почитаемым честнейшим человеком, словом своим привлек к засвидетельствованию истины того происшествия. Тогда и самых бывших с той стороны на ветреной мельнице

их для помолу в это время крестьян деревни Балахонки помещицы Баскаковой Семена Матвеева, Григорья Афанасьева, Ивана Сидорова и Якова Иванова, села Ведрова диакона Ивана Прокофьева и крестьянина того ж села Кузьмы Васильева, которые были самовидцы всего того происшествия, утвердили все происходившее. Таково-то быть честным, что голос его как гром в тучах небесных слышан бывает. Мир праху твоему честный и добрый Михайло Куприянович, думал ли ты, что утверждая истину одну нагую и считая во всю жизнь свою обыкновенным делом каждого христианина, мог почтить отличным действием, которое бы заслуживало быть сохранено у потомства фамилии Грамматиных.

Иван Никифорович, возвращавшийся после того скоро из С-Петербурга, взяв на откуп три округи, не доехав до Москвы одной станции, в самый день драки найден по прибытии его туды мертвым. Такую скоропостижную смерть полагали, что он накануне съехавшись с одним приятелем, неосторожно погулял и от излишнего употребления горячих напитков скончался дорогою. Тело его было привезено в подмосковное Морозово, село дяди моего Кирилла Федоровича Тухачевского, где и погребено. Воздвигнутая супругою его гробница вращается уже в землю.

Итак, один брат скончался. Бог не судил ему и принять конец христианина. Другой остался жить и страдать. Мы видим карающий Всевышний промысел и в здешней жизни, но не хотим признавать его, будучи закоснелы в своих заблуждениях, как говорит пророк. Видеша его самого и не познаша, явное наказание постигло обоих. Творец велит нам любить врагов своих, а мы ненавидим брата своего крестнаго³⁸⁵.

Такова история трагических отношений двух братьев, приведшая к настоящей войне, в которой пролилась кровь крестьян, ставших стенка на стенку и бившихся насмерть под предводительством своих хозяев. Результатом этих событий был суд и бегство Федора Никифоровича в чужие края, его поимка и высылка в Сибирь, затем смерть в дороге на этапе, недалеко от Казани. Судьба его детей также была искалечена подсознательными детскими страхами, отразившимися на их психическом здоровье, особенно, впечатлительного Николая Федоровича, младший брат которого — автор рукописи Алексей Федорович, к счастью, был еще слишком мал и не так переживал ужасающие события. К сожалению, события рукописи обрываются на моменте обучения братьев в благородном пансионе при Московском университете, и мы не имеем его свидетельств о дальнейшей судьбе братьев. Однако автор рукописи А. Ф. Грамматин не ограничился рассказом только о своих предках, он включил в рукопись написанный им некролог, посвященный своему брату — поэту Н. Ф. Грамматину, который был опубликован в журнале «Сын Отечества» в год смерти поэта³⁸⁶.

Рукописная книга А. Ф. Грамматина «Исторические известия о моих предках» — ценнейший краеведческий мемуарный источник, достойный быть изданным и немалым тиражом на радость всем любителям истории родного края и Отечества в целом.

³⁸⁵ Грамматин А. Ф. Указ. соч. — С. 20–38.

³⁸⁶ Сын Отечества. 1827. Декабрь.

ПУТЕВОЙ ДНЕВНИК НЕИЗВЕСТНОГО

В ценном книжном фонде Костромского музея-заповедника³⁸⁷ хранится самодельная тетрадь, сшитая из нескольких листов голубоватого цвета, характерного для начала XIX столетия, с текстом, написанным ореховыми чернилами, а по содержанию представляющая собою путевой дневник неизвестного автора. Естественно, что мы задались целью установить его личность³⁸⁸.

Текст небольшой, но приводим лишь первую главу.

«Журнал путешествия. 1811 года. Часть первая. Матвеевское. Глава 1. 20 июля сегодня отправился я из моей деревни М..., чтоб ехать хлопотать в судах и когда садился в мою повозку, то стихи Державина от всей глубины сердца моего невольно произнес громко «блажен кто менее зависит от людей свободен от долгов и от хлопот приказных». Во время езды довольно я имел времени чтоб поразмыслить о побуждении, которое произвело сие восклицание о блаженстве тех, кои даже не ведают, как отворяются двери судные — они должны быть люди честные непременно, ибо все законы — суть наказания за преступление и, следовательно, оне чужды преступления. Но ест ли у тебя, честного человека, отнимают кусок нажитой трудами твоими, то не принужден ли будешь в судейскую войти для чего же и не так. Но откуда сия тайная боязнь, сей страх во мне произошли при входе, ежели, я по душе моей прав как бы стать перед страшным судом — законы правых оберегают, отчего же ето? От осмых слов великия закона дежеломы, которые влагает ей во уста Невский бард

Пристрастный суд разбоя злее
Судьи враги, где спит закон
Пред вами гражданина шея
Протянута без оборон.

Что ежели судей моих увижу сходными с етим изображением, тогда суд, который должен был произнести наказательный приговор над моим противником обратится на главу мою, которая будучи без обороны, должна от меча судейского отделиться от одного моего туловища и, следовательно, мало еще только быть честным, тем, коих описывает Державин, дабы не знать и тогда не будешь опасаться и таких судей найти, а в каком царстве их нет, есть и у турков едакие паши и визири, и в самой Англии от суда присяжных и в парламенте и в самые главы законов я читал в историях, не избегли сходства изображенных судей. Были Нероны и Калигулы. Тут начал я громко жаловаться на судьбу свою, невольно заставившую меня свести знакомство с хлопотами приказными, для чего лишает меня блаженства того, дабы не ведал я их совсем.

³⁸⁷ Фонд ценной и редкой книги Костромского музея-заповедника — прим. ред.

³⁸⁸ КМЗ КОК 24731.

Я приехал между тем к перевозу через Волгу и жалобы мои прерваны были криком перевозчиков, которые высаживали своих пассажиров. Несусь по водяной стихии, и тоненькая дощечка отдаляет меня от смерти. Как говорит Виланд, неужели и тут мне жаловаться на судьбу, подвергнувшую меня такой опасности? Пришло мне в мысль — нет, самое благоразумие отвергает жалобы. Не может ли оно, начал я прилежно рассматривать, и прежние мои отвергнуть или уменьшить и тем стесненному моему сердцу подать облегчение радостное. Надежда, милая сопутница человеческой жизни рекла мне: «Ах, не всегда ли эти законы осушали слезы невинности и не часто ли, или хотя и изредка, судьи царства русского следовали ясному голосу правосудия и слабый не боялся сильного, и правый смело отворял двери своего защищения», рекла и пролила в душу мою спокойствие небесное.

Лошади несутся быстро по гладкой дороге, и я предался сладкому сну уделу бесценному чистой совести и спокойной души. Я спал крепко и всю дорогу. Просыпаюсь и вижу церкви белокаменные. Пвозка моя остановилась у постоялого двора. Я уже в Кинешме».

Уже по этой вступительной части дневника можно угадать пишущего, особенно при упоминании его имения — деревня Матвеевское. Усадьба Матвеевское Кинешемского уезда Костромской губернии принадлежала родителям Николая Федоровича Грамматина — поэта, переводчика, филолога. Позднее его родному брату Алексею Федоровичу Грамматину. Здесь, кстати сказать, поэт и родился 13 (24).11.1786 года. В момент написания дневника ему было 25 лет. За плечами его остались Московский благородный пансион и Московский университет, последний он закончил со степенью магистра, защитив диссертацию «Рассуждение о древней русской словесности» (М. 1909). Она является одним из ранних трудов по древнерусской литературе. В середине того же года Н. Ф. Грамматин переехал в Петербург, где определился на службу в Экспедицию о государственных доходах. Однако в 1810 году вышел в отставку, видимо, в связи с получением наследства, и вернулся в костромские края, решив стать помещиком. По приезде туда, он, прежде всего, поехал в родовую нерехтскую усадьбу Светочева Гора и посетил родовую усыпальницу, где похоронены многие его предки. Обуревающие его при этом чувства были зафиксированы в незаконченном и неопубликованном стихотворении:

Покрытый камень мхом, заросшая могила!
 Где времени рука древ корни обнажила
 Их верх развесистый давно к земле склонив,
 И птиц ночных в дуплах издавна населив...
 Чей прах? Где их дела, когда лета мелькали?
 Как здесь сокрытые на синий свод взирали?
 И духом возносясь к Всевышнему творцу,
 К началу отошли, пришед сюда — к концу
 Всего здесь тленного — но тленность молчалива.
 Могильный голос тих, и ель, сосна и ива
 Густой зеленый дерн и камень тех веков
 Здесь кажут вечности за современность слов...
 Но что!? Какая вдруг неведомая сила

Пустыни давность лет пред мною оживила?
Предание — но сын вечности седой,
И голос шепчет мне, знакомый, как родной:
«Мы не чужие здесь, свои здесь деды -
Праотцы твои...

Н. Грамотин
Светочева Гора, 1810 г.³⁸⁹

Светочева Гора с XVII столетия являлась родовым имением Грамматиных, полученным Савином Иевличевым в приданое за женой Матреной Семеновной, урожденной Тяпкиной, по первому мужу Исаковой. Дети Савина и Матрены — Иван и Антон Грамматины построили в вотчине своей Светочевой Горе деревянную церковь Николая Чудотворца, которая к началу XVIII века обветшала, и на месте ее при живом участии помещика Н. Ф. Овцына, родственника Грамматиных, в 1817 году была выстроена новая Казанская церковь с приделом Святого Николая, у алтаря которой впоследствии и упокоился поэт.

Брат поэта — Алексей Федорович Грамматин, так описывал имение в своих воспоминаниях: «Светочева Гора славна во всем околотке прекрасною почвою, обширною дачею, санными покосами, всем привольная верст на пять, правый берег Волги, покрытый, можно сказать, темно-зеленым бархатом-муравою. <...> Если бы Светочева Гора была единого владельца, тогда бы она справедливо присвоила себе название Золотая Гора»³⁹⁰.

Алексей Федорович Грамматин (1788—1848), один из хозяев Светочевой Горы, окончил вместе с братом Благородный пансион Московского университета, затем служил в артиллерии, участвовал в русско-шведской войне 1809 года. Уволен в отставку в чине артиллерийского поручика. Был женат на Александре Александровне Шигориной. Имел трех сыновей: Александра, Николая и Ивана. Сначала Светочева Гора, как и Матвеевское, было во владении матери. Но по смерти ее, перешла ее младшему сыну Алексею Федоровичу Грамматину. Кроме Матвеевского, Алексею Федоровичу перешли также следующие деревни, которые перечислены в одном из документов от 21 июня 1812 года: «За поручиком Алексеем Федоровым сыном Грамотиным Нерехтской округи в селе Светочевой Горе с деревнями сорок девять и Кинешемской округе в селе Матвеевском с деревнями семдесят, а в том числе в деревнях Дедехове 16, Юрине 9 и Бабцине 32 души <...>»³⁹¹ Николаю же часть селений в Нерехтском уезде, в эпицентре с деревней Гуленево — главной творческой резиденцией поэта.

Владелец сельца Гуленева Николай Федорович Грамматин, еще будучи директором училищ и Костромской гимназии, то есть с 3 июля 1812 года, каждое лето проводил в имении, а после отставки, с 17 марта 1819 года, уже постоянно пребывал в нем, занимаясь творческим трудом. Именно там создал он свой перевод «Слова о полку Игореве», посвятив свой труд императрице Елизавете Алексеевне. Она, удостоив его Всемиловейшего принятия, пожаловала ему за труды бриллиантовый перстень.

³⁸⁹ КИАМЗ. Стихотворение не описано и не опубликовано. — Е. С.

³⁹⁰ Грамматин А. Ф. Исторические известия о моих предках. КМЗ ВХ 615.

³⁹¹ ГАРО. Ф. 116. Оп. 6. Д. 138. Л. 2. (Дело не сохранилось — прим. ред.)

Там же в Гуленеве Н. Ф. Грамматин готовил два тома своих сочинений. Тяжелая болезнь и затворническая жизнь сделали его угрюмым и печальным, что отразилось и на его творчестве, особенно это видно в его переложениях псалмов царя Давида. Чувствуя приближение смерти, он просил своего друга и лечащего врача П. Р. Лонгинова позаботиться о посмертном издании его произведений, оставив необходимым сумму денег. Просьба его была выполнена, и двухтомник его произведений увидел свет через два года после смерти автора³⁹². Николай Федорович умер на руках брата, который похоронил его у себя в деревне. Он же написал некролог, который был помещен в декабрьской книжке журнала «Сын Отечества» за 1827 год, начинавшийся следующим образом:

«Сего 1827 года генваря 17 числа скончался в Костроме Николай Федорович Грамматин надворный советник и кавалер Св. Владимира IV степени на 41 году от рождения, погребен оной губернии Нерехотского уезда в селе Светочевой Горе на сельском кладбище возле новой каменной церкви у алтаря, где многие из предков, его Грамматина, похоронены. Памятник показывает место с обозначением года, месяца и числа рождения и кончины его с эпитафиею, сочиненной им самим.

«Друзья и сродники не сетуйте о мне
Мы здесь изгнанники, а там в родной стране».

Такова краткая биография поэта более-менее известная, в отличие от биографии его брата Алексея, почти неведомая нам.

По инвентарным книгам музея-заповедника очевидно, что «Журнал путешествия» входил в состав библиотеки Грамматиных, поступившей в музей (тогда еще музей КГУАК) в 1901 году от Николая Платоновича Грамматина — родственника упомянутых братьев. Но кто же из братьев-Грамматиных является автором «Журнала путешествия»?

На первый взгляд подозрение падает на поэта, но не будем торопиться... Автор называет себя хозяином Матвеевского, которое находилось в Кинешемском уезде Костромской губернии. По одному из документов июля 1812 года, то есть написанному через несколько месяцев после создания дневника, Матвеевское принадлежало младшему брату поэта — Алексею Федоровичу Грамматину. Приводим его полностью: «Из Костромской казенной палаты в Костромскую гражданскую палату. На сообщение оной палаты от 6-го числа сего июля за № 684-м сим дается знать, что по поданым к 6-й ревизии скаскам за поручиком Алексеем Федоровичем сыном Грамматиным Нерехотской в селе Светочевой Горе с деревнями сорок девять и Кинешемской округе в селе Матвеевском с деревнями семьдесят, а в том числе в деревнях Дедюхове — 16, Юпине — 9 и Бабцине — 32 души в написании ныне по окладу числится и оные души по сей палате в описи в закладе по поручительствам в запрещении не состоят <...> июня 21 дня 1812 года»³⁹³.

³⁹² Стихотворения Николая Грамматина. Ч. 1 и 2. — СПб., 1829.

³⁹³ ГАКО. Ф. 116. Оп. 1. Д. 1366. Л. 2. (Шифр дела не соответствует содержанию — прим. ред.)

Этот документ – серьезная заявка на авторство рукописи Алексеем Федоровичем Грамматиным, тем более, что в момент создания рукописи, только он мог находиться в Костромских краях, так как брат его, Николай Федорович, в 1811 году находился на службе в Петербурге в Департаменте юстиции, куда поступил по приглашению самого министра И. И. Дмитриева.

Обращает на себя внимание и почерк рукописи. У Николая Федоровича он был почти каллиграфически аккуратным и округлым, тогда как, у Алексея Федоровича – корявым и энергичным, каким он и предстает на страницах дневника. Мог ли А. Ф. Грамматин приводить цитаты из Державина не будучи поэтом? Это скорее было присуще Николаю Федоровичу... Не только мог, но и приводил и именно эту цитату-четверостишие:

Пристрастный суд разбоя злее
Судьи враги, где спит закон.
Пред вами гражданина шея
Протянута без оборон.

Ее мы находим в другой рукописи А. Ф. Грамматина «Исторические известия о моих предках». Итак, мы пришли к выводу о том, что автором «Журнала путешествия» является брат поэта Н. Ф. Грамматина – Алексей Федорович Грамматин. Наличие нескольких рукописных трудов, интересных и информативных по содержанию, поднимает вопрос о необходимости их издания, что, несомненно, обогатит нашу историко-краеведческую источниковедческую базу.

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ ПИСЬМО А. П. ЕРМОЛОВА

В фонде ценной и редкой книги Костромского музея-заповедника хранится неопубликованное письмо генерала от артиллерии и инфантерии, видного полководца и дипломата Алексея Петровича Ермолова, адресованное неизвестному лицу, датированное 1847 годом, следующего содержания:

«Милостивый государь Николай Герасимович! Увлекаясь общим любопытством прочитать Историю достолавного Царствования нашего Государя Императора, долго не мог я приобрести сочинения Вашего, всеми отыскиваемого с большим желанием, и потому, недавно ознакомился с его содержанием.

Не разсуждая об историческом изложении труда Вашего, я почитаю себя вправе говорить, что в нем упомянувши обо мне, Вы изволили изобразить меня в чертах совершенно не свойственных ни личному моему характеру, ни поприщу пройденному мною на службе, и что прежде нежели приступать к тому, не было бы излишним принять в руководство сведения более основательные, или, по крайней мере, правдоподобные, хотя, впрочем, должен я, не желая подозревать другую причину, предположить, что в изложении Вы искали соблности добросовестность.

Не в защиту свою, в которой не имею надобности, решился я обнаружить ошибку Вашу, но малейшее искажение истины оскорбляет достоинство истории и потрясает доверие к целому труду. По произволу Вашему, приписывая мне недостаток способностей, Вы тем отрицаете прозорливость покойного Императора, которого продолжительная борьба с величайшим своего времени полководцем низложение его, поставили на такую высокую ступень славы, каковой судьба немногим достигнуть предоставляет.

После сего нельзя без дерзости предположить, чтобы в лицах им избираемых, недостатки способностей могли легко укрываться от Его проницательности и легко могли быть заменяемы другими. Все назначения мои по службе определяемы были непосредственно Его волею. Так, в 1812 году, эпоху Отечественной войны, был я начальником штаба 1-й Армии, в 1814 году поручено мне было более 80 000 войск, расположенных на границе с Австриею; наконец, за 6 лет пред удалением моим из Грузии, я был назначен начальствовать армиею в Италии более нежели из 100 000 человек составленною, и для того вызван в Лайбах, где отзыв обо мне покойного Императора Императору Австрийскому мог быть лестнейшею для каждого наградою.

Прежняя война с Персиею, была современна с войною Отчественною, и, невзирая на ограниченность средств командовавшего тогда на Кавказе генерала Ртищева, кончена со славою для оружия нашего с приобретениями. Во время пребывания моего в Грузии, отличные войска Кавказского корпуса значительно умножены, и сверх того, ныне благополучно царствующим Государем Императором усилены были двумя дивизиями. Персиянами предводительствовал сын шаха

Аббас Мирза, столь мне известный отсутствием воинских дарований, сколько знаменитый поражением русских войск. Вам, милостивый государь, многое неизвестно, но я, звавший хорошо обстоятельства войны с Персией, не мог встретить без основательной надежды на успех, чувствовать в себе недостаток способностей, когда во многих из подчиненных мне, находил их достаточными для персиян.

Не оскорбленное самолюбие, но признательность к доверию, которого удостоился я от покойного Императора до конца его царствования, и уважение к памяти обо мне прежних моих сослуживцев, вызвали меня заметить Вам, милостивый государь, эту непозволительную ошибку. С должным уважением имею честь быть, милостивый государь, покорнейший слуга А. Ермолов. 17 сентября 1847 года. Москва³⁹⁴.

Поскольку адресат письма писатель-историк назван по имени и отчеству, а также обозначен один из его трудов, в котором автор допустил бестактный выпад против известного военачальника, то не составило труда его вычислить. Им оказался профессор Петербургского университета, академик Императорской академии наук Николай Герасимович Устрялов (1805–1870).

Н. Г. Устрялов проявил себя в двух ипостасях, как преподаватель истории, сначала в 3-й Петербургской гимназии, позднее, в том же качестве в Санкт-Петербургском университете, который в свое время закончил, а также как автор научных трудов по Отечественной истории. До 1847 года, т. е. до написания ему письма Ермоловым, он издал: «Сказания современников о Дмитрие Самозванце» в 5 томах (1832), «Сказания князя Курбского» в 2 томах (1833), получив за каждое издание по Демидовской премии. В 1837 – 1841 гг. издал в 5 томах «Русскую историю», дополнением к которой в 1847 году явилось «Историческое обозрение царствования императора Николая I», исправленное по рукописи самим Императором.

А. П. Ермолов

Видимо, об этом источнике и идет речь в письме Ермолова. К сожалению, будучи еще при жизни автора, труднодоступным изданием, сейчас эта книга стала совершенной редкостью, и мы затрудняемся процитировать фрагмент из нее, так задевший знаменитого военачальника. Впрочем суть фрагмента и без того ясно высвечена в письме.

Что же касается поступления самого письма в музей-заповедник, то можно определенно заявить, что оно поступило в музей через основной канал комплектования – Костромскую губернскую ученую архивную комиссию, возглавляемую тогда товарищем Министра путей сообщения, костромским помещиком и ученым-

³⁹⁴ РМЗ РОК 24730.

археографом Николаем Николаевичем Селифонтовым. Комиссия собирала для своего музея документы выдающихся деятелей России, связанных с костромским краем, а известно, что за участие в политическом кружке Каховского А. П. Ермолов, будучи 22-летним подполковником артиллерии, был сослан Павлом I в Кострому и освобожден Александром I после его взождения на троне в 1801 году.

Костромской период жизни военачальника отражен в «Заметках А. П. Ермолова о его молодости». Прочитав их: «По прибытии в Кострому мне объявлено назначение вечного пребывания в губернии по известному собственному государю Императору преступлению. По счастью моему при губернаторе³⁹⁵ находился сын его, с которым в молодости моей учились мы вместе. По убеждению его, он донес генерал-прокурору, что находит нужным оставить меня под собственным надзором для строжайшего наблюдения за моим поведением, и мне назначено жить в Костроме.

Некоторое время я жил в доме губернского прокурора Новикова, человека отлично доброго и благороднейших свойств, и вскоре вместе Войска Донского с генерал-майором Платовым, впоследствии знаменитым войсковым атаманом, которому по воле Императора назначена также Кострома местопребыванием. Полтора года продолжалось мое пребывание; жители города оказывали мне великодушное расположение, не находя в свойствах моих, ни в образе поведения, ничего, обнаруживающего преступника. Я возвратился к изучению латинского языка, упражнялся в переводе лучших авторов, и время протекло почти неприметно, почти не омрачая веселости моей.

Незадолго до кончины Павла прислан к Платову фельдъегерь с приказанием прибыть в Петербург. Чрезвычайно милостиво был принят Императором, взят на службу, пожалован орденом и назначен начальником войск, отправляемых для покорения Бухарии.

С горестью я простился с Платовым, но завидовать счастью не мог, ибо оно обращалось к человеку, известному отличною храбростию и способностями.

Скончался император Павел, и на другой день восшествия на престол, Александр I освободил Каховского и меня в числе прочих соучастников вымышленного на него преступления. В числе не одной тысячи ищущих службы, которым ненавистное именование исключенных из службы заменено названием уволенных, явился я в Петербург.

Тогда Военною коллегиею управлял генерал Ламб, бывший в царствование Екатерины генерал-майором и костромским губернатором. По выезде его из Костромы остались там две дочери, в семействах которых принимаем я был благосклонно. Приезжая для свидания с отцом, они тронули его описанием участи молодого изгнанника, и достойный старик желал случая оказать мне благотворение. Недолго являлся я просителем незамечаемым, наконец, позвал меня в кабинет и, показав изготовленную докладную записку, сказал: «Я не спешу изыскивать благоприятную минуту, желая, чтобы ты принят был с вознаграждением чином, которого ты лишился». Вскоре лично изъявил мне сожаление, что не успел в желании своем и что я принят в артиллерию в прежнем чине подполковника. Недолго был я праздным и мне дана конноартиллерийская рота:

³⁹⁵ Н. И. Кочетове – Е. С.

назначение для молодого человека чрезвычайно лестное, ибо в России тогда был один конный батальон, состоявший из пяти рот»³⁹⁶.

Рассказ А. П. Ермолова, приведенный выше, следует расшифровать и дополнить, поскольку опущенные им детали, если их восстановить, позволят нам лучше представить костромское окружение и географию опального ссыльного.

Иван Варфоломеевич Ламб с 1786 по 1801 год Костромской наместник имел двух дочерей Анну Ивановну и Марию Ивановну Ламб. Первая была замужем за Иваном Кузьмичом Васьковым — Костромским вице-губернатором и автором первой печатной книги о Костроме «Собрание исторических известий, относящихся до Костромы...» (М., 1792), а вторая дочь Ламба — Мария Ивановна, была замужем за костромским помещиком Александром Петровичем Голохвастовым. Именно этих людей вспоминал А. П. Ермолов, когда рассказывал о домах, где встречал теплый прием и именно этим людям он обязан устройством на службу после возвращения из ссылки в Северную столицу.

Указанный автором записок адрес проживания в Костроме в доме губернского прокурора Новикова, не единственный кроме новиковского дома, находившегося в районе Каткиной горы, что следует из факта посещения полководцем находящейся в приходе церкви Иоанна Богослова, Ермолов почти год жил на Павловской улице в доме Дурьгина, что утверждала его двоюродная племянница Елизавета Михайловна Ермолова и что зафиксировано в печатных источниках³⁹⁷.

О самом близком костромском жителе, не раз оказывавшем ссыльному разнообразные услуги — отставном поручике Николае Васильевиче Ермолове, служившем до отставки в Судебной палате и приходившемся Алексею Петровичу двоюродным дядей, в воспоминаниях речи не идет, зато его имя часто встречается в сохранившихся письмах военачальника.

Первое упоминание об этом человеке заключено в донесении Костромского губернатора Н. И. Кочетова генерал-прокурору Лопухину от 19 января 1799 года: «<...> узнал я, что в недалеком весьма разстоянии от губернского города Костромы жительствует в здешней округе родственник его надворный советник Николай Ермолов, который уповательно пожелает с ним видеться: то дабы посредством его родственников при всем со стороны моем наблюдении не могло произойти какого либо неожиданного происшествия, долгом моим почел предварительно представить о сем Вашему Превосходительству и, надеясь совершенно на милость и благорасположение ваше, приемлю смелость испросить в разрешение милостиваго предписания, разрешено ли будет помянутому Ермолову иметь личное свидание с его родственниками, кои, думаю я, по известию его и сюда приедут, или не чинить такого дозволения?»

Лопухин 31 января 1799 года отвечал: «В ответ на письмо Вашего Превосходительства <...> о подполковнике Ермолове я ничего не могу сказать вам, м. г. мой, как только то, чтобы вы изволили держаться последовавшего об нем высочайшего Е. И. В. повеления»³⁹⁸.

³⁹⁶ Записки Ермолова А. П. 1798–1826. — М., 1991. — С. 28–29.

³⁹⁷ Костромская старина. Вып. 2. — Кострома, 1892. — С. 2, 3-го счета.

³⁹⁸ Русский архив. 1878. № 8. — С. 481–482.

После высочайшего разрешения ссыльный подполковник не только встретился с родными, но и посещал их в имении Ермоловых — усадьбе Далматово Костромского уезда (ныне Судиславского района) Костромской губернии. Хозяином имения был двоюродный дядя Алексея Петровича — Василий Ермолов с женой Анной Тимофеевной, урожденной княжной Урусовой, и детьми, с одним из которых Николаем Васильевичем Ермоловым военачальник был особенно дружен до конца жизни, привлекал его в своем доме и состоял в переписке.

Алексей Петрович способствовал устройству Анны Николаевны Ермоловой, своей десятилетней внучатой племянницы, к которой благоволил, в частное учебное заведение в Москве. Он писал ее отцу: «Уменьшой Анночке посылаю платьецо. Эта девица серьезного тона мне очень нравится». А на благодарность жены кузена за хлопоты по устройству девочки в учебное заведение отвечал: «Ничтожна моя услуга пред тем вниманием, которое оказывал мне, во дни моего несчастья родитель покойного мужа Вашего»³⁹⁹.

Цитируемые письма, как и многие другие документы, касающиеся Алексея Петровича Ермолова и других представителей рода Ермоловых, имеют одно происхождение: из усадьбы Долматово. Факт первоначального местонахождения материалов «Долматовского архива» как и передачи его Костромской губернской ученой архивной комиссии подтверждается рядом письменных и печатных документов. Так, еще в 1888 году Евгений Иванович Якушкин, сын декабриста, писал своему родственнику и соседу по имени Николаю Николаевичу Селифонтову — председателю Костромской губернской архивной комиссии следующее: «Письма Ермолова, Грибоедова и Сперанского переданы в Исторический музей от Вашего имени моим старшим сыном». Речь идет, несомненно, о части документов из Долматовского архива Ермоловых⁴⁰⁰. Другой, уже печатный, источник сообщает, предваряя публикацию под названием: «Рукописи из архива Ермоловых»: «Архив находится в усадьбе Долматове Костромского уезда, и разобран сотрудником Костромской архивной комиссии И. Д. Преображенским, при участии члена архивной комиссии И. В. Миловидова» (с. 1—38, 44 грамот и др. документов)⁴⁰¹.

Кроме того «Из той же усадьбы г. Преображенским получены два собственноручные письма героя 1812 года и Кавказа — Алексея Петровича Ермолова. Собранные г. Преображенским рукописи разобраны им при содействии члена комиссии И. В. Миловидова и в последнее время приступлено к их печатанию.

Большая часть бумаг из Долматова вошла в состав «Долматовского архива», изданного в Костроме, другая опубликована в «Русском архиве»⁴⁰², но нигде нет письма А. П. Ермолова — Н. Г. Устрялову, процитированного нами в начале данной статьи. Видимо, оно случайно выпало из поля зрения исследователей. Исправляя это упущение, мы и решились на данную публикацию, желая донести до читателя неизвестный фрагмент биографии выдающегося русского военачальника.

³⁹⁹ Там же. С. 3, 3-го счета.

⁴⁰⁰ ГПБ ОР. Ф. 682. Д. 287. Л. 47.

⁴⁰¹ Костромская старина. Вып. 2. — Кострома, 1892. — С. 1, 3-го счета.

⁴⁰² Русский архив. 1878. № 8. — С. 481—482.

КАТЕНИНСКАЯ ПСАЛТЫРЬ

Ряд раритетных печатных и рукописных книг хранится или хранилось в филиалах Костромского историко-архитектурного музея-заповедника. Из них хочется особо отметить старопечатную книгу «Псалтырь», поступившую в первые годы революции из усадьбы Клушеево помещиков Катениных в Чухломский краеведческий музей им. А. Ф. Писемского, а ныне находящуюся в Литературном музее столицы.

Сама Псалтырь XVIII века не такой уж и раритет, особую ценность представляют ей маргиналии — записи на полях листов, сделанные представителями рода, давшего русской литературе Павла Александровича Катенина — поэта, драматурга и переводчика Пушкинской поры. Эти записи несут в себе объемную информацию не только о самом поэте, но и о многочисленных его родственниках.

На 6 и 32 листах имеются надписи следующего содержания: «Сия псалтырь дому господ премьер-маеора Василия, да полковника Федора Ивановичей детей Катениных куплена в царствующем граде Москве дано <неразборчиво> руб.»

Начиная со 194-й и кончая 320-й страницей на полях книги сделаны записи из жизни помещиков Катениных: даты рождения, именин, вступления в брак, в воинскую службу, о награждении чинами и знаками отличия, о построении церквей и о смерти представителей рода. Это своеобразный семейный дневник Катениных, включающий в себя фиксацию важнейших фамильных событий. Записи начинаются с 1 сентября и заканчиваются 31 августа, охватывая период от 1691 по 1845 год.

Авторами записей являются Федор Иванович Катенин (дед поэта), Александр Федорович (отец) и Андрей Федорович (дядя).

Записи на полях «Псалтыри» — существенное дополнение к Катенинскому родословию. В настоящее время в Чухломском музее хранится лишь копия «Псалтыри», сделанная рукою покойного директора Г. И. Лебедева, передавшего оригинал книги в конце 1970-х годов в Литературный музей г. Москвы. Предлагаемая копия с маргиналий Катенинской Псалтыри сделана 29 июля 1978 года А. А. Григоровым, ему же принадлежат и комментарии к ним.⁴⁰³

ПСАЛТЫРЬ

Сия книга псалтырь дому господ премьер-маеора Василия да полковника Ф. И. детей Катениных. Куплена в Царствующем граде Москве. Дано — (неразборчиво) руб.

Сентября 1

В 1818 году онога числа произведен Лейб-гвардии Преображенского полка из штабс-капитанов в капитаны Павел Александрович Катенин.

Сентября 15

Онога числа сын Никита именинник.⁴⁰⁴

⁴⁰³ ГАРО. Р-864. Оп. 1. Д. 524.

⁴⁰⁴ Никита Федорович Катенин, род. 20 августа 1767 года. Запись сделана его отцом Ф. И. Катениным. — А. Г.

Сентября 17

Оного числа дочь София именинница

София Александровна Катенина родилась 11 февраля 1794 года⁴⁰⁵.

Оного же числа Надежда Михайловна Катенина именинница.⁴⁰⁶

Оного же числа 1820 года, Л.-гв. Преображенского полку полковник П. А. Катенин уволен от службы.

Сентября 20

1753 года пожалован Федор Иванович Катенин в полк Семеновский, в полковые секретари в ранге подпоручика, а в 1756 году он же произведен в ранг поручика.

Оного же числа 1842 года Александр Андреевич Катенин сочетался браком с Варварою Ивановной Вадковской.

Сентября 24

В 1783 году скончалась Матрена Васильевна Катенина⁴⁰⁷.

Сего же числа 1782 года у Александра Федоровича Катенина родился сын Сергей Александрович пополудни в первом часу. Умре.

Сентября 25

Оного числа Сергей Александрович Катенин именинник.

1832 года того же числа дочь моя Мария Андреевна, венчалась с Николаем Александровичем Левашевым в церкви нашего села Клусеева. Венчал священник Иоанн Никитин.

Сентября 27

Оного числа пожалован в капралы в 1743 году Ф. И. Катенин.

Сентября 27

1799 года пожалован Александр Федорович Катенин из генерал-майоров в генерал-лейтенанты. В то время командовал на Вольни гренадерскими полками Сибирским, Херсонским и Киевским в царствование Павла Первого.

Сентября 30

1780 года сего числа скончалась Матрена Семеновна Катенина и погребена в селе Клусеева октября <неразборчиво> дня жития ея было 84 года⁴⁰⁸.

Сентября 30

Именинник Григорий Александрович Катенин. Умре.

Октября 1

Александр Федорович Катенин пожалован в генерал-майоры в царствование императора Павла I и главнокомандующим в Одессу.

Октября 5

Оного числа 1783 года у Александра Федоровича Катенина родилась дочь Мария Александровна пополудни в 3-м часу. Умре.

⁴⁰⁵ Запись рукой отца Александра Федоровича Катенина. — Е. С.

⁴⁰⁶ Н. М. Катенина, урожденная Шипова, жена 2-го брака Ивана Николаевича Катенина. Родилась 30 ноября 1798 года, в браке с 14 ноября 1815 года. — А. Г.

⁴⁰⁷ Матрена Васильевна, урожденная Толбузина жена Федора Ивановича Катенина, род. 9 ноября 1730 года. — А. Г.

⁴⁰⁸ Матрена Семеновна Катенина жена Ивана Михайловича Катенина родилась в 1696 году. Ее девичья фамилия не установлена. — А. Г.

Октября 11.

1783 года у Федора Ивановича Катенина родился сын Андрей Федорович пополудни в 3-м часу 5 минут, то есть в субботу.

В 1818 году того же числа у Ивана Николаевича Катенина родился сын Николай Иванович в один час пополудни.

В 1819 году у Ивана Николаевича Катенина родилась дочь Клеопатра Ивановна.

В 1781 году оного числа у Александра Федоровича Катенина родился сын Александр Александрович. Умре.

Октября 22

1767 году было освящение храма в с. Борееве, Богоявленского собора и Петропавловского придела, а освящали оные престолы Городецкого Авраамиевского монастыря игумен Антоний и того же монастыря игумен Варлаам.

Октября 25

1762 года у Федора Ивановича Катенина родился сын Андрей пополудни в 1-м часу 27 минут, т. е. в пятницу. Умре.

Октября 26

1786 года в сей день у сына, Николая Федоровича Катенина родился сын Иван.

В 1811 году в сей день Григорий Александрович Катенин пожалован подпоручиком Л.-гв. Преображенского полка.

Ноября 4

1826 у Ивана Николаевича Катенина родилась дочь Александра Ивановна.

Ноября 9

Оного числа 1730 года родилась Матрена Васильевна Катенина, а скончалась сентября 24 числа 1783 года. Жития ея было 52 года и 10 месяцев⁴⁰⁹.

Ноября 10

1896 года у Андрея Федоровича Катенина родилась дочь Мария Андреевна.

Ноября 11

Оного числа 1780 года Александр Федорович Катенин венчался с Дарьей Андреевной Пурпур в церкви Первого кадетского корпуса⁴¹⁰.

Ноября 12

Оного числа внук Иван⁴¹¹ — именинник.

Ноября 13

У Андрея Федоровича Катенина родился сын Михаил Андреевич⁴¹².

⁴⁰⁹ Матрена Васильевна Катенина, урожденная Толбузина, была женой Федора Ивановича Катенина. — А. Г.

⁴¹⁰ Доротея (Дарья во святом крещении) Андреевна Пурпур, дочь директора Первого кадетского корпуса, Андрея Яковлевича Пурпур, грека по национальности. В русской службе он с 1737 года, инженер-полковник и член канцелярии главной артиллерии и фортификации (1773). Директор Сухопутного шляхетского корпуса с 1773. В отставке с 1784 года. Скончался в 1804 году. — А. Г.

⁴¹¹ Николаевич — А. Г.

⁴¹² Эта запись зачеркнута. Рождение М. А. Катенина см. под 13 марта. — А. Г.

Ноября 14

В 1815 году браком сочелся Иван Николаевич Катенин на девице Надежде Михайловне Шиповой⁴¹³.

Запись № 335. Лист тот же

В сей день 15-го ноября в 1691 году в третьем часу ночи преставился раб божий Никита Андреевич Катенин⁴¹⁴.

Запись № 336. Лист тот же

Оного 15 ноября 1787 года выпущен из Кадетского корпуса Андрей Федорович Катенин и пожалован в армии поручиком.

Запись № 37. Лист № 223 оборотный

Оного же числа в 1812 году 15 ноября скончался в походе для преследования французов от Москвы в городе Копысе, Лейб-гвардии Преображенского полка подпоручик Григорий Александрович Катенин.

Запись № 38. Лист № 225

1838 года сего 20 ноября Кизлярский комендант и окружной начальник Павел Александрович Катенин уволен от службы с чином генерал-майора.

Запись № 39

Оного 30 ноября сын меньшей Андрей именник⁴¹⁵.

Запись № 40. Лист тот же.

В оный день 30 ноября 1798 года родилась Надежда Михайловна Катенина⁴¹⁶

Запись № 41. Лист тот же

1841 года декабря 1-го. Скончался статский советник Петр Александрович Катенин. Санкт-Петербургской губернии Гдовского уезда в сельце Заречье⁴¹⁷.

Запись № 42. Лист № 231 оборотный

4 декабря память по батюшке Иване Никитиче Катенине, скончавшемся в 1737 году⁴¹⁸.

Запись № 43. Лист № 232

В 1832 году 6 декабря Александр Андреевич Катенин произведен из поручиков в штабс-капитаны Лейб-гвардии Преображенского полку.

Запись № 45. Лист № 243

10 декабря память о брате Евграфе Ивановиче Катенине⁴¹⁹.

⁴¹³ Н. М. Шипова (род. 30 ноября 1798 года), дочь костромского помещика прапорщика Михаила Васильевича Шипова и его жены Клеопатры Григорьевны Бартеновой (меньшой) из усадьбы Дубяны Галичского уезда. Ее брат Василий Михайлович (род. в 1801 году) был в 1875 – 1876 Костромским губернским предводителем дворянства. – А. Г.

⁴¹⁴ Примечание: Никита Андреевич Катенин был стряпчим в 1678 и стольником в 1680 – 1686 гг. Жил в ус. Бореєво. Дед Федора и Василия Ивановичей Катениных. – А. Г.

⁴¹⁵ Запись сделана Федором Ивановичем Катениным. – А. Г.

⁴¹⁶ Вторая жена Ивана Николаевича Катенина, урожденная Шипова. – А. Г.

⁴¹⁷ П. А. Катенин был убит крепостными крестьянами баронессы Камленгаузен в ее имении, где он проживал в качестве «невенчанного мужа» баронессы. Похоронен в с. Быстреево Гдовского уезда. – А. Г.

⁴¹⁸ Иван Никитич был отцом Федора и Василия Ивановичей Катениных. Дата 4 декабря, очевидно, относится не к его дню рождения или смерти, а ко дню его именин – 4 декабря память преподобного Иоанна Дамаскина и, вероятно, в этот день покойный был именником. – А. Г.

⁴¹⁹ Очевидно, это были именины Евграфа Ивановича. 10 декабря память мученика Евграфа. – А. Г.

Запись № 46. Лист тот же

1811 года в сей день 10 декабря Павел Александрович Катенин пожалован подпоручиком Лейб-гвардии Преображенского полка.

Запись № 47. Лист тот же

Сего числа 11 декабря 1792 года родился сын Павел Александрович Катенин⁴²⁰.

Запись № 48. Лист № 234 оборотный.

1824 года 12 декабря Александр Андреевич Катенин пожалован из подпоручиков в поручики Лейб-гвардии Преображенского полка.

Запись № 49. Лист № 236

1787 года декабря 16 скончался Федор Иванович Катенин.

Запись № 50

1760 года 18 числа написан сын наш Александр Федорович в полк Семеновский в гренадеры.

Запись № 51-52. Лист тот же.

Оного числа в 1787 году 18 декабря Андрей Федорович Катенин поехал в армию против турок и возвратился в 1789 году марта 25-го благополучно и находился при взятии Очакова.

Запись № 53. Лист тот же

1776 года декабря 20-го у Алексея Давыдовича Голостенова родился сын Федор Алексеевич пополуночи во вторник⁴²¹.

Запись № 54. Лист 237

1835 году 6 декабря Александр Андреевич Катенин из капитанов назначен во флигель-адъютанты Его Величества.

Запись № 55, лист 2391761 года 25-го декабря пожалован Федор Иванович Катенин в полк Семеновский в капитан-поручики.

Запись № 56. Лист тот же

---

⁴²⁰ П. А. Катенин, приятель А. С. Пушкина и А. С. Грибоедова, писатель и поэт, критик и переводчик, участник Отечественной войны 1812 года, полковник Лейб-гвардии Преображенского полка, в 1820 году по распоряжению СПб генерал-губернатора Милорадовича был выслан из столицы в Костромскую губернию в свое имение Шаево Кологривского уезда. В 1834 году вновь принят на службу в Эриванский карабинерный полк. Вышел в отставку в 1838 году в чине генерал-майора. В 1853 году, проживая в Костромской губернии, близ одной из своих усадеб Шаево разбился на лошадях. Погребен был в селе Борееве, родной вотчине Катениных. На могиле Катенина около Богоявленской церкви села Бореева была положена чугунная плита и поставлен такой же чугунный крест, а на плите сделана надпись: «Павел Александров сын из роду Катениных честно отжил свой век. Служил Отечеству верой и правдой, в Кульме бился насмерть, но судьба его пощадила. Зла не творил никому, но и добра менее чем хотел». Дата смерти — 23 мая 1853 года. Ниже приведенной надписи на могильной плите была прикреплена медная доска с изображением родового герба Катениных. В 1853 году останки умершего были перевезены в Чухлому и вновь захоронены на городском кладбище. На новом месте поставлен в 1955 году обелиск с надписью: «Катенин Павел Александрович. 1792 — 1853. Русский поэт, драматург, критик. Один из ранних приверженцев декабристских идей, активный деятель тайного общества «Союз спасения». 1817.» Именем П. А. Катенина в г. Чухломе названа бывшая Кладбищенская улица. — А. Г.

⁴²¹ Алексей Давыдович Голостенов, бригадир, потом генерал-майор, был Костромским наместником в 80-е годы XVIII века и до своей смерти в 1792 году. Он был женат на дочери Федора Ивановича Катенина, Анне Федоровне. — А. Г.

В 1832 году декабря 25-го произведен сын мой Михаил Андреевич Катенин из камер-пажей в Лейб-гвардии Преображенский полк в прапорщики. При выпуске получил в награждение первый приз – шкатулку и похвальный лист корпуса.

Запись № 57. Лист № 240 оборотный.

1761 года декабря 30 числа пожалован Федор Иванович Катенин в полк Семеновский в 8-ю роту капитаном старшим.

Запись № 58. Лист тот же

1829 году декабря 30 дня в ночь на 31 число скончался сын Федор Андреевич Катенин в Варшаве там и похоронен, быв одержим чахоточной болезнью.

Запись № 59. Лист № 241

1812 года сего дня 1-го января Петр Александрович Катенин пожалован в надворные советники.

Запись № 60. Лист тот же

1818 года генваря 1-го дня произведен Лейб-гвардии Преображенского полка из подпоручиков в штабс-капитаны Павел Александрович Катенин.

Запись № 61. Лист № 243 оборотный

1805 год генваря 8 дня у Андрея Федоровича Катенина родился сын Федор Андреевич.

Запись № 62. Лист № 245 оборотный

1818 года генваря 12-го дня скончалась Ирина Юрьевна Катенина⁴²².

Запись № 63. Лист № 246 оборотный.

1762 генваря 14-го дня отставлен Федор Иванович Катенин, капитан Лейб-гвардии, из Семеновского полка из капитанов старших, на его пропитание, от армии полковником.

Запись № 64. Лист тот же.

15 генваря память по брате Иване Ивановиче Катенине⁴²³.

Запись № 65. Лист тот же № 247

Сего числа 17 января 1811 года Петр Александрович Катенин получил Владимирский крест IV-й степени.

Запись № 66 Лист № 247 оборотный

1844 года генваря 15 у Александра Андреевича Катенина родился сын Николай Александрович.

Запись № 67. Лист № 248

1774 года сего числа генваря 19 венчалась Анна Федоровна Катенина с Алексеем Давыдовичем Голостеновым в Санкт-Петербурге на Васильевском острове у церкви Андрея Первозванного. Протопопом⁴²⁴

Запись № 68. Л. 250 оборотный

Оного числа 26 генваря Федор Иванович Катенин именинник.

⁴²² Ирина Юрьевна Катенина, урожденная Лермонтова, жена Андрея Федоровича Катенина, родилась 20 апреля 1769 года в усадьбе Колотилово Чухломского уезда. Отец ее секунд-майор Юрий Матвеевич Лермонтов, мать Федосья Кирилловна Постникова. Отец ее был двоюродным братом прадеда поэта М. Ю. Лермонтова. Матвей Юрьевич, поручик. Ирина Юрьевна приходилась троюродной сестрой отцу поэта, Юрию Петровичу Лермонтову. – А. Г.

⁴²³ Очевидно, его именины 15 января день преподобного Иоанна Кущника. – А. Г.

⁴²⁴ Имя не указано – А. Г.

- Запись № 69. Лист тот же
Оного числа же 26 генваря Мария Федоровна Катенина именинница, которая умре.
- Запись № 70. Лист №250 оборотный
1844 года генваря 26-го Михаил Андреевич Катенин сочетался браком с Надеждой Васильевной графиней Орловой-Денисовой .
- Запись № 71. Лист № 252
1736 года 31 числа Федор Иванович Катенин написан в полк Семеновский в шестую роту в солдаты.
- Запись № 72
1811 года февраля 1-го числа пожалованы Григорий и Павел Александрович Катенины в офицеры Лейб-гвардии Преображенского полка.
- Запись № 73. Лист 253 оборотный
3 февраля память по Анне Ивановне⁴²⁵.
- Запись № 74. Лист тот же.
В 1812 году февраля 7 дня у Ивана Николаевича Катенина народилась дочь Иулиания Ивановна⁴²⁶.
- Запись № 75. Лист № 254 оборотный.
6 февраля Дарья Андреевна Катенина именинница⁴²⁷.
- Запись № 76. Лист № 255
1812 года 7 февраля у Ивана Николаевича Катенина родилась дочь Иулиания Ивановна.
- Запись 77 Лист тот же
1748 года февраля 8 числа. Оного числа пожалован в тот же полк⁴²⁸ в шестую роту в сержанты⁴²⁹.
- Запись № 78. Лист № 256
Оного числа 11 февраля 1794 года родилась дочь София⁴³⁰.
- Запись № 79. Лист № 258 оборотный
1774 года оного 15 февраля записан в малолетний корпус Андрей Федорович Катенин.
- Запись № 80. Лист тот же.
16 февраля 1786 года у Александра Федоровича Катенина родился сын Федор Александрович.
- Запись № 81. Лист тот же

---

⁴²⁵ 3-го февраля церковь отмечает память праведного Симеона Богоприимца и пророчицы Анны. Очевидно, это день именин Анны Ивановны Катениной. — А. Г.

⁴²⁶ Запись эта зачеркнута см. № 76 — А. Г.

⁴²⁷ Дарья Андреевна была женой Александра Андреевича Катенина. Она дочь грека, Андрея Яковлевича Пурпур, генерал-поручика. 6-го февраля в святцах имени Дарьи нет, Дарья есть только один раз в году, 19 марта. Но 6 февраля церковь отмечает память мученицы Дорофеи (или Доротей), и, очевидно, что дочь Андрея Яковлевича была названа Дорофеей, но как это имя было непривычно для семьи Катениных, то она и звалась обычным именем Дарья. — А. Г.

⁴²⁸ Семеновский — А. Г.

⁴²⁹ Запись сделана Федором Ивановичем Катениным. Он один из всех Катениных служил в Лейб-гвардии Семеновском полку. — А. Г.

⁴³⁰ Это дочь Александра Федоровича и Дарьи Андреевны, их последний ребенок. — А. Г.

17 февраля 1837 года у Ивана Николаевича Катенина родился сын Михаил Иванович.

Запись № 82. Лист № 260

1762 года оного 23 февраля родилась Дарья Андреевна Катенина⁴³¹.

Запись № 83. Лист № 260 оборотный.

Оного 24 февраля в 1762 году родилась невестка Авдотья Ивановна Катенина⁴³².

Запись № 84. Лист № 261

В 1811 году февраля 26-го браком сочетался Иван Николаевич Катенин на девице Лидии Петровне Скаржинской⁴³³.

Запись № 85

Лист № 261 оборотный.

26 февраля брат Василий Иванович именинник⁴³⁴.

Запись № 86. Лист тот же

28 февраля память по Василии Ивановиче Толбузине⁴³⁵.

Запись № 87. Лист тот же

28 февраля в 1716 году рождение мне⁴³⁶.

Запись № 89. Лист тот же. Лист № 262

Сего числа 1 марта преставился Алексей Давыдович Голостенев в 1792 году. Житие его было 52 года. Генерал-майор⁴³⁷.

Запись № 90. Лист тот же.

1 марта 1762 года родилась невестка Авдотья Ивановна Катенина⁴³⁸.

Запись № 91. Лист № 263

Оного 4 марта Ульяна Ивановна Катенина (именинница)⁴³⁹.

Запись № 92. Лист тот же.

⁴³¹ Д. А. Катенина, урожденная Пурпур, жена Александра Федоровича Катенина. — А. Г.

⁴³² Евдокия Ивановна Катенина, урожденная Нелидова, жена Николая Федоровича Катенина. Отец Евдокии Ивановны — статский советник и кавалер Иван Федорович и мать Прасковья Васильевна, девичья фамилия неизвестна. У брата Евдокии Ивановны, Василия Ивановича Нелидова и его жены Анастасии Александровны Сипягиной были дети, племянники и племянницы Евдокии Ивановны: Григорий Васильевич Нелидов, камер-юнкер; Алексей Васильевич, паж, потом штаб-ротмистр Ахтырского гусарского полка, владеец 1128 душ крестьян мужского пола; Василий Васильевич, штаб-ротмистр; Варвара Васильевна, замужем за князем А. Голицыным; Мария Васильевна, замужем за генерал-адъютантом графом Адлербергом; Екатерина Васильевна, замужем за г. Киреевским. Нелидовы — помещики Буйского, Макарьевского, Чухломского и других уездов Костромской губернии. — А. Г.

⁴³³ Его первый брак — А. Г.

⁴³⁴ 28 февраля память преподобного Василия исповедальника. — А. Г.

⁴³⁵ Василий Иванович Толбузин — тесть Федора Ивановича Катенина. Отец Матрены Васильевны. — А. Г.

⁴³⁶ Запись сделана Василием Ивановичем Катениным. — А. Г.

⁴³⁷ А. Д. Голостенев — зять Федора Ивановича Катенина, муж его дочери Анны Федоровны. — А. Г.

⁴³⁸ Евдокия Ивановна Катенина, урожденная Нелидова. Была женой Василия Ивановича Катенина, следовательно, запись сделана Федором Ивановичем Катениным, которому она приходилась невесткой. — А. Г.

⁴³⁹ У. И. Катенина — дочь Ивана Николаевича Катенина. 4 марта память мучеников Павла и Иоулинии. — А. Г.

В 1780 году сего 5 марта у Алексея Давыдовича Голостенена родилась дочь Александра. Умре в 1781 году

Запись № 93. Лист № 263 оборотный.

В 1812 году марта 7 выступил Иван Николаевич Катенин в поход Лейб-гвардии Измайловского полка штабс-капитаном.

Запись № 94. Лист № 264

1812 года марта 9-го числа. Выступили в поход Павел и Григорий Александровичи подпоручиками в Преображенском полку.

Запись № 95. Лист № 265

1810 года марта 13 дня у Андрея Федоровича Катенина родился сын Михаил Андреевич⁴⁴⁰.

Запись № 96. Лист № 266

Оного 20 марта 1789 года у Александра Федоровича Катенина родился сын Григорий Александрович Катенин во втором часу пополудни.

Запись № 97. Лист № 266 оборотный

1817 года 23 марта у Ивана Николаевича Катенина родилась дочь Лидия Ивановна⁴⁴¹.

Запись № 99. Лист тот же

1789 году марта 26-го рождения Ирины Юрьевны Катениной⁴⁴².

Запись № 100. Лист № 267 оборотный

1822 года марта 31 дня произведен из подпрапорщиков в прапорщики Лейб-гвардии Преображенского полка Александр Андреевич Катенин

Запись № 101. Лист № 268

1804 года марта 31 дня пожалован Петр Александрович Катенин в коллегии юнкер в Департамент министерства внутренних дел графа Кочубея.

Запись № 102. Лист № 269.

1778 года сего 2 апреля у Алексея Давыдовича Голостенена родилась дочь Мария Алексеевна в понедельник, а именинница накануне. Умре в 1781 году⁴⁴³.

Запись № 103. Лист № 270.

1832 года апреля 10 дня сын Михаил Андреевич произведен в подпоручики Лейб-гвардии Преображенского полка.

Запись № 104. Лист 270 оборотный.

1813 апреля 14 произведен Лейб-гвардии Преображенского полка из подпоручиков в поручики Павел Александрович Катенин.

Запись № 105. Лист тот же.

1828 года апреля 15 дня выступил из Санкт-Петербурга с Лейб-гвардии Преображенским полком поручик Александр Андреевич Катенин против турок и находился при блокаде и покорении в крепости Парна.

Запись № 106. Лист тот же

16 апреля именины Ирины Юрьевны Катениной⁴⁴⁴.

⁴⁴⁰ Сравни запись № 33 от 13 ноября 1810 года. — А. Г.

⁴⁴¹ Вероятно, в этот день были ее именины. Ибо 23 марта церковь празднует мученицы Лидии. А о рождении Лидии Ивановны есть запись № 139 от августа месяца. — А. Г.

⁴⁴² Ирина Юрьевна Катенина, урожденная Лермонтова, была женой Андрея Юрьевича Катенина. А. Г.

⁴⁴³ 1-го апреля память преподобной Марии Египтяницы. — А. Г.

⁴⁴⁴ 16 апреля память мученицы Ирины. — А. Г.

Запись № 107. Лист № 272

1720 года апреля в сей день, 22 числа скончалась матушка Мавра Денисовна⁴⁴⁵.

Запись № 108. Лист тот же.

Оного 23 апреля Александра Алексеевна Голостенова именинница. Скончалась⁴⁴⁶.

Запись № 109. Лист № 276.

1746 года апреля 25 числа пожалован Федор Иванович Катенин в полк Семеновский в девяную роту в подпрапорщики.

Запись № 110. Лист № 275 оборотный.

Оного 3 мая память по матушке Мавре Денисовне Катениной. Скончалась в 1852 году апреля 22 числа⁴⁴⁷.

Запись № 111. Лист № 276

1827 года, мая 4 числа. Двора Его Императорского Величества из пажей пожалован в камер-пажи Михаил Андреевич Катенин⁴⁴⁸.

Запись № 112. Лист тот же.

Оного 5 мая сестра Ирина Ивановна Катенина именинница⁴⁴⁹.

Запись № 113. Лист № 278

1760 года мая 9-го числа у Федора Ивановича Катенина родился сын Николай Федорович пополночи в восьмом часу в 20 минут во вторник, и в тот же день именинник⁴⁵⁰.

Запись № 114. Лист № 281.

1846 года мая 17 дня у Александра Андреевича Катенина родился сын Андрей Александрович.

Запись № 115. Лист № 283

В 1832 году 22 мая дочь свою Марию Андреевну Катенину помолвил за Николая Александровича Левашова.

Запись № 116. Лист № 286 оборотный.

1787 года оного 30 мая у Александра Федоровича Катенина родился сын Петр Александрович Катенин в два часа пополночи.

Записи №№ 117 и 118. Лист тот же.

1789 года оного 31 мая послан Александр Федорович Катенин капитаном в поход против шведов, а возвратился оного году 15 октября благополучно, а находился в двух сраженьях, первое под переправой через Кемь, что в большом канале, а второе под Ути.

Запись № 119. Лист тот же

1824 года мая 31 дня произведен за отличие Федор Андреевич Катенин из портупей-прапорщиков в прапорщики Лейб-гвардии Литовского полка в городе Варшаве.

Запись № 120. Лист № 288 оборотный.

---

⁴⁴⁵ Мавра Денисовна, девичья фамилия неизвестна, была женой Ивана Никитича Катенина и матерью Федора и Василия Ивановичей Катениных. — А. Г.

⁴⁴⁶ 23 апреля память царицы Александры. — А. Г.

⁴⁴⁷ 3 мая память мученицы Мавры. Сравни запись № 107, где дата смерти Мавры Денисовны показана не 1752, а 1760 годом. Вероятная дата правильная 1760 г. — А. Г.

⁴⁴⁸ Сравни запись № 44 от 6 декабря. — А. Г.

⁴⁴⁹ 5 мая память великомученицы Ирины. — А. Г.

⁴⁵⁰ 9 мая перенесение мощей Святителя Николая из города Мир в город Бар. — А. Г.

1820 года сего 5 июня Павел Александрович Катенин произведен Лейб-гвардии Преображенского полка полковником.

Запись № 121. Лист № 290.

1781 года июня 11 числа призвав Бога в помощь заложена в Борееве церковь.

Запись № 122. Лист № 293

1767 июня 20 числа пополудни в третьем часу матушка Уфимья Лаврентьевна Толбузина скончалась. Жития ея было шестьдесят шесть лет⁴⁵¹.

Запись № 123. Лист № 293 оборотный

1819 года июня 23-го определен по Высочайшему повелению к Высочайшему двору в пажы Михаил Андреевич Катенин.

Запись № 124. Лист № 296

1803 года июня 28 числа у Андрея Федоровича Катенина родился сын Александр Андреевич.

Запись № 125. Лист тот же

29 июня оногo числа сыновья Петр и Павел именинники⁴⁵².

Запись № 126. Лист № 297.

В 1832 году 1 июля сын Александр Андреевич произведен в капитаны лейб-гвардии Преображенского полка, командиром девятой гренадерской роты.

Запись № 127. Лист № 299.

Сего 7 июня 1776 года освящена церковь в селе Борееве Богоматери Казанской (деревянная).

Записи №№ 128 и 129.

11 июня 1764 года было освящение храму в селе Борееве, Богоматери Казанской, а сгорела в 1775 году декабря 26 числа.

Запись № 130. Лист № 304

1749 года июля 17 числа Федор Иванович Катенин женился⁴⁵³.

Запись № 131. Лист тот же.

А в 1756 году июля 17 числа у Федора Ивановича Катенина родилась дочь Анна Федоровна в среду пополуночи в девятом часу.

Запись № 132. Лист тот же

В 1814 году июля 17 записан сын Александр Андреевич в подпрапорщики Преображенского полка и вступил в службу налицо.

Запись № 133. Лист № 307

25 июля. Оногo числа дочь Анна Федоровна именинница⁴⁵⁴.

Запись № 134. Лист № 310 оборотный

1783 августа 1-го числа скончался Василий Иванович Катенин и погребен в селе Борееве против алтаря каменной церкви. Жития его было 67 лет и пять месяцев.

Запись № 135. Лист № 311

1764 года августа 2-го числа у Федора Ивановича Катенина родилась дочь Авдотья Федоровна в полуночи в первом часу в понедельник. Умре.

⁴⁵¹ Афирья Лаврентьевна Толбузина — теща Федора Ивановича Катенина, мать его жены Матрены Васильевны. — А. Г.

⁴⁵² 29 июня память всеславных и правоверных апостолов Петра и Павла. — А. Г.

⁴⁵³ На Матрене Васильевне Толбузиной. — А. Г.

⁴⁵⁴ 25 июля память успения праведной Анны, матери Пресвятой Богородицы. — А. Г.

Запись № 136. Лист № 312 оборотный
Оного 14 августа Авдотья Федоровна Катенина именниница⁴⁵⁵.

Запись № 137. Лист № 313

1757 года августа 7-го числа. У Федора Ивановича Катенина родился сын Александр Федорович в восьмом часу пополудни в четверг.

Запись № 138. Лист № 313 оборотный

1833 года сего 8 августа Павел Александрович Катенин вновь вступил в службу полковником карабинерного полка.

Запись № 139. Лист № 315 оборотный

Августа 17 у Ивана Николаевича Катенина родилась дочь Лидия Ивановна⁴⁵⁶.

Запись № 140. Лист № 316

1813 года августа 17 числа за сражение под Кульмом Лейб-гвардии Преображенского полка поручик Павел Александрович Катенин награжден орденом — крестом Святого Владимира IV-й степени с бантом и Прусским железным крестом.

Запись № 141. Лист № 316 оборотный.

1767 года августа 2-го числа у Федора Ивановича Катенина родился сын Никита Федорович пополудни в одиннадцатом часу в начале, а в понедельник.

Запись № 142. Лист № 318

1831 года августа 25 и 26, за взятие приступом города Варшавы, передовых укреплений и городского вала, награждены Александр Андреевич и Михаил Андреевич Катенины. Александр — крестом Святого Владимира IV-й степени с бантом, а Михаил — золотой саблей с надписью «За храбрость» и медалями за штурм города Варшавы и за кампанию против польских мятежников, оба золотыми крестами «За воинские достоинства»⁴⁵⁷.

Запись № 143. Лист № 319

1808 года сего 27 числа августа месяца скончался генерал-лейтенант Александр Федорович Катенин на Кавказской линии. В крепости Константиногорск, прибыв туда для излечения от тяжелой болезни на тамошних минеральных горячих водах⁴⁵⁸.

Запись № 144. Лист № 320

Оного 30 августа сын Александр именниник⁴⁵⁹.

Запись № 145. Лист № 320 оборотный.

1781 года августа 31-го числа у Анны Федоровны Голостеновой родился сын Петр. Умре⁴⁶⁰.

Этой записью кончаются сведения о событиях в жизни семьи Катениных, сделанные на полях книги «Псалтырь», хранящейся в Чухломском краеведческом музее им. А. Ф. Писемского.

20 июля 1978 года. г. Кострома. А. Григоров.

⁴⁵⁵ 4 августа память преподобномученицы Евдокии. — А. Г.

⁴⁵⁶ Приблизительная дата — 17 августа. См. Запись № 97. — А. Г.

⁴⁵⁷ Служа в Лейб-гвардии Преображенском полку, Александр штабс-капитаном, а Михаил — прапорщиком, находились оба в бессменных ординарцах Его Императорского Высочества Великого князя Михаила Павловича. — А. Г.

⁴⁵⁸ Вместо «горячих» написано «горящих». — А. Г.

⁴⁵⁹ 30 августа память Святого Александра и перенесение мощей Благоверного князя Александра Невского. — А. Г.

⁴⁶⁰ Анна Федоровна Голостенова, урожденная Катенина, дочь Федора Ивановича Катенина и жена Костромского наместника Алексея Давыдовича Голостенова. — А. Г.

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ ПИСЬМО П. И. ФУРСОВА

Эпистолярное наследие, как и мемуаристика, является литературным жанром, наиболее ярко представляющим личность автора, а потому, даже и по смерти адресата, через письменную речь его эпистол мы можем не только узнать дополнительные детали его биографии, но и угадать психологические особенности характера, специфику его внутреннего мира.

В данном случае, обращаясь к истории костромской архитектуры, явившей нам ряд больших мастеров, в числе которых — П. И. Фурсов, Н. И. Метлин, В. П. Стасов, С. А. Воротилов, Н. И. Горлицын и ряд других, мы предлагаем читателям неопубликованное письмо талантливейшего костромского архитектора Петра Ивановича Фурсова, обнаруженное автором этих строк в недрах Государственного архива Костромской области еще в 80-х годах прошлого столетия. Оно датировано десятым апреля 1824 года и отправлено из Галича в Кострому Федору Ивановичу Васькову. Не удивительно, что письмо «осело» в Государственном архиве Костромской области, в личном фонде помещиков Васьковых (ГАКО. Ф. 599). Приводим его полностью:

«Милостивый государь Федор Иванович! Благополучно и даже очень весело доехал до Галича, был у почтеннейшего Платона Ивановича, который вам посылает поклоны громкие, звучные!!! В доме Владимира Касперовича для меня так прекрасно и покойно — за что ему моя благодарность летит заочно. Мимходом вчера заметил ваше хорошее замечание и очень верное: Гостиный двор чрезвычайно безобразен деталями и если его не исправить, то лучшее сделают худшим. Платону Ивановичу о сем технически выразил и он от сего наморщился. Но главное должен у вас просить прощения за мою дерзость — сего дня мороз напорядке, боюсь, чтобы не отморозить или избавить от оледенелости свои ноги. Я с вашего милостивого позволения похищаю богатырской силою палас. Андрей ваш упрямится оной отдать, но убедительно и на честное слово в случае оной возвратит мной его назад — получаю; я уверен, Федор Иванович, что вы не оскорбитесь моим поступком. Я имел в виду его выпросить у вас, но думал, что найду в Галиче и тогда не стал бы ваше терпение мучить письмом сим и скучать вам.

Прасковье Андреевне, почтеннейшей вашей супруге, целую ее щедрые руки, матушке вашей мое нижайшее почтение, а вам в натуре постараюсь доказать не прибиранием выражений, но самым делом, что я есть с истинным почтением и совершеннейшею преданностию к особе вашей, милостивый государь, всепочкорнейший слуга и всегда ищущий иметь честь быть слугою вашим Петр Фурсов»⁴⁶¹.

К моменту написания этого послания П. И. Фурсов уже почти два года пребывал в Костроме, где с июня 1822 года, занимал вакантное место губернского

⁴⁶¹ ГАКО. Ф. 599. Оп.1. Д. 128. Л. 116. (Дело не сохранилось — прим. ред.)

архитектора, освободившееся после смерти Николая Ивановича Метлина, оставившего после себя ряд великолепных зданий — городской администрации, дома офицеров, Масляных рядов и некоторых других.

Совсем еще молодой двадцатичетырехлетний архитектор вряд ли бы смог занять столь ответственную должность после многоопытного пятидесятидвухлетнего предшественника, если бы не имел солидного архитектурного образования в стенах Императорской Академии художеств и протекции авторитетного архитектора В. П. Стасова, также оставившего в Костроме ряд своих построек. За два года работы губернским архитектором Петр Иванович, достигший уже двадцатипятилетнего возраста, возвел в городе Московскую заставу, приуроченную к торжественной встрече прибывшего в 1823 году в Кострому императора Александра I¹⁶² и возводил здание соборного притча на Ильинской улице (ныне Чайковского). К тому же времени П. И. Фурсов разработал планы фасада и профиля будущей гауптвахты, принятые строительным комитетом 30 апреля 1824 года, то есть через двадцать дней после посещения Галича¹⁶³. Само здание гауптвахты было возведено в 1826 году.

С какой целью, несмотря на предельную занятость, Фурсов ездил в уездный город Галич? Нет сомнений, что по служебной надобности, ведь, будучи губернским архитектором, он был обязан контролировать и периферийное строительство. В Галиче была завершена постройка торговых рядов по проекту покойного Н. И. Метлина, и Фурсов, скорее всего, принимал ее. Недаром, накануне отъезда у архитектора состоялся с Ф. И. Васьковым разговор на тему построенных

Галич. Торговые ряды (1820—1823 гг.) после реставрации

¹⁶² Император Александр I побывал с визитом в Костромской губернии в 1824 г., не заезжая в Кострому — прим. ред.

¹⁶³ Сапрыгина Е. В., Корнилов П. Б. Путеводитель по литературной Костроме. — Москва-Кострома, 1997. — С.121.

рядов на Торговой площади Галича, о чем есть упоминание в письме: «Мимоходом вчера заметил ваше хорошее замечание <...> Гостиный двор чрезвычайно безобразен деталями <...> О сем технически выразил Платон Ивановичу и он от сего наморщился».

Федору Ивановичу Васькову, в то время отставному гвардейцу, измайловцу и галичскому помещику, имевшему недалеко от уездного города усадьбы Мухино и Дор доводилось неоднократно наблюдать за строительством Гостиного двора и, как человеку со вкусом, правильно оценивать постройку его. Что же касается набросков чертежей, предоставленных Фурсовым Платону Ивановичу, в подтверждение безвкусыя декоративных деталей новой постройки, то, видимо, именно с них начался интерес архитектора к торговому комплексу уездного города, который Фурсов реализовал позднее в 1828–1830-х годах, возведя постройку Нижних торговых рядов в том же Галиче. Кстати сказать, в эти годы Галичским предводителем дворянства скорее всего был не кто иной, как Федор Иванович Васьков, несомненно, содействовавший архитектору.

А во время пребывания архитектора в Галиче весной 1824 года должность уездного предводителя занимал, скорее всего, Платон Иванович Шипов, (род. 1787). Впрочем, он мог занимать и другую административную должность в Галиче, скажем, городничего. Именно он наморщился от замечаний архитектора по поводу декоративного оформления Гостиного двора, предчувствуя возможные переделки, грозящие дополнительными денежными затратами. П. И. Шипов также как и Ф. И. Васьков являлся галичским помещиком и отставным штабс-капитаном, владел усадьбой Озерки при безымянном озере. Он приходился двоюродным братом матери писателя А. Ф. Писемского, поскольку, его отец Иван Матвеевич Шипов и отец Евдокии Алексеевны Шиповой, в замужестве Писемской, — Алексей Матвеевич Шипов — были родными братьями. Следовательно, самому Алексею Феофилактовичу Писемскому — крупнейшему писателю — беллетристу Платон Иванович Шипов приходился двоюродным дядей по материнской линии.

И еще одно лицо, упомянутое в письме, мы не можем обойти вниманием — это Владимир Касперович, в доме которого архитектору было «прекрасно и покойно». Редкое отчество дает нам возможность легко определить фамилию данного человека. Конечно же, это Владимир Касперович Рерих — владелец галичской усадьбы Ваганово, что в тринадцати верстах от уездного города, по почтовому тракту Галич-Буй. Отставной прапорщик В. К. Рерих купил ее в 1816 году у прежней владелицы М. И. Циклер. Владимир Касперович приходился прадедом художнику Н. К. Рериху. Фурсов передает через Ф. И. Васькова свою благодарность Рериху, видимо, за предоставление приюта в его доме, поскольку хозяин в данный момент находился вне Галича, очевидно в Костроме⁴⁶⁴.

Завершает свое письмо Петр Иванович Фурсов приветами матери и жене Ф. И. Васькова, из которых становится понятно, что архитектор свой человек в данном семействе. Он целует щедрые руки супруги Федора Ивановича Прасковьи Андреевны, урожденной Готовцевой, видимо, собиравшей снедь в дорогу для молодого человека, выражает «нижайшее почтение» его матери Анне

⁴⁶⁴ Автор приносит благодарность П. П. Резепину за содержательные консультации по персоналиям указанных лиц. — Е. С.

Ивановне Васьковой, урожденной Ламб. Мужа ее – отца Федора Ивановича – Ивана Кузьмича Васькова, костромского вице-губернатора и автора первой книжки о Костроме, уже не было в живых, он умер в 1813 году, передав свое увлечение краеведением сыновьям Андрею, Ивану и Николаю.

Архитектор обещает Федору Ивановичу Васькову доказать «не прибиранием выражений, но самым делом», что он есть его «всепокорнейший слуга». Здесь присутствует явный намек на некоторую обещанную Фурсовым услугу, может быть, в отношении переделки усадебного или костромского домов его старшего друга.

Итак, анализ письма дает нам существенную информацию как о творческой биографии архитектора, в частности о проведении ревизии уездного строительства, так и о его дружеском и деловом окружении, способствующем лучшему исполнению служебных заданий. При крайне скудных сведениях, касающихся жизни и деятельности этого малоизученного костромского архитектора № 1, значение любого касающегося его документа, трудно переоценить.

Показателем значимости творчества архитектора для нашего края является его лучшее творение – здание каланчи, гармонически сочетающее в себе функциональные и эстетические особенности, ставшее символом Костромы, аналогичное зданию адмиралтейства с его шпилем, золотым корабликом в Санкт-Петербурге или Эйфелевой башне в Париже.

БИБЛИОТЕКА ИСАКОВЫХ

 онд ЦРК Костромского музея-заповедника имеет в своем составе три крупные частные библиотеки: Н. Н. Селифонтова, председателя Костромской губернской ученой архивной комиссии, крупного государственного чиновника, археографа, генеалога — около 5000 единиц хранения; П. И. Бирюкова, известного общественного деятеля, биографа Л. Н. Толстого — около 3000 экземпляров книг, брошюр и газет; Н. Ф. Грамматина, поэта, переводчика, крупного филолога — около 1500 книг.

Помимо этих трех «китов», в музее хранятся и менее крупные книжные собрания, принадлежавшие как частным лицам, так и научным, общественным и государственным учреждениям. В фонде ЦРК можно взять в руки книги из библиотеки костромского земства, университетской библиотеки, Костромского научного общества. Небольшое книжное собрание Исаковых в музейном фонде содержит около 550 единиц хранения. В сравнении с известной грамматинской библиотекой масштаб 1 к 3; историческое же соприкосновение этих фамилий и библиотек чрезвычайно интересно.

Нерехтское село Светочева Гора и несколько деревень рядом — вотчинные земли Исаковых и Грамматиных. В конце XVII века брачным союзом Матрены Ивановны Тяпкиной-Исаковой и Саввина Ивановича Грамматина эти два рода пересеклись; фамильные же библиотеки Исаковых-Грамматиных в XX веке встретились в музее.

Выделив Исаковские собрания из общего фонда ЦРК, прежде чем исследовать его состав, мы задались вопросом: «Как книги поступили в музей?» Ответ казался очевидным. Петр Васильевич Исаков, главный владелец библиотеки, был членом КГУАК с 1875 года, почетным членом с 1891 года. Традиционная схема движения книг выстраивалась понятно. КГУАК — КНО — музей местного края — музей-заповедник. Однако, это не так. В учетной документации значится, что исаковские книги, а также другие предметы, принадлежавшие этой семье, попали в музей в 1963 и 1966 годах от потомков и наследников. Этот факт возбудил желание узнать больше о людях, принадлежавших к семье.

Любая семейная библиотека много может сообщить о владельцах. Она представляет их литературные пристрастия, мировоззренческую направленность, образовательный уровень. Семья Исаковых вполне типичная дворянская семья, но именно поэтому, она дает возможность рассмотреть некоторые обстоятельства русской жизни конца XIX — начала XX века. Обратимся к рассматриваемой коллекции книг. Имя Петра Васильевича Исакова встречается на двенадцати изданиях: «П. Исаков» (КМЗ. КОК 34496/41), «Из книг Исакова» (КМЗ. КОК 34496/45) и т. д. Записи свидетельствуют о принадлежности их человеку, в Костроме известному. П. В. Исаков — действительный статский советник, многолетний председатель Костромской губернской земской управы, в своем родном Нерехтском уезде почетный мировой судья, уездный предводитель дворянства.

Карьера Петра Васильевича в статской части сложилась успешно, однако, первую половину жизни он посвятил воинскому служению. С 1847 по 1858 год он был пехотным офицером, участвовал в подавлении Венгерского мятежа, отличился в военных действиях у Черной речки.

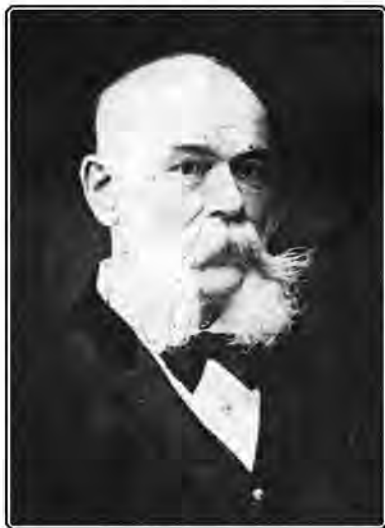
По формулярному списку⁴⁶⁵ имел награды орден Св. Анны I степени, Св. Станислава I степени, Св. Владимира III степени, медали серебряные «За усмирении Венгрии», «Защита Севастополя».

Дом Исаковых на Крестьянской улице города Костромы был одним из гостеприимнейших дворянских домов г. Костромы, просторный, с анфиладой уютных комнат, библиотекой. Жена Петра Васильевича Варвара Николаевна умела гостей принять и уважить. Она происходила из хорошей фамилии дворян Петровых. Родственники ее служили в личной охране царя. Умерла она в 1899 году. Из некролога: «...покойная Варвара Николаевна по рождению принадлежала к почтенному семейству местного дворянства, по общественному положению занимала место среди высшего местного общества; ко всему этому обладала чуткой и отзывчивой к горю и несчастью ближнего душой и недюжинным артистическим талантом...»⁴⁶⁶ Фотография или портрет Варвары Николаевны не сохранились. Портрет же Петра Васильевича известен, он находится в Галичском музее. Портрет этот был упомянут в годичном отчете правления КНО за 1921 в перечне поступлений произведений в музей местного края.

В Костромском музее, помимо книг из библиотеки П. П. Исакова, хранится пресс-папье письменного прибора В. В. Исакова (КМЗ. КОК 17944) из Светочевой Горы, стол ломберный с фигурной столешницей (КМЗ. КОК 17247/38), стол письменный из орехового дерева (КМЗ. КОК 17237/36), — всего 27 предметов. Музей получил эти вещи от потомков П. В. Исакова — внука Владимира Николаевича Перротте и его супруги Анны Ивановны в 1963 и 1966 годах. Но возвратимся к книжной части Исаковского собрания музея-заповедника. Более 300 книг из библиотеки исаковых на иностранных языках. Владычская запись, которая встречается на этих книгах, свидетельствует о том, что они принадлежали дочери Петра Васильевича — Марии Петровне Исаковой — Перротте. В этой части исаковской родословной происходит присоединение другой известной костромской фамилии — Перротте.

Муж Марии Петровны, Николай Иосифович Перротте, был сыном известного земского деятеля Иосифа Адольфовича

П. В. Исаков

⁴⁶⁵ ГАКО. Ф. 133. Оп. 33. Д. 824.

⁴⁶⁶ Костромской листок. 1899. № 29.

Перротте. Вместе с Петром Васильевичем он долгие годы служил в земстве и был бессменным исправником. Близкое семейное общение имело результатом брак Марии Петровны Исаковой и Николая Иосифовича Перротте. Петр Васильевич построил молодым дом в Светочевой Горе и определил зятя в земскую службу. Николай Иосифович служил земским начальником 2-го участка Нерехтского уезда, к служебному долгу относился ревностно. В 1905 году на его участке в селе Яковлевском среди рабочих и крестьян были созданы кружки социалистов, которые подготовили стачку. Земский начальник Перротте выехал в Яковлевское и очень много говорил с людьми, уговаривал, убеждал. Стачка не состоялась, но для самого Николая Иосифовича эти обстоятельства завершились трагично: он, приехав домой, лег на диван с сердечным приступом и через два часа умер. Мария Петровна

*Дом Исаковых-Перротте
в с. Светочева Гора*

осталась вдовой с двумя сыновьями — Петром и Владимиром.

Через несколько лет она выходит замуж за Миньт Фридриха Карловича — технического строителя, бывшего в доме Перротте. Второй муж Марии Петровны был немецким подданным, и это защитило семью от выселки, кроме того, младший сын Петр Николаевич прислал матери охранную грамоту из Красной армии. И все-таки, из дома Перротте Марию Петровну выселили по причине размещения в нем исполкома сельсовета и избы-читальни. Правда на улице «барыню Перротте» не оставили: дали часть грамматинского дома, куда Мария Петровна и переехала с двухлетней внучкой, оставленной на ее руках старшим сыном Владимиром Николаевичем, потерявшим жену во время «испанки» 1913 года.

Известно, что детские воспоминания самые глубокие, и даже в старости человек хорошо помнит многие детали раннего периода жизни. Внучка Марии Петровны, Ксения Владимировна Перротте-Сорокина в своих воспоминаниях очень точно описала дом Грамматиных и даже начертила план его, что очень ценно, так как дом не сохранился в Светочевой Горе, хотя и живут воспоминания у старожилов-светогорцев о Николае Федоровиче Грамматине, «барин был очень грамотный, много читал, и у него было много книг...»⁴⁶⁷

В доме же Перротте в 1920-е годы открыли школу, в которой в 7 классе училась Ася (Ксения) Перротте. На одном из уроков истории учитель Сергей Александрович Скворцов рассказывал о бывших эксплуататорах и угнетателях народа и привел пример: «вот представителем их у нас является Перротте Ася...»⁴⁶⁸ Девочка заплакала и выбежала из класса. Может быть, уместнее было рассказать детям, что в доме Перротте бывали писатель Нефедов, художник Левитан. Ксения Перротте знала об этом от бабушки. Бабушка, собственно, и

⁴⁶⁷ Воспоминания К. В. Перротте-Сорокиной.

⁴⁶⁸ Там же.

дала ей образование, потому что Ксению много раз выгоняли из разных школ и классов как «бывшую, лишеночку». Мария Петровна дала девочке прекрасные знания из русской грамматики, иностранных языков. Бабушкино образование оказалось базовым, так что Ксения Владимировна много лет проработала в школе учителем русского языка, литературы и немецкого. Учила бабушка по книгам из своей библиотеки — библиотеки Исаковых-Перротте.

Что же собою в структурном и тематическом отношении представляет книжное собрание, хранящееся в музее-заповеднике и являющееся частью домашней библиотеки Исаковых? Напомним, что книги поступили в музей в 1963 году от Владимира Николаевича Перротте в количестве 452-х единиц. Из них 135 на русском языке и 317 на иностранных языках. После смерти Владимира Николаевича (умер в 1965 году), его вдова Анна Ивановна Перротте в 1966 году передает в музей еще 98 книг, так что общее количество составляет 550 единиц. Почти все книги на французском, немецком и английском языках (303 единицы) находятся в научной библиотеке музея, русские же издания сосредоточены в фонде ЦРК (184 единицы).

Какого же рода книгам отдавала предпочтение семья Исаковых-Перротте? Прежде всего, это «добротный хлеб» классической русской литературы. Разным количеством томов представлены полные собрания сочинений Пушкина, Гоголя, Грибоедова, Салтыкова-Щедрина, Майкова, Бунина, Аксакова, Лермонтова, Островского (71 единица).

Почти половина Исаковского собрания — периодические издания: литературное приложение к «Ниве», журналы «Образование», «Современный мир», «Отечественные записки», «Вестник знания», «Вестник Европы». Такие издания давали возможность следить за современным литературным процессом. Журналы для семейного чтения — «Нива», «Огонек», «Север», «Неделя», «Новый журнал для всех» — можно было встретить в любом дворянском, купеческом доме; есть эти журналы и в библиотеке Исаковых. Сыгинская «Народная энциклопедия», широко распространенное типовое издание, также есть в рассматриваемом книжном собрании (15 томов). Книги по истории Петр Васильевич и Варвара Николаевна выписывали для себя, руководствуясь собственным культурным интересом, и для учившихся детей. Это «Всемирная история Ф. Шлосера» (СПб., 1869 г.), известное издание Н. Устрялова «История царствования Петра Великого» (СПб., 1858 г.).

Замечательное издание Брема «Жизнь животных» с прекрасными иллюстрациями — книги, которые интересно рассматривать, читать и взрослым и детям.

Невольно рисуется ностальгически-идиллическая картина: вечер, лампа над столом, семья с книгой, свет из окна пробивается на улицу...

1993 год, вечер, зима, Светочева Гора. В маленьком домике сидит под лампой у стола Ксения Владимировна Перротте — правнучка Петра Васильевича Исакова. Ей 75 лет, она пишет воспоминания: «...великое дело — русский народ! Я не перестаю, несмотря на мой возраст, восхищаться отзывчивостью русских людей. Вот и сейчас меня, старуху-учительницу, которую больно и жестоко хлестала судьба, постоянно навещают и ласково окликают мои бывшие ученики. Спасибо вам, люди!»⁴⁶⁹

⁴⁶⁹ Воспоминания К. В. Перротте-Сорокиной.

Н. СУМАРОКОВ. РУКОПИСЬ ИЗ ИСТОРИИ КОСТРОМЫ

Кандидату исторических наук, преподавателю Ярославского университета А. А. Севастьяновой⁴⁷⁰ в середине 90-х годов предыдущего века в результате долгих и кропотливых исследований удалось установить авторство раритетной старинной рукописи по истории города Костромы. В своей содержательной статье, посвященной первому костромскому краеведу Николаю Степановичу Сумарокову, автору двух дошедших до нас неопубликованных рукописных трудов по истории Костромы, написанных в последней четверти XVIII века, она авторитетно заявляет, что «историк написал не два, как считалось, а три варианта сочинения»⁴⁷¹.

И далее говорит о вновь найденном труде: «Хранящаяся в Костромском музее-заповеднике рукопись «Краткое начертание о первоначалии и приращении города Костромы до открытия губернии» составлена сыном Н. С. Сумарокова на бумаге с датой «1803»⁴⁷² и является кратким переложением «Истории...»⁴⁷³

Под сокращенным названием «История...» исследователь подразумевает труд Н. С. Сумарокова «История о первоначалии и происшествиях города Костромы до учреждения наместничества, сочиненная тогда костромского дворянства предводителем секунд-майором Николаем Сумароковым», хранящийся в Государственном архиве древних актов. Родственность рукописей из РГАДА и Костромского музея-заповедника выявлена А. А. Севастьяновой при сличении текстов, что следует из ее статьи, а вот утверждение о том, что вновь найденный труд написан сыном Николая Степановича с отцовской рукописи, исследователем, к сожалению, ничем не аргументировано. Впрочем, подтверждение ее, бесспорно правильному выводу, мы нашли в самом первоисточнике. Ключевой момент атрибуции авторства анонимной рукописи музея-заповедника заключался в сопоставлении текстов двух аналогичных сносок, сделанных двумя авторами в двух рассматриваемых трудах.

В первом случае, в рукописи из РГАДА известный нам автор Н. С. Сумароков пишет: «Оной параграф взят с Ведомостей отобранных частных смотрителей, которые по требованию его сиятельства господина московского губернатора Якова графа Остермана; с сочинения Географического лексикона и от меня сочиненная та ведомость и представлена в Костромскую провинциальную канцелярию для отсылки куда надлежит, генваря 15 дня 1776 году»⁴⁷⁴.

⁴⁷⁰ Ныне А. А. Севастьянова живет и преподает в Рязани – прим ред.

⁴⁷¹ Севастьянова А. А. «Любезным моим согражданам...». Первый костромской историк Николай Сумароков (вторая половина XVIII века) // Костромская земля. Краеведческий альманах Костромского фонда культуры. Вып. 3. – Кострома, 1995. – С. 105.

⁴⁷² РМЗ КОК 1273.

⁴⁷³ Севастьянова А. А. Указ. соч. – С. 109.

⁴⁷⁴ Там же. С. 107.

Во втором же случае, в рукописи из костромского музея-заповедника неизвестный автор пишет: «Взято из Ведомостей частных смотрителей, в бытность отца моего костромским предводителем, и что требовано от него было господином Московским губернатором графом Остерманом, для сочинения Географического лексикона Российского государства»⁴⁷⁵.

Вывод напрашивается сам и именно тот, к которому пришла А. А. Севастьянова. Рукопись из Костромского музея-заповедника, действительно, составлена сыном Н. С. Сумарокова Никитой Николаевичем по пространной рукописи отца, и только им, ибо у историка кроме двух дочерей был всего лишь один сын, который, как известно, был близким помощником в делах родителя. Более того, он прославил себя и как основатель первой частной костромской типографии в конце XVIII века. А вот что касается датировки костромской рукописи, то здесь требуется уточнение: рукопись не датирована, но на филигранях (водяных знаках) четко просматривается рисунок галеры — основного элемента костромского герба, слово Кострома и дата «1805», а не «1803». Зная время смерти отца и сына Сумароковых, а они умерли почти одновременно в 1812 году, можно заключить дату создания труда в следующие временные границы: 1805–1812 годы или более широко — начало XIX столетия.

Сама рукопись «Краткое начертание о первоначалии и приращении города Костромы до открытия губернии» представляет собою переплетенную большеформатную тетрадь из 14 листов голубоватого оттенка (37х22 см) в картонном цельнокрытом холстяном переплете. Чернила ореховые. На форзаце, а также листах 2, 3, 9, 13 и 14 — чернильные штампы: «Костромская губернская ученая архивная комиссия».

О содержании рукописи красноречиво говорит ее пространный заголовок. В заключение хочется лишь отметить ясность и простоту изложения, занимательность содержания и большую информативность этого раритетного рукописного памятника. Публикуется первая часть рукописи. Орфография и пунктуация рукописи сохранены.

---

⁴⁷⁵ Рукопись нач. XIX века «Краткое начертание о первоначалии и приращении города Костромы до открытия губернии». Л. 11 об.

КРАТКОЕ НАЧЕРТАНИЕ О ПЕРВОНАЧАЛИИ И ПРИРАЩЕНИИ ГОРОДА КОСТРОМЫ ДО ОТКРЫТИЯ ГУБЕРНИИ

Когда великий князь Юрий Владимирович Долгорукий (он же именуется Георгием) бывший осмой степени от великого князя Рюрика, и двадцатый владетельный князь, по причине многих смятений, и междоусобных несогласий князей российских, оставя Киевское великое княжение, возвратился из Киева в великую Россию, тогда желая удержать титул великого князя построил многие города, и назвал их самыми теми именами городов, которыми владел он во время великаго княжени в Киеве. И обозревая по сему предмету удобные местоположения избрал между прочими и то, где ныне город Кострома находится; место при устье безымянной реки впадавшей в Волгу ему весьма понравилось, и на котором он основал город, в 1152 году именовал его Костромою, упомянутая же река впоследствии название свое получила от города, и поныне именуется Костромою.

На построение сего города великий князь Юрий, из казны своей давал немалые суммы, а так как он и любим был своими подданными, то от всюду к населению сего города стекалось множество народа, даже болгар, мордвы и венгров, и в короткое время сделался он великим и многолюдным городом, так что за утеснением многие его жители принуждены были селиться по окрестностям онаго.

Название города Костромы как упоминает г. Татищев в своей истории, произошло от областей великого киевского княжения, то и полагать можно, что именование его заимствовалось, от находящегося в Ливонии недалеко от Юрьева или Дерпта замка Костр или Каструм, которая страна в то время была под властью великаго княжения. (О чем видеть можно в степенной книге). На котором месте ныне находится Ревель. В догадке же сей и то утвердить более может, что Ревель или прежний замок Каструм, расположен на морском берегу, да и город Кострома в вешнее время при разлитии вод, и в то время от покрытой своей окрестности водою по причине низкого по левому берегу реки Волги положению, немало походит на приморский город.

При созданыи города, тогда по всей России владычествовала православная христианская вера. Какие же при самом начале онаго воздвигнуты были храмы, о том неизвестно. Впоследствии же известно только то, как и господина Татищев в своей истории упоминает, что костромская церковь принадлежала к Ростовской епархии, и управляема была епископом. А по построении города, великий князь Юрий или Георгий Владимирович Долгорукий, обыкновенное пребывание свое имел в городе Суздале, подвластные сему князю были князья Рязанския и Муромския.

В 1208 году великий князь Всеволод Юрьевич, сын великого князя Юрия Владимировича Долгорукого, получивши наследие после отца своего, отдал город Кострому в удел старшему своему сыну князю Константину Всеволодовичу

Ростовскому. А в 1213 году по причине междоусобных несогласий князей Российских, город Кострома выжжена и окрестности онаго разорены были. А потом по степеням достался город сей во удел князю Всеволоду Юрьевичу, который в то время писаться начал уже самодержцем всея России (о чем видеть можно в кратком Российском летописце г. Ломоносова). А в 1218 году при кончине своей отдал он город Кострому сыну своему князю Василию Всеволодовичу (Константиновичу). Князь же сей хотя и владел Костромью, но пребывание свое имел всегда в Ростове.

В то время несогласия между Российскими князьями не умаялись, но еще более возрастали. Что и подало повод татарским ордам предпринять на Россию свои намерения. Они сперва делали небольшие набеги на оную, а потом совокупились всеми силами и устремились на Россию. В которое время между прочими и город Кострома претерпела опустошение, а наконец и в пепел обращена. Князь же Василий Всеволодович (Константинович) мужественно защищая области свои, татарскими толпами захвачен в плен, и мучительно предан ими смерти. Тело его оставлено было в Ширинском лесу, в Ростовском уезде, что ныне в Тверской губернии в Кашинской округе на реке Медведице, где теперь находится изпражненной Ширинской монастырь, откудова одною благочестивою женщиною тело сие сокрыто было, а потом погребено в Ростове. (Что видеть можно в Российской истории К. Щербатова). Татарские войска, не на иных видах были основаны, как только на одном разорении, грабежах и убийстве, одним словом, сии варварские толпы где ни проходили, везде оставляли по себе плачевные следы своего опустошения. Наконец, обремененныя похищенными сокровищами возвратились в свои обиталища. А по отшествии варваров сих, удельным князем в Костроме был Василий Георгиевич, проименованной Квашня, которой и пребывание свое имел в сем городе. Во время владения князя сего во оном, в 1239 году явился ему образ пресвятыя Богоматери Федоровския, от города Костромы в двух верстах на сосне, когда он ездил тут с псовой охотою. Сей образ принесен был в город Кострому с великолепною церковною церемониею и при множестве народа поставлен в соборной церкви Святаго Федора Стратилата, на котором месте ныне Симеоновская церковь; а на месте где явился чудотворной тот образ, воздвигнул оной князь церковь во имя Нерукотворного Спаса, ибо в самой тот день обретаена была чудотворная икона, и устроил тут монастырь, именовав его Запруднею, по имени тут протекающей речки. А потом, так как собор Федора Стратилата был деревянной и три раза пожаром разрушен был, то великий князь Василий Георгиевич рассудил собор оной построить каменной, что и учинено не на том уже месте, а в части города, называемой Кремлем, и посвятил новосозданной храм имени пресвятыя Богородицы честнаго ея Успения, в которой и чудотворная икона перенесена была, и во оном устроил придел Федора Стратилата, сей храм и поныне существует; примечания во оном достойно то, что алтарь сооружен не на восток а на запад; причиною тому полагают, что на запад от сего места явилась чудотворная икона.

Россия недолго пользовалась спокойствием от времени нашествия татар. Ибо оные обольстясь похищенными сокровищами, паки взошли во области Российския. И шед от Ярославля вниз по Волге, намеревались Кострому разорить до основания, но князь Василий Георгиевич, собрав свои войска и взяв

с собой упомянутой чудотворной образ, с надеждою вышел противу татар, и не допуская их за две версты до города, между реками Волгою и Костромю близ одного озера, мужественно с ними сразился, и разбил их совершенно. Многих потопил в том озере, а большее число побили, пленников российских и похищенные богатства, бывшие с ними, возвратили; едва ли малое число татар могли спастись бегством. Победители возвратились с великою славою в город; а на месте, где происходило сражение, и где стоял чудотворный образ, воздвигнут был крест; а ныне тут образ Богоматери Федоровския, а озеро то названо Святым, также и деревня близ сего находящаяся подобное название получила. Победа сия Российским князьям немалую принесла пользу, ибо татара получа себе столь сильное сопротивление, со опасностью поступать уже начали.

По кончине князя Василия Георгиевича, в 1245-м году был Костромским удельным князем Василий Ярославович. А в 1271-м году сей князь восприял на себя титул Великаго князя Владимирскаго и всея России с приобщением и новаго Родскаго, пребывание же свое имел всегда в городе Костроме. При оном великом князе происходило второе изчисление народа. А в 1276 году скончался. Во время владения его город Кострома в продолжении пяти лет была столицею всего Российскаго Государства. Он погребен при прежнем соборе Федора Стратилата, что ныне Симеоновским храмом именуется, ибо при оном находилось княжеское кладбище.

Потом на великом княжении был князь Василий Ярославович, а по нем князь Димитрий Александрович, а как тогдашних времен писатели умолчали, кто был особенно удельным князем Костромским, то и полагать должно, что Кострома причислена была к Великому княжению. После, как видно по обстоятельствам, правил Костромю князь Андрей Александрович (Древний Российский летописец том 3). А потом князь Иван Дмитриевич, который хотя и правил Костромю, но жил всегда в городе Переславле. По кончине князя Ивана Дмитриевича, на уделе в Костроме был князь Борис Андреевич, который прежде правил Новгородским престолом. И по кратком времени правления своего сей князь в городе Костроме скончался. (История Щербатова том 3 и Древний Российский летописец. Часть 1).

После того между Российскими князьями происходили великие споры и несогласия. О первенстве кому быть на великом княжении; так что принуждены были лично своими особами для разбирательства между собою требовать татарского посредничества. А по сей причине город Кострома, оставшись без начальника, претерпела от некоего татарского воеводы немалое разорение, который учиня на оной город набег, сто двадцать человек умертвил, в том числе, много дворян и множество разграбил под предлогом требования дани.

В 1320 году во время великого княжения Юрия Михайловича, в городе Костроме торжествован был брак князя Константина Михайловича Тверского сына Михаила Ярославича. По чему и заключить можно, что в то время сей князь был на уделе в городе Костроме. Около тех же времен в город Кострому съезжались все российские князья на совет; что и доказывает, что город сей имел довольныя преимущества (Летописец Ломоносова).

В 1361-м году во время правления Димитрия Ивановича Московскаго проименованнаго Донским, происходила за Доном с татарским Ханом Мамаем

кровопролитная и разорительная война; тогда от города Костромы ходил противу варваров сих в передовом полку Костромской воевода Иван Родионович Квашня. По одержании совершенной над Мамаем победы, по летописям известно, что в продолжение войны сей убито костромских дворян пятнадцать. Почему отдад долг справедливости Костромскаго уезду благородным дворянам, что они и в те несправедливые времена исполняли совершенно долг сынов Отечества по всем отношениям к Отечеству и государю своему. (Синописис).

Великий князь Димитрий Иванович Донский, по обычаю других князей, ходил во орду для подтверждения себя на великое княжение, а как тогда между им и Тверским князем Михаилом Александровичем не было согласия; то Тверской князь, пользуясь его отсутствием, напал на области его, и между прочими в 1371-м году Кострому взял и посадил во оной город своих правителей, но долго ли то продолжалось, о том летописатели тогдашних времен умолчали. (Древний Российский летописец). А известно только то, что в последующее время город Кострома пришедшими от Новгорода по реке Волге разбойниками был разграблен. Да и после того, новгородцы неоднократно чинили таковые набеги на город Кострому, от чего город сей претерпевал немалое разорение.

В 1414-м году было в Костроме и Плесе на людей моровое поветрие, так сильное, что и хлеб в полях оставался нежатым. В 1416-м году князь Василий Димитриевич город Кострому повелел обнести стеною. А в 1420-м году в Костроме и Плесе опять было моровое поветрие (Что приписать можно худым предосторожностям — Древний летописец). А в 1422 году был в Костроме великий голод, так что от того многие лишились жизни; тогда в Костроме рожь покупалась по два рубли четверть (цена по тогдашнему времени чрезмерно высокая). (Краткий летописец Ломоносова).

В 1462 году по прошествии многих перемен, о чем за краткостию сего писания подробности оставляю; великий князь Василий Васильевич отдал костромское княжение сыну своему Ивану Васильевичу еще малолетному, которой будучи трехлетнего возраста получил права и титул царской и писался Царем и Самодержцем всея России. Примечания достойно, что город Кострома построен был первым владетельным князем Российским, а владение оным городом окончилось последним; ибо после князя Ивана Васильевича других владетельных князей в России уже не было.

Во время младенчества сего государя правительствовала мать его великая княгиня Елена Васильевна. Достигнувши ж оной совершенного возраста мужественно оборонялся от Литвы, крымцов и казанцов, которыя противу России совоюпно воевали.

При владении царя сего в похвалу благородным костромским дворянам упомянуть можно, что в 1536-м году в костромском уезде на реке Кореге костромские дворяне построили своим иждивением город Буй, а по тогдашнему названию Буй-городок, в преграду от разных набегов. (Что видеть можно в присланной копии с грамоты из Буя в бывшую провинциальную Костромскую канцелярию при воеводе Арсеневе).

По кончине Ивана Васильевича в 1584 году, вступил на Всероссийский царский престол сын его Федор Иванович, которой быв бездетен, наименовал при конце жизни своей по себе наследником двоюродного брата своего, Федора

Никитича Романова; но происками Бориса Федоровича Годунова, он на царство не допущен, и в 1508 году сам Борис Годунов вступил на Всероссийский престол. И по сим причинам питая Годунов ненависть на фамилию Романовых старался оную отдалить. Федора Никитича и супругу его велел постричь, которой по пострижении наречен Филаретом, а супруга его Марфою. Филарет Никитич послан был в Архангельский уезд в монастырь Антония Свискаго, а супруга его, при которой тогда находился и сын их Михайло Федорович имеющей от роду не более шести лет, в тот же уезд в деревню, недалеко от озера Онеги, где и находились они под крепким смотрением.

Незадолго до кончины царя Бориса Годунова, оказался самозванец Гришка Отрепьев называя себя царевичем Димитрием Ивановичем, которой был убит в Угличе, и через что открылись новые неурядица в России. По кончине Бориса Федоровича Годунова, в 1604 году, вступил на Российский престол сын его Федор Борисович, которой по шестинедельном только правлении лишился престола и жизни. Самозванец Гришка Отрепьев вошел в Москву яко царь, и желая при том получить народную доверенность, Филарета Никитича и супругу его с сыном их Михаилом Федоровичем из ссылки возвратил. Филарета Никитича поставил митрополитом в Ростове, а супругу его и сына их Михаила Федоровича перевел на жительство в Кострому, где и отпускалось им приличное роду их содержание. (Краткой летописец Ломоносова, и Житие Петра Великого печатанное в Венеции).

По свержении же и погублении самозванца избран был на Российский престол Василий Иванович Шуйский; однако ж Россия недолго наслаждалась спокойствием. Новый открылся самозванец, и народ колебаться начал, разделяясь на разные партии. Наконец до того дошел, что царя Василия Ивановича, свергнув с престола, постригли в иноческий образ, и отдали яко пленника королю польскому; а наместо его выбрали польского королевича Владислава, и отправили посольство в Польшу. Но доброжелатели Отечеству своему и престолу, желали таковые неурядица прекратить и свергнуть с себя иго поляков. Из коих первые были князь Дмитрий Михайлович Пожарской и нижегородский купец Козма Минин; которые собрав войска, шли вверх по Волге, были встречены в Костроме с общию радостию, и усилены тут были как деньгами, так и войсками, откудова пришел в Москву поляков выбили, и престол Российской объявили праздным. А по сему предмету из всех городов российских съехались в Москву избранные люди для выбору царя. И единодушно избрали на Российский престол Михаила Федоровича сына Филарета Никитича, что происходило в 1613-м году. Михайло же Федорович с родительницею своею в то время находился в Костромском уезде в своей отчине. Рассеянные поляки бежали из Москвы, и разделились разными небольшими толпами; узнав же они, что избран царем Михайло Федорович, устремились искать его и убить; дабы отменить тем понесенное ими. Достигши они до костромских пределов, попался им по случаю Костромского уезда дворцоваго села Домнина крестьянин Иван Сусанин, пытали его мучительски, спрашивая, где обретается Михайло Федорович? Но он, яко сын Отечества своего, скрыл от них истину, отвел их совсем в противную сторону, давши знать чрез верных своих, чтоб Михайло Федорович опасался, которой и уведомясь о том, скрылся в город Кострому в Ипацкой монастырь. Сусанин же узнав, что

Михайло Федорович находится уже вне всякой опасности, мужественно и с презрением объявил полякам, что он их обманул, которые тот же час мучительно предали его смерти. Семейство онаго крестьянина, по восшествии на престол Михайла Федоровича, получило многия от царя благоденствия, коими и поныне пользуется и о чем пространно описано будет в приличном тому месте.

По утверждении выбора отправлено было из Москвы в Кострому знаменитое и великолепное посольство к Михайлу Федоровичу с объявлением ему о избрании его царем на Всероссийский престол. Означенное посольство прибыв в Кострому, и взяв с собою Чудотворный образ Федоровския Богоматери, пришли к Михайлу Федоровичу, которой и мать его по многим отзывам, наконец убеждены были согласиться на их требование. И Михайло Федорович был возведен на Всероссийский престол в городе Костроме; а в память тому знаменитому для города Костромы происшествию, случившемуся в 1613-м году марта 14 дня, положено ежегодно праздновать Чудотворному образу Федоровския Богоматери в 14 день марта, что и поныне с сердечным усердием от всех вообще костромских жителей исполняется.

В 1645 году по кончине сего Государя вступил на Всероссийский престол сын его Алексей Михайлович, а по нем Федор Алексеевич, которой при конце жизни своей объявил наследником брата своего цесаревича Петра Алексеевича.

К чести костромских дворян еще упомянуть можно, что во время стрелецких бунтов костромские дворяне по доброй воле с своими людьми и на собственном своем иждивении, во многолюдстве ходили вооруженною рукою противу бунтовщиков. О чем свидетельствуют жалованные многим грамоты.

Во время царствования императора Петра I-го особо примечания достойно в Костроме и пределах онаго не происходило; как токмо то, что в 1719-м году Кострома учинена провинциальным городом Московской губернии и приписаны были к оной города Судиславль, Любим, Буй и Кадуй. А в 1721 году февраля 11 дня Указом повелено было с Костромского и Ярославского уездов собрать с каждого двора по два четверика ржи для доставления в учрежденныя магазейны у пристаней Белозерской, Батагинской и Крохинской. В 1725 году февраля 12 дня Указом Правительствующаго Сената повелено было в Костроме строить казармы для Уфимского и Троицкого полков, которые и построены были деревянные, но Уфимския казармы не достроились, а только построен был один полковой двор. При царствовании императрицы Анны Иоанновны во время Турецкой войны во оных казармах содержались пленные турецкие чиновники. А в 1749-м году при владении императрицы Елисаветы Петровны, город Кострома начал славиться полотняными фабриками: первой оную завел — на 500 станах, Иван Димитриев сын Угличенинов, и получил на то привилегию; по ней Иван Пименов сын Стригалев на 300 станах; Димитрий Федоров сын Волков на 200 станах, из которых работали равендуки, фланские полотна и каламенки; так же и в уезде заведены были две фабрики, одна в недалемном расстоянии от города в сельце Опалиха владения графа Романа Ларионовича Воронцова на 130 станах, и в пригороде Нерехте Михайла Пастухова на 110 станах.

1767 году императрица Екатерина Алексеевна II город Кострому ошастливила своим монаршим посещением, и от дворянства и купечества всеподданнейшее поздравление принять благоволила.

В том же году ноября 7 дня прислан в Кострому из Правительствующего Сената Указ о пожаловании оному городу герба; коего изъяснение следующее: в голубом фоне галера под императорским штандартом на гребле по реке плывущая, и изображенная натуральными цветами.

В 1770-м году еще начали заводить в Костроме фабрики, а именно: Тимофей Афанасьев сын Пыпин на 60 станок; Иван и Федор Тимофеевы дети Калашниковы на 75 станок и Степан Михайлов сын Угличенинов на 50 станок.

В 1771-м году оказалось в Костромском уезде в некоторых селениях на людях зараза, принесенная из Москвы мастеровыми людьми, но которая взятыми предосторожностями скоро была прекращена, и умерло во всем уезде не более сорока человек.

В 1774-м году в городе Костроме был пожар, от коего выгорело церковей каменных в том числе и собор 10; деревянных 5, лавок деревянных 498, анбаров 189, шалашей и полков харчевых деревянных же 74. Провинциальная канцелярия и магистрат каменные; обывательских домов купеческих 185, разночинских 174, священно и церковнослужительских 27, а всего вообще 1164 зданием. Сожаления достойно, что находившиеся в соборе древности почти все погорели, остался в целости только Чудотворный образ, и в нижнем ярусе иконостаса иконы, по материнским попечением великия Екатерины собор поновлен на поправление коего пожаловала она двенадцать тысяч рублей.

В том же году из Правительствующего Сената Указом повелено Костромскую провинцию межевать. А в 1778 году декабря 4 дня город Кострома учинен губернским городом.

Город Кострома до открытия губернии разделен был на пять частей; которые в нижеследующем означаются:

1-я часть называется Кремль и окружена была земляным валом продолговатою квадратною фигуною, с двоими воротами, ныне же остались на место оных только одни въезды, при одном из коих находится мост, первые ворота от запада назывались Спасскими, а от востока Ильинския, против первых ворот находится и ныне древнего здания собор во имя Успения пресвятыя Богородицы, в котором хранится Чудотворный образ пресвятыя Богоматери с приделом Федора Стратилата, собор сей построен был великим князем Василием Георгиевичем, которому явился тот упомянутый Чудотворный образ.

Близ собору находился Крестовоздвиженский монастырь женский, в котором жила иногда из Белозерских пределов Сицкая княжна Ксения Иоанновна, родительница царя Михайла Федоровича, и где до пребывания в Ипацком монастыре, она с сыном своим имела жительство в небольших каменных палатах, которые до случившегося в 1774 году пожара еще видны были, и здание сие после разобрано; а ныне где оной был монастырь, построен собор теплой с колокольнею каменная. Протчее же пространство места сего занималось домами, воеводским, дворянскими и церковнослужительскими. Все сие строение от случившегося пожара в 1774-м году без остатку выгорело.

2-я часть называлась Китай, и начиналася от Спасских ворот к западной стороне, имела земляной вал, которой ныне совершенно срыт, и место то сровнено; во оной части находилось церковей каменных две, провинциальная и подушные канцелярии, магистрат и соляные анбары все каменные, прочее пространство

наполнено было деревянным строением, а имянно: лавками, хлебными анбарами и обывательскими домами.

3-я часть составляла посад окружающий обе преждеписанные части города, он распространялся вниз по берегу реки Волги, начинаясь выше устья реки Костромы до устья Черной речки. Во оной части был первоначальный собор во имя Федора Стратилата деревянной, при котором и княжеская фамилия погребалась; так же и княжеский дом поблизости сего собора находился; но ныне никаких тому признаков не осталось. На сем же месте до воспоследования духовных штатов, был небольшой мужеский монастырь именуемый Семионовским; а потом испражнен и учинен приходскою церковью. В той же части находился монастырь Богоявленский мужеский же, построенный иждивением Салтыковых, которой и ныне существует, в нем строение все каменное, и между прочим палаты под именем Салтыковых, в коих из фамилии сей одна девица имела жительство несколько лет, и во все время пребывания своего во оных никуда не выходила. Сей монастырь получил великие вклады от Салтыковых, и род их тут погребался. В том же посаде и еще находился монастырь женский, именуемый Настасеин, построен близ рва второй части города Китая на берегу реки Сулы, которая ныне течения не имеет. По учинении ж духовных штатов оной монастырь испражнен. А по сторении Крестовоздвиженского монастыря в 1774 году Крестовоздвиженский монастырь переведен на сие место, по Указу Правительствующаго Синода; на месте же Крестовоздвиженского монастыря повелено строить теплою собор и архиерейский дом, что ныне и исполнено. В посаде сем было каменных церквей 24, деревянных 13, обывательских домов каменных 7; деревянных 896. Фабрик полотнянных 7, в том числе на одной производилась и шелковая работа; заводов лазорной краски и несколько кожевных.

4-я часть города, содержала в себе 2 монастыря мужских, Троицкой Ипацкой монастырь, он положение имеет при устье реки Костромы впадающей в Волгу, на правой стороне по течению оной реки Костромы по учинении Костромской епархии, епископ имеет во оном обыкновенное свое пребывание. В соборной церкви монастыря и поныне хранятся царския кресла, искусною резьбою украшенные, на коих в 1613 году царь Михайло Федорович взшел на Всероссийский престол; а в 1767-м году великая Екатерина присутствием своим их также удостоить благоволила. Второй монастырь именуется Запрудненской, от города в двух верстах, оной был первоначальной монастырь в городе Костроме. По учинении Костромской епархии, тут заведена была семинария.

5-я часть заключала в себе близ города лежащие слободы, а имянно: первая Ипатская, в ней было приходских церквей 2, из коих одна каменная, и разных обывательских домов около ста; вторая Кирпичная, в которой было 9 дворов, а жителей 29 душ; третья Рыбацкая, в ней было 7 дворов, а жителей 66 душ и наконец, пятая Татарская слобода, в которой жительствоуют и поныне татары, коих предки выехали из Золотой Орды во время завоевания Казани, и не приняв христианской веры поселены на оном месте, и ныне еще содержат магометанское исповедание; сия слобода положение свое имеет вниз по Волге на левой стороне по течению ея на самом берегу оной, возле города при устье Черной речки. В ней было 20 дворов, а жителей 61 душа.

В городе Костроме вообще состояло жителей: купечества 1-й гильдии 36, 2-й гильдии 161, мещанства 1989, разночинцов 696, а всех вообще 2971 душа. 1

Содержание

ОТ РЕДАКЦИИ	3
ОТ АВТОРА	5
ТИТУЛОВАННЫЕ И НЕТИТУЛОВАННЫЕ КОСТРОМСКИЕ ФАМИЛИИ	8
КНЯЗЬЯ ШЕЛЕШПАНСКИЕ	8
ГРАФЫ ТОЛСТЫЕ В МЕЖЕ	14
БАРОНЫ ФОН МЕНГДЕНЫ	20
МАЙКОВЫ НА КОСТРОМСКОЙ ЗЕМЛЕ	28
КРАСНОЕ-СУМАРОВОВО – ЦЕНТР ЛЬНОПРЯДЕНИЯ	34
ИСТОРИЯ СЕЛА ДУБЯНЫ	38
БОРЕЕВО – УСАДЬБА КАТЕНИНЫХ	42
ИЗ РОДА ПУРПУРОВ	48
ИСТОРИЯ СЕЛА КОКОРЮКИНА	56
МОГИЛА ГРИГОРИЯ ОСТРОВСКОГО В ПОНИЗЬЕ	63
ДЕЯТЕЛИ КОСТРОМСКОГО КРАЯ	67
А. И. ШИПОВ – ГУБЕРНСКИЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ	67
УЧЕНый-ИСТОРИК С. В. ЕШЕВСКИЙ	72
ГИМНАЗИСТ С. В. МАКСИМОВ	75
БИОГРАФИЧЕСКИЕ ВЕХИ Н. Ф. ГРАММАТИНА	79
КТО ОН, ИЛЬЯ ОГАРЕВ?	84
УЧЕНый-АРХЕОГРАФ Н. Н. СЕЛИФОНТОВ	90
НЕРЕХТСКИЙ ПОМЕЩИК А. К. БОШНЯК	93
КОСТРОМСКОЙ НАМЕСТНИК ГОЛОСТЕНОВ	96
ПРАПРАВНУЧКА ФЕЛЬДМАРШАЛА КУТУЗОВА	100
ТЕАТР ОБРЕСКОВА И ЕГО ОПЕКУНЫ	103
ПО КАТЕНИНСКОЙ ОРБИТЕ	109
ПРЕОБРАЖЕНСКИЕ КАЗАРМЫ	109
ТРИУМФАЛЬНАЯ АРКА	113
«ЧЕРДАК» КНЯЗЯ А. А. ШАХОВСКОГО	116
ЭРМИТАЖНЫЙ ТЕАТР	118
КРАСНОЕ СЕЛО	121
А. А. КАТЕНИН – КУЗЕН ПОЭТА	125
Н. И. ГРЕЧ И П. А. КАТЕНИН	137
ГРИБОЕДОВ И КАТЕНИН	148
ЛЕРМОНТОВ И КАТЕНИН	163
ПИСЕМСКИЙ И КАТЕНИН	174
ИСТИНА ГДЕ-ТО РЯДОМ	190
ЗНАТОК ВОЕННОЙ АТРИБУЦИИ – А. М. ГОРШМАН	190

БАРТЕНЕВ ИЛИ ГРИГОРОВ?	193
ХАНЫКОВ ИЛИ СЕЛИФОНТОВ?	199
ПЯТКИН ИЛИ ЛОПАТИН?	203
ПОРТРЕТ ВДОГОНКУ	206
ИКОНОГРАФИЯ А. И. ГОТОВЦЕВОЙ	210
КОСТРОМСКИЕ ПОРТРЕТЫ К. Л. ХРИСТИНЕКА	223
ХУДОЖНИК Г. Н. НОВОСЕЛЬСКИЙ	232
СКУЛЬПТУРНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ А. Ф. ПИСЕМСКОГО	236
ИКОНОГРАФИЯ П. А. КАТЕНИНА	239
ПЕЧАТНЫЕ И РУКОПИСНЫЕ РАРИТЕТЫ КОСТРОМЫ	248
ОСНОВАТЕЛИ СЕЛИФОНТОВСКОЙ БИБЛИОТЕКИ	248
СИБИРСКАЯ БИБЛИОТЕКА А. Н. РАДИЩЕВА	257
ПЛЕМЯННИЦА ПРОСВЕТИТЕЛЯ	263
МЕМОАРЫ А. Ф. ГРАММАТИНА	270
ПУТЕВОЙ ДНЕВНИК НЕИЗВЕСТНОГО	279
НЕОПУБЛИКОВАННОЕ ПИСЬМО А. П. ЕРМОЛОВА	284
КАТЕНИНСКАЯ ПСАЛТЫРЬ	289
НЕОПУБЛИКОВАННОЕ ПИСЬМО П. И. ФУРСОВА	301
БИБЛИОТЕКА ИСАКОВЫХ	305
Н. СУМАРКОВ. РУКОПИСЬ ИЗ ИСТОРИИ КОСТРОМЫ	309
КРАТКОЕ НАЧЕРТАНИЕ О ПЕРВОНАЧАЛИИ И ПРИРАЩЕНИИ ГОРОДА КОСТРОМЫ ДО ОТКРЫТИЯ ГУБЕРНИИ	311

Елена Васильевна Сапрыгина

СЛУГИ ВРЕМЕНИ

Подписано в печать 11.12.12

Формат 60x90/16

Гарнитура BodoniC

Уч. изд. л. 24,42

Тираж 500 экз.

Заказ №

ООО «Костромаиздат»

156000, г. Кострома, ул. Горная, 20А, (4942) 31-61-30

Отпечатано ЗАО «Линия График Кострома»

156019, Кострома, ул. Солониковская, 1Б

